Г. САДВАКАСОВ

ЯЗЫК УЙГУРОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

2

АЛМА-АТА · 1976

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ОТДЕЛ УЙГУРОВЕДЕНИЯ ПРИ ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Г. САДВАКАСОВ

ЯЗЫК УЙГУРОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Лексика, морфология и языковая интерференция

2

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА · 1976

Язык уйгуров Ферганской долины. Садвакасов Г. Алма-Ата, «Наука» Казахской ССР, 1976.
288 с.

Книга представляет собой продолжение лингвистических исследований, первая часть которых под тем же названием была опубликована в 1970 году.

Автор впервые в тюркологии вводит в научный оборот и обобщает богатый материал по языку уйгуров Ферганы и подвергает обстоятельному анализу его лексику и морфологию, ранее совершенно не изученные. В центре внимания также уйгурско-узбекские, отчасти уйгурско-киргизские языковые связи. Автором использован метод синхронно-системного изучения явлений: ферганский говор представлен им в виде законченной лингвистической системы.

Книга рассчитана на широкий круг лингвистов-тюркологов, аспирантов, студентов, учителей уйгурских школ, а также на всех, кто интересуется вопросами живого разговорного языка советских уйгуров.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
член-корреспондент АН КазССР
А. Т. КАЙДАРОВ

С $\frac{70103—057}{407(07)—76}$ 111—76

©Издательство «Наука» Казахской ССР. 1976 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный уйгурский литературный язык в отличие от литературного языка дореволюционной поры развивался и продолжает развиваться на демократической основе — на основе общенародного разговорного языка, на базе ведущих диалектов и говоров. В настоящее время, когда литературный язык советских уйгуров все еще находится в процессе становления и усовершенствования своих норм, изучение народных говоров приобретает первостепенную важность, ибо формирование письменно-орфографических, фонетико-орфоэпических, лексико-грамматических норм литературного языка, дифференциация стилей, выработка научных принципов терминотворчества и многие другие злободневные вопросы языкового строительства находятся в прямой зависимости от степени изученности живых народных говоров, являющихся подлинным источником обогащения литературного языка. Кроме того, общеизвестно огромное значение данных диалектов и говоров для науки, в частности в изучении материальной и духовной культуры народа, в вопросах взаимоотношения и взаимодействия родственных и неродственных народов и их языков, в создании истории языка и т. д. Всем этим и определяется актуальность и неотложность изучения говоров советских уйгуров.

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой продолжение лингвистического исследования автора под общим названием «Язык уйгуров Ферганской долины», первая часть которого опубликована в 1970 г.[1]

Настоящий, завершающий выпуск книги состоит из «Введения» и трех основных разделов. «Введение» охватывает круг таких вопросов: говоры языка советских уйгуров и их

[1] Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Очерк фонетики, тексты и словарь. I. Алма-Ата, 1970.

изучение; к истории переселения уйгуров Ферганской долины и особенности их расселения; условия образования ферганского говора, современное его состояние и особенности бытования; место ферганского говора в классификационной системе уйгурских диалектов и его отношение к литературному языку и т. д. Освещение перечисленных, а также и других этно- и экстралингвистических вопросов продиктовано необходимостью понимания сущности тех своеобразий ферганского говора, которые отличают его от других диалектных единиц общенародного уйгурского языка.

Первый раздел посвящен изучению лексики языка ферганских уйгуров. Главное внимание здесь сосредоточено на анализе состава и напластований словаря, на изучении его отличительных черт и источников возникновения диалектной лексики.

Во втором разделе подвергается анализу морфологическая структура частей речи. В нем рассматриваются также некоторые вопросы, связанные с составом слова и способами словообразования.

В образовании и формировании данной диалектной единицы, равно как умлаутных, или так называемых уйгуризованных, говоров узбекского языка, исключительная роль принадлежит уйгурско-узбекским языковым связям. Поэтому общетюркологическая по своему характеру проблема взаимодействия говоров уйгурского и узбекского языков занимает в этой работе одно из центральных мест, ей посвящается третий раздел.

В монографии применен в основном синхронный метод изучения языковых фактов. Вместе с тем использован также сравнительный метод. Общие моменты, а также специфические особенности языка уйгуров Ферганской долины устанавливаются путем сопоставления материалов изучаемого говора с фактами литературного языка и основных говоров, с данными ряда других тюркских языков, прежде всего узбекского, киргизского и казахского. В необходимых случаях привлекается сравнительный материал также из истории языка.

В отличие от некоторых диалектологов, изучающих лишь специфические особенности той или иной формы существования языка, мы выбрали несколько иную методику: нами описывается вся система ферганского говора независимо от того, совпадает данное явление с нормой литературного языка или нет. Применение метода системного изучения языковых фактов, как мы убедились, избавляет нас от нежелательных последствий односторонней характеристики говора, искажения общего представления о современном его состоянии, уж не говоря о том, что это не мешает выделить отличительные черты его.

В исследовании использован диалектный материал (преимущественно в магнитофонной записи), собранный нами во время поездок к уйгурам Ферганской долины в 1961, 1962, 1967 и 1970 гг. Иллюстрации почерпнуты из текстов, включающих в себя образцы прозаического и стихотворного языка ферганских уйгуров, частью опубликованных в нашей монографии «Язык уйгуров Ферганской долины».

В книге применяется та же фонетическая транскрипция, что и в первой части: двоеточие (:) для обозначения долготы гласных; a^o, y^o обозначают звуки, произносимые между *а* и *о*, *у* и *о*; оглушенные узкие гласные отмечены таким же образом: $y^ф$, $Y^ф$, $u^ш$ и т. д.; *к'* обозначает спирантизацию данного согласного. Сильно редуцированные, но не доходящие до нуля гласные фонемы даются в круглых скобках, напр., *к(и)ши* «человек», *б(и)рақ* «но, однако»; звук *р* в круглых скобках означает, что его употребление в составе данного аффикса или слова факультативно, напр., *балла(р)* «дети», *Қәшқә(р)* «Кашгар». Слова, необходимые для лучшего понимания перевода, но отсутствующие в самом тексте, даются в квадратных скобках. Между фонетическими вариантами одного и того же аффикса или слова ставится тильда (~).

ВВЕДЕНИЕ

Говоры языка советских уйгуров и их изучение

Изучение народно-разговорного языка современных уйгуров началось, как известно, со второй половины XIX столетия. С тех пор собран и большей частью опубликован огромный фактический материал по языку уйгуров Восточного Туркестана [1]. Лингвистические и фольклорные записи отечественных, а также зарубежных уйгуроведов ценны тем, что они производились в самых различных районах Восточного Туркестана и охватывают почти все диалекты и говоры современного уйгурского языка. В них зафиксированы такие характерные моменты, которые не только дают возможность определить место новоуйгурского языка в общей системе тюркских языков, но и позволяют также выделить самостоятельные диалекты и говоры внутри самого уйгурского языка.

Естественно, ученые-тюркологи сосредоточивали свое внимание прежде всего на изучении языка основной массы уйгуров — уйгуров Восточного Туркестана, и в этой области ими проделана исключительно большая работа. Хуже изучены диалектные особенности языка уйгуров республик Средней Азии и Казахстана. Восполнение этого пробела и является одной из актуальных проблем советского уйгуроведения. Исследование уйгурских говоров Советского Союза, оказавшихся в силу ряда социально-исторических причин в самом различном языковом (узбекском, казахском, киргизском, туркменском, русском и др.) окружении, приобретает особую важность в настоящее время, когда ставится задача перед специалистами сосредоточивать внимание на изучении формирования и развития литературных языков народов СССР, а также на закономерности их взаимовлияния и взаимообогащения на всех уровнях [2]. Интересно с научной точки зрения определить тенденцию дальнейшего развития общенародного уйгурского языка в условиях СССР и КНР. Не менее важным является вопрос о том, насколько и при каких факторах и ситуациях изменился язык советских уйгуров после их переселения из южных районов Восточного Туркестана в Ферганскую долину и из Илийского края в Семиречье.

Как известно, уйгурский язык располагает очень большим количеством письменных памятников, являющихся источником для изучения его истории. Однако отдельные языковые явления не могут быть объяснены без привлечения данных диалектов и говоров. В этом отношении говоры языка советских уйгуров представляют большой интерес, поскольку они в силу специфичности своего развития сохранили особенности, характерные для более раннего периода.

Едва ли можно отрицать, что язык уйгуров Ферганы испытывает сильнейшее нивелирующее влияние со стороны узбекского языка. Поэтому диалектные материалы по ферганскому говору и лингвистические исследования на их основе приобретают большую ценность для науки. При этом следует иметь в виду, что «с исчезновением языка в определенной степени пропадают и выработанные в нем самобытные пути воспроизведения объективной реальности и субъективных ее отражений в языке. Это относится прежде всего к образному мышлению и основанному на нем художественному творчеству. Даже если (как это бывает в большинстве случаев) при переходе на другой язык более бедная языковая система заменяется более богатой, гибкой и часто более удобной для общения, все равно с заменой одного языка другим исчезает нечто оригинальное, неповторимое, ощущается недостаток чего-то существенного для культуры и мышления данного народа. Исчезает навсегда определенная семантическая система и неповторимо закрепленные в ней культурные представления»[3]. Недаром лингвисты настойчиво гово-

[1] Имеются в виду хорошо известные тюркологам диалектные записи из Восточного Туркестана, опубликованные учеными в разное время у нас и за рубежом (Н. И. Ильминским, В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым, Н. Н. Пантусовым, С. Е. Маловым, Ю. Клапротом, Р. Шоу, А. Лекоком, Г. Ракеттом, Г. Ярингом и др.).

[2] См.: Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968; Белодед И. К. Развитие социалистических наций СССР. Киев, 1969; Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969; Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутриструктурного развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков. М., 1969 и др.

[3] Дворянков Н. А. О двух аспектах изучения языковой ситуации. — В кн.: Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970, стр. 17.

рят, что наш долг перед будущими поколениями — описать должным образом языковые изменения, свидетелями которых мы являемся.

За последние 10—15 лет языковедами Отдела уйгуроведения Института языкознания АН КазССР обследованы почти все основные уйгуроязычные поселения Ферганской долины, Семиречья и Туркмении. Так, в 1961, 1962, 1967 и 1970 гг. организованы поездки к уйгурам Ферганы, а в 1964, 1965, 1968 и 1973 гг.— к уйгурам Семиречья; в 1963 г. посетили уйгуров Байрам-Али (Туркмения).

Диалектологические материалы, собранные во время поездок к уйгурам Семиречья (Алма-Атинской, Талды-Курганской областей КазССР и северной части КиргССР), показали, что семиреченский говор языка советских уйгуров характеризуется не только своими чисто местными особенностями, связанными с географическими и другими условиями (они фиксируются преимущественно в лексике), но прежде всего наличием в нем элементов различных говоров общенародного языка, что объясняется историческими причинами. Язык уйгуров Илийской долины, переселенных сюда во второй половине XVIII в. из различных городов (Аксу, Турфан, Кашгар, Яркенд, Хотан, Хами, Кучар, Бугор, Курля и др.) Восточного Туркестана [4], очевидно, представлял собой смесь, состоящую из элементов многих уйгурских диалектов и говоров. Однако уже во второй половине XIX в., т. е. спустя более чем сто лет, в процессе слияния и смешения разнодиалектных элементов он постепенно приобрел своеобразие и стал качественно отличаться от основы, на которой возник. Что касается семиреченских уйгуров, то они после переселения из Илийского края в пределы России в 1881—1883 гг.[5] оказались в новой этнолингвистической (казахской, русской, киргизской, туркменской и др.) среде и сейчас в языковом отношении уже заметно отличаются от илийских (кульджинских) уйгуров.

Своеобразие семиреченского говора обнаруживается в фонетике, грамматическом строе, но всего более показателен в этом отношении его лексический состав. Характер флоры и фауны, свойство ландшафта, род занятий населения и другое, как следовало ожидать, нашло в нем отражение. Так,

[4] См.: Һидайәтов Ә. Или уйғурлириниң 1864-жилидики көзғилиңи. — «Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры», 1950, вып. 1, стр. 63—64.

[5] См.: Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата, 1951; Баранова Ю. Г. К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1883 гг. — «Труды сектора востоковедения АН КазССР», т. 1. Алма-Ата, 1959.

в предгорных селениях Уйгурского района колхозники выращивали мак для опийного сырья и слова, связанные с производством данной культуры, известны главным образом только жителям Уйгурского района: *хоза* — кружка, в которую собирают опиум, *гажаң* «опиум», *суҗаң* — еще не высушенный млечный сок из незрелых головок мака [6] и т. д. Но зато термины табаководства, обычные для языка уйгуров Чиликского района, совершенно отсутствуют в лексике уйгуров Панфиловского, Уйгурского и других районов, поскольку табак здесь в промышленных целях не выращивается: *попушла* «прессовать (сушеные листья табака)», *тоқунақ* «связка листьев табака», *ишнур* — нанизанные на нитку листья табака. В языке жителей села Большое Аксу Уйгурского района можно встретить номинации, сфера употребления которых весьма ограничена: *еңизман* «пень», *жис* «густой, непроходимый лес», *инәкқисир* — ранний весенний дикорастущий цветочек (желтого цвета), *холта* «чурбан, чурки», *хорхәмәк* «каперс колючий», *чүшкүн* — узкое ущелье в горах, *мойма* — силок, прикрепленный к длинному шесту (для ловли птиц) и т. д.[7] Приведенные слова не только не имеют соответствующих эквивалентов в литературном языке, они не известны даже уйгурам соседних (Панфиловского, Чиликского) районов.

К особенностям лексики семиреченского говора следует отнести наличие в нем большого количества заимствованных слов из других языков: русского (*ахран* «охрана», *әпсаңка* «официантка», *кәпратуп* «кооператив», *сәпсим* «совсем», *пирәшкә* «пирожки» и т. д.), китайского (*бәлдиң* «скамейка», *койза* — палочки для еды, *чәйзә* «баклажан», *йәңйу* «картофель» и т. д.), казахского (*қарапайим* «простой», *әсирисә* «особенно», *текқина* «только, лишь», *жапма* «шалаш», *бийә* «кобыла», *қырықтық* «ножницы для стрижки овец» и т. д.), монгольского (*шиллә* «вершина горы», *судал* «полоса», *холта* «чурбан, чурки», названия сел: *Ачиноқа, Дартамту, Чарин, Чонжа, Довун, Гомба* и т. д.).

Из специальных монографических работ по семиреченскому говору можно отметить кандидатскую диссертацию Л. А. Аганиной, написанную на основе материалов, собранных ею в Чиликском районе Алма-Атинской области

[6] См.: Баратов Ш. Әпийүн зираитигә аит қоллинилидиған профессионал сөзләр.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку, 1. Алма-Ата, 1965, стр. 110—116.

[7] Подробнее см.: Сәдвақасов Ғ. Чоң Ақсу уйғурлириниң тилидики айрим лексикилиқ өзгичиликләр һәққидә. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения», 1962, вып. 3 (22), стр. 44—55.

КазССР [8]. В монографии А. Т. Кайдарова «Развитие современного уйгурского литературного языка»[9] отведена специальная глава, в которой дается краткое описание говоров и подговоров языка советских уйгуров. Кроме того, опубликованы отдельные статьи, посвященные частным проблемам этой темы.

Язык уйгуров Ферганской долины совершенно не изучался вплоть до 60-х годов нашего столетия [10]. Первые наблюдения опубликованы нами в 1965 г., а в 1970 г.— очерк фонетики, тексты с переводом на русский язык и словарь [11].

Небольшая группа потомков семиреченских уйгуров живет в Туркмении в городах Байрам-Али, Мары и прилегающих к ним селениях Түркмәнқәлә, Қәшқәрмәлә, Ақтам. Эта группа в значительной мере оторвана от других частей уйгурского населения СССР и вот уже свыше восьмидесяти лет находится в языковом окружении туркмен, узбеков, казахов, русских, персиян и др. Это отразилось на их языке. Имеющиеся здесь особенности, главным образом лексические и морфологические, являются результатом влияния туркменского языка, а также сохранения отдельных архаичных слов и форм, вышедших из употребления в современном уйгурском литературном языке. Местное влияние отразилось в основном на речи молодежи, обучающейся в туркменских школах. Язык уйгуров старшего поколения сохранил относительную чистоту и в нем нет особых отличий от языка семиреченских уйгуров [12].

Определенная часть советских уйгуров проживает на территории Иссык-Кульской и Нарынской областей Киргизской ССР. Их язык до сих пор не исследован. Сведения, собранные

[8] См.: Аганина Л. А. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район). Автореф. канд. дис. М., 1954; ее же. Гармония гласных (сингармонизм) в илийском диалекте уйгурского языка. — «Вестник АН КазССР», 1954, № 3, стр. 30—37.

[9] См.: Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 249—319.

[10] Сравнительно подробные историко-этнографические сведения о советских уйгурах можно почерпнуть в работе Захаровой И. В. «Материальная культура уйгуров Советского Союза». — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XLVII. М., 1959, с. 215—298.

[11] См.: Сәдвақасов Ғ. Пәрғанә вадиси уйғурлириниң тили һәққидә бәзи бир мәлуматлар. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 1. Алма-Ата, 1965, стр. 60—93; его же. Язык уйгуров Ферганской долины. Очерк фонетики, тексты и словарь. I. Алма-Ата, 1970.

[12] Подробнее см.: Сәдвақасов Ғ. Түркмәнстан уйғурлири вә уларниң тили һәққидә. — «Известия АН КазССР. Серия общественная», 1967, № 3, стр. 72—87.

Н. А. Баскаковым в 1928 г. по языку пржевальских уйгуров, еще не опубликованы. Материалы же комплексной уйгурской экспедиции 1965 г. позволяют сделать лишь предварительные выводы. Уйгуры Северной Киргизии более или менее компактно представлены в городах Пржевальске, Фрунзе (восточной его части) и их окрестностях, в селениях Ирдык (Ирдық), Теплоключенка (Орус Ақсуси). В местах, где живут семиреченские уйгуры, а также в городах Токмак, Нарын, в селениях Карабалты, Сокулук, Беловодск (бывшее Аксу) встречаются небольшие группы представителей уйгуров Кашгарии, хотя их меньше, чем семиреченских.

Большинство носителей уйгурского языка Пржевальского района — прямые потомки уйгуров Алма-Атинской области Казахской ССР. Они в разное время, в основном после Октябрьской революции, мелкими группами переселялись в пределы Иссык-Куля. Так, абсолютное большинство жителей сел Ирдық и Орус Ақсуси (Теплоключенка) Пржевальского района составляют выходцы из села Большое Аксу Уйгурского района Алма-Атинской области.

Повседневное общение между собой, связи с казахстанскими уйгурами, сравнительно небольшой промежуток времени, прошедший после переселения — все это явилось причиной того, что в языке переселенцев нет особых отличий от семиреченского говора. Незначительное своеобразие, обусловленное заимствованием из киргизского, отчасти узбекского языков, отмечается в лексике: *йалпырақ* вм. *йопу:мақ* «лист» (дерева), *ув* вм. *оға* «яд», *жоғулуш* вм. *жиғилиш* «сбор», *дүргүлән* вм. *топулаң* «переполох, суматоха», *шилдиңлаш-* вм. *һәзилләш-, чеқиш-, чақчақ қилиш-* «шутить», *җумақ* вм. *чөчәк, һекайә* «сказка», *қотар-* вм. *йөткә-, авуштур-* «перевести» и т. д.

Диалектологические экспедиции, организованные Отделом уйгуроведения при Институте языкознания АН КазССР положили начало изучению диалектных особенностей языка советских уйгуров, и это уже дает свои положительные результаты. Так, собранные материалы позволяют сделать вывод о том, что в общенародном языке советских уйгуров на данном этапе его развития различаются два четко очерченных говора — семиреченский и ферганский, каждый из которых имеет в своем составе подговоры. Языки уйгуров Северной Киргизии и Туркмении не являются пока самостоятельными говорами: они по своему характеру относятся то к семиреченскому, то к ферганскому как их подговоры.

Безусловно, проблема всестороннего изучения уйгурских говоров Советского Союза — одна из актуальных и требующих дальнейшего исследования.

Как свидетельствуют исторические данные [13], уйгуры, живущие ныне в Ферганской долине, переселились сюда в основном в XIX в. Главной причиной их массового ухода из родных краев явилось создавшееся в Восточном Туркестане сложное социально-экономическое и политическое положение: тяжелый гнет маньчжуро-китайских властей и местных феодалов, расправа за участие в освободительных движениях, а также малоземелье.

Эмиграция уйгуров из Восточного Туркестана в пределы Ферганы и их размещение имели свои особенности. Прежде всего следует отметить, что переселение происходило не в одно время, как это было с переселением в Илийский край, потом в Семиречье, а постепенно, в продолжении веков, причем с различной интенсивностью. Наблюдались периоды затишья и всплески, когда эмиграция носила массовый характер. В Фергане уйгуры образовали отдельные довольно крупные селения. К их числу относятся, например, Уйгур-Кишлак, Актачи, Долан-Кишлак, Акбуйра, Артуш (в Андижанской области), Кашгар-Кишлак (в Ошской области) и др. Но наиболее характерным является то, что группы уйгуров в количестве 50—70, а иногда и более семей устраивались в городах или узбекских селениях, составляя там особые кварталы —«Қәшқәр мә:лә». Так, например, в Московском районе Андижанской области кварталы или небольшие кишлаки с названием «Қәшқәр мә:лә» (реже Қәшқәр қишлақ) встречаются в колхозах им. XXI партъезда, им. Фрунзе, им. Ленина, им. XXII партсъезда, «Узбекистан», «Коммунизм», «Ленинизм» (с. Қалмақ), в с. Шахри-Хан, в двух километрах севернее с. Шахри-Хан, и в некоторых других селениях и колхозах [14]. По свидетельству этнографов, в настоящее время уйгуры живут и работают в 79 колхозах лишь Андижанской области Узбекской ССР, не говоря уж об уйгурах других областей Ферганы [15].

Уйгуры Ферганской долины, как и уйгуры Семиречья, переселившись на новые места и образовав там новые кишлаки или кварталы, в большинстве случаев давали им имя тех селений Восточного Туркестана, из которых они вышли. Вот далеко не полный перечень их: *Азақ, А:тиш (<Артуш), Жаңгат ~ Чаңгат, Қавул, Өзичек, Пайнап, Пушман, Тоқузақ, Чоруқ ~ Шовруқ* в с. Уйгур-Қишлақ Избаскентского района Андижанской области; *Ават, Артуш ~ А:туш, Ешек'чи, Кепәк'чи, Қа°рәқи, Қо(р)ғаналди ~ Қоғуналди, Қо(р)ғантепә, Палван ~ Па:ван, Пәйзиват, Тавахчи, Тоқузақ* в с. Ақтачи Ленинского района Андижанской области; *Кепәк'вай* (ср. *Кепәк'чи), Йапчан ~ Йәпчән, Чертик* в с. Уйғур-Ават Араванского района Ошской области; *Ақышақ, Шор* в с. Долан ~ ~ Долан-Қишлақ Московского района Андижанской области; *А:тиш ~ А:туш* в с. Араван Араванского района Ошской области.

Согласно преданиям, бытующим среди старожилов с. Кашгар-Кишлак (Кара-Суйский р-н Ошской обл.), уйгуры этого селения являются потомками выходцев из Ханериқ, Пахтәк, Бешкерәм, что подтверждается наличием этих селений в Кашгарии. Едва ли можно считать случайным существование в Восточном Туркестане и Ферганской долине, а также в некоторых других районах Средней Азии и Казахстана параллельных топонимических названий, как *Созақ ~ Сузақ, Сайрам, Манкент* и др.[16].

Условия образования ферганского говора и особенности его бытования

Итак, переселение уйгуров в другую этническую среду и оторванность от своей основной массы, расселение мелкими группами в густонаселенных узбеками районах Ферганы, политическая и экономическая зависимость в дореволюционной поре, сильное культурное воздействие со стороны близкородственного народа, отсутствие школ и других культурно-просветительных учреждений на родном языке — вот те обстоятельства, при которых формировался этот говор.

Главная его особенность состоит в том, что, будучи говором переходным, он неоднотипен по своим языковым признакам и совмещает в себе специфические черты некоторых уйгурских говоров Восточного Туркестана (напр., кашгарского, отчасти яркендского и аксуйского), с одной стороны, и узбекского языка — с другой. Внутри говора отмечается целый ряд мелких диалектных единиц (подговоров), отличающихся друг от друга прежде всего наличием большего или

[13] См.: Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1962; Куропаткин А. Н. Кашгария. Спб, 1879; История народов Узбекистана. II. Ташкент, 1947; Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза и др.

[14] См.: Полевые записи автора, 1970 г.

[15] См.: Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. — В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник. II. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XLVII. М., 1959, стр. 408.

[16] См.: Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи. — «Известия АН КазССР. Серия уйгуро-дунганской культуры», 1950, вып. 1, стр. 29.

меньшего количества элементов узбекского языка. Так, например, уйгуры, компактно представленные в с. Уйгур-Кишлак (Избаскентский р-н Андижанской обл.), относительно чистым сохранили свой родной язык. Здесь не только пожилые, но и представители молодого поколения говорят на модифицированном кашгарском говоре (*чим?* вм. *ким?* «кто?», *чир-* вм. *кир-* «заходить», *силини* вм. *силэ(р)ни* «вас», *көрәп* вм. *көруп* «увидев», *әмгики* вм. *әмгиги* «его труд» и т. д.). В языке уйгуров с. Долан-Кишлак (Московский р-н Андижанской обл.), выходцев из Маралвеши, Меркита (Восточный Туркестан), сохранилось много характерных особенностей аксуйского говора центрального диалекта. Он во многом напоминает также илийский и семиреченский говоры. Уйгуры в этих селениях составляют большинство населения и всегда имеют возможность говорить между собой по-уйгурски. До начала 40-х годов здесь работали уйгурские школы. Это обстоятельство также сыграло важную роль в функционировании здесь в настоящее время уйгурского языка в устно-разговорной форме. Что касается уйгуров с. Акбуйра, Артуш (Московский р-н Андижанской обл.), то здесь наблюдается несколько иная картина: их язык испытал на себе очень сильное нивелирующее влияние узбекского языка и находится в стадии слияния с ним.

В этой связи интересно отметить случаи, когда жители даже одного и того же уйгурского селения с точки зрения языка делятся на «узбекизованных» (өзбекләшкән), «смешанных» (аралашқан) и «хорошо сохранивших уйгурскую речь» (уйгурчәни йахши сахлыган). Примером может служить с. Кашгар-Кишлак (Кара-Суйский р-н Ошской обл.). По свидетельству наших информаторов — жителей с. Кашгар-Кишлак, язык той части уйгуров данного селения, которая расположена ближе к г. Ош, узбекизован, а часть, находящаяся в противоположной от Оша стороне, говорит на уйгурском языке; уйгуры же, занимающие промежуточное положение,— на смешанном уйгурско-узбекском языке. То же самое можно наблюдать и в селении Актачи (Ленинский р-н Андижанской обл.), где много кварталов, жители которых заметно отличаются друг от друга не только этнолингвистической принадлежностью, но и степенью узбекизации. Таким образом, язык уйгуров Ферганской долины наряду с общими признаками, позволяющими рассматривать его в качестве самостоятельного говора, характеризуется вместе с тем и известной пестротой и неоднородностью.

На основе наблюдений над языком уйгуров Ферганской долины можно установить ряд экстралингвистических и этнолингвистических факторов, определяющих современное

состояние и особенности бытования изучаемого говора. Отметим наиболее существенные из них.

Очень сильное воздействие на язык уйгуров Ферганской долины оказывали и оказывают факторы демографические: малочисленность носителей говора, расселение мелкими группами на обширной территории, их разобщенность и т. д. В данном случае мы сталкиваемся с таким фактом, когда взаимодействуют узбекский и уйгурский языки, из которых узбекский является языком политически, экономически и культурно более развитой нации.

Тесно с этими связаны факторы географические. Уйгуры Ферганы, как известно, отделены от своей основной массы — от уйгуров Восточного Туркестана — государственной границей между СССР и КНР, а от семиреченских — большим расстоянием и огромными горными массивами, что послужило причиной отсутствия тесного контакта и живого общения между ними.

Мощным фактором, решительно воздействующим на характер развития ферганского говора, выступает также близость материальной и духовной культуры и общность литературной традиции уйгуров и узбеков с давних времен. Будучи закрепленной в языке, эта культурно-историческая традиция способствовала в Фергане еще большей консолидации представителей двух народов, сближению или конвергенции их языков. Уйгурский и узбекский языки, являясь близкородственными, составляют некое лингвистическое единство. Вследствие этого ферганские уйгуры часто не отличают узбекские языковые элементы от уйгурских.

Повседневная совместная работа с узбеками на производстве, учеба на узбекском языке, пользование узбекским литературном языком в общественной сфере обусловило двуязычие уйгуров Ферганы. В кругу семьи, в быту они употребляют свой язык, а в общественно-политической жизни — узбекский. Носители говора в одинаковой степени хорошо владеют родным и узбекскими языками, но в разговоре на родном языке употребляют, сами того не замечая, массу слов и выражений из узбекского языка. При беседе они в необходимых случаях легко переходят с уйгурского на узбекский или наоборот.

Таким образом, в то время как все остальные разновидности общенародного уйгурского языка развиваются по линии объединения и нивелирования их различий под влиянием литературного языка, язык уйгуров Ферганской долины в силу объективных причин переживает процесс дифференции.

Место ферганского говора в классификационной системе уйгурских диалектов и его отношение к литературному языку

Как уже отмечалось, язык уйгуров Ферганской долины до начала 60-х годов оставался вне поля зрения тюркологов. Достаточно сказать, что во всех опубликованных диалектологических исследованиях нет о нем никаких упоминаний, а в существующих классификациях диалектов уйгурского языка из-за неизученности ему не было отведено определенного места. По этой же причине не был разработан очень важный вопрос об отношении этого говора к другим диалектным единицам и к литературному уйгурскому языку. Между тем классификация диалектной системы уйгурского языка выглядела бы несовершенной без включения в нее говоров советских уйгуров, в том числе и ферганского.

Диалектные материалы и проведенные на их основе исследования в известной мере восполняют пробел. Теперь стало возможным дать более или менее полное описание фонетической системы, грамматического строя и лексического состава говора, установить черты общие с литературным языком и специфические, отличающие его от других диалектных единиц.

Уже сейчас можно прийти к выводу, что язык уйгуров Ферганской долины, хотя в значительной степени и сохраняет преемственную связь с некоторыми говорами языка уйгуров Восточного Туркестана (прежде всего с кашгарским, а также с аксуйским и яркендским), фактически представляет собой переходный тип, с присущими только ему дифференцирующими признаками во всех сферах языка. Учитывая характерные особенности, и все то, что является общим с литературным языком, он рассматривается нами в качестве одного из самостоятельных говоров общенародного уйгурского языка, входящих в состав северо-западного, или центрального, диалекта. Следовательно, к говорам центрального диалекта наряду с турфанским, кучарским, аксуйским, кашгарским, яркендским, илийским, урумчинским, комульским, карашарским, корлинским [17] относятся еще два говора — семиреченский и ферганский, которые легли в основу литературного языка советских уйгуров.

Надо сказать, что в нашей многонациональной стране создание условий для развития литературных языков, их обогащения является важным аспектом деятельности и повседневной заботой партии и правительства. С первых лет Советской власти перед тюркоязычными народами нашей страны, в том числе и перед уйгурами, встал вопрос о необходимости создания нового или обновленного литературного языка, который служил бы средством подъема и расцвета многогранной национальной культуры.

Создание литературного языка для советских уйгуров потребовало решения некоторых проблем этнолингвистического характера, к числу которых прежде всего относится вопрос о выборе опорного диалекта. Как известно, в 20-е и 30-е годы не только среди лингвистов, но и среди широкого круга работников культурного фронта возникали острые дискуссии по самым различным вопросам языкового строительства [18], в частности о том, какой из говоров языка советских уйгуров должен лечь в основу литературного языка: семиреченский или ферганский? «В результате десятилетнего (с 20-го по 30-й год включительно) научного спора и дискуссии уйгурских языковедов и работников просвещения с участием ученых-уйгуроведов Москвы, Ленинграда и союзных республик был, наконец, решен весьма принципиальный и политической важности вопрос о создании для советских уйгуров единого литературного языка на основе илийско-семиреченского и кашгарско-ферганского говоров, т. е. языка семиреченской и ферганской групп уйгуров Советского Союза»[19]. Успех в деле обеспечила свободная дискуссия и объективная научная и политическая оценка взглядов ее участников.

Анализ языка печатных изданий до 40-х годов наглядно показывает, что литературный язык советских уйгуров в этот период представлял собой синтез наиболее общих и широко распространенных фонетических и лексико-грамматических элементов указанных двух говоров. По всему видно, что при этом учитывались потребности и желания их носителей. Компромиссное решение вопроса наряду с положительными моментами имело и свои отрицательные стороны. В частности, в языке допускались дублетные формы, отражающие в одном случае особенности семиреченского говора, а в другом — ферганского. Поэтому тогда перед языковедами встал не менее важный вопрос о целесообразном и разумном отборе языковых элементов, нормирующих литературный язык. Показательно, что отдельными языковедами были внесены конкретные предложения, согласно которым литературная

[17] Подробнее см.: Тенишев Э. Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. — В кн.: Тюркологические исследования. М. — Л., 1963, стр. 137—138.

[18] Подробнее см.: Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 320—335.

[19] Там же, стр. 332.

норма должна была совмещать наиболее приемлемые элементы этих говоров. Так, например, А. Мухаммади в качестве нормы предлагал семиреченские формы *алмайду* (вм. ферг. *аммайдо*), *болуп* (вм. ферг. *болап*) и, наоборот, ферганские варианты *өтүки* (вм. семир. *өтүги*), *қулуқи* (вм. семир. *қулуғи*) и т. д [20].

На выборе нормализующей основы не могли не сказаться условия, при которых функционировали семиреченский и ферганский говоры в послевоенный период. Перемещение культурных очагов уйгуров из Ташкента и Андижана в Алма-Ату, бурное развитие в Казахстане уйгурской национальной культуры, просвещения, печати, искусства и другие факторы выдвинули семиреченский говор на передний план и подняли его роль в формировании литературного языка. Отдельные языковые элементы ферганского говора, которые первоначально употреблялись в качестве литературной нормы, в этот период заменялись соответствующими эквивалентами семиреченского говора. В результате степень участия ферганского и семиреченского говоров в формировании и дальнейшем развитии литературного языка советских уйгуров оказалась далеко не одинаковой. В этом процессе язык уйгуров Семиречья занимает доминирующее положение. Однако, несмотря на несколько обособленный характер ферганского говора, он может служить одним из источников, способствующих обогащению литературного языка. Здесь заслуживает особого внимания словарный состав говора, т. е. те слова и выражения в нем, которые не имеют своего эквивалента в литературном языке. Понятно, что лексические элементы подобного рода смело могут быть введены в литературный оборот и превращены в общее достояние.

[20] См.: ئا.مۇھەممەدی. مەسیلە چیڭ. «کەمبەغەللەر ئاۋازی»، 1927، 28 مارت، 1 ئاپریل.

ЛЕКСИКА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Лексические особенности местных говоров уйгурского языка, складывавшиеся в течение длительного исторического развития как на территории Восточного Туркестана, так и в отдельных районах республик Средней Азии и Казахстана, еще ждут всестороннего исследования. Первоочередной остается задача сбора материала. Особенно это относится к говорам языка советских уйгуров, планомерное изучение которых началось лишь в последние годы. Однако имеющийся в нашем распоряжении фактический материал по ферганскому говору позволяет сделать некоторые обобщения и прийти к определенным выводам о составе его лексики и ее отличительных чертах, об источниках возникновения диалектизмов и т. д.

Наблюдения показывают, что ферганскому говору присущи те же лексико-семантические закономерности, которые свойственны и литературному уйгурскому языку [1]: многозначность, омонимия, синонимия, отношения антонимии, всевозможные типы устойчивых словосочетаний и т. д. Приведем примеры.

Многозначные слова. **Ағыз** 1. рот, уста; 2. отверстие, дыра; 3. жерло, дуло; 4. комната (*икки ағыз үй* «двухкомнатный дом»). **Адаш** 1. друг, приятель; 2. любовник, любовница. **Там** 1. стена; 2. плоская крыша дома. **Әйт-** 1. говорить, сказать; 2. петь. **Тәг-** 1. касаться, трогать; 2. выйти замуж. **Һава** 1. воздух; 2. погода. **Чеккә** 1. висок; 2. окраина, край (*Өзгәнниң чеккәсидә* «на окраине Узгена»). **Чақ** 1. колесо; 2. точилка и т. д.

Омонимы. **Ат** I имя, название; II лошадь. **Бәләт** I высокий; II билет. **Биләк** I предплечье; II отдельный, отдельно.

[1] Кайдаров А. Т., Сәдвақасов Ғ., Талипов Т. Һазирқи заман уйғур тили. 1 қисим. Лексика вә фонетика. Алмута, 1963.

Бүгән I вид кустарника; II сегодня. **Йағ** I масло; II сторона. **Қала-** I топить (поддерживать огонь); II смотреть. **Мақал** I пословица; II волосы под серединой нижней губы у человека. **Мор** I печать, штамп; II название шестого года двенадцатилетнего животного цикла. **То** I гора; II сеть. **Улақ** I козленок; II прививка, колировка и т. д.

Синонимы: *ада бол-* ~ *тамам бол-* «кончаться, завершаться, иссякать»; *айаз* ~ *савуқ* «холод»; *сөй-* ~ *өп-* «целовать»; *ачқы* ~ *кәлит* «ключ»; *ашпәз* ~ *павыр* «повар»; *дәрәш* ~ *бегиз* «шило»; *кәсәл* ~ *бетап* «болезнь»; *бойтақ* ~ *сувай* «холостой»; *гәзнә* ~ *репидә* ~ *йәңчә* «рукавица в виде круглой плоской подушечки (с ее помощью прилепляют лепешки к стенкам тандыра)»; *җәңҗәл* ~ *топалаң* «суматоха, скандал»; *ек-* ~ *тер-* «сеять, садить»; *ишқин* ~ *кәрмәк* «пучки»; *кекси* ~ *қәри* «старый (человек)»; *кәттә* ~ *йоған* ~ *чоң* «большой»; *тағы* ~ *йәнә* «еще»; *тайақ* ~ *калтәк* «палка»; *топақ* ~ *новас* «бычок в возрасте 2—3 лет» и т. д.

Антонимы: *аз* «мало» — *көп* «много»; *ақ* «белый» — *қара* «черный»; *илгәри* «вперед» — *кегин* «назад»; *савуқ* «холодный» — *иссиқ* «горячий»; *татлығ* «сладкий» — *аччығ* «горький»; *өләк* «мертвый» — *тирик* «живой» и т. д.

Устойчивые словосочетания: *бағры таш* (досл. печень его — камень) «жестокий»; *бел бағла-* (досл. привязать поясницу) «стремиться к чему-либо, взяться за что-либо»; *назук бәдән* (досл. нежное тело) «красавица»; *қамча бойлуқ* (досл. ростом как плеть) «стройный, изящный»; *қарғыш ал-* (досл. взять проклятие) «быть проклятым»; *қара бағла-* (досл. привязать черное) «быть в трауре»; *көзниң йағыни йә-* (досл. ест жир глаза) «привлекать, притягивать взор, радовать взор»; *тайақ йә-* (досл. есть палку) «быть побитым, получить побои»; *пеша: нә териси* (досл. пот лба) «честный труд»; *а: паңни хам орығаммидем!* (досл. недозрелый ячмень твой, что ли, я косил!) «что я тебе плохого сделал, чем я виноват перед тобой!» и т. д.

Специальное изучение каждого из указанных типов лексико-семантических связей требует привлечения достаточно обширного материала, и лишь тогда возможно наиболее полное выявление диалектной специфики. Тем не менее имеющийся лексический материал позволяет заметить, что синономов в говоре больше, чем в литературном языке. Например: *ғилдирәк* ~ *чақ* (лит. *чақ*) «колесо»; *постон* ~ *җува* ~ ~ *җуга* (лит. *җуга*) «шуба»; *гирәнис* ~ *чегири* (лит. *чегара*) «граница»; *аччих су* (досл. горькая вода) ~ *ук'сус* ~ *сиркә* «уксус» и др. Как видно из примеров, в лексике языка ферганских уйгуров бытуют параллельно с литературными эквивалентами и местные слова, которые входят в состав си-

нонимических рядов, причем большинство из них заимствовано.

Обилие дублетов-синонимов в говоре объясняется прежде всего тем, что он (говор) относительно свободен от каких бы то ни было условностей: для него не обязательны те установленные принципы и правила, на которых непременно основывается литературный стандарт при заимствовании иноязычных слов. Сосуществованию многочисленных дублетов-синонимов способствует еще и то, что его носители в своем большинстве двуязычны.

В лексике говора образование омонимов происходит несколько своеобразно. Особый интерес представляет в этом отношении объединение разных по происхождению языковых единиц по чисто формальному признаку, т. е. заимствованные слова получают соответствующее фонетическое оформление благодаря лексической аналогии: известный внешний вид слова распространяется путем ассоциаций языковых представлений на лексические единицы, которым раньше был свойствен другой внешний вид: *аварә* (<авария) по аналогии с *аварә* «беспокойство, суета, мучение, страдание»; *вадықашқа* (<водокачка) по аналогии с *қашқа* «отметина» (белое пятно на лбу у животных); *исрапул* (<стропило) по аналогии с *Исрапул* — мужское имя; *истарчи* (<старший) по аналогии с *-чи* — аффикс профессии; *кесәк* ~ *кәсәк* (<косяк, брус) *йағач* по аналогии с *кесәк* «кирпич»; *пунтам* (<фундамент) по аналогии с *там* «стена»; *чечән* (<чечен, чеченец) по аналогии с *чечән* «красноречивый; чистоплотный»; *һәптийәк* (<аптека) по аналогии с *һәптийәк* — часть корана; *Шерипидин* (<Щербинин) по аналогии с *Шерипидин* — мужское имя. Ср. также: *базарқом* (<базарком — базарный комитет); *божа* (<вожжи), *гезәрмә* (<казарма), *кәңсала* (<канцелярия), *пилтә* (<плита), *рисқут* (<расход), *чот* (<счет), *үчхоз* (<учхоз), *галастуқ* (<галстук) и др.

Аналогичные примеры можно найти почти во всех тюркских языках. Так, проф. Г. Мусабаев приводит ряд заимствованных слов в разговорном казахском языке, подвергшихся изменению по народной этимологии. Он пишет, что «слово автомобиль... в народе изредка произносится как *аттама*+ +*бел*, что означает *аттама* (шагающий), *бел* (хребет), получается — переваливающийся через хребет. Слово *совхоз* изредка произносили как *сақ*+*боз*, что означает: *сақ* (бдительный) *боз* (прозрачный)... Точно так же первая часть слова стол — *үст*+*ел* — означает верх чего-либо, вторая — народ, массу. Слово *электр* (основа слова) встречается в виде *ілік*+ +*тір*, что означает зацепить или включить. Слово *прокурор*, измененное на казахский лад, иногда употреблялось и в виде

бір+корол, т. е. единственный король, хотя по содержанию оно не соответствовало»[2]. К. К. Юдахин отмечает, что слово *паспорт* в разговорной речи северных киргизов произносится как *баш буучу* [3], по аналогии, очевидно, с исконным словом *баш* «голова».

В народных говорах узбекского языка исследователями зафиксировано множество русизмов, фонетически оформленных по образцу собственных или ранее заимствованных слов: *қорйол* (<курьер), *индивәлә* (<инвалид), *бәнәвот* (<виноват), *пәлтон* (<пальто), *әворә ~ әвәрә ~ әвәрйә* (<авария)[4]. Ср. *пәмилдары* (<помидор), где *пәмил* «фамильный (напр., *пәмил чай* — фамильный чай)» и *дары* «лекарство, лечебное средство».

Таким образом, народная этимология служит одной из причин не только семантического, но и фонетического преобразования заимствованных слов. Как видно из примеров, данное явление обусловлено потребностью сделать понятным иноязычное слово путем его сближения со словом родного языка.

Для изучаемого говора, так же как и литературного языка, характерно наличие активного и пассивного запаса слов. Наряду с жизненно важным основным словарным фондом, употребляющимся его носителями в повседневном общении между собой, имеется лексический пласт весьма ограниченного употребления, который сохранился преимущественно в языке носителей старшего поколения. Так, например, при наличии соответствующих эквивалентов собственно тюркского происхождения в ферганском говоре сохранились заимствованные из арабо-иранских языков слова: *мушт* (ир.) «мышь», *бәқәр* (ар.) «корова», *пәлән* (ир.) «тигр», *һәргүш* (ир.) «заяц», *ләһән* (ир.) «рыба», *мор* (ир.) «змея», *аспи* (ир.) «лошадь», *гөспән* (ир.) «баран», *һәмдунә* (ир.) «обезьяна», *мурқ* (ир.) «курица», *сәк* (ир.) «собака», *ҳок* (ир.) «свинья», употребляемые среди стариков лишь в качестве названий годов двенадцатилетнего животного цикла.

* * *

По отношению к литературному языку советских уйгуров и по степени распространения лексику уйгуров Ферганской долины можно подразделить на три основные группы.

[2] Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык. I. Лексика. Алма-Ата, 1959, стр. 60—61.

[3] См.: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 119.

[4] См.: Жураев Б. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари лексикаси. — В кн.: Ўзбек шевалари лексикаси. Ташкент, 1968, стр. 175.

К первой относится общенародная лексика, не имеющая территориальных ограничений в употреблении. Данная группа, охватывающая основную часть лексики говора, является в то же время принадлежностью литературного языка. Так, например, слова *айақ* «нога», *ат* «лошадь», *анар* «гранат», *баш* «голова», *бир* «один», *биз* «мы», *йахши* «хороший», *үч* «три», *чай* «чай», *шу* «тот», *тез* «быстро» и другие употребляются на всей территории распространения общенародного уйгурского языка.

Вторую группу составляет собственно диалектная лексика, не входящая в состав литературного языка. Например:

В говоре	В лит. языке	Значение
ақ жө:рә	*гөләң*	сорго
ақырчөп	*апқут*	задник
алмыхан	*тийин*	белка
бурды	*парчә*	кусок, ломтик
дәм	*көрүк*	кузнечный мех
дол	*мөлдүр*	град
е:тәк	*чөчәк*	сказка
җиззә	*җигитәк*	шкварка
җүдә	*наһайити*	очень
мәккә	*көмүқонақ*	кукуруза
новас	*топақ*	бычок
пайтешә	*бегән*	плотничный инструмент
парақ	*ғәлвир*	решето
пәрмә	*бурға*	сверло, бурав
секин	*аста*	тихо, медленно
сойлақ	*сулу*	овес
сувур	*давхан*	сурок
үстүн	*түврүк*	столб
чәп	*сол*	левый
чачиқ	*ләңгә*	полотенце

Известная часть слов из этой группы не имеет своего эквивалента в литературном языке и в определенных условиях может послужить одним из источников его пополнения. Например: *бүгән* — вид кустарника; *гүзә* — оживленная, центральная часть деревни, маленький базар; *дарайи* — сорт винограда; *чарас* — сорт винограда; *дәкән* «бойцовый петух»; *деврезә* — сорт риса; *йарма улақ* «прививка глазком»; *қамәт* «бакенбарды»; *қәйим анар* — сорт граната; *кумсәвзә* — один из сортов материи для халата; *қурақ* — вид травы; *қызылмүчәк* — вид травы и т. д.

Большой научный интерес представляет также третья группа слов, которая занимает как бы промежуточное положение между приведенными выше двумя группами. Это слова, имеющие общее происхождение со своими литературными эквивалентами, но отличающиеся от них либо семантикой, либо фонетической или морфологической структурой, либо стилистическим своеобразием и т. д. Так, например, в литературном языке словосочетанием *чоң дада* передается значение «дядя» (старший брат отца или матери), тогда как в говоре означает «дед», а литературное *бова* «дед» в говоре употребляется в значении «прадед». Слово *индин* — в литературном языке «через два дня» (т. е. третий день), а в говоре — «послезавтра». Местоимению *шундақ* «такой» в говоре соответствуют фонетические дублеты *шундәй ~ шундий ~ ~ шунәқә*, числительному *бир* «один» — *би ~ бий ~ биж*, глаголу *кир-* «заходить» — *чир- ~ чи- ~ чий-* и т. д.

Естественно, при изучении лексики ферганского говора мы не ограничиваемся только выявлением ее отличительных черт (т. е. слов, входящих во вторую и третью группы), так как «... явный крен в сторону усиленной фиксации только резко выраженных узкодиалектных и традиционных черт, исключая общенациональные признаки и формы, общие с литературным языком, может привести к односторонней характеристике говора, к искажению общего представления о современном его состоянии»[5].

СОСТАВ ЛЕКСИКИ ФЕРГАНСКОГО ГОВОРА

Лексический состав ферганского говора в основном совпадает с лексическим составом литературного уйгурского языка. Как в говоре, так и в литературном языке представлены примерно тот же общетюркский пласт лексики и заимствованные слова, отражающие собой в целом единый путь исторического развития уйгуров. Однако при всей общности и сходности в основных чертах в лексическом составе ферганского говора обнаруживаются диалектные особенности. Они приобретены им в течение периода, прошедшего с тех пор, как носители данного говора оказались относительно обособленными и оторванными как от восточнотуркестанских, так и казахстанских уйгуров. Причиной своеобразного развития изучаемого говора можно считать также этнолингвистическое окружение, в котором основная масса уйгуров Ферганы живет уже 100—150 лет.

[5] Решетов В. В. Монографическое изучение диалектов. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 2. Баку, 1960, стр. 61—62.

Словарный состав ферганского говора представляет собой результат длительного развития. В нем представлены самые различные по времени возникновения и по происхождению слова. Рядом с исконными — заимствованные, с бытующими издавна — новейшие. «Уйгуры с древнейших времен непосредственно соприкасались с родственными тюркоязычными племенами, китайским народом и с различными монгольскими племенами, в результате чего в уйгурский язык начали рано проникать иноязычные элементы. В качестве наиболее ранних заимствований можно выделить китайские и монгольские; из тюркоязычных заимствований более старыми являются киргизские языковые элементы. В дальнейшем в уйгурский язык проникают карлукские, огузские и незначительное количество кыпчакских элементов. После переселения уйгуров в Восточный Туркестан в связи с расширившимися торгово-экономическими отношениями уйгуров, а затем и в связи с принятием ислама в уйгурский язык заимствуются персидские и арабские (через посредство персидского языка) слова.

В V—X вв. в уйгурский язык вошло большое количество китайских, согдийских и санскритских слов благодаря переводу на уйгурский язык религиозных книг буддийского и манихейского содержания»[6]. В дальнейшем на уйгурский язык оказывали и оказывают большое влияние русский (в основном после Октябрьской революции) и узбекский языки. Все это, безусловно, не могло не наложить свой отпечаток на словарный состав изучаемого говора.

Таким образом, лексика ферганского говора в том виде, в каком она существует в настоящее время, наиболее ярко отражает тот сложный путь, по которому прошли его носители за свою историю. Если ее рассматривать с точки зрения происхождения, то можно выделить следующие основные пласты:

1. Собственно уйгурский (или общетюркский), куда условно можно отнести также тюрко-монгольские параллели.

2. Заимствования из следующих языков: а) персидского, б) арабского, в) китайского, г) русского и советско-интернационального, д) узбекского [7].

[6] Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 16—17.

[7] Узбекские элементы (в том числе и лексические), бытующие в ферганском говоре, рассматриваются нами отдельно в разделе «Взаимодействие диалектов уйгурского и узбекского языков».

СОБСТВЕННО УЙГУРСКИЙ (ИЛИ ОБЩЕТЮРКСКИЙ) ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПЛАСТ

Основным и важным пластом словарного состава ферганского говора являются собственно уйгурские слова, унаследованные от общетюркского языка-основы, послужившего источником для всех современных языков тюркской системы. К данному лексическому пласту относятся также слова, возникшие в последующие этапы развития уйгурского языка на базе словообразовательных средств. По нашим наблюдениям, собственно уйгурские слова в нем составляют примерно 60% (фонетические варианты одного и того же слова при подсчете не учитывались). Они же определяют специфику всего словарного состава говора, особенности его системы и пути развития и обогащения. Лексика этого слоя является активной и употребительной в повседневном общении; собственно уйгурские слова в речи его носителей именуют жизненно важные понятия и явления действительности. Именно этой жизненностью объясняется устойчивость и долговечность бытующих в говоре собственно уйгурских слов. В подавляющем большинстве своем эти наименования встречаются в самых ранних письменных памятниках.

К собственно уйгурскому пласту лексики говора относится значительная часть слов, в одинаковой степени характеризующих как тюркские, так и монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, которые благодаря наличию общих типологических черт составляют алтайскую семью языков. Исследования тюркологов и монголистов, посвященные проблеме генетического родства алтайских языков, все больше и больше убеждают нас в том, что общие тюрко-монгольские и тунгусо-маньчжурские языковые элементы являются, скорее исконными, чем результатом взаимодействия этих языков [8]. И действительно, в указанных языках, кроме всего прочего, довольно широко представлены такие сходные фонетические [9], морфологические [10] и лексические (напр., глагольные

[8] См.: Номинханов Ц. Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1966, стр. 9; Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. Ч. 1. Фрунзе, 1959, стр. 27, 227.

[9] См.: Кайдаров А. Т. Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 57—67.

[10] См.: Баскаков Н. А. Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков. — ВЯ, 1970, № 4, стр. 43—53; Кенесбаев С. К. К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности (на материале некоторых грамматических явлений казахского языка). — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, стр. 322.

основы) элементы, которые отличаются от остальных языковых категорий своей колоссальной устойчивостью и непроницаемостью [11].

О генетической близости языков, входящих в алтайскую семью, определенно высказались многие тюркологи и монголисты. Так, проф. Н. А. Баскаков пишет: «Древнейшим периодом в формировании лексики языков тюркской группы является та отдаленная эпоха, когда предки современных тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других племен — многочисленные родовые союзы и племена, говорящие на близких наречиях,— еще не были в достаточной мере дифференцированы между собой и не составляли отдельных народов с определенными, установившимися структурами языков.

Таким образом, наиболее древним слоем лексики языков тюркской группы является лексический слой, общий для многочисленных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских родов и племен, консолидировавшихся позже в более крупные племенные союзы» [12].

Предлагая схему развития алтайских языков, в которой как бы объединяются и синтезируются обе основные теории о происхождении алтайских языков — теория генетического их родства и теория образовавшегося родства в результате взаимодействия в период длительных контактов, Н. А. Баскаков заключает: «Итак, можно констатировать, что помимо общих типологических черт алтайских языков, огромного общего фонда их лексики всех отраслей (включая слова, обозначающие не только предметы, но и статистические и динамические признаки, местоимения, служебные слова, слова образо- и звукоподражательные), во многих деталях общей системы словообразования, а также весьма сходной фонологической структуры алтайские языки обладают, по существу, и общей структурой словоизменения. Чрезвычайная близость в алтайских языках личных аффиксов, аффиксов принадлежности и аффиксов падежей, т. е. тех грамматических показателей, которые относятся к показателям категорий, непроницаемых при взаимодействии неродственных языков, и которые, следовательно, не могут быть заимствованы из

[11] Серебренников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка.— В кн.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952, стр. 205—207.

[12] Баскаков Н. А. Состав лексики каракалпакского языка и структура слов. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков (далее сокращенно — ИСГТЯ). IV. Лексика, М., 1962, стр. 69.

одного языка в другой, убедительно свидетельствует о генетическом единстве алтайских языков»[13].

Крупный советский монголист Б. Я. Владимирцов в своей известной «Сравнительной грамматике...» пришел к выводу о том, что «монгольский язык, как это показывают ряды соответствий, находится в ближайшем родстве с языком тюркским, вместе с которым он переживал общую эпоху; это значит, что языки монгольский и тюркский представляют из себя две разные формы развития одного общего языка, который сам, в свою очередь, восходит к алтайскому языку»[14].

Приведем слова, общие уйгурскому и эвенкийскому (тунгусскому) языкам:

Эвенкийские [15]	Уйгурские
амака «дядя» (старший брат отца, матери)	*әмәки* «дядя» (со стороны отца)
акай, акин «младший брат отца, матери»	*ака ~ аға* «старший брат»
алаг «пестрый»	*ала* «пестрый»
алтан «золото»	*алтун* «золото»
арал «лесной островок в степи»	*арал* «остров»
босого «порог»	*босуға* «порог»
бадя «зять»	*баҗа* «свояк»
бай «богатый»	*бай* «богатый, богач»
болот «сталь»	*полат* «сталь»
бутунну «весь, все, вся»	*пүтүнләй* «целиком, полностью, всецело»
гунан «бык 3-х лет»	*ғунан* «жеребец, бык по третьему году»
инме «игла»	*жиңнә* «игла»
катун «жена богатыря» (в сказках)	*хотун* «женщина»
конин «овца»	*қой* «овца, баран»
доколок «хромой»	*токо(р)* «хромой»
си (вин. *синэ*) «ты»	*сән ~ сен* «ты»
би (вин. *бинэ*) «я»	*мән ~ мен* «я»
силгинде «дрожать»	*силкин-* «отряхиваться»
сура: «спросить»	*сора-* «спросить»
эне «мать, мама»	*енә ~ ана* «мать»

[13] Баскаков Н. А. Ареальная консолидация.., стр. 48.

[14] Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 45—46.

[15] Эвенкийские слова даны по кн.: Василевич Г. М. Эвенкийско-русский (тунгусско-русский) словарь. М., 1940; его же. Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. М., 1948.

Тюркские и тунгусо-маньчжурские языки на современном этапе представляют собой системы, более отдаленные друг от друга, и вследствие этого лексические параллели общего происхождения здесь обнаруживаются сравнительно реже, нежели в тюркских и монгольских языках. Достаточно привести следующие примеры, чтобы убедиться в этом.

Имена существительные

Монгольские [16]	Уйгурские	Значение
ав	*о:(<ов<ав)*	охота, облава
овоо	*ова*	куча, груда
алга	*алқан*	ладонь
алим	*алма*	яблоко
адаг	*адақ ~ айақ*	конец
алтан	*алтун*	золото
амбаар	*амбар*	кладовая
анар	*анар*	гранат
арал	*арал*	остров
аргамак	*арғымақ*	аргамак
аргамжаа	*ағамча*	веревка
арслан	*арсилан*	лев
баатар	*батур*	богатырь, герой, витязь
баз	*баҗа*	свояк
бал	*бал*	мед
балт	*палта ~ балтә*	топор
бандан	*бәлдиң*	скамейка
буга	*буға*	олень
будаг	*бойақ*	краска
буурцаг	*почақ*	горох
бух	*буқа*	бык-производитель
булчин	*булҗуң*	мускул, мышца
сал	*сал*	плот
саримсаг	*самсақ*	чеснок
тахим	*теқим*	коленный сгиб
харцага	*қарчиға*	ястреб
нөхөр	*нөкәр*	товарищ, друг
төмөр	*төмүр*	железо
эн	*эн*	ширина
элчин	*элчи*	посланник
туг	*туғ*	знамя

[16] Монгольские слова даны по кн.: Монгольско-русский словарь. Под общей ред. А. Лувсандэндева. М., 1957.

цог	*чоғ*	горящий уголь
хамар	*хамар*	нос, ноздря
хаан	*хан*	царь
хаван	*қаван*	кабан
хавирга	*қовурға*	ребро
хад	*хада*	скала, утес
цэцэг	*чечэк*	цветок

Глагольные основы

Монгольские	Уйгурские	Значение
авлах	*о:ла-*	охотиться
баглах, боох	*бағла-, боғ-*	связывать, обвязывать
хадах	*қада-*	прибивать, приколачивать, пришивать
төлөх	*төлә-*	платить, оплачивать
саах	*сағ-*	доить
хатуурах	*қатур-*	затвердевать
харах	*қара-*	смотреть, видеть
асрах	*асра-*	ухаживать, заботиться, опекать
баяжих	*бейи-*	богатеть, обогащаться
болох	*бол-*	становиться, делаться
бордох	*бо:да-*	откармливать
магтах	*махта-*	хвалить, славить
тарах	*тара-*	расходиться, рассеиваться
төрөх	*төрәл-*	рождаться, появляться
төөрөх	*төрә-*	блуждать, плутать, заблуждаться
сунах	*сун-*	тянуться, растягиваться

Имена прилагательные, наречия и др.

Монгольские	Уйгурские	Значение
ал	*hал*	алый, красный
алаг	*ала*	пестрый
амраг	*амрақ*	любимый, милый
ариг	*ерик*	чистый
хөх	*көк*	синий
сэрэг	*сә:гәк*	чуткий, осмотрительный, осторожный
цохор	*чоқур*	рябой
хар	*қара*	черный
хүрэн	*күрәң*	коричневый, бурый
хатуу	*қаттиқ*	твердый, жесткий

эрт	*эртә*	рано
арай	*аран*	едва, еле, кое-как
бор	*боз*	серый, сивый (о масти)
дүлий	*дүләй*	глухой, тупой
хонгор	*қоңур*	буланый (о масти)
бүтэн	*пүтүн*	целый, цельный
хашин	*қашаң*	ленивый (о коне)
цэцэн	*чечән*	умный, мудрый
тэн	*тәң*	равный, одинаковый
элбэг	*әлвәк*	обильный, изобилующий

Нельзя думать, что все тюрко-монгольские лексические параллели берут свое начало от той эпохи, когда предки современных тюркских и монгольских народов говорили на очень близких друг другу племенных языках, чей лексический состав был относительно единым. В последующие, более поздние эпохи, особенно в период монгольских завоеваний, уже задолго до того вполне дифференцированные тюркские и монгольские языки находились в состоянии взаимодействия. Следовательно, среди слов этой группы должен быть выделен еще и лексический пласт, представляющий собой результат заимствований тюркскими языками из монгольских. Однако выделить эти заимствованные слова из общего исконно тюрко-монгольского лексического фонда бывает затруднительно вследствие того, что грань между исконными и заимствованными словами с течением времени стерлась.

Усилия тюркологов, направленные на выяснение объема и характера распространения среди тюркских языков монгольских лексических заимствований, пока еще не дали ощутимых результатов. Но в исследованиях последних лет, посвященных тюрко-монгольскому языковому взаимодействию, ученые обратили внимание на одно важное обстоятельство. Известно, что язык заимствует извне то, что было необходимо народу для общения. А заимствованные же слова довольно хорошо отражают сходство уклада общественной жизни и быта народов, соприкасающихся друг с другом. Так, например, казахский, киргизский и монгольский языки имеют относительную общность в области терминов животноводства [17], поскольку носители указанных языков в прошлом занимались преимущественно скотоводством и вели кочевой образ жизни.

---

[17] См.: Сыдыков С. К изучению тюрко-монгольских лексических параллелей. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, стр. 12—25.

Что касается взаимоотношения уйгуров и монголов, то оно имеет иной характер. Уйгуры, оседлые задолго до монгольского периода и имевшие высокую для своего времени культурную традицию, играли немаловажную роль в управленческих делах завоевателей — монголов. С. Е. Малов пишет: «... монголы времени Чингиз-хана (1155—1227) были ниже по культуре своих соседей уйгуров... Носителями культуры среди монголов, их первыми учителями и чиновниками в разных концеляриях и были тюрки-уйгуры. Хранителем печати, например, при дворе Чингиз-хана был уйгур по имени Таш-атун. Чингиз-хан поручил обучение своих детей и многих других монгольских юношей знатных фамилий учителям из уйгуров. Монгольские юноши учились уйгурскому письму, чтобы составить, по приказанию Чингиз-хана, монгольское уложение, свод обычного монгольского права.

Монголы позаимствовали от уйгуров кроме алфавита еще многое, что отразилось на их языке. Вместе с новыми буддийскими понятиями монголы заимствовали от уйгуров и новые слова. Как теперь все более и более выясняется, многочисленные буддийские термины у монголов — уйгурского происхождения»[18].

В свою очередь, в этот период и позже уйгурский язык не мог не испытывать на себе влияние монгольского языка. Именно этим влиянием объясняется наличие в уйгурском языке административно-управленческих и военных терминов монгольского происхождения: *аймақ* «округ»; *дорға* «начальник, старшина, председатель»; *йарлық* «указ, распоряжение»; *йосун* «порядок, обычай»; *орда* «дворец»; *қурултай* «съезд»; *қошун* «войско»; *чирик* «воин, солдат».

В этой связи следует отметить также, что среди слов, общих для тюрских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, отмечается некоторое количество лексических единиц иранского, арабского и китайского происхождения. К ним относятся, например, уйг. *батур,* монг. *баатар* (ар.) «богатырь, герой, витязь»; уйг. *әмәки,* тунг.-маньчж. *амака* (ар.) «дядя со стороны отца»; уйг. *бәлдиң,* монг. *бандан* (кит.) «скамейка» и т. д. Можно предположить, что определенное число подобных заимствований проникло в монгольский и отчасти в тунгусо-маньчжурские языки через посредство тюркских языков.

Позднейшее влияние монгольских языков на ферганский говор не наблюдается, тогда как в семиреченском говоре обнаруживается значительное количество слов, монгольское

[18] Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951, стр. 105.

происхождение которых не подлежит сомнению [19]. В одном лишь Уйгурском районе Алма-Атинской области КазССР встречается множество названий населенных пунктов (*Ғалжат, Ачиноқа, Довун, Долата, Гомба, Удута, Чонжа, Чарин, Хонхай, Жағистай, Бөдутә, Дардамту* и т. д.), свидетельствующих о непосредственном общении в недавнем прошлом местных уйгуров с монголоязычными племенами.

* * *

В изучаемом говоре, как и в литературном языке, значительная часть лексики возникла на базе заимствованных слов. Лексические единицы такого рода являются исконно уйгурскими по происхождению, но содержат в себе в том или ином виде иноязычные элементы. Сюда можно отнести, например, такие слова как *гулла-* (<*гул*—ир.+*-ла*—уйг.) «цвести, зацвести»; *дослуқ* (<*дост*—ир. +*-луқ*—уйг.) «дружба»; *ашхана* (<*аш* — уйг. +*-хана* — ир.) «столовая»; *хәтлә-* (<*хәт* — ар. +*-лә* — уйг.) «писать, записывать»; *тинч-аман* (<*тинич* — уйг.+*аман* — ар.) «благополучный»; *һәйран бол-* (ар.+уйг.) «удивляться»; *зәкунчи* (<*закон* — *русск.* + +*-чи* — уйг.)— тот, кто выставляет себя знатоком законов и др.

Хотя по своей словообразовательной структуре приведенные номинации занимают промежуточное место между собственно уйгурским и иноязычным слоями лексики, все же это не заимствования, а особая часть исконно уйгурской лексики, появившаяся в результате процессов словообразования уйгурского языка. При этом следует учитывать еще и то, что здесь в качестве основы выступают обычно такие частоупотребительные слова, иноязычный характер которых носителями практически уже не осознается. Дело в том, что те или иные слова иноязычного происхождения, до того как превратиться в «собственность» уйгурского языка, проходят как бы испытательный срок, в течение которого они подвергаются лексико-семантической и фонетической обработке согласно существующим законам языка. Лишь после этого большинство из них получит «право гражданства» и займет свое определенное место в лексическом составе заимствующего языка. Дальнейшая судьба подобных слов (частота их употребления, продуктивность, устойчивость и т. д.) зависит от актуальности предметов и понятий, обозначаемых ими. Наиболее упот-

[19] Подробнее см.: Сәдвақасов Ғ. Чоң Ақсу уйғурлириниң тилидики айрим лексикилик өзгичиликләр һәққидә. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения», 1962, вып. 3(22), стр. 46.

ребительные и жизненно важные из них со временем приобретают общенародные черты, и на их основе образуются новые лексические единицы по давно установленным моделям и закономерностям словообразования уйгурского языка.

Словообразовательная структура слов, появившихся на смешанном уйгурско-иноязычном материале, неодинакова. Их можно подразделить на следующие разновидности.

1. В говоре широко представлены слова, состоящие из иноязычной основы и словообразовательного аффикса уйгурского языка, например: *азатлиқ* (ар.-уйг.) «свобода, воля»; *аманлық* (ар.-уйг.) «благополучие»; *ахырқи* (ар.-уйг.) «конечный, последний»; *ə:злəн-* (ар.-уйг.) «подавать заявление»; *əлиги* (ар.-уйг.) «давнишний»; *Əмəтхан* (ар.-уйг.) м. имя; *Бəхтихан* (ар.-уйг.) ж. имя; *виждансиз* (ар.-уйг.) «бессовестный, бесчестный»; *гəплəш-* (ир.-уйг.) «говорить, сказать, разговаривать»; *ғериплиқ* (ар.-уйг.) «одиночество, бесприютность»; *дарыла-* (ир.-уйг.) «опрыскивать растения, обрабатывать соответствующими средствами»; *дута:чи* (ир.-уйг.) «дутарист»; *қиймəтчилик* (ар.-уйг.) «дороговизна»; *мантипəзлик* (кит.-ир.-уйг.) «занятие повара, приготовляющего манты»; *мəйдəлə-* (ир.-уйг.) «мельчить, размельчать, дробить»; *мети:лик* (русск.-уйг.) «метровый»; *т(и)рəк'тирчи* (русск.-уйг.) «тракторист».

2. Сравнительно редко встречаются слова, образованные посредством присоединения иноязычного аффикса к собственно уйгурской основе: *ашпəз* (уйг.-ир.) «повар»; *ашхана* (уйг.-ир.) «столовая»; *етикдоз* (уйг.-ир.) «сапожник»; *йарда* (<йара+-дар — уйг.-ир.) «раненый»; *йəңгаза* (уйг.-кит.) ласкательное от *йəңгə* — провожатая дама невесты; *Йолвисахун* (уйг.-ир.) м. имя и т. д. Сюда же можно отнести случаи образования слов путем префиксации: *бесақал* (<*бе-*— ир.+*сақал* — уйг.; досл. без бороды) — юноша, содержавшийся как мальчик-танцор; *бетохтав* (<*бе-*— ир.+ +*тохтав* — уйг.) «немедленно, сразу, без промедления, часто».

3. Сложные слова, один из компонентов которых иноязычного происхождения: *авқат қыл-* (ар.-уйг.) «принимать пищу, приготовлять пищу»; *аташкурəк* (ир.-уйг.) «щипцы для углей»; *аштахта* (уйг.-ир.) «доска для раскатывания теста»; *ғəмкин бол-* (ар.-уйг.) «быть печальным»; *ғəм йə-* (ар.-уйг.) «беспокоиться»; *қəшқə:гул* (уйг.-ир.) «астра»; *қəшқəрбедə* (уйг.-ир.) «дикая люцерна»; *қызылгул* (уйг.-ир.) «роза»; *оқдары* (уйг.-ир.) «боеприпасы»; *пушайман қыл-* (ир.-уйг.) «сожалеть, раскаиваться»; *сəл-пəл* (ар.-уйг.) «чуточку, чуть-чуть»; *тинч-аман* (уйг.-ар.) «благополучно»; *чикəнкə қыл* (русск.-уйг.) «чеканить».

4. Сложные или производные слова иноязычного происхождения, но образованные собственно уйгурскими способами словообразования: *Алимахун* (ар.-ир.), *Əмтахун* (ар.-ир.), *Иминахун* (ар.-ир.), *Қунахун* (ар.-ир.)— собственные имена; *мантипəз* (кит.-ир.) «лицо, занимающееся приготовлением мант»; *қатар-қатар* (ар.-ар.) «рядами, вереницей»; *чайхана* (кит.-ир.) «чайхана, чайная»; *сəп-сəп* (ар.-ар.) «рядами, строем».

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

В зависимости от экстра- и этнолингвистических факторов заимствование выступает то очень активно, являясь одним из ведущих средств обогащения словаря, то отходит на задний план. Если современный общенародный уйгурский язык рассматривать с точки зрения его обогащения новыми словарными единицами, то можно констатировать, что основной источник пополнения его лексического состава — это собственно внутренние ресурсы: словообразование, изменение значения слов и т. д. Вместе с тем в условиях, когда советские уйгуры живут среди и в окружении численно превосходящих узбеков, казахов, киргизов, туркмен, русских и других народов и тесно общаются с ними как на производстве, так и в быту, рост и обновление лексики уйгурского языка происходит в значительной мере и за счет заимствованных слов.

Наблюдения показывают, что ферганский говор с точки зрения этого критерия занимает как бы среднее положение между литературным языком, с одной стороны, и семиреченским говором — с другой. Иначе говоря, в общем лексическом фонде ферганского говора соотношение иноязычных слов меньше, чем в литературном языке, но больше, чем в семиреченском говоре.

При этом важно отметить, что в соответствии со сферой употребления и общественной функцией, а также в силу других социальных причин различные формы существования уйгурского языка по-разному реагировали на внешние воздействия. Так, развитие общественной жизни, науки, техники, литературы, искусства, появление новых понятий, изменения в быту, материальной и духовной культуре — все это неодинаково отразилось на словарном составе литературного языка и говоров. В литературном уйгурском языке получили более полное словесное выражение новые понятия, явления, возникшие во всех сферах жизни общества. Литературный уйгурский язык, обслуживающий культурные потребности целого народа, наиболее широко и исчерпывающе используя

свои внутренние потенциальные возможности, гораздо чаще, чем говоры, обращается и к заимствованию.

Дело в том, что многочисленные новые предметы и понятия, вызванные к жизни стремительным ростом науки и техники, не во всех языках сразу же могут обеспечить себя соответствующими наименованиями, так как внутренние возможности этих языков не успевают по мере необходимости создавать нужное количество терминов. В этом случае литературному языку остается единственная возможность — обратиться к заимствованию и воспользоваться уже готовой терминологией наиболее развитых языков. Причем процесс протекает не стихийно, а сознательно и целеустремленно, по определенным установленным принципам и закономерностям [20].

Говоры общенародного языка обнаруживают в этом отношении несколько иную специфику. Заимствование как источник пополнения словаря характерно и для говора. Однако лексический состав диалектных единиц ограничивается обычно наиболее элементарными, жизненно важными обиходно-бытовыми словами и почти не отражает развитие разных областей современной науки, техники и т. д. Факты говорят о том, что уйгурский литературный язык и уйгурские народные говоры не составляют исключения.

Заслуживает внимания еще одно важное обстоятельство. Персидский, арабский, китайский, русский языки, явившиеся источником заимствования для уйгурского языка, также по-разному воздействовали на литературный язык и на говоры советских уйгуров. В силу этого элементы указанных языков-источников в литературном языке и говорах представлены в разных пропорциях. Так, например, по количеству заимствованных арабо-персидских слов уйгуский литературный язык стоит на первом месте, ферганский говор — на втором, а семиреченский — на третьем. Наоборот, с точки зрения количества китайских лексических заимствований семиреченский говор занимает первое место, литературный язык — второе [21], а ферганский говор — третье. В отношении

[20] Принципы терминотворчества уйгурского литературного языка разработаны А. Т. Кайдаровым. См.: Кайдаров А. Т. Уйгурский литературный язык и вопросы разработки научных принципов терминотворчества. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. I. Алма-Ата, 1965, стр. 5—59; его же. Уйғур әдәбий тилида термин ижат килиш принциплири.— «Коммунизм туғи», № 88 (1281), 1964, 24 июля.

[21] Следует оговориться, что восточнотуркестанский вариант уйгурского литературного языка в настоящее время испытывает на себе сильное влияние китайского языка, в результате чего китаизмы (преимущественно общественно-политические и административные термины) в его лексическом составе представлены гораздо более, чем в литературном языке советских уйгуров.

же наличия русско-советско-интернациональных слов литературный язык занимает первое место, семиреченский говор — второе, а ферганский — третье и т. д. Такая неравномерность проникновения заимствованных слов обусловливается неравномерным действием на разные формы существования общенародного языка исторических, социально-экономических, политических, территориально-географических, а также культурных факторов, при которых функционировали в прошлом и функционируют в настоящее время эти формы языка.

Как уже сказано, соотношение заимствованных слов в составе лексики ферганского говора несколько больше, чем в семиреченском. В качестве причин необходимо здесь указать на следующее. Ввиду того, что общественная функция языка ферганских уйгуров весьма ограничена и данный говор в целом переживает в настоящее время процесс дифференциации, его внутренние потенциальные возможности используются далеко не достаточно, иначе говоря, собственные словообразовательные и иные средства не проявляют себя в полной мере. В условиях бытования ферганского говора пополнение его лексики осуществляется в основном заимствованными словами.

Кроме того, к важным особенностям лексики ферганского говора относится то, что в нем вместе со словами персидского, арабского, китайского и русско-интернационального происхождения широко представлены также слова, проникшие из родственного узбекского языка. Следовательно, процент заимствованных слов в ферганском говоре увеличивается и за счет узбекских лексических элементов, о чем мы не можем говорить относительно семиреченского говора. Правда, семиреченский говор кроме всего прочего характеризуется наличием в своем словарном составе казахских заимствований, поскольку он находился в сфере влияния казахского языка. Но число казахских слов в семиреченском говоре сравнительно меньше, чем узбекских в ферганском говоре.

В лексическом составе ферганского говора персидские слова имеют также некоторый численный перевес над аналогичными словами в семиреченском говоре. И это объясняется следующими причинами.

Во-первых, носители ферганского говора являются прямыми потомками уйгуров Кашгарии, в языке которых элементы староуйгурского языка сохранились гораздо больше, чем в других говорах. А для староуйгурского письменного литературного языка, как известно, характерно, в частности, наличие в его лексическом составе большего количества фарсизмов. Что касается семиреченского говора, имеющего преемст-

венную связь с илийским (или кульджинским) языковым коллективом, то он образовался позже, в начале текущего столетия, и в силу ряда объективных причин оказался более обособленным и заметно отошел от староуйгурского литературного стандарта. Поэтому персидские заимствования представлены в нем сравнительно меньше.

Во-вторых, в районах сосредоточения ферганских уйгуров кроме основного узбекского населения имеются также таджики — один из ираноязычных народов СССР. По сообщению В. С. Расторгуевой, «довольно большое число переселенцев (таджиков.— *Г. С.*) с юга (из Куляба, Каратегина, Дарваза) живет в настоящее время в Ферганской долине (вблизи Ферганы, Оша, Коканда, Андижана)»[22]. Не подлежит сомнению, что в отличие от семиреченского говора и литературного языка, в которых заимствование из персидского языка уже прекратилось, язык уйгуров Ферганской долины продолжает испытывать на себе известное влияние со стороны таджикского языка; определенное количество слов персидского происхождения проникло в ферганский говор сравнительно недавно в результате живого общения местных уйгуров с таджиками.

В-третьих, вся история ферганского говора неразрывно связана с узбекским языком. Поэтому некоторые персидские слова, отсутствующие в семиреченском говоре, могли войти в ферганский через посредство узбекского языка, в лексическом составе которого персидские элементы довольно широко представлены [23]. Такие, например, слова ферганского говора, как *әбдастә* «кувшин»; *әшүлә* «песня»; *гүвәләк* «колобки глины»; *жүдә* «очень»; *кәрәм* «капуста»; *ликап* «блюдце»; *нохат* «горох»; *үстүн* «столб» и т. д., бытующие также в узбекском языке, отсутствуют в семиреченском говоре. При этом следует учесть, что поскольку ферганские уйгуры в основном пользуются узбекским литературным языком, его влияние на ферганский говор более действенно, чем влияние уйгурского литературного языка.

Такова общая картина распространения заимствованных слов в литературном языке и говорах советских уйгуров.

Ученые-лингвисты еще не дали исчерпывающего ответа на все вопросы, возникающие в связи с лексическим заимствованием, хотя по этой теме существует довольно обширная

[22] Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, стр. 13.

[23] См.: Ҳозирги замон ўзбек тили. Тошкент, 1957, стр. 96, 99; Решетов В. В. Узбекский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 42.

литература. Так, одним из интересных в теоретическом отношении и не освещенных в специальной литературе вопросов общей тюркологии является заимствование иноязычных слов при наличии соответствующих их эквивалентов в заимствующем языке. И в ферганском говоре среди заимствованных слов есть такие, которые большей частью употребляются параллельно с ранее бытовавшими в говоре словами, образуя с ними синонимические ряды.

Еще проф. А. К. Боровков обратил внимание на синонимические парные слова в рукописи «Кутадгу билиг», где один компонент парного слова является тюркским, а другой—заимствованным из арабского языка. Напр., *билгә-алим* «ученый»; *дәвләт-құт* «счастье»; *вақт-өт* «время» и т. д.[24] Ср. в современном уйгурском языке *сақ-саламәт* (уйг.-ар.) «здоровый, невредимый»; *гүл-чечәк* (ир.-уйг.) «цветы»; *күч-қувәт* (уйг.-ар.). «сила, мощь»; *йар-йөләк* (ир.-уйг.) «поддержка, помощь» и т. д.[25]

В истории развития тюркских языков немало примеров, когда заимствованные иноязычные слова сосуществуют с соответствующими собственно тюркскими словами в качестве дублетов-синонимов. Ср. уйгурские *киши ~ адәм* «человек»; *калпук ~ ләв* «губы»; *чечәк ~ гүл* «цветы»; *йә:лик ~ ~ мазар ~ қәбир ~ гөрстан* «могила»; *бурут ~ мойлав* «усы»; *ушшақ ~ майда* «мелкий»; *учарқанат ~ пәррәндә* «перната» и т. д. Лексических дублетов особенно много в говорах и живой разговорной речи. Так, например, слова *ашпәз* «повар», *қәйлә* «подливка», *ишчи* «рабочий», *қәһриман* «герой», *йардәмчи* «помощник», *тәхсә* «тарелка», *пәқәт* «только», *дәл* «как раз» являются общеупотребительными и активными в пределах ферганского говора уйгурского языка. Однако наряду с ними в том же значении сосуществуют слова, недавно вошедшие из русского языка: *павыр* (<повар); *пәдливка* (<подливка); *робочи* (<рабочий); *геруй* (<герой); *помашник* (<помощник); *тәрилкә* (<тарелка); *төлки* (<только); *кәкрәс* (<как раз). В живой казахской речи, особенно среди городской интеллигенции, параллельно употребляются дублеты типа *жоспар ~ план, тақырып ~ тема, көрме ~ выставка, кітапша ~ брошюра, дүкен ~ магазин, қалам ~ ручка, кеңес ~ совет, мәжіліс ~ заседание* и т. д. Причем характерно, что и те и другие дублеты очень часто встречаются в речи одного и того же лица.

[24] См.: Боровков А. К. Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг. Ташкент, 1940, стр. 34.

[25] См.: Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

Аналогичные примеры есть во всех тюркских языках. Более того, часто мы являемся свидетелями такого факта, когда заимствованные иноязычные слова вытесняют исконные. Известно, например, что многие современные тюркские народы забыли о существовавших когда-то в их языке собственных словах *өт* «время», *балық* «город», *арт* «горный перевал» и других, с течением времени замененных соответствующими словами из арабского и персидского языков: *вақит, шәһәр, даван*.

Частичное обновление существующей лексики словами, заимствованными из других родственных и неродственных языков, имеет место и в современных тюркских языках. Так, исследователь татарского языка Э. М. Ахунзянов приводит большой список заимствованных русских слов, частично вытеснивших исконные слова в татарских диалектах [26].

Общетюркское слово *мурч* «перец» в уйгурском литературном языке вышло из употребления, и оно как этимологически затемненный компонент сохранилось лишь в составе сложного слова *қаримуч* (<қарамурч) «черный перец». А в значении «перец» вообще получило право гражданства китайское слово *ла:за*. До революции и в первые годы Советской власти слова *чиғай* и *кәмбәғәл* «бедный, неимущий» употреблялись в качестве лексических дублетов. А уже в 30-е годы староуйгурское *чиғай* перешло в архаизмы, уступив свое место персидско-таджикскому *кәмбәғәл*. То же самое следует сказать относительно дублетов *кеңәш ~ совет* в значении «орган государственной власти в социалистическом обществе». После 40-х годов почти во всех языках народов СССР, в том числе и в тюркских, в качестве термина стало употребляться только слово *совет*. В начале 60-х годов слова *һәмра ~ спутник* в словосочетаниях *сүнъий һәмра ~ сүнъий спутник* «искусственный спутник» употреблялись параллельно. В настоящее время как термин принято слово *спутник*. Число примеров можно было бы значительно увеличить.

Действительно, чем объясняется проникновение элементов одного языка в другой в то время, когда их соответствующие эквиваленты бытуют в заимствующем языке? К чему, например, ферганское *гирәнис* (<граница) и семиреченское *рабочи* (<рабочий), тогда как в этих же говорах повсеместно употреблялись собственно уйгурские слова *чегири* (лит. *чегара*<*чәк ара*) и *ишчи?* На первый взгляд кажется, что заимствование подобных слов не вызвано практической необходимостью. А на самом деле употребление уйгурских и иноязычных дублетных форм обусловлено рядом объективных причин и ни в коей мере не является аномалией в языке.

[26] См.: Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 119—154.

Нам представляется, что данный вопрос получит удовлетворительный ответ лишь при условии, если будут учитываться как внутренние закономерности, так и экстра- и этнолингвистические факторы в функционировании языка и его диалектов.

1. Прежде всего следует отметить, что принципиально важна здесь социальная значимость и притягательная сила того языка, с которым вступает в контакт тот или иной заимствующий язык или диалект. Такими языками для советских уйгуров явились до Октябрьской революции арабский, а после — русский.

Как известно, арабский язык, долгое время считавшийся «священным» языком, языком религии и науки и поэтому завоевавший симпатии во всем мусульманском мире, явился весьма существенным источником заимствования, и благодаря ему в уйгурском, как и в большинстве других тюркских языков, значительно увеличилось количество уйгурско-арабских дублетов-синонимов. А в настоящее время арабский язык не только потерял свою прежнюю притягательную силу, но и перестал быть языком религии и науки для тюркоязычных народов СССР. Поэтому процесс заимствования из этого источника, продолжавшийся почти до Октябрьской революции, в уйгурском языке сейчас прекратился.

Зато весьма широкое вхождение русских лексических элементов, часть которых в качестве лексических дублетов функционирует параллельно с исконно уйгурскими или ранее заимствованными словами,— явление вполне характерное для литературного языка и говоров советских уйгуров послеоктябрьского периода. Величие и мощь русского языка общеизвестны. На русском языке осуществляется обмен культурными ценностями различных народов внутри нашей страны. С этим языком нации и народности СССР воспринимают величайшие достижения мировой культуры [27]. Предпочтительное отношение носителей уйгурских говоров к русскому языку, неизменное желание овладеть им в качестве второго родного языка для повседневного общения с представителями других неродственных (даже и родственных) языков способствовали появлению множества уйгурско-русских лексических синонимических пар.

Сосуществование уйгурско-узбекских и уйгурско-казахских лексических параллелей вызвано также жизненной не-

[27] Ханазаров К. Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963, стр. 147.

обходимостью, поскольку носители ферганского и семиреченского говоров живут среди и в окружении численно превосходящих узбеков и казахов и тесно общаются с ними как на производстве, так и в быту.

Состояние почти сплошного двуязычия (уйгурско-узбекское в Ферганской долине и уйгурско-казахское в Семиречье), а в городских местностях — многоязычия (уйгурско-узбекско-русское, уйгурско-казахско-русское и т. д.) способствовало тому, что параллельное употребление заимствованных из указанных языков слов с их уйгурскими эквивалентами становится не таким уж заметным ни со стороны говорящего, ни со стороны слушателя. Надо иметь в виду и то, что уйгурский, узбекский и казахский языки, являясь родственными, составляют некое лингвистическое единство. Вследствие этого уйгуры часто не замечают и не отличают узбекские или казахские языковые элементы от уйгурских.

2. Дублетность уйгурского и иноязычного наименований обусловлена и другим важным фактором. Человек всегда стремится к новому, еще неизведанному. Все то, что является обычным, повседневным, приводит в известной мере к однообразию, что не всегда отвечает потребностям человеческой природы. Нетрудно понять, например, писателей и поэтов, когда они, избегая «избитых выражений», постоянно ищут новые средства художественного изображения. Постоянное изменение происходит и в лексике. У носителей языка появляется необходимость частичного обновления существующей лексики, т. е. необходимость дать новое наименование тому, что уже получило словесное обозначение в родном языке. А это, безусловно, придает речи свежесть, действенную силу и стилистический эффект.

Известное число дублетов-синонимов, в свою очередь, может подвергаться семантической обработке уже по внутренним законам развития данного языка. В результате этого один из компонентов пары получает семантическую дифференциацию и требует тем самым определенной ситуации для своего употребления в связной речи. Так, например, в уйгурском и узбекском языках вместе со словом *күн* «солнце» в том же значении бытует арабское *шәмс*. Однако последнее заметно отличается от *күн* своей экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью, и оно чаще употребляется в поэтической речи, а также в торжественно-приподнятом стиле. Ср.: *ай ~ қәмәр* «луна»; *чирай ~ җамал* «красота лица»; *жүрәк ~ дил* «сердце»; *баш ~ калла* «голова» и др.

3. Следует указать, наконец, на один психологический момент, в значительной мере способствующий увеличению дублетов-синонимов за счет иноязычных слов. При беседе у

говорящего может возникать сомнение в доходчивости и доступности для слушателя того или иного слова из его речи и, чтобы наиболее точно передать смысл и содержание данного слова, он обычно прибегает к употреблению синонимов, различных по языковой принадлежности. В этом отношении характерными являются следующие примеры, взятые из наших записей устной речи уйгуров Ферганской долины [28]: *Енди улуқ бий абичийдә, а:дәт* (83) «Ну, просто великий обычай, принято так»; *Аччихсу енди ману сиркидә, ук'сус* (156) «Аччихсу — это значит вот этот сирка, уксус». Можно не сомневаться, что здесь слова русского происхождения *абичий* и *ук'сус* наряду с ранее бытовавшими *а:дәт* и *аччихсу ~ сиркә* употреблены из желания говорящего как можно полнее раскрыть значение этих слов.

Известно, что при беседе дублирование близких по значению слов практикуется довольно часто. Проф. А. Т. Кайдаров, обративший внимание на эту особенность словоупотребления в уйгурском языке, писал: «Параллельное употребление в тексте и разговоре иноязычного и собственно уйгурского (или ранее заимствованного) слова является положительным условием для дальнейшего образования и развития парных синонимов» [29].

Таким образом, наличие литературных и особенно диалектных дублетов-синонимов не всегда является результатом «необработанности», следовательно, отсталости того или иного языка. Живой язык по своей природе не может ограничиваться наличным в нем запасом слов и их лексико-семантическими значениями. Он постоянно нуждается в синонимах для более всесторонней, полной и точной характеристики всего разнообразия предметов и явлений окружающей нас действительности. Именно этой языковой потребностью вызваны лексические заимствования, включающие в себя и синонимы.

Слова персидского происхождения

Фарсизмы говора по своему объему занимают второе место после собственно уйгурских (или общетюркских) слов. Данный слой лексики является вместе с тем одним из самых древних. Что касается круга значений, то он охватывает в основном слова, обозначающие конкретные понятия.

Касаясь истории персидских заимствований уйгурского

[28] Здесь и далее цифра в скобках после иллюстративного примера указывает на страницу нашей книги «Язык уйгуров Ферганской долины». I, откуда взят данный пример.

[29] Кайдаров А. Т. Парные слова.., стр. 83.

языка, очень важно отметить, что уйгуры с древнейших времен постоянно поддерживали тесную экономическую и культурную связь с ираноязычными племенами — согдийцами, саками, тохарами и др. Древнеуйгурский алфавит, как известно, восходит к согдийскому, уйгуры восприняли манихейство также от согдийцев, и в связи с этим они близко познакомились с согдийской культурой вообще, с их письменными памятниками в особенности. На территории Восточного Туркестана (в Хотане, Куче, Турфане, Дунхуане и в Карашаре) уйгуры находились в тесном контакте с тохарами — древними оседлыми жителями этих районов, говорившими на одном из наречий иранской группы языков [30]. В результате такого длительного непосредственного контакта в речь уйгуров проникало большое количество фарсизмов, необходимых для живого общения.

Начиная с конца XIV в., когда влияние ислама стало распространяться на всю территорию Уйгурского государства, «в языке тоже начался процесс вытеснения буддийской терминологии персидской и арабской. Религиозные и литературные сочинения, написанные в Кашгаре, Яркенде, стали распространяться в Турфане, в Хами; проповедники ислама в мечетях и мектебах (школах) читали коран и приучали к арабской религиозной терминологии, заставляли заучивать персидские поэтические произведения»[31]. Следовательно, после вхождения уйгуров в состав чагатаидов, а затем в состав Могулистана элементы иранских языков интенсивно проникали в их язык также через художественную литературу.

Формирование общенародного уйгурского языка протекало в условиях длительного и сложного процесса развития не только на собственной основе; в этом процессе участвовали также языки тех родственных и неродственных этнических групп, которые ассимилировались уйгурами на протяжени многих столетий. Одним из таких слагаемых компонентов уйгурского народа и были древние ираноязычные племена. В этой связи уместно упомянуть высказывание Н. А. Баскакова о том, что «современные узбекский и новоуйгурский языки, а также их предшественники — староузбекский и так называемый классический новоуйгурский язык (язык уйгуров XVII—XIX вв.), которые прежде были известны под общим термином чагатайского литературного языка,— результат скрещивания языков, при котором победителями бы-

[30] См.: Фрейман А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке. — «Ученые записки ЛГУ», № 128, серия востоковед. наук. Л., 1952, вып. 3, стр. 126.

[31] Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV веков. М. — Л., 1966, стр. 50.

ли узбекский и новоуйгурский языки, а побежденными — древние иранские наречия согдийцев, саков и пр.»[32]. Таким образом, персидские элементы в уйгурском языке — это результат не только заимствования в собственном смысле. Здесь наряду с заимствованным имеется еще слой, который должен рассматриваться как субстратное явление.

Абсолютное большинство фарсизмов в ферганском говоре относится к бытовой лексике, обозначающей конкретные понятия и названия предметов. Относительно ограниченное употребление в нем персидских слов с абстрактными значениями объясняется тем, что, как отмечает Э. Н. Наджип, «в самом персидском языке основная масса абстрактных понятий выражается при помощи арабских слов»[33].

Следует сказать, что фарсизмы, так же как и другие пласты заимствования, с течением времени подвергались стилистической дифференциации, в результате чего одни из них употребляются главным образом в художественной литературе, другие характерны для языка периодической печати, а третьи оставались в пределах говоров и устной речи и т. д. Судя по тому, как в языке ферганских уйгуров преобладают фарсизмы, относящиеся к садоводству, бахчеводству, техническим культурам, строительству и быту, они (фарсизмы), по-видимому, находят свое повседневное применение больше всего в разговорно-бытовой речи. Этим, может быть, объясняется то, что в лексическом составе изучаемого говора фарсизмы составляют 16%, тогда как в газетной лексике их всего 7,5% [34].

Так как персидские заимствования в своей основной массе обозначают конкретные предметы быта в самом широком смысле, они в повседневной живой речи употребляются гораздо чаще, чем слова с абстрактными значениями, и активно включаются в словообразовательный процесс, обогащая лексику производными и сложными словами. Приведем некоторые примеры: *баһа* «цена, ценность», *баһала-* «оценить», *баһалық* «ценный»; *гәп* «разговор, речь, слово», *гәпир-* «говорить, сказать», *гәпләш-* «разговаривать» (с кем-л.); *гөш* «мясо», *гөш-йағ* «мясные продукты», *гөшлүқ* «мясной»; *гүл ~ ~ гүл* «цветок», *гулла-* «цвести, расцветать», *печәкгүл* «вьюнок садовый» (цветы), *гүләсмән* «жасмин», *гүлзарә* «цветник», *гүлпәри* «красавица», *қызылгүл* «роза»; *дары* «лекарство, средство, снадобья», *дарыла-* «опрыскивать растения», *дары-дәрман* «средства, снадобья», *оқ-дары* «боеприпасы»;

[32] Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960, стр. 20.

[33] Наджип А. Н. Современный уйгурский язык, стр. 20.

[34] См. там же, стр. 8.

дос «друг, приятель», *дос-йа:* «друзья, товарищи», *дослуқ* «дружба»; *мәйдә* «мелочь», *мәйдәлә-* «мельчить, дробить», *мәйди-чүйди* «всякая мелочь»; *нан* «хлеб», *нанушти қыл-* «закусить, заморить червячка», *ho нан* «хлеб, испеченный на пару»; *таза* «чистый», *тәзәлә-* «чистить», *тазылық* «чистота» и т. д.

Произведенные нами подсчеты показали, что в словаре ферганского говора [35], составленном на основе полевых записей, насчитывается 430 слов персидского происхождения, что составляет 16% реестровых слов. При распределении их по частям речи получилось следующее процентное соотношение: имена существительные — 86% (т. е. 370 слов), прилагательные — 10% (т. е. 42 слова), наречия — 2,3%, другие части речи (союзы, местоимения и т. д.)— 1,7%. Из 370 существительных лишь 49 обозначают отвлеченные понятия. Все остальные являются названиями конкретных предметов и лиц.

Сфера употребления персидских заимствований довольно широка. Но наиболее многочисленны фарсизмы, относящиеся к быту и домашнему обиходу, садоводству и бахчеводству, к зерновым и техническим культурам, домостроению и т. д.

Большинство фарсизмов в речи уйгуров Ферганы, если не брать во внимание их фонетическое своеобразие, повторяется в литературном языке и семиреченском говоре. Однако среди бытующих в изучаемом говоре фарсизмов представлены и такие, которые отсутствуют в лексике казахстанских уйгуров и литературном языке или употребляются в несколько ином значении.

Из персидских заимствований, отсутствующих в литературном языке и семиреченском говоре, можно отметить следующие: *гувәләк* (лит. и семир. *кумлаш*) — колобки из глины, употреблямые вместо кирпича для кладки стен, заборов; *гүгүт* (лит. и семир. *сәрәңгә*) «спички»; *гүзә* — центральная, оживленная часть поселка, маленький базар; *дәм* (лит. и семир. *көрүк*) «кузнечный мех»; *дәргиз* «потяг» (ремень, которым сапожник поддерживает на коленях обрабатываемый материал); *дәсромал* (лит. и семир. *қол йағлиқ*) «носовой платок»; *дәвризә* — сорт риса; *дол* (лит. *мөлдүр*, семир. *мөндө*) «град»; *дувал* (лит. и семир. *там*) «глинобитная стена, забор»; *дүм* (лит. и семир. *қуйруқ*) «хвост», *жүгәр* (лит. и семир. *көмуқонақ*) «кукуруза»; *кәлит* (лит. и семир. *ашқуч*) «ключ» (для отпирания замка); *кулчә* (лит. и семир. *тоғач*) — небольшая круглая лепешка;

[35] См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины, стр. 165—257.

ликап (лит. и семир. *хончә*) «блюдце»; *нохат* — сорт гороха; *пайтешә* (лит. и семир. *бегән*) «тесло;» *палахман* (лит. и семир. *салға*) «праща»; *парақ* (лит. и семир. *ғәлвир ~ ғәлвү:*) «решето»; *пәрмә* (лит. и семир. *бурғу*) «сверло»; *сапал* «обожженная глиняная посуда»; *тағарә* (лит. и семир. *дас*) «таз» (для стирки белья), *әшулә* (лит. и семир. *нахша*) «песня» и др.

В ином значении, чем в литературном языке и семиреченском говоре, употребляются, например, *паша* в ферг. «муха», в лит. и семир. «комар»; *пәләк* в ферг. сорт дыни, в лит. и семир. стебель ползучих растений (дыни, тыквы и т. д.); *пәтинҗан* в ферг. «помидор», в лит. и семир. *петинган* «баклажан»; *шишә* в ферг. «бутылка», в лит. и семир. «стекло лампы» и др.

Слова арабского происхождения

Условия и время проникновения арабских заимствований почти одинаковы для всех народных говоров уйгурского языка, в том числе и ферганского. Этим, пожалуй, объясняется то, что в нем представлены те же арабские слова, какими располагают литературный язык и семиреченский говор. Дело в том, что арабские элементы начали проникать в уйгурский язык задолго до того, как предки носителей ферганского и семиреченского говоров находились в Кашгарии, и они в языковом отношении были более близкими, чем сейчас. А после раздельного и обособленного бытования в течение почти двух столетий в указанных говорах, по-видимому, ничего существенного не произошло по части арабских заимствований. Например, из 317 реестровых слов арабского происхождения, вошедших в словарную часть книги «Язык уйгуров Ферганской долины», лишь 6 отсутствуют в литературном языке и 13 — в семиреченском говоре. Это слова *әли* «еще, пока»; *әмәки* «дядя» (со стороны отца); *әммә* «тетя» (со стороны отца); *иврик* «гончарный сосуд для умывания»; *hаммам* «баня»; *шекил* «видимо, по-видимому, похоже, что...». В семиреченском, кроме вышеприведенных, не отмечены *ғапил* «несведущий, неосведомленный»; *дәрилаҗиз* «детдом»; *зилзилә* «землетрясение»; *ибни* «сын» *(ибни хақан* «сын кагана»); *қурбәт* «сила, мощь»; *ләвhә* «скрижаль, доска, плита»; *мәпизат* «охрана, защита».

Из сказанного следует, что лексический состав ферганского говора по объему и степени распространения слов арабского происхождения не имеет особых отличий от лексического состава семиреченского говора. Тут в качестве

особенностей, кроме фонетических своеобразий (о чем см. соответствующий раздел), можно указать лишь на отдельные арабские слова, которые в изучаемом говоре употребляются в ином значении, чем в литературном языке и семиреченском говоре. Например: ферг. *авқат* «пища», семир. *оқәт* «занятие, профессия»; ферг. *ашық-машық* «шарнир» (для дверей, окон), семир. *һашиқ-мәшуқ* «влюбленные»; ферг. *қәләмпир* «перец», семир. *қәләмпир* «гвоздика» (пряность); ср. еще *қәләмпир чай* — дикое растение, употребляемое как чай (заварка); ферг. *нәшә* «конопля», семир. *нәшә* «гашиш, анаша» и др.

Арабские элементы, так же как и фарсизмы, наиболее интенсивно проникали в уйгурский язык в XIV—XVI вв., когда родина уйгуров — Восточный Туркестан, особенно его некоторые города (Кашгар и др.), стали значительными культурными центрами, вокруг которых объединялись ученые, писатели, поэты, участвовавшие в создании собственно уйгурской культуры. «В языке первого дошедшего до нас оригинального произведения уйгурской классической литературы «Кутадгу билиг» (XI в.),— пишет Э. Н. Наджип,— можно зафиксировать лишь 94 слова арабского происхождения; это показывает, что основная часть арабских заимствований относится к более позднему периоду. Если первое время арабо-персидские элементы проникали в результате экономических взаимоотношений уйгуров с арабами и персами, то в дальнейшем, после принятия ислама, арабская лексика вошла в уйгурский язык вместе с мусульманской культурой, с арабским письмом, с богословскими книгами и через посредство духовных школ. С этого периода проникновение арабских слов резко усиливается» [36].

Арабские по происхождению слова в уйгурском языке в своем большинстве выражают абстрактно-отвлеченные понятия, связанные с нормами и правилами мусульманской религии, наукой и культурой, внутренним состоянием человека и его духовными качествами и т. д. Что касается названий предметов быта, заимствуемых обычно при непосредственном живом общении носителей, то они встречаются сравнительно мало. Это подтверждает мысль о том, что взаимоотношение уйгуров с арабами преимущественно носило опосредствованный характер. Весьма важную роль в заимствовании арабизмов играли прежде всего богословские и дидактические книги, которые изучались в духовных школах, произведения уйгурских ученых, писателей и поэтов, получивших образование на арабском языке. Своеобразным мостиком, через который в речь уйгуров проникали арабские слова, явились также иранские (персидский и таджикский) языки.

[36] Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык, стр. 18.

Если арабизмы рассматривать с точки зрения их принадлежности к частям речи, то мы увидим следующую картину: из 317 слов 268 (т. е. 85,5%) составляют имена существительные, имена прилагательные — 26 (около 8%), наречия — 17 (более 5%), местоимения — 2, междометия — 3, союз — 1.

Как видно из анализа, среди слов арабского происхождения, кроме имен существительных, наиболее заимствуемых, имеются также прилагательные, наречия, местоимения, междометия и союзы, которые отличаются в языке относительно большой устойчивостью и малопроницаемостью. Наличие подобных слов в составе лексики изучаемого говора и активное их употребление свидетельствует о том, что уйгурский язык испытал на себе очень сильное влияние арабского языка; причем это влияние продолжалось в течение веков (в основном до Октябрьской революции). Б. А. Серебренников, говоря о роли арабского языка как мощного источника заимствования, справедливо писал, что «скрещивание и взаимодействие языков в разные исторические эпохи имело известные особенности. Эпоха распространения ислама, вызвавшая огромный приток арабских лексических заимствований, несравнима в этом отношении с эпохой глубокой древности, когда не могло быть такого интенсивного влияния одного языка на другой через литературу, церковь и т. п.» [37].

Произведенные нами подсчеты показывают, что 12% лексики ферганского говора составляют арабские слова. Арабизмы, так же как и собственно уйгурские слова, служат важнейшим коммуникативным средством и занимают прочное место в словарном составе говора. Подавляющее большинство из них, давно утратив свой иноязычный характер, активно включается в словообразовательный процесс.

Приведем ряд слов, в образовании которых так или иначе участвуют арабские лексические элементы.

а) Аффиксация (т. е. арабское слово+уйгурский словообразовательный аффикс): *аманлық* «благополучие»; *ахырқы* «конечный, последний»; *ə:злəн-* «подавать заявление»; *əлиги* «давешний, то, о чем недавно шла речь»; *Əмəтхан,*

[37] Серебренников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка. — В кн.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952, стр. 208.

Әмтахун (<Әмәт ахун), *Бақахун*[38] мужские имена; *виҗдансиз* «бесчестный, бессовестный»; *ғериплиқ* «одиночество, бесприютность»; *җиндәк ~ җиндәй* «чуточку, малость»; *йетимлик* «сиротство»; *қиймәтчилик* «дороговизна»; *қулупла-* «запирать на замок»; *Қунахун* (<Қурван ахун) мужское имя; *мәшрәпханлық* «правила, обычаи, соблюдаемые на вечеринках»; *нәқишлә-* «украшать узорами, резьбой»; *рәһмәтлик* «покойный, усопший»; *саватсиз* «неграмотный»; *тәҗрибәлик* «опытный»; *тәйа:лық* «подготовка»; *тәйарла-* «готовить, приготавливать»; *тәмлик* «вкусный»; *тәрбийәлә-* «воспитывать»; *тәшналық* «жажда»; *хәтлә-* «писать, записывать»; *һазирғачилық* «до сих пор»; *һазырқы* «теперешний, нынешний»; *шәйтәнлә-* «биться в припадке» и др.

б) **Сложные слова**: *әтиргүл* «роза»; *ғә:рәт қил-* «постараться, усердствовать»; *ғәм йә-* «беспокоиться»; *қатар-қатар* «рядами, вереницей»; *қәйт қил-* «рвать» (о рвоте); *пикир қил-* «мыслить, думать»; *саза қыл-* «настойчиво просить»; *салам бер- ~ салам қыл-* «приветствовать»; *сәл-пәл* «чуточку, чуть-чуть»; *сәп-сәп* «рядами, строем»; *тамам қыл-* «кончать»; *тамашә қил-* «гулять, веселиться»; *тәвәккул дә-* «рискнуть, действовать наугад»; *тәвсийә ет-* «рекомендовать»; *тәйа:лық көр-* «подготовиться»; *тә:рәт ал-* «совершать омовение»; *тәслим бол-* «сдаваться, покоряться»; *тәшкил қил-* «организовать»; *тинч-аман* «благополучный»; *товба қыл-* «покаяться»; *хизмәт қил-* «служить»; *һәйран бол-* «удивляться»; *һәләк бол-* «измучиться, измаяться»; *һиммәт қил-* «проявить великодушие»; *һөрмәт қил-* «уважать» и др.

Это далеко не полный перечень номинативных единиц говора, образованных по словообразовательным моделям уйгурского языка на основе арабских заимствований.

Следует отметить, что не все слова арабского происхождения одинаковы с точки зрения их активного или пассивного употребления в живой речи. Ввиду жизненной важности обозначаемых предметов и понятий основная часть арабизмов отличается высокой продуктивностью и употребительностью. Поэтому как в фонетическом, так и в семантическом отношениях эта часть заимствований давно усвоена и в настоящее время вполне отражает собой языковую норму.

[38] Иранское слово *ахун* в уйгурском языке превратилось в аффикс словообразования, который, присоединяясь к собственным именам мужчин, придает основе значение почета и уважения (подробнее см. раздел «Морфология»).

Вот некоторые примеры:

а: лим < عالم «ученый, сведущий главным образом в богословии»; *ашиқ* < عاشق «влюбленный»; *әвлат* < اولاد «потомок, потомство, поколение»; *әҗәп ~ һәҗәп* < عجائب «удивительно, странно»; *әқил* < عقل «ум, рассудок»; *әмәки* < عمك «дядя» (со стороны отца); *әрз ~ ә:з ~ әриз* < عرض «заявление» (устное и письменное); *әтир* < عطر «духи, одеколон»; *бә:зи* < بعض «некоторый»; *вақыт ~ вах ~ вахит* < وقت «время, пора, период»; *вә:дә* < وعد «обещание»; *вәзипә* < وضيفه «задача, задание, поручение»; *гөһәр* < جوهر «драгоценный камень, перл»; *ғә:рәт* < غيرة «энергия, усердие, старание»; *дәвир* < دور «эпоха, период, время»; *җавап* < جواب «ответ»; *җапа* < جفا «мука, мучение, страдание»; *интипақ* < اتفاق «согласие, единодушие, солидарность»; *йетим ~ йитим* < يتيم «сирота»; *китап* < كتاب «книга»; *қамәт* < قامة «стан, рост»; *қәс* < قصد «враждебное отношение, злой умысл, злонамеренность»; *қулуп* < قفل «замок»; *мәмликәт* < مملكة «государство»; *мә: чит* < مسجد «мечеть»; *навәт* < نوبة «очередь»; *ношодур* < نشادر «нашатырь»; *пайда* < فائدة «польза, выгода»; *пикир* < فكر «мысль, мнение»; *рисқа* < رزق «хлеб насущный, пропитание, доля человека в мирских благах»; *тандыр* < تنور «глиняная печь для лепешек»; *тә:рәт* < طهارة «омовение» (ритуальное); *хәлиқ* < خلق «народ, население, люди»; *хәт ~ хат ~ хет* < خط «письмо, записка»; *халва* < حلوة «халва»; *һәсрәт* < حصرة «печаль, скорбь»; *һосул* < حاصل «урожай».

Среди арабизмов есть и такие, сфера употребления которых ограничена. Хотя они и понятны всему языковому коллективу, однако их можно встретить в речи лишь определенного круга носителей говора. Это слова, отражающие, с одной стороны, старую арабско-мусульманскую культуру, с другой — понятия из сферы науки, общественно-политического строя и т. д. Первые из них преимущественно характеризуют язык пожилых людей со старым (в основном духовным) образованием, а последние — язык интеллигенции, хорошо владеющей и литературной (уйгурской или узбекской) речью.

Таким образом, небольшая часть арабизмов говора согласно своим стилистическим особенностям находится вне активного запаса словаря. К ним относятся: *ата* «дар, награда, подарок», ср. *ата қыл-* «одарять»; *әзразил* «ангел

смерти»; *әрбап* «деятель»; *аси* «грешный», ср. *аси дунйа* «тленный, бренный, непостоянный мир»; *ғәйридин* «иноверец»; *дәрилаҗиз* «детдом»; *иһсан* «доброе дело, милость»; *ләвһә* «скрижаль, доска, плита»; *мәғруп* «запад»; *мәпизат* «охрана, защита»; *мәшәл* «светильник, факел»; *мәшруқ* «восток»; *минарә* «минарет, башня»; *назарәт* «надзор, наблюдение»; *рә:на* «привлекательный, красивый, стройный»; *сәйил* «прогулка»; *супа* «суфий, мистик»; *тәвсийә* «рекомендация»; *тәсәддуқ* «жертва»; *һаҗи* «хаджи» (человек, совершивший хадж в Мекку); *әш<әрш* «чертог бога»; *қурбәт* «сила, мощь», *қурбити йәтсә* «если хватит у него сил, если он в состоянии делать что-либо».

Слова китайского происхождения

Современный общенародный уйгурский язык в отличие от других тюркских языков характеризуется наличием в его лексическом составе определенного слоя слов, заимствованного из китайского языка. Китайские элементы (в основном лексические), представленные главным образом в литературном уйгурском языке, специально изучены В. И. Новгородским [39], Т. Р. Рахимовым [40], Э. Н. Наджипом [41], А. Т. Кайдаровым [42].

Одна из особенностей языка уйгуров Ферганской долины состоит в том, что в его лексическом составе слова китайского происхождения представлены в очень незначительном количестве. Китаизмы встречаются главным образом в речи тех носителей говора, которые родились и росли в Восточном Туркестане и приехали в Советский Союз после Октябрьской революции — в 20-х и начале 30-х, в 50-х и начале 60-х годов. Что касается языка основной массы уйгуров Ферганы, то он отличается, например, от семиреченского говора почти полным отсутствием китаизмов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в говоре почти нет слов китайского происхождения, унаследованных от языка уйгуров — переселенцев XVIII—XIX вв. Отсюда следует логический вывод о том, что до переселения уйгуров в Ферганскую долину проникновение китайских элементов в народно-разговорную речь носило эпизодический характер. Более того, как показывают исследования последних лет, китайский язык для восточнотуркестанского уйгурского языка оставался пассивным источником заимствования до начала 50-х годов нашего столетия. Произведенный Э. Н. Наджипом в 1943 г. анализ газетной лексики языка восточнотуркестанских уйгуров показал, что в уйгурском языке китаизмы составляли всего лишь 2‰ [43]. «...Религиозная отчужденность уйгуров резко ограничивала сферу проникновения китайских элементов в уйгурский язык. Особенно осторожно относились к китайским словам духовенство и уйгурская интеллигенция. Поэтому круг обращения этих слов был крайне ограничен» [44].

После образования Китайской Народной Республики и Синьцзян-Уйгурского автономного района отношение к заимствованию из китайского языка коренным образом изменилось. Т. Р. Рахимов, исследовавший процессы проникновения китаизмов в восточнотуркестанский уйгурский литературный язык, справедливо замечает, что «процесс введения в уйгурский язык китаизмов особенно активизируется с конца 50-х годов, когда в Китае усиливается администрирование и в области языковой политики. Не случайно более 80—85% заимствованных китайских слов, употребляющихся в настоящее время в уйгурской периодической печати и литературе на уйгурском языке, проникло в последние годы» [45].

В этом отношении совершенно иную картину мы наблюдаем в языке уйгуров Советского Союза, где созданы все необходимые условия для его свободного развития. В Фергане уйгурский язык не мог или почти не мог испытать на себе влияния китайского языка, так как здесь непосредственного общения уйгуров с китайцами не было. Китаизмы здесь — это слова с конкретным значением, именующие главным образом продукты питания и некоторые административно-управленческие термины и топонимические названия: *бәсәй* «капуста»; *җаңғуда* «хозяин»; *җиң* — мера веса, равная 560 г.; *җусәй* — луковичное растение с плоскими листьями, китайский лук; *заңза* «печенье-хворост, соломка»; *йамул~йамын* «тюрьма»; *лаңту* «кувалда»; *ләңмән* «лагман» (лапша особого приготовления); *манту* «манты»;

[39] См.: Новгородский В. И. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.

[40] См.: Рахимов Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1970.

[41] См.: Наджип Э. Н. К вопросу о языковой ситуации в Синьцзян-уйгурском автономном районе КНР (на материале уйгурского языка). — В кн.: Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1970.

[42] См.: Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. III. Развитие уйгурской лексики (к проблеме языковых контактов) — рукопись.

[43] См.: Наджип Э. Н. К вопросу о языковой ситуации..., стр. 235.

[44] Там же, стр. 234.

[45] Рахимов Т. Р. Китайские элементы..., стр. 6.

мәңпәр «манпар» (особым образом приготовленная лапша); *мойо* «нет» (в пословице: — *Түйо көрдуңму?* — *Мойо* — «Верблюда видел?— Нет» (в значении моя хата с краю); *попуза* «запугивание, острастка, угроза»; *пуңтоза* — лапша из крахмала риса или гороха; *робоза* — манты, приготовленные из квашни; *сәй* «овощной салат»; *сәнжусән* «лютый мороз»; *таңгаза* — кондитерское изделие, приготовленное из рисовой или просяной патоки; *хаң* «рудник, шахта»; *хәнсу* «китаец»; *хошаң* «хошан» (круглые пирожки с мясом и луком); *хуйхуй* «дунганин»; *хуңгәй* «огурец»; *хушу мәңпәр* — один из видов манпара; *баңгаза* «низкорослый»; *чай* «чай»; *чәйзы* «баклажан»; *Бажин* «Пекин»; *Ләнжу* «Ланджоу», *Лэнтэйзи* «Лантайцзы» (название селения), *Хумйозы* «Хумёзы» (дунганское название города Урумчи).

Судя по нашим материалам, в лексическом составе языка уйгуров Ферганы китаизмы фактически исчерпываются приведенными словами.

Следует отметить, что некоторые из перечисленных слов, несомненно, заимствованы из дунганского языка, близкородственного китайскому. Это особенно та часть заимствований, которая связана с дунганской кухней, известной богатством ассортимента блюд и искусством приготовления. Наличие в уйгурском языке дунганских лексических элементов подобного рода объясняется тем, что в Восточном Туркестане уйгуры с дунганами находились в тесном контакте, чему в значительной мере способствовала общность их религии. Слова китайско-дунганского происхождения в процессе фонетического их освоения по законам уйгурского языка потеряли свою прежнюю специфику, и поэтому трудно точно установить их принадлежность к тому или другому языку-источнику.

Русско-советско-интернациональная лексика

Велико стремление народов СССР к овладению русским языком. Он является не только мощным источником обогащения национальных языков в нашей стране, но и выделяется в качестве средства межнационального общения. По этой причине в многонациональном Советском Союзе нет ни одного народа — большого или малого, язык которого в той или иной степени не испытал бы на себе благотворного влияния русского языка.

Его воздействию подвергаются главным образом литературные языки, которые в связи с расширением своей общественной функции, больше всего нуждаются в советско-интер-

национальных терминах, отражающих бурное развитие современной науки и техники, культуры, искусства и т. д. Вместе с тем элементы русского языка, а через него и западноевропейские, мощным потоком проникают и в диалекты, и говоры.

Лексические элементы русского языка стали проникать в уйгурский язык сравнительно недавно, с конца XIX в. Однако до Октябрьской революции объем и степень распространения русизмов в уйгурском языке были ограничены. Надо полагать, что к дореволюционному периоду заимствований из русского языка относятся, например, некоторые слова, обозначающие предметы быта и домашнего обихода [46]: *калач* «галоши»; *чайнәк* «чайник»; *калават* «кровать»; *пут* «пуд»; *кила* «кило»; *лампа* «лампа»; *устәл* «стол»; *чирва°н* «червонец»; *турма* «тюрьма»; *дохтур* «доктор»; *завут* «завод»; *орас* «русский» и т. д. В царской России уйгуры Ферганы не были приобщены к русской науке и культуре и были далеки от просвещения. Поэтому в то время не могли заимствоваться и слова, относящиеся к этой сфере.

К уйгурам Ферганской долины русизмы проникали разными путями, основными из которых являются следующие:

1. Через посредство узбекского и киргизского языков. Дореволюционные узбеки и киргизы, будучи в составе Российской империи, вступили в непосредственный контакт с русскими гораздо раньше, чем уйгуры. Следовательно, заимствуя определенное число русизмов, узбеки и киргизы, в свою очередь, могли передать их соседям.

2. Путем живого общения с русскими. Уйгуры Ферганы разговаривали с русскими и слышали их речь прежде всего в городах Андижане, Коканде, Намангане, Оше, Джалал-Абаде, Узгене, где еще до Октябрьской революции русские составляли определенный процент населения. Что же касается уйгуров сельской местности, то их язык долгое время, почти до войны, оставался без существенного влияния русского языка.

3. Через письменную и устную формы литературного (узбекского, отчасти и уйгурского) языка, т. е. через художественную, общественно-политическую литературу, периодическую печать, радио и телевидение, через школьное обу-

[46] См.: Исмаилов И. А. Русско-советско-интернациональная лексика в уйгурском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1953; его же. Заметки о русских лексических заимствованиях в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 1. Алма-Ата, 1965, стр. 105.

чение и т. д. Данный, третий, тип заимствования характерен для советского периода бытования изучаемого говора.

Все слова русского происхождения, вошедшие как до, так и после революции, существенно изменили свой облик в соответствии с произносительными нормами говора. Поэтому трудно сейчас установить, какие именно из русизмов вошли в ферганский говор через тюркское (узбекское и киргизское) посредство, а какие — непосредственно из русского языка. Однако при тщательном анализе фонетического их оформления все же можно воссоздать историю заимствования отдельных слов. Приведем пример. Уйгурский язык в отличие от узбекского, киргизского, казахского и некоторых других вполне терпит употребление звука *р* в абсолютном начале слова [47]. Заимствованные слова с начальным *р* в указанных языках употребляются с протезой [48], тогда как эти же слова в уйгурском не используют ее. Например: каз. *ораза*, кирг. *орозо*, узб. (в произн.) *уруза*, уйг. *роза* «пост у мусульман»; каз. *орамал*, кирг. *оромол*, узб. (в произн.) *урумол*, уйг. *ромал* «головной платок»; каз. (в произн.) *ырахмет*, кирг. *ырақмет*, уйг. *рәхмәт* «спасибо»; каз. (в произн.) *ырайон*, кирг. *ырайон*, уйг. *район* «район» и т. д. Тем не менее в уйгурском языке слово *орус ~ орас* «русский», так же как в узбекском *(урис)*, казахском *(орыс)* и киргизском *(орус)*, приобрело вначале протетический звук *о*, что является, по нашему мнению, результатом заимствования его не из русского языка непосредственно, а через посредство одного из указанных тюркских языков.

В лексике языка ферганских уйгуров русизмы составляют 6%. Если учесть, что русский язык является для уйгурского новым источником заимствования, то такое процентное соотношение свидетельствует об очень интенсивном характере проникновения русизмов.

Абсолютное большинство слов русского происхождения — это названия новых предметов и понятий, ранее отсутствовавших в быту и жизни уйгуров. К ним относятся, например, названия организаций, предприятий и государственных учреждений: *әртил* «артель», *гес* «ГЭС», *деттом* «детдом», *завут* «завод», *кәлхоз* «колхоз», *қурус* «курсы», *магизин* «магазин», *пәртийә* «партия»; названия различных

[47] Подробнее см.: Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *р* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 68.

[48] См.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М. — Л., 1960, стр. 48; Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965; Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 41.

сельскохозяйственных и иных машин: *бараны* «борона», *инвирсал* «универсальный трактор», *селкә* «сеялка», *тәхника* «техника», *т(и)рәктир* «трактор», *самалөт* «самолет»; слова, связанные с бытом: *әбит* «обед», *билинчик* «блинчики», *боруш* «борщ», *йәшик* «ящик», *кук'ни* «кухня», *мети* «метр», *посулка* «посылка», *шәхмәт* «шахматы»; названия лиц: *аграном* «агроном», *дохтур* «доктор», *инспекти* «инспектор», *кадыр* «кадровик», *кәмәндир* «командир», *лөтчик* «летчик», *пашис* «фашист». Семантические разряды русских заимствований не ограничиваются вышеприведенными. Ср.: *апрел* «апрель»; *аспал* «асфальт»; *әдерис* «адрес»; *әкит* «акт»; *башпут* «паспорт»; *вадықашқа* «водокачка»; *г(и)рамут* «грамота»; *зәпискә* «записка»; *кәләнтир* «карантин»; *кәмпиринсә* «конференция»; *медал* «медаль»; *милйон* «миллион»; *попрос* «папиросы»; *ремон* «ремонт»; *сор* «сорт»; *учәскә* «участок»; *чекәнкә* «чеканка» и др.

Наряду с приведенными выше словами, заимствование которых вполне оправдывается отсутствием их эквивалентов в говоре, довольно часто встречаются русизмы иного характера. Имеются в виду русизмы, употребляющиеся параллельно с бытующими в говоре словами в качестве лексических дублетов-синонимов (о них более подробно говорилось выше). Интересно здесь отметить, что русизмы подобного рода обычно заменяют слова, которые также когда-то были заимствованы из арабского и иранских языков. По-видимому, носители говора как бы своим языковым чутьем различают иноязычный характер слов и их иногда заменяют словами русского происхождения. Например: *қәһриман ~ геруй* «герой»; *һөҗҗәт ~ докумат* «документ»; *шәртнамә ~ дәгива°р* «договор»; *дәрилаҗиз ~ деттом* «детдом»; *идарә ~ п(и)равлениjа* «правление»; *пәқәт ~ төлки* «только»; *хираҗәт ~ расхот* «расходы»; *алақә ~ сивәз* «связь» и др.

Сравнительно меньше русских слов, образующих синонимические ряды с исконно уйгурскими словами: *чегири ~ ~ г(и)рәнис* «граница»; *ишчи ~ робочи* «рабочий»; *таза ~ ~ чести* «чистый» и т. д.

В говоре слова русского происхождения используются обычно лишь в одном значении. Если данное слово в языке-источнике имеет несколько значений, то второстепенные и переносные остаются нереализованными. Так, например, слово *әкит* (<акт) в говоре — это «документ, удостоверяющий что-нибудь», и только; *номур* (<номер)— это «порядковое число предмета в ряду других однородных» и «размер одежды»; *район ~ райан ~ рәйун* — небольшая административно-территориальная единица в СССР внутри области и т. д. Все другие значения приведенных слов не заимствованы.

Наряду с этими имеются русизмы — правда, их мало,— в которых заимствованы только переносные значения. К тому же эти их значения в результате семантических сдвигов заметно отошли от соответствующих значений оригинала. Так, слово *пәлитикә* (<политика) в говоре употребляется в значении «угроза, запугивание, острастка» (сравните со значением оригинала «образ действий, направленных на достижение чего-нибудь, определяющих отношения с людьми»). А основное, номинативное значение данного слова передается словом *сийасәт*. Слово *инвирсал* (<универсал) в говоре приобрело значение «трактор, универсальный трактор, трактор-универсал»: *Оттуз бәшинчи жили оқоп, отуз алтынчи жили баһарда инвирсал алып чихтим. Инвирсал трәк'тир итти* (76, 78). «В тридцать пятом году учился, в тридцать шестом году, весной, получил универсал. Универсальный был трактор». Что касается номинативных значений слов универсал, универсальный, то они остались в говоре нереализованными. *Са°мовар* в говоре это не только металлический прибор для кипячения воды. Вместе с тем слово приобрело значение «чайная» и употребляется как синоним к слову *чайхана*.

Кроме имен существительных, составляющих основную массу русизмов говора, сравнительно небольшое место занимают имена прилагательные и наречия: *аснавной* «основной»; *истарчи* «старший»; *пачотни* «почетный»; *пәследни* «последний»; *часни* «частный»; *чести* «чистый»; *пашти* «почти»; *төлки* «только» и др. Как известно, в литературном уйгурском языке нет пока прилагательных и наречий, вошедших из русского языка в «чистом» виде. Наличие русских прилагательных и наречий в составе лексики говора и их отсутствие в литературном языке объясняется самой сущностью устной разговорной речи, говоров, с одной стороны, и литературного стандарта — с другой. Известно, что литературный язык отличается своей отработанностью, наличием установленных норм и принципов, которыми регулируется, в частности, и процесс заимствования иноязычных слов. Наоборот, «проникновение русских слов в диалекты и в разговорную речь идет не путем сознательного отбора, а стихийно, в процессе непосредственного устного общения с русским населением. Поэтому этот нерегулированный стихийный поток русских слов охватывает широкий круг лексических элементов»[49].

Таким образом, в силу ряда социально-исторических условий на уйгурский язык оказывали большое влияние (не

[49] Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968, стр. 124.

говоря уж о влиянии родственных языков) иранский, арабский, китайский и русский языки, в результате чего заимствованные из них слова составляют значительную часть уйгурской лексики. По нашим подсчетам, все заимствованные слова ферганского говора составляют примерно 40%.

Заимствование хотя и является одним из основных источников обогащения словаря и имеет важное значение в развитии лексики, но действует в языке непостоянно и неравномерно, так как в зависимости от определенных социальных и политических обстоятельств оно выступает то очень активно, то протекает медленно. С течением времени меняется и источник заимствования. Так, например, процесс заимствования из арабского и китайского языков в ферганском говоре сейчас почти прекратился, а заимствование из русского языка и через него из западноевропейских языков, наоборот, в настоящее время носит весьма интенсивный характер.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛЕКСИКИ ФЕРГАНСКОГО ГОВОРА

Мы рассмотрели выше собственно уйгурский и заимствованный пласты лексики изучаемого говора независимо от того, насколько они (эти лексические пласты) совпадают с соответствующими пластами литературного языка и семиреченского говора. Это необходимо было для того, чтобы иметь более полное и реальное представление о современном состоянии лексики ферганского говора, а также потому, что общие моменты, на которые впоследствии акцентируем внимание, наилучшим образом позволят судить о преемственной связи лексики литературного языка, с одной стороны, и ферганского говора — с другой. Определение же того, какую роль сыграл данный говор в формировании лексики литературного языка советских уйгуров, приобретает в настоящее время весьма важное научно-практическое значение.

Лексический материал показывает, что в пределах как собственно уйгурского (или общетюркского), так и заимствованного фонда лексики ферганского говора обнаруживаются слова, которые либо отсутствуют в литературном языке советских уйгуров и семиреченском говоре, либо отличаются рядом специфических особенностей фонетического, лексико-семантического и стилистического порядка.

Лексические особенности ферганского говора можно свести к следующим группам: а) собственно лексические различия, т. е. разные названия одних и тех же предметов и понятий в говоре и литературном языке; б) семантические различия, т. е. разные значения одного и того же слова в го-

воре и литературном языке; в) фонетические различия, т. е. разное звуковое оформление одного и того же слова.

СОБСТВЕННО ЛЕКСИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

К этой группе относятся слова, отсутствующие в литературном языке. **Абба** межд. «вот тебе и на! ай, ай!» (выражает сожаление). Значение этого слова в литературном языке и семиреченском говоре передается междометиями *хәп, әттегинәй* и т. д., ср.: узб. *обба*. **Ақжөрә** (<*ақ жугара*) «сорго». В литературном языке вместо него употребляется заимствованное из китайского языка слово *гөләң*. Второй компонент данного слова *(жугара)* хотя и имеется в «Уйгурско-русском словаре» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова [50] (в дальнейшем сокращенно — Баскаков) и в «Уйгурско-русском словаре» Э. Н. Наджипа [51] (сокращенно — Наджип) в значении «кукуруза», но оно не вошло в литературный язык. В литературном языке и семиреченском говоре «кукуруза» *көмүқонақ*, ср.: узб. *жўхори* «кукуруза, сорго», кирг. *жүгөрү* «кукуруза» (в северн. диалекте), «сорго» (в южн. диалекте), каз. *жүгері* «кукуруза». **Ақырчөп ~ чөп** «задник» (обуви), лит. и семир. *апқут*, ср.: узб. *охирчуп*. **Алмихан** «белка», лит. и семир. *тийин*, ср. со словом *ағмихан*, употребляющимся в литературном языке в значении «горностай», узб. *олмахон* «белка». **Астанә** «порог», лит. и семир. *босуға*, ср.: Малов, ЛЯ [52] (87) *астане* «порог, двор, столица», Баскаков (14) *астанә* «порог (двери)», Наджип (35) 1) столица, 2) порог, 3) подворотня, узб. *остона* «порог», кирг. *астана* (в южн. диалекте) «порог», каз. *астана* «столица». **Аташкүрәк** «щипцы для углей», лит. и семир. *лахшигир*, ср.: узб. *оташкурак*. **Атқулақ** «подорожник», лит. и семир. *пақийопумиғи* ср.: узб. *отқулоқ*. **Ахйағ** «растительное масло», лит. и семир. *сүйеғи*. **Ача** «старшая сестра», вежливое обращение к старшей женщине, лит. и семир. *һәдә, егичә*, ср.: акс., хот., ярк. (Малов, УНС [53], 95) *ача* «мать, старшая сестра», кашг. обращение к старшей женщине, *корл.* старший родственник вообще, Малов, ЛЯ (88) *ача* «отец», Баскаков (7) *ача* «старшая сестра», Наджип (20) *ача* 1) старшая сестра, 2) тетка, 3) тетя, тетушка (обращение к старшей по возрасту женщине), 4) мать, 5) старшая золовка, старшая свояченица, Ярринг [54] (11) *ача ~ а:ча*

[50] Баскаков Н. А. и Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.
[51] Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
[52] Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
[53] Малов С. Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
[54] Gunnar Jarring. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964.

«старшая сестра, сестра», кирг *әже* «старшая сестра». **А:чи** (<*арчи-*) «обдирать кору, шелуху, чистить, очищать», лит. и семир. *ақла-, тазила-*, ср.: узб. *арчи-*, каз. *аршы-*. **Ашқывақ ~ ашқапақ** «тыква», лит. и семир. *кава*, ср.: Наджип (37) *ашқавақ*, узб. *ошқовоқ*, кирг. *аш кабак*, каз. *асқабақ*.

Әйниқсә «особенно, в особенности», лит. *болупму, хусусән*, семир. *босима*, ср.: Баскаков (9), Наджип (61) *айниқса*, узб. *айниқса*. **Әли** «еще, пока что», лит. и семир. *техи*, ср.: узб. *ҳали*, кирг. *али*, каз. *әлі*. **Әмәки** «дядя» (со стороны отца), лит. и семир. *таға, чоң дада, кичик дада*, ср.: узб. *амаки*, кирг. *амаки* (в южн. диалекте). **Әшүлә ~ әшилә ~ әшүллә** «песня», лит. и семир. *нахша*, ср.: узб. *ашула*, кирг. *ашула* (в южн. диалекте).

Балын «пряжка», лит. и семир. *таралға*. **Бәдриң ~ хуңгәй** «огурец», лит. и семир. *тәрхәмәк*, ср.: кашг. *хонгән* (Малов, УНС, 169), Баскаков (165) *хаң-го*, Наджип (419) *хаңга*, узб. *бодринг*, кирг. *бадыраң*. **Бәләнт ~ бәләт** «высокий», лит. и семир. *егиз*, ср.: Баскаков (21), Наджип (204), Ярринг (51), *бәләнд*, узб. *баланд*, кирг. *балант* (в южн. диалекте). **Бетап** «больной, нездоровый», лит. и семир. *сақсиз, тави йоқ*, ср.: Баскаков (23), Наджип (228) *битап*, Ярринг (56) *бита:б*, узб. *бетоб*. **Бүгән** — один из видов кустарника, ср.: узб. *бурган* 1) бурьян, 2) полынь однолетняя, кирг. *бүргән* — вид полыни, каз. *бүрген* «калина». **Вәлиш** — дугообразные деревянные подпорки для виноградных лоз, лит. и семир. *бараң, үзүм бариңи*, ср. узб. *валиш*, в «Узбекско-русском словаре» (М., 1959, стр. 101) данное слово дается как областное.

Гәҗҗәк ~ гәҗҗә — завитые колечками волосы на висках у женщин, лит. и семир. *секиләк* ср.: узб. *гажак*. **Гиравалаш** «спорить, держать пари», лит. и семир. *бәслә-*. **Гөң ~ гүң** «слежавшийся помет, кизяк», лит. и семир. *қығ, чилә*, ср.: узб. *гунг*. **Гугут ~ гүгүт** «спички», лит. и семир. *сәрәңгә*, ср.: лит. уйг. *гуңгут* «сера», хот. (Малов, УНС, 104) *гүгүт* «сера», *урус гүгүт* «русские спички», *тахта гүгүт* «маленькие щепки с серой для разжигания огня», Баскаков (54) *гугу(р)т* «спичка», Наджип (680—681) *гүгүт* 1) спичка, 2) сера, фосфор, Ярринг (107) *гүгүрд ~ гүгүт ~ гугурд ~ гугут* «сера, спичка», узб. *гугурт*, кирг. *күкүрт*, каз. *күкірт*. **Гүвәләк ~ ~ гүвләк** — колобки из глины, употребляемые вместо кирпича для кладки стен, заборов, лит. и семир. *кумлаш*, ср.: узб. *гувала ~ гувалак*, кирг. *гувала ~ гувалек*. **Ғылдирәк** «колесо» лит. и семир. *чақ*, ср. узб. *ғилдирак*.

Дәм ~ тузақ «силок, ловушка, западня», лит. и семир. *қилтақ*, хот., лобн. (Малов, ЛЯ, 176) *тузақ*, Наджип (333) *тузақ*, Ярринг (313) *тозақ ~ тузақ*, узб. *дом ~ тузоқ*, кирг. *тузақ*, каз. *тұзақ*. **Дарайи** — сорт винограда, ср.: узб. *даройи* —

название сорта винограда, кирг., (Юдахин [55], 185) *дарай ~ ~ дарайы* «сорт шелка». **Дәкән** «бойцовый петух», ср.: узб. *дакан(г)хўроз*. **Дәм** «кузнечный мех», лит. и семир. *көрүк*, ср. узб. *дам*. **Дәнәк** «косточка» (ядро плода), лит. и семир. *меғиз*, ср.: узб. *данак*, кирг. *данек*. **Деврезә** — сорт риса, ср.: узб. *девриза*. **Дол** «град», лит. и семир. *мөлдүр ~ мөндө*, ср.: узб. *дул*. **Дувал** «глинобитная стена, забор», лит. и семир. *там*, ср.: узб. *девор ~ девол*. **Думбул** «недозревший, зеленый, молочно-восковой спелости», лит. и семир. *чүрүч*, ср. узб. *думбул*. **Дүм** «хвост», лит. и семир. *қуйруқ*. В литературном языке и семиреченском говоре слово *дүм* сузило свое значение и перешло в категорию наречий. Оно употребляется в значении ничком, вверх дном: *дүм йат-* «лечь ничком», *дүм көмүр-* «поставить (что-либо) вверх дном».

Евир- ~ ивәр- ~ йүбәр- «посылать, отправлять», лит. и семир. *әвәт*, ср.: Ярринг (137) *ибәр-*, узб. *юбор-*, кирг. *жибер-*, каз. *жібер-*. **Ек-** «сеять, сажать», лит. и семир. *тәр-*, ср.: Баскаков (45), Наджип (150) *ек-*, узб. *эк-*, кирг. *эк-*, каз. *ек-*. **Елик** «косуля», лит. и семир. *жүр*, в семир. встречается также *елик*, но круг его употребления ограничен, ср.: Малов, УЯ [56] (139) *элик*, кирг. *элик*, каз. *елік*. **Е:тәк** «сказка», лит. и семир. *чөчәк*, ср.: узб. *эртак*, кирг. *эртеки*, каз. *ертегі*. **Ешит- ~ ишит-** «слышать», лит. и семир. *аңла-, тиңша-*, ср.: лобн. (Малов, ЛЯ, 108) *ешет ~ ешит*, кашг. (Малов, УНС, 109) *ешет-*, Наджип (173) *ишит-*, Ярринг (143) *ишит- ~ ышыт-*, узб. *эшит-*, кирг. *эшит-* (в южн. диалекте), каз. *есіт-*.

Жил- ~ жили- «двигаться, переходить, переезжать», лит. и семир. *қозғал-, силжи-*, ср.: узб. *жил-*, кирг. *жыл-*, каз. *жылжы-*. **Жаг** «скула», лит. и семир. *йаңақ*, ср.: каз. *жақ*. **Жамка** «мята родниковая», лит. и семир. *су ялпузи*. **Жиззә** «шкварки, выжарки, вытопки», лит. и семир. *жигитәк*, ср.: Баскаков (38) *жизә*, узб. *жизза*. **Жүгәр** «кукуруза», в говоре в этом значении более распространено *мәккә*, лит. и семир. *көмүқонақ*.

Зәдәк «морковь», лит. и семир. *сәвзә*, ср.: кашг. (Малов, УНС, 111) *зәдәк*, Баскаков (170) *зә(р)дәк*, Наджип (473) *зәрдәк*, Ярринг (336) *зәрдәк ~ зардәк ~ зәдәк*, кирг. *зардек*. **Зилзилә** «землетрясение», лит. и семир. *йәр тәврәш*, ср.: Баскаков (171), Наджип (478) *зилзилә*, узб. *зилзила*, кирг. *зилзала*.

Итүзүм «паслен», лит. *шохула*, семир. *шохула ~ хошула*, ср.: Баскаков (66), Наджип (157) *ит үзүми* «дикий виноград», узб. *итузум*, кирг. *ит жүзүм*. **Ишқин** «пучки», лит. и

[55] Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
[56] Малов С. Е. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М. — Л., 1954.

семир. *гөшүнә*, ср. кирг. (Юдахин, 941) *ышқын* «ревень», МК (I, 56) *ішғун*.

Йағлақ «ковш, черпак», лит. *чөмүч*, семир. *чөмүч, бақир ~ бақир чөмүч*, Баскаков (67) *йағлағ ~ йағлуғу*, Наджип (775) *йағлақ ~ йағлиғу* «сковорода», узб. *ёғлоғи*. **Катта ~ ~ каттә** «большой», лит. и семир. *чоң, йоған*, ср.: Баскаков (82), Наджип (633) *катта*, Ярринг (165) *катта ~ каттә*, узб. *катта*. **Кәлит** «ключ» (для отпирания замка), лит. и семир. *ачқуч*, ср.: узб. *калит*, кирг. *килит*, каз. *кілт*. **Кәрәм** «капуста», лит. *капуста*, семир. *капуска*, ср. узб. *карам*. **Кәшнүш** «петрушка», лит. и семир. *ашкөки, йумғасут*, ср. узб. *кашнич*. **Кескүр** «острый», лит. и семир. *иштик, өткүр*, ср. узб. *кескир*. **Күлдүгүч** «ямочки на щеках», лит. и семир. *занақ*, ср. узб. *кулдиргич*.

Қавуз «детский матрац для колыбели». **Кәйлә** «подливка, приправа», лит. и семир. *қийма*, ср.: узб. *қайла*. **Қәқир** «сухое гладкое место», лит. и семир. *қақраң ~ қақраң йәр*. **Қейқыр-** «кричать, окрикивать», лит. и семир. *вақирақичқар-* ср.: узб. *қийқир-*, кирг. *қыйқыр*. **Кийам** «варенье», лит. *мурәббә*, ср. узб. *қиём*. **Қойтикән** «овечий репейник» (сорное растение с колючими плодами), лит. и семир. *будушқақ*, ср. узб. *қуйтикан*. **Қумусқа** «муравей», лит. и семир. *чүмүлә*, ср.: узб. *қумурсқа*, кирг. *кумуска*, каз. *құмырысқа*. **Ликап** «блюдце», лит. *тәхсә, хончә*, ср. узб. *ликоп*. **Лөк(ү)чәк** «верблюжонок», лит. и семир. *ботилақ*, ср.: узб. *лукча*.

Мәстәк «самка птицы» лит. *мекийан, мада*, ср. кирг. *мастек*. **Мәстәрә** «тайный, скрытный, секретный, нелегальный», лит. и семир. *йошурун, хупийән*, ср. кашг. *мәстүрә*, Ярринг (193) *мәстурә*. **Минда°в** «горчица» (растение), лит. и семир. *қича*, ср. узб. *миндов*. **Миччә** «горлинка, горлица», лит. и семир. *пахтәк, қумри, турулға*, ср.: узб. *мусича*. **Мумуқ** «столб для привязывания коней», лит. и семир. *мома, мома йағач* — столб в середине тока, вокруг которого ходят животные при молотьбе, а также столб во дворе, к которому привязывают животных, ср.: Баскаков (97) *мома*, Наджип (712) *мома*, Ярринг (197) *мому*, кирг. *момук*.

Новас «бычок в возрасте 2—3 лет», лит. и семир. *топақ*, ср.: узб. *новвас*, кирг. *оопаз*. **Нохат** — сорт гороха, лит. и семир *көк почақ*, ср. узб. *нухат*. **Өп- ~ үп-** «целовать», лит. и семир. *сөй-*, ср.: узб. *уп-*, кирг. *өп-*. **Өтә** «очень, весьма», лит. и семир. *наһайити, интайин*, в семиреченском говоре кроме литературных вариантов употребляются также *бедәстир, тәслимә, өтә*, ср.: узб. *ута*, кирг. *өтө*, каз. *өте*.

Пайтешә «тесло», лит. и семир. *бегән*, ср. узб. *пойтеша*, кирг. *пайтеше* (в южн. диалекте). **Палахман** «праща», лит.

и семир. *салға*, ср.: узб. *палақмон*, кирг. *палакман* (в южн. диалекте). **Парақ** «решето», лит. и семир. *ғәлвир*, ср. кирг. *парак*. **Пәрмә** «сверло, бурав», лит. и семир. *бурға*, ср. узб. *парма*, кирг. *парма* (в южн. диалекте). **Печәкгүл** «вьюнок садовый» (цветы), лит. и семир. *йөгүмәш гүл*, ср. узб. *печакгул*. **Постон** «шуба, тулуп», лит. и семир. *жуга*, ср. узб. *пустин*. **Репидә** — рукавица в виде круглой плоской ватной подушечки, обшитая плотной материей, с помощью которой прилепляют лепешки к стенкам тандыра, лит. и семир. *йәңлик, гезинә*, ср.: узб. *рапида*, кирг. *рапта* (в южн. диалекте).

Сақит — тонкая лепешка, жареная в масле, приготовляемая обычно в дни религиозных праздников, как поминки по умершим, святым, лит. и семир. *жит*. **Сәрра°п** — боковая балка в основе потолка, на которую кладутся поперечные балки или стропила, лит. и семир. *балавеши*, ср.: узб. *сарров*, кирг. *сарап*. **Секин** «тихо, тихонько, медленно», лит. и семир. *аста*, ср. узб. *секин*. **Сойлақ** «овес», лит. и семир. *сулу*, ср. кирг. *сойлок* «овсюг». **Сувур** «сурок», лит. и семир. *давхан*, ср.: кашг. (Малов, УНС, 152) *сувур*, Баскаков (140), Наджип (525) *суғур*, узб. *суғур*, кирг. *суур*, каз. *суыр*.

Таман «сторона, край», лит. и семир. *тәрәп, йақ*, ср.: Наджип (284) *таман*, узб. *томон*, кирг., каз. *таман*. **Тоққуз**— вечер, вечеринка с угощением, устраиваемая у каждого из ее участников, лит. и семир. *мәшрәп ~ қата мәшрәп*. **Тосун** «балка, перекладина», лит. и семир. *лим*, ср. узб. *тусин*.

Үстүн «столб», лит. и семир. *столб, истолба, түврүк*, ср. узб. *устун*. **Ханә** «комната», лит. *бөлмә*, ср.: хот. (Малов, УНС, 168) *хана* «помещение, дом», хам. (Малов, УЯ, 190) *ханә* «дом, хозяйство», Баскаков (165) *ханә* «помещение, место, жилище», Наджип (420) *ханә* «дом, помещение, жилище, комната», Ярринг (125) *ха:нә* «дом», узб. *хона*, кирг. *кана*. В литературном языке и семиреченском говоре слово *хана* превратилось в аффикс словообразования (*ашхана* «столовая», *ағриқхана* «больница», *меһманхана* «гостиница», *отунхана* «дровяник» и т. д.) и самостоятельно не употребляется. **Хәндәләк ~ хәндәләг ~ һәндәләк** — сорт скороспелой дыни, лит. и семир. *чилгә*, ср.: Наджип (423) *хәндиләк*, узб. *хандалак*. **Һүр-** «лаять» (о собаке), лит. и семир. *Һавши-*, ср.: Баскаков (62) *һур-*, узб. *хур-*, кирг. каз. *ур-*.

Чап ~ чәп «левый», лит. и семир. *сол*, ср.: Баскаков (30), Наджип (389) *чәп*, узб. *чап*, кирг. *чап* (в южн. диалекте). **Чачиқ** «полотенце», лит. и семир. *лөңгә*, *ср.: узб. чочиқ*, кирг. *чачык* (в южн. диалекте). **Чәккүш** — молоток с вставленным зубцом, которым насекают жернов, лит. и семир. *митин*. **Чеккә** «течь, капля», лит. и семир. *тамча*, ср.: Баскаков (30) *чәккә*, узб. *чакка*. **Чинчилақ** «мизинец», лит. и семир. *чимәлтәк*, ср.: акс., турф. (Малов, УНС, 172) *чимбилдақ*, узб. *жимжилоқ, чимчалоқ*, кирг. *чыпалак*. **Чорс** «строптивый, норовистый, пугливый» (о лошади), лит. и семир. *тосун*, в семиреченском говоре употребляется еще слово *асав*, заимствованное, по-видимому, из казахского языка, ср.: каз. *асау*. **Чотур** «рябой» (со следами оспы), лит. и семир. *чоқур*, ср.: узб. *чутир*, кирг. *чотур*, (в южн. диалекте). **Чүли** «компот», лит. *компот*, семир. *қақ сүйи*.

Шәмәк — название травянистого растения. **Шәшил-** «торопиться, спешить», лит .и семир. *алдира-*, ср.: узб. *шошил-*, кирг. *шаш-*. **Шип** «потолок», лит. и семир. *торус*, ср.: узб. *шип*, кирг. *шып*. **Шора** «лебеда», лит. и семир. *лойликокат*, ср.: узб. *шура*, кирг. *шоро*.

Отсутствие указанных слов в литературном языке советских уйгуров и семиреченском говоре не означает, однако, что они характеризуют лишь ферганский говор. Диалектные записи ученых-уйгуроведов свидетельствуют о довольно широком распространении этих слов в народных говорах восточнотуркестанских уйгуров. Более того, Э. Н. Наджип в своем «Уйгурско-русском словаре» [57], отражающем прежде всего лексику языка зарубежных уйгуров, приводит некоторые из этих слов как принадлежность литературного языка.

Очевидно, в 20-е и 30-е годы, когда только создавался литературный язык для советских уйгуров, лексические элементы ферганского говора в нем были представлены гораздо больше, чем сейчас, и эти слова тогда параллельно бытовали со своими семиреченскими соответствиями в качестве литературных дублетов. Так, в «Уйгурско-русском словаре» Н. А. Баскакова и В. М. Насилова [58] вместе со словами *хусусән, егиз, ағриқ, сәрәңгә, тәрхәмәк, сәвзә, йоған, сол, тамча* и т. д. даны их соответствующие дублеты *айниқса, бәләнд, бетап, гугу(р)т, хаң-го, зә(р)дәк, катта, чәп, чеккә*, которые потом вышли из литературного употребления.

Слова ферганского говора, отсутствующие в литературном языке, примечательны еще и тем, что в них обнаруживается большое сходство с соответствующим лексическим материалом узбекского, киргизского, отчасти и казахского языков. Как видно из сравнительного анализа, около 80%

---

[57] Наджип Э. Н. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
[58] Баскаков А. Н. и Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

приведенных выше слов имеют свои параллели в узбекском языке и более половины — в киргизском. Причем большинство киргизских параллелей характеризует южный диалект [59], носители которого проживают, так же как и уйгуры Ферганы, в тесном контакте с узбеками. Большое влияние узбекского, таджикского, а также уйгурского языков на язык киргизов, проживающих на территории Узбекской ССР, в частности в Ферганской долине, неоднократно отмечалось киргизскими диалектологами [60].

Несомненно, что определенная часть слов, составляющих лексическое своеобразие ферганского говора, заимствована из узбекского языка. Вместе с тем следует отметить, что большинство из этих диалектизмов вполне могло функционировать в изучаемом говоре самостоятельно, т. е. независимо от узбекского влияния. Казалось бы на первый взгляд, бесспорно, что слова *астанә, әйниқсә, бәләнт, гүгүт, ортәқ, катта, чәп* и др. заимствованы говором из узбекского языка, для которого они являются характерными и общеупотребительными. Однако, как мы уже видели, эти слова зафиксированы учеными-уйгуроведами в самых различных уйгурских диалектах и говорах и бытуют в настоящее время как неотъемлемая часть общего лексического богатства уйгурского языка. Это обстоятельство, следовательно, заставляет нас быть более осторожными при определении объема лексических заимствований из узбекского языка.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

В силу различных причин, главным образом экстралингвистических, уйгурские диалекты и говоры находятся в самых различных соотношениях между собой и с литературным языком. Величина этих соотношений определяется, в частности, семантикой слов, т. е. тем, насколько совпадают значения данного слова говора со значениями соответствующего слова литературного языка. Привлечение лексического материала из различных говоров общенародного уйгурского языка и их сопоставительный анализ показывают, что судьба известной части слов в говоре и литературном языке

[59] В «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина (М., 1965) подобные слова приведены с пометой *южн.* (южный диалект).

[60] См.: Абдуллаев Э., Бакинова Г., Бейшеков Н. Местные особенности языка киргизов, проживающих в Узбекистане (на киргизском языке). Фрунзе, 1962; см. также: Юнусалиев Б. М. К истории некоторых фонетических особенностей киргизских диалектов. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968, стр. 51.

складывалась по-разному и здесь наблюдается довольно пестрая картина. Приведем примеры.

Ферг. *авқат ~ авқәт* «пища, пропитание» — лит. *оқәт* «занятие, профессия», ср.: Баскаков (15, 105), Наджип (56, 104) *авқат ~ оқәт* 1) пища, пропитание, провизия, 2) занятие, профессия, Малов, УЯ (172) *о:қат* «заработок, работа за плату», Ярринг (30) *авқат ~ авқәт* «средство, дело, занятие». Ферг. *асра- ~ әсра-* «беречь, сохранять» — лит. *асра-* «кормить, содержать», Баскаков (14) *асра-* 1) воспитывать, содержать на иждивении, 2) выращивать, Наджип (36) *асра-* 1) воспитывать, содержать, 2) выращивать, растить (скот), 3) беречь, хранить, сохранять. Ферг. *ашна ~ әшна* 1) друг, приятель, 2) любовник, любовница — лит. *әшна* «любовник, любовница», т. е. в литературном языке отсутствует его значение «друг, приятель», ср.: кашг. (Малов, УНС, 96) *ашна* «друг, приятель», Баскаков (14) *ашна* «знакомый, приятель», Ярринг (28) *а:шина ~ а:ш^{и}на ~ а:шинә ~ а:шна ~ ашна* «друг, товарищ, подруга, возлюбленный». Ферг. *ашық-машық* «шарнир» (для дверей, окон) — лит. *ашиқ-мәшуқ* «влюбленные, пара влюбленных», Ярринг (28) *а:шық-мәшуқ* «пара влюбленных, любовь». Ферг. *бава ~ ~ бова* «прадед» — лит. *бава ~ бова* «дед, дедушка», ср.: Малов, УЯ (140, 142) *бава ~ бова* «старый человек, старший родственник, дед», турф. (Малов, УНС, 97) *бава* «прадедушка», Малов, ЛЯ (89) *бава* «старик», Баскаков (19) *бава* «дедушка», *чоң бава* «прадедушка», Ярринг (45) *баба ~ бава ~ бова ~ бува* «дедушка, старик». Ферг. *ғәләти* «чудесный, чудный, необыкновенный, оригинальный, странный, курьезный» — лит. *ғәлитә* «странный, курьезный, диковинный, затейливый, вычурный», Баскаков (55) *ғәлити* «странный, курьезный, диковинный», Наджип (562) *ғәлити* «странный, удивительный, оригинальный, интересный, увлекательный, занимательный, забавный, курьезный», Ярринг (109) *ғәләт* «ошибка, ошибочный, странный, удивительный». Ферг. *индин ~ индинликқа* «послезавтра» — лит. *индин ~ индинликқа* «после послезавтра», ср.: турф. (Малов, УНС, 113) *инделиққа* «на третий день», Малов, УЯ (251) *инделыққа* «после послезавтра, на 4-й день», Баскаков (64) *индин* «послезавтра», Наджип (182) *индин, индиликқа* «послезавтра». Ферг. *қәләмпир* «перец» — лит. *қәләмпир* «гвоздика (пряность)», ср.: семир. *қаләмпир чай* — дикое растение, из которого приготавливают чай (заварку), ярк. (Малов, УНС, 123) *қәләмпор* «растение», «гвоздика», Баскаков (121) *қәләмпу(р)* «перец», Наджип (598) *қәләмпур* 1) перец, 2) гвоздика, Ярринг (244) *қәранфил ~ қәләмпур* «гвоздика (пряность)». Ферг. *қишлақ ~ қышлақ* «кишлак,

село, деревня» — лит. *қишлақ* «зимовка» (место, где зимует скот), ср.: Малов, ЛЯ (133) *қыштақ* «(зимнее) селение», Баскаков (123) *қишлақ* 1) зимовка, 2) кишлак, деревня, Наджип (629) *қишлақ* «кишлак, село, селение, деревня». Ферг. *нәшə* «конопля» (растение) — лит. *нəшə* «гашиш, анаша», ср.: Баскаков (102) *нəшə* «гашиш, наркоз, наркотик из конопли», Наджип (736) *нəшə* «анаша, гашиш», Ярринг (207) *нəшə* «гашиш». Ферг. *ортақ ~ ортəғ ~ ортəқ* «товарищ, друг» — лит. *ортақ* «общий, находящийся в общем пользовании», ср.: Малов, УЯ (172) *ортақ* «товарищ», Баскаков (106) *о(р)тақ* 1) товарищ, 2) компаньон, издольщик, Наджип (94) *ортақ* «товарищ, совместный, общий». Ферг. *паша* «муха» (в этом значении употребляется также и *чивин ~ чибин)* — лит. *паша* «комар», ср.: Малов, ЛЯ (155) *паша* «комар, муха», Баскаков (111) *паша* «комар», Наджип (243) *пашша* «комар, муха», Ярринг (224) *пашə* «комар, мошка». Ферг. *пəқир ~ пəқи:* «ведро» — семир. *бақыр* или *бақыр чөмүч* «ковш, ковшик (металлический)», ср.: Баскаков (110), Наджип (243) *пақир* «ведро» (в лит. ведро *челəк*). Ферг. *соғақ* «холод, мороз» — лит. *соғақ* «человек с дурными выходками», ср.: кашг. *соғақ ~ совақ* (Малов, УНС, 151) «холодный», Малов, ЛЯ (162) *соғақ* «холодный», Баскаков (137) *соғақ* «холод, мороз, стужа, холодный, морозный, студеный», Наджип (516) *соғуқ* «холодный, морозный, холод, мороз», Ярринг (276) *соғақ* «холодный, морозный». Ферг. *тал* «виноградная лоза» — лит. *тал* «тальник, ива», ср.: ярк. (Малов, УНС, 155) *тал* «виноградная лоза», Малов, УЯ (181) *тал* «ива», Малов, ЛЯ (167) *тал* «(растение) тал», Баскаков (145) *тал* «узколистная ива, ива, верба», Наджип (181) *тал* «ива, тальник, верба». Ферг. *то:ла-* «кричать, окрикивать» — лит. *то:ла-* «стонать», ср.: кашг. (Малов, УНС, 159) *това°ла-* «кричать», Малов, УЯ (185) *товула-* «громко кричать», Малов, ЛЯ (173) *товала- ~ товола- ~ товоло- ~ товула-* «кричать, голосить, приглашать на помощь», Баскаков (156) *то(в)ла-* «кричать, выкрикивать, причитать, стонать, браниться, ругаться», Наджип (325) *товла-* 1) охать, стонать, 2) окликать, 3) петь, напевать, 4) браниться, ругаться, Ярринг (313) *товала- ~ товла-* «кричать». Ферг. *шишə* «бутылка» — лит. *шишə* «стекло (керосиновой) лампы», ср.: Малов, УЯ (197) *шишə* «сосуд, горшок», Баскаков (193) *шишə* «стекло, склянка, бутылка», Наджип (553) *шешə* «ламповое стекло», Ярринг (288) *шишə* «стекло, бутылка».

Число примеров можно было бы значительно увеличить. Однако и приведенных достаточно для вывода о том, что слова, восходящие к одному и тому же этимологическому источнику, в говоре и литературном языке могут расходиться в значениях. В то же время эти значения слов говора находят свои соответствия в других диалектных единицах уйгурского языка, с которыми в прошлом изучаемый говор, очевидно, составлял единую систему. Кроме того, эти примеры свидетельствуют о наличии массы не унифицированных слов не только в кругу диалектов и говоров, что составляет их сущность, но и в пределах двух вариантов (восточно-туркестанского и советского) уйгурского литературного языка.

Следует отметить, что имеются в говоре слова, значения которых совпадают со значениями их литературных параллелей, но отличаются от них более частым употреблением. Такие слова, как *айаз* «мороз, ясная морозная погода», *азар* «мучение, мука, огорчение», *азар бер-* «мучить, огорчать», *дəстə* «ручка», *идиш* «посуда», *кампир* «старуха» и другие, хотя и понятны всему языковому коллективу и нельзя поэтому их рассматривать как диалектизмы, однако в литературном языке встречаются крайне редко. По-видимому, подобные слова приобрели общенародный характер благодаря тому, что они довольно часто употребляются в народно-поэтической речи (в стихах и бейтах, пословицах и поговорках), распространенной повсеместно.

Сфера употребления слова *данə* «штука» в говоре шире, чем в литературном языке. Оно может сочетаться, например, со словами, обозначающими лицо, что нехарактерно для литературного языка: *үч данə бала* «три мальчика». Слово *сувай* в говоре употребляется самостоятельно в значении «вдовец, вдова». Оно же в литературном языке потеряло самостоятельность и встречается лишь в составе парного слова *сувай-салтаң* «не имеющая детей, не обремененная детьми» (о женщине) и т. д.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

Довольно большое количество слов ферганского говора отличается от соответствующих слов литературного языка также фонетическим оформлением, что отражает не только действующие в говоре законы фонетики, но и влияние местного узбекского произношения [61].

В ферг. говоре	В лит. языке	Значение
авуш	*ош ~ очум*	пригоршня
ана:	*анар*	гранат
андай	*андақ*	этакий, этак, так

[61] О фономорфологическом своеобразии аффиксов см. соответствующие разделы «Морфологии».

арық	*орук*	худой, тощий
ачқы	*ашқуч*	ключ
э:лик	*әңлик*	румяна
әлләс	*әтләс*	атлас (сорт ткани)
аны ~ әни	*уни*	его (вин. падеж)
әррә	*һәрә*	пила
бақа	*пақа*	лягушка
бәлиқ	*белиқ*	рыба
вәһимә	*вайим*	тревога, переживание
гош	*гөш*	мясо
ғыш	*хиш*	кирпич
дә:с	*дәрис*	урок, занятие
довуш	*тавуш*	голос, звук
егәв	*екәк*	напильник
енҗу	*әнҗир*	инжир
ес	*әс*	память, рассудок
җиғынәк	*җәйнәк*	локоть
җөмәк	*шүмәк*	кран, носик (чайника)
зәк	*зәй*	сырость, сырой
иңишкә	*инчик ~ инчикә*	тонкий
йаңғақ	*йаңақ*	орех
йашин	*йешил*	зеленый
йәңги	*йеңи*	новый
йетти	*йәттә*	семь
кәндий	*кәндир*	кендырь, конопля
кегин	*кейин*	потом
көпрүк	*көврүк*	мост
қавурға	*қо:ға*	ребро
қазық	*қозуқ*	кол
қалдығач	*қалғач*	ласточка
қечир	*хечир*	мул, лошак
қәшқәрбедә	*қашқыбедә*	дикая люцерна
лекигин	*лекин*	но, однако
маска	*мәшкә*	сливочное масло
мәңиз	*меғиз*	ядро, зерно
мийә	*буйа*	заразиха (сорная трава)
мурут	*бурут*	усы
ойан	*ойун*	игра
ошы ~ оша	*шу*	тот, та, то
пәкәнә	*пакинәк*	низкий, низкорослый
пишадә	*пийадә*	пешком, пеший
сигир	*сийир*	корова
симуқ	*сумруқ*	симург
сынық	*сунуқ*	сломанный, разбитый
сүддирә-	*сөрә-*	волочить, тащить

тандыр	*тону(р)*	тандыр
тәзәлә-	*тазыла-*	очищать, вычищать
тәкә	*текә*	козел
түпрүк	*түкрүк*	плевок
увал	*угал*	грех
улақ	*оғлақ*	козленок
үргән- ~ үйрен-	*үгән-*	учиться, научиться, привыкать
хораз ~ хорас	*ғораз*	петух
һәвлә ~ һәвлү	*һойла*	двор
чәпәк	*чавак*	аплодисменты
чега	*чигә*	веревка, пеньковый канат
чим	*ким*	кто
чоз-	*соз-*	протягивать, удлинять
чуқур	*чоңқур*	яма, впадина
шалығай	*шөлгәй*	слюна

Как видно из примеров, процессы фонетического развития слов в говоре и литературном языке протекают далеко не равномерно. Это объясняется изолированностью изучаемого говора, отстуствием нормализующего воздействия на него литературного произношения. Благоприятным условием, при котором формируются фонетические отличия слов, является бытование говора только в устно-разговорной форме. «В разговорном языке роль фонетической системы в передаче информации снижена за счет усиления роли интонационных средств, жеста, мимики, использования знания обстановки речи, а также вследствие близкого контакта собеседников. В связи с этим возрастает роль явления нейтрализации. Звуки могут сильно менять свои качества, ослабляться и совсем исчезать в потоке речи, так что часть фонем в словах оказывается совсем не представленной»[62].

ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

В появлении диалектной лексики весьма важную роль играют как внешние факторы (социальная обусловленность языка, этнолингвистическое окружение, географическое положение и т. д.), так и внутренние законы построения данной диалектной единицы. Наиболее характерными

[62] Земская Е. А. Русская разговорная речь. — ВЯ, 1971, № 5, стр. 69.

источниками образования диалектизмов в языке уйгуров Ферганской долины являются следующие:

1) собственная словообразовательная система, свойственная изучаемому говору;

2) своеобразное воздействие родственных и неродственных языков;

3) отражение в говоре специфического характера местной природы (флора и фауна, свойства поверхности), общественного производства, уклада жизни и т. д.;

4) лексические элементы дореволюционных уйгурских письменных памятников (в том числе и религиозных книг) в языке некоторой части старообрядческого населения.

Вкратце остановимся на каждом из этих источников.

1. СОБСТВЕННАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Нельзя думать, что ферганский говор обладает такой системой словообразования, которую можно было бы резко противопоставить соответствующей системе образования слов в литературном языке. Там и здесь ведущей является аффиксация. Продуктивен также аналитический способ. Вместе с тем существуют, конечно, некоторые особенности [63].

Прежде всего, обращают на себя внимание производные слова, образованные посредством аффиксов, отсутствующих в литературном языке. К ним относятся следующее:

1) *-дай, -дәй, -дий* (лит. *-дақ, -дәк, -тәк*): *андай* «этакий, этак», *қандай* «какой, как», *шундәй ~ шундий* «такой, так», *жиндәй* «чуть-чуть, чуточку»;

2) *-ли* (лит. *-лиқ, -лик, -луқ, -лук*) *йақымли* «приятный», *он бәш йәшли* «пятнадцатилетний», *шекилли* «видимо, по-видимому»;

3) *-ав, -әв, -в: бирәв* «кто-то, некий», *икков* «двое»;

4) *-бай, -вай: Кимсәмбай, Журавай, Ахунбай* (собст. имена);

5) *-тә: биттә, иккитә, үштә, онтә* (штучные числительные);

6) *-увчи, -учи* (лит. *-ғучи, -гүчи, -құчи, -кучи*): *қатнашучи* «участник», *оқувчи* «ученик», *оқутувчи* «учитель», *бала бақучи* «няня»;

7) *-пайә: шалипайә* «рисовое поле», *бедийпайә* «клеверное поле», *машипайә* «гороховое поле»;

8) *-лақ: музлақ (су)* «холодная (вода)»;

9) *-гир: бәзмигир* «певец (или музыкант) на пирушке»;

10) *-ғур: жәмғур-* «собирать в одно место».

Некоторые общеизвестные в пределах уйгурского языка аффиксы в ферганском говоре являются более продуктивными, и при их помощи образован ряд слов, не ставших достоянием литературного языка. Так, например, аффикс субъективной оценки *-кинә* (с фонетическими вариантами) в говоре образует слова от основ прилагательных. Кстати сказать, именно данный тип образования прилагательных субъективной оценки в изучаемом говоре совпадает с функционирующим в литературном языке: *кичиккинә* «малюсенький», *аққина* «беленький» и т. д. Вместе с тем этот показатель в говоре образует слова и от основ имен существительных, что нехарактерно для литературного языка: *аткинә* «конек, лошадка», *тишкинә* «зубок», *башкинә* «головушка», *сачкинә* «волосики, волоски» и т. д.

В качестве диалектных лексических единиц, возникших посредством характерного для ферганского говора аффиксального типа словообразования, можно привести следующие: *ә:злән-* (<*әриз*+*-лән*, лит. *әриз бәр-, әриз қил-*) «подавать заявление»; *бараңла-* (лит. *болуқ өс-, шахарап өс-*) «обильно расти»; *бахма* (лит. *беқивалған*) «приемный», *бахма бала* «приемный ребенок»; *даванчи* «проводник через горные перевалы»; *йоғна-* (<*йоған*+*-а*, лит. *йоғар-*) «увеличиться, стать большим»; *илгәк* (лит. *илғур*) «крючок»; *йедур-* (лит. *йегүз-*) «заставить есть»; *йеткүр-* (лит. *йәткүз-*) «доставить»; *кескүр* (лит. *өткүр, иштик*) «острый»; *қашқа:чи* (лит. *қәшқә:лиқ*) «кашгарец»; *шәйтәнлә-* (лит. *тутқағлиғи тут-*) «биться в припадке»; *биринҗи* (лит. *биринчи*) «первый»; *иккинҗи* (лит. *иккинчи*) «второй»; *етикдоз* (лит. *өтүкчи*) «сапожник»; *һалвыпуруч* «продавец халвы»; *пахтыпуруч* «продавец хлопка»; *йәңчи* (лит. *йәңлик*) — рукавица, с помощью которой сажают лепешки в тандыр; *тумарчә* «бакенбарды»; *каллыпәз* — повар, готовящий для продажи кушанья из голов, ног, требухи животных; *көмтәр-* (лит. *көмүр-*) «перевернуть вверх дном»; *марала-* (лит. *мара-*) «подглядывать, подсматривать»; *мәдикәш* (лит. *мәдикар*) «поденщик»; *тутунақ* (лит. *тутқағлиқ*) «припадок, эпилепсия»; *валаңши-* (лит. *валаңла-*) «гудеть, грохотать» (о жерновах), *пилаңши-* (лит. *пулаңла-*) «болтаться, качаться».

Имеется ряд диалектных слов, образованных посредством префиксов иранского происхождения *бе-* и *на-*: *беәқил* (лит. *әқилсиз*) «глупый, слабоумный», *беәҗәл* (лит. *әҗәлсиз*) «в отсутствии смертного часа»; *бегуман* (лит. *гумансиз*) «в отсутствии смертного часа»; *бесақал* «безбородый»;

[63] Подробнее о способах и средствах словообразования в говоре см. соответствующие разделы «Морфологии».

бетохтав «немедленно, сразу»; *бетап* (лит. *ағриқ, сақсиз*) «больной, нездоровый»; *бешәк* (лит. *шәк йоқ*) «безусловно, несомненно»; *нашат* «невеселый, безрадостный, безотрадный»; *натақәт* (лит. *тақәтсиз*) «нетерпеливый».

В речи носителей ферганского говора часть сложных слов, сложных глаголов в особенности, встречается в стяженных и сильно искаженных формах, что также способствует увеличению числа диалектизмов: *апә:-* (<*ал-+-ип бәр-*) «дать, подать»; *әчий* (<*ал-+-ип кир-*) «занести, завести»; *е:чиқ-* (<*ал-+-ип чиқ-*) «выносить»; *әшә* (<*аву шу йәр*) «то самое место»; *ийағ* (<*у йақ*) «та сторона»; *шәдә* (<*шу йәр+-дә*) «там» и т. д.

Таким образом, те специфические черты и отклонения от литературной нормы, которые наблюдаются в системе словообразования ферганского говора, служат одной из важных причин возникновения в нем диалектизмов.

2. ДИАЛЕКТИЗМЫ, ВОЗНИКШИЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Безусловно, в образовании диалектной лексики весьма существенную роль играет воздействие иноязычной стихии. В соответствующих разделах о лексическом заимствовании из родственных (узбекского, киргизского) и неродственных (иранских, арабского, китайского, русского) языков мы указывали не только на слова, которые с течением времени приобрели общенародный характер, но и на те, которые составляют особенность ферганского говора. Поэтому, обобщая свои наблюдения по данному вопросу, нам остается лишь сделать несколько замечаний.

Во-первых. Диалектная лексика ферганского говора, возникшая в результате своеобразного воздействия на него других языков, количественно превосходит диалектизмы, по возникновению связанные с любым из известных нам источников. Факт этот лишний раз подтверждает наше мнение о том, что в данный момент, когда язык уйгуров Ферганы переживает процесс дифференциации, его собственные словообразовательные и другие внутренние возможности используются далеко не достаточно, а рост и обновление лексики происходит в основном за счет заимствованных слов.

Во-вторых. Из всех источников заимствования наиболее существенными с точки зрения возникновения диалектных слов являются современные узбекский и таджикский языки, в окружении которых бытует ферганский говор. Следует оговориться, однако, что остаются окончательно не выяснен-

ными каналы, по которым в говор проникали фарсизмы (т. е. таджикские лексические элементы) позднейшего периода. По всей вероятности, определенная часть слов этого рода вошла в говор через посредство узбекского языка и осталась на уровне диалектизмов.

В-третьих. Заимствования из арабского, китайского и русского языков, наоборот, менее существенны в образовании диалектной лексики, так как абсолютное большинство слов из этих языков повторяется в лексическом составе литературного уйгурского языка.

3. ДИАЛЕКТИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

К этой группе диалектизмов относятся слова, обозначающие специфический характер местной природы, род занятий, духовной и материальной культуры и т. д. Как известно, Ферганская долина отличается исключительным богатством культурных растений, основное занятие тружеников сельского хозяйства — хлопководство. Естественно поэтому, что термины и слова, связанные с земледелием, в ферганском говоре представлены разнообразнее, чем, скажем, в семиреченском. Так, например, в уйгурских селениях Ферганской долины колхозники выращивают хлопчатник, и слова, связанные с данной культурой, известны главным образом только жителям этих мест: *чигит* «семена хлопчатника», *чирпиқ* или *чиқәнқә* «чеканка», *чекәнкә қыл-* «чеканить хлопок, производить чеканку» (хлопчатника), *мәллә пахта* «египетский хлопок», *малы қыл-* ~ *малы бас-* «размельчать комки вспаханного поля» и т. д. То же можно сказать относительно названия сортов винограда — *дарайи, чарас*; граната — *қәйим анар*; риса — *деврезә*; гороха — *нохат* и т. д.

Слово *бужғун* «недоразвитый плод фисташки» не получило и не могло получить широкого распространения, поскольку обозначаемый этим словом предмет имеет хозяйственное значение лишь в Фергане. В сельских местностях колхозники на своих приусадебных участках выращивают рис, чистят его в специально построенных водяных рисорушках. Таких хозяйственных операций не знают уйгуры, проживающие в Казахстане, северной части Киргизии и Туркмении. Поэтому слова *абжуваз* ~ *әжваз* «водяная рисорушка», *лиңкап* ~ *ләңкап* — ударяющая часть водяной рисорушки, *йәлпуч тавақ* — деревянное блюдо, специально сделанное для очистки риса, характерны только для ферганского говора.

Гүвәләк ~ гүвләк — колобки из глины, употребляемые вместо кирпича для кладки стен, заборов, *тәңзилташ* — порода в виде жженного кирпича, употребляемая в народной медицине для лечения ран, нарывов, опухолей,— это реалии имеющие распространение только среди местного населения. Следовательно, и соответствующие слова не выходили за пределы породившего их коллектива.

В качестве слов местного значения можно привести названия годов двенадцатилетнего животного цикла, сохранившиеся в изучаемом говоре среди жителей старшего поколения: *мушт* «мышь», *бәқәр* «корова», *пәләң* «тигр», *һәргүш* «заяц», *ләһәң* «рыба», *мор* «змея», *аспи* «лошадь», *гөспән* «баран», *һәмдунә* «обезьяна», *мурқ* «курица», *сәк* «собака», *һок* «свинья». В других местах, например в Илийском крае и Семиречье, приняты уйгурские названия этих животных: *чашқан, уй, барис, тошқан, белиқ, илан, ат, қой, маймун, ишт, тоху, тоңғуз.*

4. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

В составе лексики ферганского говора имеются слова, отсутствующие в литературном языке советских уйгуров, но широко употреблявшиеся в дореволюционном уйгурском языке и в некоторых говорах современного восточнотуркестанского уйгурского языка. Сохранение в говоре лексических элементов уйгурского языка более раннего периода объясняется разными причинами.

1. Язык уйгуров Ферганской долины представляет собой лингвистический островок, почти полностью потерявший непосредственную связь не только со всеми диалектами и говорами общенародного уйгурского языка, но и с литературным языком советских уйгуров. Его носители отделены от восточнотуркестанских уйгуров государственной границей СССР, а от казахстанских — большим расстоянием [64] и огромными горными массивами. Такая изолированность ферганского говора послужила причиной того, что в нем сохранился слой лексики уйгурского языка, главным образом XVIII—XIX вв., вышедший из современного литературного употребления или вообще не входивший в состав лексики литературного языка. Так, например, бытующее в изучаемом говоре слово *шалғам* «репа» не встречается в современном уйгурском литературном языке и в речи носителей семиреченского говора. Оно не обнаружено нами также в записях С. Е. Малова и Г. Ярринга, сделанных ими в Восточном Туркестане. Однако мы находим это слово в произведениях представителя классической уйгурской литературы Турди Ғәрибий, жившего в первой половине XIX в.:

Ки: «Әй, кәсб ичрә шәлғәм фуруш,
Саңа нәгә дур мунчә қилмақ хуруш?» [65]
«Эй, продавец репы среди ремесленников,
Отчего ты так расшумелся?».

К словам дореволюционного уйгурского языка, вышедшим из употребления в современном уйгурском литературном языке, но сохранившимся в ферганском говоре, можно отнести следующие: ст.-уйг. *астанә* (215)[66], ферг. *астанә* (лит. *босуға*) «порог»; ст.-уйг. *бәләнд* (207), ферг. *бәләнт ~ бәләт* (лит. *егиз*) «высокий»; ст.-уйг. *дәм* (280), ферг. *дәм* (лит. *көːрүк*) «кузнечный мех»; ст.-уйг. *ишит-*, ферг. *ешит- ~ ишит-* (лит. *аңла-, тиңша-*) «слышать, слушать»; ст.-уйг. *пақа* (281), ферг. *бақа* — крестовина на верхнем конце мельничной оси, на которой вращается верхний жернов; ст.-уйг. *постин* (292), ферг. *постон* (лит. *жуға*) «шуба»; ст.-уйг. *пичәк*, ферг. *печәк* (лит. *йөгимәш*) «вьюнок»; ст.-уйг. *тузақ* (283), ферг. *тузақ* (лит. *қилтақ*) «силок»; ст.-уйг. *ушла-* (202), ферг. *ушла-* (лит. *тут-*) «держать, хватать»; ст.-уйг. *ушул* (281), ферг. *ушул* (лит. *мошу*) «этот, это, эта»; ст.-уйг. *чәрмәндә* (302), ферг. *чирмәндә* (лит. *думбақ*) «бубен» и т. д. Ср. еще др.-уйг. *ышғун* «черешковый щавель» («Девану луғатит түрк». Т. I. Ташкент, 1960, стр. 133), ферг. *ишқин* «пучки», Юдахин (941) *ышқын* «ревень»; др.-уйг. *амач*, ферг. *а°мач* «соха (для вспашки земли)».

2. Среди жителей старшего поколения все еще имеет место увлечение чтением книг и рукописей религиозного и иного содержания на старописьменном уйгурском языке, которому присущи не только слова арабского и иранского происхождения, но и общетюркские слова и формы, давно вышедшие из употребления в современном литературном уйгурском языке. Язык подобных книг и рукописей оставляет, естественно, определенный отпечаток на языке старообрядных представителей говора и через них служит пополнением его лексического материала. К числу такого рода слов относятся: *рәбби ул әːла* «господь великий»; *ғапил* «несведущий,

[64] Расстояние между городами Алма-Ата и Андижан по шоссе Фрунзе — Ош составляет свыше 800 *км*.

[65] Әсирләр садаси. Топлигучилар: Һәмраев М., Юдин В., Моллаудов С., Мухлисов И. Алмута, 1963, стр. 300.

[66] В скобках указаны страницы книги «Әсирләр садаси» («Эхо веков»), откуда взято данное слово.

неосведомленный»; *ибни қақан* «сын хакана»; *ша'и дорән* «царская жизнь»; *әш* (<*әрш*) «чертог»; *әһлу айал* «женщины, женская половина»; *йәрән* «друзья, приятели»; *ерур* ~ ~ *ерур* «есть, является»; *өзрә* «на, над, сверху» и т. д.

* * *

Итак, наблюдение над лексикой ферганского говора позволяет прийти к следующим выводам.

1. Лексический состав ферганского говора, несмотря на своеобразную тенденцию развития, в основном сохранил черты, характерные для лексики общенародного уйгурского языка. Это достаточно ясно проявляется как в лексико-семантических закономерностях, так и во внешне-фонетическом оформлении слов. Вместе с тем нельзя не видеть в словаре говора явного узбекского колорита, который накапливался в течение веков в результате тесного живого контакта носителей с численно превосходящим местным узбекским населением. В настоящее время воздействие узбекского языка на лексический состав ферганского говора намного сильнее, чем когда-либо.

2. Если лексический состав ферганского говора рассматривать с точки зрения его происхождения, то можно констатировать следующее: собственно уйгурские (или общетюркские) слова в нем составляют около 60% (сюда же относятся общие тюрко-монгольские лексические параллели, а также слова, образованные в говоре на смешанном уйгурско-иноязычном материале типа *ахырқы* — ар.-уйг., *ашпәз* — уйг.-ир., *аташкурәк* — ир.-уйг. и т. д.), а остальные 40% заимствованы из иранских (16%), арабского (12%), китайского (1%), русского (6%) и узбекского (5%) языков.

Заимствованные слова с течением времени освоены говором как в лексико-семантическом, так и в фонетическом отношениях, они, так же как и исконные слова, служат важным коммуникативным средством и занимают прочное место в словарном составе говора. Большинство из них, утратив свой иноязычный характер, активно включается в словообразовательной процесс.

3. Сравнительный анализ показал, что в области лексики ферганский говор обнаруживает большое сходство с некоторыми говорами центрального диалекта, прежде всего с кашгарским. В пользу того, что язык ферганских уйгуров имеет преемственную связь с южными говорами Восточного Туркестана, свидетельствуют также топонимические названия.

4. Естественно, абсолютное большинство слов говора совпадает со словами литературного языка. Вместе с тем определенная часть продолжает оставаться на уровне диалектизмов. Понятно, что нет особой необходимости вводить в литературный оборот те из диалектизмов, которые имеют свои эквиваленты в литературном языке. Однако в словаре ферганского говора бытуют такие лексические единицы, которые при благоприятных условиях вполне могли бы быть использованы в литературном языке. Следовательно, ферганский говор, так же как и семиреченский, может служить одним из важных источников обогащения словаря литературного языка советских уйгуров.

МОРФОЛОГИЯ

СОСТАВ СЛОВА

Грамматические формы слова в ферганском говоре, как и во всех тюркских языках, образуются путем последовательного прибавления к основе определенных аффиксов. Прибавлением аффиксов к основе образуются также новые слова. Следовательно, при анализе морфологического состава слов выделяются в них в основном два вида морфем: основа, совпадающая с корнем, и аффикс.

Н. К. Дмитриев дает следующее определение основе (корню) и аффиксу: «Основа представляет собой устойчивый фонетически звуковой комплекс, который характеризуется определенным семантическим единством и функционирует самостоятельно как обозначение предмета, признака предмета, действия или грамматического отношения. Аффикс представляет собой звуковой комплекс, который фонетически зависит от основы и поэтому представляет не стандартное звукосочетание, а ряд фонетических вариантов. Не функционируя самостоятельно, аффикс приобретает семантическое единство только в соединении с основой»[1].

Приведенное определение корня, в основном справедливое для абсолютного большинства тюркских языков, для уйгурского требует, однако, некоторого уточнения в той части, где говорится об устойчивости звукового комплекса основы (корня). Дело в том, что во всех тюркских языках, кроме уйгурского (за исключением отдельных случаев), корень слова при прибавлении к нему аффиксов остается неизменным[2], чем и отличаются эти языки от флективных. Поэтому

[1] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.— Л., 1948, стр. 43.

[2] См.: Баскаков Н. А. Морфологическая структура слова в тюркских языках. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. — Л., 1963, стр. 77.

морфологическая структура слова в них довольно прозрачна. Так, например, авторы «Современного казахского языка» пишут: «Основа... служит для образования новых слов, к ней могут быть присоединены словообразовательные и словоизменительные аффиксы, причем она (основа.— *Г. С.*) сохраняет свой прежний звуковой облик...»[3]. Таким же свойством обладает корень слова и в узбекском языке [4].

Корневая морфема в ферганском говоре обнаруживает в этом отношении несколько иную специфику. Своеобразие заключается в том, что в говоре не только аффикс фонетически зависит от основы, но и основа часто находится в полной зависимости от фонетического характера аффикса. Кроме всевозможных общетюркских звуковых изменений (ассимиляция, выпадение, вставка звуков и т. д.), происходящих на стыке основы и аффикса, здесь необходимо отметить такие специфические явления уйгурской фонетики, как умлаут *(а, ə>е, о, ө)* и редукция гласных *(а, ə>ы, и, у, ү)*, которые в конечном счете приводят к внутренней флексии, «фонетической порче» корневого вокализма. Возьмем, к примеру, слово *бала* «ребенок». С прибавлением к нему аффикса множественного числа в ферганском говоре, как и в литературном произношении, мы получим словоформу *балла* вместо *балалар* в других тюркских языках; здесь конечный *а* основы редуцировался до нуля звука, а аффиксальный *р* выпал. Если к данной форме еще присоединить показатель винительного падежа, то будет *баллини*, т. е. гласный *а* аффикса множественного числа подвергается редукции и переходит в *и: балаларни>баллини*.

Приведем дополнительные примеры: *баш* «голова», но *беши* «его голова»; *сат-* «продавать», но *сетип* «продав»; *тән* «тело», но *тени* «его тело»; *ач-* «открывать», но *очуқ* «открытый»; *тәш-* «дырявить», но *төшүк* «дыра, отверстие»; *йүрәк* «сердце», но *йүркүм~йүрүгүм* «мое сердце»; *доппа* «тюбетейка», но *доппуси* «его тюбетейка» и др. Естественно, при наличии таких фузионных процессов трудно отделить корневую морфему от аффиксальной и наоборот. Во всяком случае, отнимая аффикс от основы, мы не получаем реально существующего слова. Ср.: *сили* (*<си+-ли<си+-лəр*) «вы»; *əпкə* (*<ал-+-ип кəл-*) «принести, привести, доставить»; *чү:п* (*<чүш-+-үп*) «спускаясь».

В уйгурском языке и его говорах, где фонетическая взаимозависимость основы и аффикса проявляется гораздо силь-

[3] Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 122—123.

[4] Қосимхужаева О. Сўзнинг морфологик таркиби. Тошкент, 1963, стр. 22.

нее, чем в других тюркских языках, фузионное соединение морфем широко распространено.

С точки зрения морфологического состава основы могут быть рассмотрены как непроизводные (первичные, корневые), производные и сложные. К непроизводным основам относятся такие, которые в современном языке неразложимы на какие-либо морфологические элементы, напр., *өй* «дом»; *қол* «рука»; *ич* «пить»; *иш* «работа»; *бир* «один»; *ақ* «белый» и т. д. Производные основы образуются от непроизводных путем присоединения к ним различных аффиксов словообразования, напр. *ишчи* (<*иш*+ +*-чи*) «рабочий»; *бирлик* (<*бир*+*-лик*) «единство, единица»; *ашпәз* (<*аш*+*-пәз*) «повар». Производная основа может состоять из корня и нескольких словопроизводных формантов, напр., *басмичи* (<*бас*+*-ма*+*-чи*) «басмач»; *йақымли* (<*йақ*+*-ым*+*-ли*) «приятный»; *кәңирчилик* (<*кәң*+*-ир*~ ~*-ри*+*-чи*+*-лик*) «раздолье, простор» и т. д. Сложная основа представляет собой слияние или спаривание (удвоение) двух (реже трех) основ; причем компоненты сложной основы по своей морфологической структуре могут быть, в свою очередь, корневыми или производными, напр., *ағи:ни* (<*аға*+*ини*) «братья, друг, приятель»; *ахйағ* (<*ақ*+*йағ*) «растительное масло»; *аташкүрәк* (<*аташ*+*күрә-*+*-к*) «щипцы для углей»; *әпчи-* (<*ал-*+*-ип*+*кир-*) «занести (в помещение), завести»; *ата-бова* «предки» и т. д.

АФФИКСЫ

По своему значению и функции аффиксы говора, так же как и литературного языка, делятся на словообразовательные, формообразовательные и словоизменительные.

Все три типа аффиксов, управляемые законами грамматики, изменяют слово. Изменения слов могут быть разными. Одни из них имеют результатом образование новых лексических единиц как выразителей новых понятий, ср., например: *баш* «голова», *башчи* «начальник, руководитель», *башлық* «головка (сапога)», *башла-* «начинать, вести за собой», *башлап* «сначала, сперва». Другие изменения менее существенны, они, не затрагивая лексических значений слов, добавляют к их семантике различные смысловые оттенки, напр., *қаш* «бровь» — *қашкинә* «бровка»; *қыз* «девушка» — *қызчақ* «девчурка, девчушка»; *китап* «книга» — *китаплар* «книги» и т. д. Третьи изменения выражают лишь различные отношения одного слова к другим словам в предложении, напр., *шәһәр* «город» — *шәһәрниң* «города», *шәһәрдә* «в городе», *шәһәргә* «в город» и т. д. Независимо от того, образовались ли разные лексические единицы (как в первом случае) или формы одного и того же слова, все они являются формами слова вообще.

Вместе с тем аффиксы словообразования, формообразования и словоизменения существенно отличаются друг от друга, и каждая из этих групп имеет свои специфические особенности.

Словообразовательные аффиксы производят новые слова с новой семантикой, они теснейшим образом связаны с основами и сообразуются с вещественным значением основ. При помощи формообразовательных аффиксов синтезируются различные грамматические формы слова, не связанные с его синтаксическим употреблением. К данному типу относятся аффиксы субъективной оценки, множественного числа существительных, степени сравнения прилагательных, залогов, аффиксы, образующие формы причастий и деепричастий и т. д. Словоизменительные аффиксы, передающие грамматическое (синтаксическое) отношение одного слова к другому в предложении, непостоянны в слове. После того как состоялся акт коммуникации, слово освобождается от своих формально-грамматических показателей. К словоизменительным относятся падежные аффиксы и аффиксы принадлежности существительных, личные окончания глаголов и т. д.

Всякая словоизменительная форма является универсальной в пределах той или иной части речи. По этому поводу Э. В. Севортян пишет: «В сфере своего применения словоизменительная категория универсальна. Ее функции распространяются на все слова данной части речи, равно как и на слова других частей речи, когда они используются взамен первых. Например, категория падежа или грамматической принадлежности охватывает все разновидности существительных, независимо от способа их образования, но, кроме того, и все многочисленные случаи постоянной субстантивации несубстантивных частей речи (например, прилагательных, порядковых числительных, причастий и некоторых других глагольных форм).

Словоизменительную форму можно образовать от любой единицы данной части речи. Словообразовательная же форма не универсальна. Она не обладает способностью создавать новые единицы данной части речи из любого словесного материала. Так, например, аффикс *-ла-//-лә-*, образующий глаголы от именных основ, не может быть использован при любой именной основе. Для образования глаголов с названным аффиксом пригодны не всякие существительные или прилагательные, а лишь такие, которые по отношению к действию, выражаемому глаголом в форме *-ла-//-лә-*, обозначают ору-

дие и средство действия, предмет действия, место, время и субъект действия»[5].

По сравнению со словообразующими аффиксами словоизменительные, особенно падежные окончания, по своему значению представляют собой высшую ступень абстракции. Это абстрагированное, типизированное и обобщенное выражение огромного количества частных случаев конкретных отношений между предметами и явлениями [6].

Словоизменительные аффиксы, поскольку их значения не имеют никакой предметности, не заимствуются; наоборот, словообразовательные аффиксы заимствуются, ибо их значения в той или иной степени связаны с конкретной предметностью.

Как было отмечено, словообразовательные формы имеют определенные лексико-семантические ограничения, и способность их производить новое слово далеко не одинакова. Они, в отличие от словоизменительных форм, могут быть разделены на продуктивные и непродуктивные. Продуктивными аффиксами мы называем такие, которые, во-первых, самостоятельно обнаруживают свое значение, следовательно, присоединяясь к основам, придают им одно определенное значение; во-вторых, активно развиваются и образуют значительное количество новых слов. Например, именные аффиксы *-лиқ, -чи, -чилиқ,* глагольный аффикс *-ла* и т. д.

У непродуктивных и малопродуктивных аффиксов способности образования новых слов либо нет, либо она ослаблена. Имеются такие непродуктивные (или мертвые) аффиксы, которые некогда образовывали слова, но потом словообразовательная структура этих исторически производных слов стерлась и теперь они уже воспринимаются как корневые. Например: *булут (<бул+-ут)* «облако», *илан (<ил+-ан)* «змея», *кишән (<кишә-+-н)* «путы», *арқа (<ар-+-қа)* «спина» и т. д.

Каждый аффикс, как правило, одновременно выражает лишь одно какое-либо значение. Поэтому количество грамматических показателей обычно соответствует количеству грамматических значений. Многозначными являются только личные окончания и показатели принадлежности, выражающие одновременно значения лица и числа.

Вопрос о том, какими путями возникают в языке аффиксы, давно привлекал внимание исследователей тюркских языков — русских, советских и зарубежных. В результате изучения фактов языка в этой области исследователи пришли к общепризнанному сейчас заключению, что аффиксы возникли из некогда самостоятельных слов путем постепенной грамматикализации постпозиционных элементов словосочетаний и сложных слов [7], что подтверждается на материале уйгурского языка. Фактов превращения слов в аффиксы в современном уйгурском языке множество. Укажем на некоторые из них в области имен существительных.

В уйгурском языке наличествуют такие элементы, как *хан, ахун, җан, кар, хор, ака, һәдә, гүл, ай, қыз* и т. д., которые, с одной стороны, употребляются как самостоятельные лексические единицы: *хан* «царь, правитель»; *ахун* «духовное лицо, старший мулла»; *җан* «душа»; *кар* «дело»; *хор* в сочетаниях *хор болуду, хор келиду* «больше употребляется, больше уходит» (о пище); *ака* «старший брат»; *һәдә* «старшая сестра»; *гүл* «цветок»; *ай* «луна»; *қыз* «девочка». С другой стороны, лишившись лексического значения, они вполне отчетливо выступают как словообразующие аффиксы имен существительных. Так, например, *-ахун, -хан, -җан, -гүл, -қыз,* присоединяясь к собственным именам, придают основе ласкательно-уменьшительное значение *(-җан, -гүл, -ай, -қыз)* и значение почета и уважения *(-хан, -ахун).* Причем *-хан* и *-ахун* присоединяются преимущественно к собственным именам пожилых людей, а *-җан, -гүл, -ай, -қыз* — к собственным именам людей более младшего возраста, например: *Әхмәтҗан, Мәһәмәтҗан, Қурванҗан,* ср. также *акиҗан* «браток», *укиҗан* «братик», *яриҗан* «моя возлюбленная»; *Ризвангүл, Айшигүл, Патигүл, Турсунай, Почунай, Айимқыз, Турақыз, Гүлсүмхан, Айимхан, Әлахан, Һезимахун, Һашимахун, Усувахун* и т. д.

Примерно то же можно сказать относительно образования аффикса *-кар* с фонетическими вариантами *-кәр, -гар, -гәр. Кар* [8] в качестве самостоятельного слова в значении де-

[5] Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 13.

[6] Серебренников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка.— В кн.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952, стр. 205—207.

[7] Из работ на эту тему см. например: Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на *-са/-се* в тюркских языках.— В кн. Академику В. А. Гордлевскому. М., 1953, стр. 36; Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 93; Боровков А. К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 58; Мусабаев Г. Қазақ тіліндегі кейбір кішірейткіш жұрнақтар. — «Известия АН КазССР. Серия лингвистическая», 1950, вып. 6, стр. 34; Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1964, стр. 175—181; Сәдвақасов Ғ. Һазирқи заман уйғур тилида қошумчилар арқилиқ исим ясаш. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения». 1957, вып. 2 (7), стр. 5—8 и др.

[8] Слово *кар* заимствовано из иранских языков и восходит к так называемому неправильному глаголу *кардан* «делать, совершить». См.: Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М., 1953, стр. 398 и 668.

ло в уйгурском языке употребляется в таких выражениях, как *ка:ға кə:мəйду* «не годится»; *карың немə!* «какое тебе дело!»; *кари пишти!* «его дела плохи!»; *ка:дин чиқмақ* «выйти из строя»; *кетə: жаһанниң қари!* «была не была! (досл. пройдут же мирские дела!) и т. д. В процессе дальнейшего семантического и фонетического развития данное слово превратилось в аффикс, при помощи которого образуются имена существительные со значением действующего лица; например: *хизмəткар* «служащий», *содигəр* «купец», *зəргар* «золотых дел мастер»; ср. казахские: *іскер, жұмыскер, балгер* и т. д.

Мы эти элементы считаем типичными аффиксами, так как, во-первых, в данном случае они обладают обобщенным, а не конкретным значением и в семантическом отношении побледнели, этимологически затемнились и далеко отошли от тех слов, к которым они восходят. Во-вторых, присоединяясь к определенным категориям слов, они образуют семантические ряды, что присуще аффиксам словообразования.

Следует сказать, что *-хан, -ахун, -жан, -гул, -ай, -қыз, -кар, -хор* и многие другие нельзя сравнить с казахскими *-бай, -бек*, часто повторяющимися в именах собственных *(Жұмабай, Кəрібай, Мыңбай, Балтабай, Əділбек, Жамалбек, Мырзабек, Аманбек)*, поскольку они являются вторыми компонентами сложных собственных имен и, главное, не образуют семантических рядов. Хотя *-бай* и *-бек* и потеряли в данных сочетаниях свое первоначальное лексическое значение (т. е. богач и бек), но они нисколько не обладают свойствами типичных аффиксов словообразования [9].

Подобно тому как некоторые аффиксы в составе слова с течением времени иногда перестают осознаваться таковыми в результате сращения с корнем (напр., *отун<от+-ун* «дрова»; *кишəн<кишə+-н* «путы»; *қурут<қури-+-т* «сыр» и т. д.), так же и *-хан, -ахун, -жан, -гул, -ай, -қыз* в отдельных собственных именах больше уже не воспринимаются как живые аффиксы. Так, например, *-хан* в составе женского имени *Петихан* в современном языке не придает основе значения вежливости, уважения и почета, хотя оно без *-хан* (т. е. в форме *Пети*) почти не употребляется. Именно в данном случае, очевидно, *-хан, -ахун, -жан, -гул, -ай, -қыз* имеют сходство с вышеприведенными казахскими *-бай* и *-бек*.

[9] Об аффиксах субъективной оценки (таких как *-ш, -қан, -кен, -ай, -тай, -жан, -қа, -ке, -еке*), присоединяющихся к собственным именам казахов, см.: Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. Алматы, 1964, стр. 230—333; Жанұзақов Т. Кісі аттарының құрылысы мен сипаттары. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения». 1958, вып. 1—2(8—9), стр. 186—188.

Прежде чем перейти в разряд аффиксов, то или иное самостоятельное слово подвергается изменениям в семантическом и в большинстве случаев в фонетическом отношениях. Причем такой последовательный процесс развития, ведущий к грамматикализации слов, происходит постепенно, путем накопления нового качества и частичной утраты старого, «в отношении развития значений — в последовательности от конкретного к абстрактному, от несовершенного к более совершенному, а в отношении грамматического и фонетического оформления — от синтаксического сочетания к постепенной грамматикализации постпозиционных элементов, превращению их в служебные слова, затем в аффиксы с полным фонетическим оформлением и, наконец, в аффиксы, представляющие собой редуцированные сокращенные формы, вплоть до превращения полного аффикса в один звук»[10].

Так, например, приведенное выше слово *хан* в своем развитии постепенно приобретает по крайней мере три более или менее отличных друг от друга значения: во-первых, в форме *хеним* [11] оно очень часто встречается в фольклоре как слово, выражающее субъективную оценку, т. е. ласковое, нежное обращение к возлюбленной. В данном случае *хеним* обладает уже обобщенным, не конкретным значением и восходит, очевидно, к первоначальному переносному, более конкретному значению «моя царица» с оттенком ласки (ср. русские: *мой ангел, моя звезда, мое счастье, моя ласточка, моя царица* и т. д.). Примеры:

Əгим-əгим йолларда из келəдур, йар **хеним**,
Кимхап тонни пуркунуп, қиз келəдур, йар **хеним**.

Или:

Хеним, хеним, жанан **хеним**,
Бейит ейтай, аңлаң, **хеним**...
Ақ қар болуп йағсаң, **хеним**,
Мамуқ қилип йатай, **хеним**.
Йамғур болуп йағсаң, **хеним**
Қумлуқ болуп жутай, **хеним**... (фольк.).

Во-вторых, в форме *ханим* (иногда *ханум*) данное слово употребляется в значении госпожа, сударыня, мадам, дама, мадемуазель, например: *Суң Чиңлин ханим* «госпожа Сун Цин Лин» (Улуқ вətən. Бежин, 1955, стр. 22). *Униң кəйни-*

[10] Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на *-са//-се* в тюркских языках, стр. 36.

[11] *Хеним* < *хан* + *-им* — аффикс принадлежности первого лица единственного числа; под палатализирующим обратным влиянием звука *и* *а* переходит в *е*.

динла маска кийгән икки **ханим** *вә пәтнус көтәргән бир хизмәткар кирди... Мениң* **ханимлирим** *бу йәрдә башқа кишиләрниң болушини халимайду.* «За ним следом вошли две дамы в масках и лакей с подносом... Мамзелям моим не нравится, ежели здесь есть кто посторонний... (А. П. Чехов. Һекайиләр. Алмута, 1956, стр. 22, 25).

И наконец, в-третьих, в сочетании с женскими (а иногда и мужскими) собственными именами оно выступает уже не как самостоятельная лексическая единица, а как аффикс, придающий основе значение вежливости, уважения и почета, о чем сказано выше.

Характерным примером превращения самостоятельного слова в аффикс, этот процесс происходит на наших глазах, могут служить также *ака* и *һәдә*. В современном уйгурском языке слова *ака* «старший брат», *һәдә* «старшая сестра» вместе с тем в определенных условиях в результате дифференциации значений выступают как служебные элементы, а именно: лишившись лексического значения и сочетаясь с мужскими и женскими собственными именами, они придают основе значения вежливости, почета и уважения. В обычае уйгуров обращаться к старшим по имени с обязательным прибавлением к нему *ака* (по отношению к мужскому полу) и *һәдә* (по отношению к женскому полу), например: *Қасим ака, Шавдун ака, Гүлсүм һәдә, Жәннәт һәдә* и т. д. Притом в данном случае *ака* и *һәдә* употребляются независимо от того, является ли, скажем, *Қасим* родным старшим братом или *Гүлсүм* родной старшей сестрой или нет. Постоянное употребление этого сочетания в живом, разговорном языке в одном и том же значении привело к тому, что оно, сохраняя свое значение, слилось в одно слово, фонетически деформировалось, в результате чего от *ака* осталось *-ка*, от *һәдә* — только *-дә*. А формант *-дә*, в свою очередь, приобрел сингармоническую пару *-тә*, что является характерным признаком аффиксов вообще, например: *Абдиримка, Аблизка, Мәсимка, Айимдә, Садәттә, Рейандә* и т. д.

Как видно из примеров, в говоре процесс грамматикализации слов *ака* и *һәдә* завершен. В качестве средств субъективной оценки аффиксы *-ка* и *-дә* ~ *-тә* широко употребляются в последнее время и в художественной литературе: *Техичила әшу сөзләрниң мәнисигә чөкәлмәй жүримиздә, Сейитка* «Мы все еще не очень вникаем в сущность этих слов, Сейитака» (Һ. Абдуллин. «Турпан тәвәсидә»). *Адәм балиси тамақсиз, кийим-кечәксиз күн кәчүрәләмду, Патимдә?* «Может ли человек жить без пищи, без одежды, Патимда?» (Ж. Босақов. «Йолуңлар болсун»).

Безусловно, процесс перехода слов в аффиксы, как уже было сказано, происходит не путем скачка, из компонента сложного слова сразу в аффикс, а постепенно. Следовательно, в течение какого-то довольно длительного периода в языке существует образование, промежуточное между словом и аффиксом [12].

Превращение слова в морфему — не единственный путь возникновения аффиксов в языке. Наряду с этим происходят и другие процессы уже внутри имеющихся в языке грамматических форм, которые тоже приводят к возникновению новых аффиксов. В этой связи интересно отметить, что развитие слов в лексическом составе и развитие аффиксов в грамматическом строе языка имеют много общих черт.

1. Подобно тому как путем слияния основ образуется сложное слово с новым семантическим содержанием (например: *қизилгүл* «роза»; *ақҗө:рә* «кукуруза»; *қариқат* «черная смородина»; *көкташ* «медный купорос»), точно так же новые аффиксы возникают путем слияния двух (реже трех) до этого известных аффиксов. К таким сложным аффиксам относятся: *-ғучи* (с фонетическими вариантами *-гүчи, -қучи, -күчи*) <*-ғу*+*-чи*, напр., *оқуғучи* «ученик», *язғучи* «писатель»; *-чилиқ* (с фонетическими вариантами *-чилик, -чулуқ, -чүлүк*) <*-чи*+*-лиқ*, напр., *азчилиқ* «меньшинство», *көпчүлүк* «большинство»; *-даш* [13] (с фонетическим вариантом *-дәш*) <*-да*+*-ш*, напр., *синипдаш* «соклассник», *пикирдаш* «единомышленник»; *-лақ*<*-ла*+*қ*, напр., *қишлақ* «зимовка», *йайлақ* «пастбище»; *-илдақ* (с фонетическим вариантом *-илдәк*) <*-ил*+*-да*+*-қ*, напр., *үштилдақ* «свисток» и т. д.

2. Немало таких аффиксов, которые, так же как и отдельные слова, в своем историческом развитии путем переосмысления значений постепенно развились в два самостоятельные аффикса и образовали аффиксы-омонимы, напр., непродуктивный сейчас аффикс *-мақ, -мәк* [14] образует имя

---

[12] Такие промежуточные образования, очень характерные для немецкого языка, М. Д. Степанова называет полуаффиксами (см.: Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 79).

[13] О составе аффикса *-даш* см.: Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 64; Гулямов А. Г. О суффиксе «даш» в узбекском языке. — В кн.: «Белек» С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, стр. 31.

[14] В древнеуйгурском языке, как об этом свидетельствуют письменные памятники, форма *-мақ, -мәк* была показателем имени действия и соответствовала современному *-ш, -иш, -уш, -үш*. Напр., *бәзәнмәк* «украшение», *сувсамақ* «жажда», *ялбармақ* «просьба, мольба», *алмақ* «взятие» (примеры взяты из книги С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности». М.—Л., 1951).

существительное (*чақмақ* «молния», *соймақ* «кора», *қуймақ* «оладьи» и т. д.), в то же время он является показателем инфинитива (*бармақ* «идти», *кәлмәк* «прийти», *алмақ* «взять», *оқумақ* «читать» и т. д.). То же можно сказать относительно притяжательного аффикса первого лица единственного числа *-м, -им, -ум, -үм* (*дадам* «мой папа», *бешим* «моя голова», *қолум* «моя рука», *үзүм* «мое лицо»), который в то же время употребляется как формообразующий аффикс с тем же примерно значением, что и *-хан, -ахун*, напр., *Рәһимә — Рәһимәм, Зиләйха — Зиләйхам, Давут — Давутум, Савут — Савутум* и т. д.

3. В результате фонетических изменений одного и того же аффикса в грамматическом строе могут появляться аффиксы с новыми значениями, что наблюдается и в развитии слова. Таким путем образовались, например, аффиксы *-қа, -ға, -гә, -кә* в словах *қонақ* «гость», *қачақ* «беглец» от аффикса *-қақ, -ғақ, -гәк, -кәк* [15] в словах *патқақ* «слякоть, грязь», *тозғақ* «одуванчик»; ср. также: *сөһбәтдаш* «собеседник», *ишдаш* «сослуживец», *күндәш* «ревнивец» и *сөһбәтләш-* «беседовать», *ишләш-* «помочь в работе», *күндәш-* «ревновать (взаимно)» и т. д.

4. И, наконец, подобно тому как при необходимости мы заимствуем слова из других языков, заимствуются и аффиксы словообразования. Несмотря на то, что степень проницаемости слов и аффиксов неодинакова и аффиксы обладают колоссальной устойчивостью, в уйгурском языке в кругу имен существительных имеется несколько аффиксов русского и иранского происхождения, напр., *-ов, -ова, -ев, -ева, -ин, -ина, -ович, -овна, -евна,* образующие фамилии и отчества, а также *-кәш, -ваз, -вән, -стан, -дан, -пәз* в словах *һарвукәш* «кучер», *почтикәш* «почтальон», *бағвән* «садовод», *гүлстан* «цветник», *күлдан* «пепельница», *ашпәз* «повар» и т. д.

Таким образом, из всего сказанного вытекает, что аффиксы словообразования уйгурского языка, если не считать заимствованных аффиксов, немногочисленны. Однако на основе этих немногочисленных аффиксов с течением времени образовалось множество вторичных и третичных аффиксов, и они как в семантическом, так и в фонетическом отношениях отошли от тех аффиксов-основ, к которым исторически восходят.

[15] Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках.— В кн.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952, стр. 345.

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Основными способами словообразования в ферганском говоре, как и в литературном языке, являются морфологический (синтетический или аффиксация), синтаксический и лексико-семантический.

В изучаемом говоре наиболее продуктивным способом словообразования является аффиксация. Языковые памятники показывают, что он господствовал и в древнеуйгурском языке; именно потому этот прием заслуживает внимания.

Синтаксический (аналитический) способ, или словосложение, является одним из наиболее древних и в то же время продуктивным способом словообразования в современном уйгурском языке. В настоящее время, когда тюркология располагает достаточным материалом, чтобы утверждать, что аффиксы произошли из самостоятельных слов в результате постепенной грамматикализации постпозиционных элементов словосочетаний и сложных слов, мы вправе предположить, что с генетической стороны способ производства сложных слов предшествует аффиксальному словообразованию.

Сущность данного способа заключается в том, что два, реже три слова, которые могут быть корневыми, производными или грамматически оформленными, соединяются в одну лексическую единицу, причем эта лексическая единица в противовес соответствующему словосочетанию обладает всеми признаками простого слова (имеет цельную семантику, централизующее ударение, выступает в качестве какого-либо члена предложения и т. д.).

Вопрос о том, к какому способу словотворчества относится образование парных и парно-повторных слов в тюркских языках, как нам кажется, окончательно не решен. В большинстве описательных и научных грамматик, а также в отдельных специальных исследованиях этот прием образования новых слов традиционно рассматривается в рамках синтаксического способа наряду со сложными (слитными) словами [16]. Причем принято считать, что компонен-

[16] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М., 1940, стр. 46; Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. 1. М., 1952, стр. 184; Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке. Язык и мышление. Т. XI. 1948; Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958, стр. 45 и др. Но А. Н. Кононов в своей «Грамматике узбекского языка» (Ташкент, 1948, стр. 104—105) парные слова называет лексическим комплексом в противовес синтаксическому комплексу, т. е. слитным словам. Примерно такого же мнения придерживаются и авторы «Ҳазирги замон ўзбек тили» (Ташкент, 1957, стр. 299).

ты парных слов сочетаются по типу синтаксической связи сочинения. Между тем способ образования парных и парно-повторных слов, их преобладающая семантика, их структура и разнообразие фонетических особенностей, а также характер сочетающихся компонентов резко отличаются от образований синтаксического порядка (т. е. слитных слов) и, главное, решающим моментом в образовании парных и парно-повторных слов является не грамматическое, а фонетическое и семантическое соотношение их компонентов. При этом обращают на себя внимание следующие факты.

1. Наиболее продуктивными являются образования типа:

а) *қип-қизил* «красный-прекрасный», *қап-қара* «черный-пречерный», *көп-көк* «синий-пресиний», *сеп-серик* «желтый-прежелтый», *йап-йаш* «молоденький», *тап-таза* «чистенький» и т. д.;

б) *ат-мат* «лошадь и т. п.»., *нан-пан* «хлеб и т. п.», *чай-пай* «чай и т. п.», *китап-митап* «книга и т. п.», *алдирап-салдирап* «тяп-ляп» и т. д.;

в) *опул-топул* «торопливо, суетливо», *имир-чимир* «рябь», *оңғул-доңғул* «бугристый», *галди-гулдуң* «растяпа», *вараң-чуруң* «шум-гам, галдеж» и т. д.

В приведенных примерах первый (а) или второй (б), или же оба компонента (в) отдельно не употребляются и не связаны ни с каким реальным значением. Следовательно, эти компоненты не являются словами. Поэтому вполне естественно отсутствие какой бы то ни было синтаксической связи, скажем, между *қип-* и *қизил*, *ат* и *-мат* или же между *опул* и *топул*.

2. Как известно, в синтаксисе функционируют два типа соотношения слов: подчинение и сочинение. Но едва ли между компонентами парных слов представлен сочинительный тип синтаксической связи, поскольку «принцип сочинения всегда выражается аналитически: или при помощи союзов, или при помощи порядка слов» [17], а в образовании же парных слов в уйгурском языке, напротив, союзы вообще не участвуют. Что касается порядка компонентов, то их место «определяется двумя моментами: фонетическим и семантическим» [18], но не синтаксическим.

Факты уйгурского языка, несомненно, подтверждают мнение исследователей, которые в отношении порядка компонентов парных слов пришли к следующим выводам: 1. Слово с меньшим числом слогов предшествует слову с

[17] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 207.

[18] Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке, стр. 50.

большим числом слогов. 2. При одинаковом числе слогов слово с начальным гласным ставится на первое место. 3. Если оба слова начинаются на согласный, на первом месте ставится такое, которое начинается на спирант или звонкий взрывной [19]. Факультативность компонентов обнаруживается в тех случаях, когда они (компоненты) не противоречат указанным фонетическим закономерностям, напр., *йахши-йаман ~ йаман-йахши, өрүк-алма ~ алма-өрүк* и т. д.

Проф. С. К. Кенесбаев на богатом фактическом материале убедительно доказывает, что парные слова в казахском языке образуются посредством фонетических средств рифмы, аллитерации и ассонанса. Он обращает внимание также на семантическую близость компонентов парных слов, что является, по его мнению, одним из основных моментов в их образовании [20].

Относительно антонимных и синонимных парных слов уйгурского языка заметим, что в их образовании исключительную роль играет, несомненно, семантическое соотношение компонентов, т. е. в антонимных парных словах первый компонент непременно выбирает себе пару, контрастную по значению (напр., *йахши-йаман, узун-қисқа, чоң-кичик, ақ-қара* и т. д.); в синонимных парных словах первый компонент также выбирает себе пару, близкую по значению (напр., *ағинә-өңгә, гәп-сөз, һал-аһвал, әл-жут, ойман-чоңқур* и т. д.).

Нам представляется, что в образовании парных и парно-повторных слов фонетическая обусловленность и семантическое соотношение компонентов не только совместимы, но и, выступая одновременно, дополняют друг друга. Наоборот, эти закономерности, вместе взятые, не только несовместимы с синтаксическим соотношением слов, но и взаимно исключают друг друга. Следовательно, образование парных и парно-повторных слов, которое мы называем лексико-семантическим, является вполне самостоятельным способом словообразования в уйгурском языке, и он не имеет ничего общего с собственно синтаксическим способом.

Следует отметить, что авторы немногочисленных работ, в той или иной степени касающихся способов словообразования в агглютинативных языках, высказывают различные мнения по поводу образования новых слов при помощи фонетических средств. Так, например, А. Г. Гулямов под

[19] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 75—76; Кононов А. Н. Грамматика узбекского языка, стр. 105; Кайдаров А. Т. Парные слова.., стр. 50—52.

[20] Кеңесбаев С. К. Қос сөздердің кейбір жасалу жолдары. — «Ученые записки Казахского Государственного университета им. С. М. Кирова». Т. XI. Алма-Ата, 1946, стр. 38—45.

фонетическим способом понимает «образование слов посредством изменения места ударения» [21]. Э. В. Севортян писал: «Помимо морфологического и синтаксического словообразования, в тюркских языках намечается третий, фонетический способ словообразования посредством перемещения главного ударения слова с конца его к началу» [22].

Ф. А. Ганиев, рассматривая фонетический способ словообразования в татарском языке, фактически отрицает роль ударения в образовании новых слов и устанавливает ряд других приемов, например: «прием опущения звука или отдельных звуков», «прием прибавления звука или отдельных звуков» и т. д.[23].

По мнению проф. Г. Д. Санжеева гармония гласных и отчасти согласных в алтайских языках выступала как «лексико-фонологическая система», которая была присуща раннему периоду и в некоторых случаях соответствовала современным аффиксальным приемам словотворчества. «Но когда в речи агглютинация уже прочно занимает отведенное ей историей монопольное место,— пишет Г. Д. Санжеев,— то сингармонизм звуков как лексико-фонологическая система постепенно отмирает, превратившись... лишь в формально-фонетическую систему» [24].

Итак, можно видеть, что не только в тюркологии, но и в алтаистике в целом не установлены пределы фонетического способа словообразования и не дается его конкретного определения.

В современном уйгурском языке, как и в других тюркских языках, нередко то или иное звуковое изменение в слове влечет за собой изменение и его семантики. Речь идет о таких фонетически деформированных и приобретших новое значение словах, как *ағийнə* «друг, приятель», *сə:ра* «деревня», *мəйнət* «нечистоты» и другие, которые этимологически восходят к существующим параллельно с ними словам *аға-ини* «братья», *сəһра* «пустыня, степь», *меһнət* «труд».

Приведем дополнительные примеры из уйгурского языка: *адақ* «конец», отсюда *адаққи* «конечный, последний» — *айақ* «нога»; *байақи* «давнишний, давний» — *байиқи* «недавний, давешний»; *дала* «пустырь, степь, поле» — *тала* «двор, улица»; *йоқ* «нет, отсутствует» — *йақ* «нет» (отрицательный ответ на вопрос); *йəрлик* «местный» — *йə:лик* «могила»; *қора* «двор» — *гору* «загон, скотный двор»; *қоруғдымақ* «загородить, отгородить» — *қоғдумақ* «защищать, оборонять»; *шорпа* «суп» — *шова* «бульон»; *ойғанмақ* «пробуждаться» (о политическом сознании) — *оханмақ* «просыпаться, проснуться»; *һалақ боллмақ* «погибнуть, потерпеть крушение» — *һələк боллмақ* «измучиться, измаяться, замаяться»; *қедимки* «древний» — *қədимки* «обычный, обыкновенный» и т. д.

На первый взгляд подобное явление можно принять за самостоятельный способ словообразования в уйгурском языке, поскольку фонетическое изменение слова иногда приводит к семантической дифференциации, т. е. распаду одного слова на два. Этот процесс продолжается в языке и в настоящее время. Однако указанное изменение не является средством словообразования, так как возникновение новых слов в данном случае носит случайный, стихийный характер. Более того, при этом отсутствуют типы или модели образования новых слов, т. е. главная черта, присущая категории словообразования как исторически сложившейся системе. Поэтому невозможно образовать новое слово по тому «образцу», посредством которого уже возникло, скажем, слово *сə:ра* от *сəһра*, *ағийнə* от *аға-ини*, *айақ* от *адақ* и т. д. Этим объясняется также то, что возникшие таким образом новые лексические единицы не поддаются классификации ни по семантическим признакам, ни по типу образования. Вполне понятно, что те или иные звуковые изменения в слове происходят в соответствии с действующими в языке законами фонетики. Эти изменения иногда могут лишь способствовать семантической дифференциации слов. Однако они ни в коей мере не служат целям создания новых словарных единиц.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что употребление многозначных слов связано с определенными трудностями. Чтобы правильно воспринять смысл предложения *Асим турди*, следует вначале выяснить, идет ли речь о том, что Асим встал, скажем, с постели или с места, или же о том, что Асим стал, скажем, у окна, так как глагол *тур-* может передавать и то и другое значение. Для различения указанных значений происходит и формальная дифференциация: слово *тур-*, сохранив в своем составе звук *р*, закрепило за собой значение «встать, вставать, подниматься, принять вертикальное положение», а форма *ту:-* стала употребляться, в значении «стать, остановиться, стоять, продол-

[21] Гулямов А. Г. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому. М., 1953, стр. 100.

[22] Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках. ИСГТЯ, II. Морфология. М., 1956, стр. 328.

[23] Ганиев Ф. А. Некоторые вопросы фонетического способа словообразования в татарском языке в историческом освещении. — «Советская тюркология», 1971, № 2, стр. 93—97.

[24] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. М., 1953, стр. 118.

жать занимать вертикальное положение». Ср.: *Асим орнидин турди* «Асим встал с места», но *Асим үстәлниң қешида ту:ди* «Асим стал около стола».

Другой пример. В современном уйгурском языке слово *тор* употребляется в основном в двух значениях: «сеть» и «паутина». Во втором значении данное слово, хотя и пишется как *тор*, но произносится в отличие от формы с первым значением только как *то*, т. е. без конечного *р*.

Эти и другие аналогичные примеры показывают, что в процессе употребления в языке слово может приобрести несколько значений независимо от фонетических факторов. Но каждое значение полисемантического слова стремится найти для себя соответствующую форму (фонетическую оболочку), отличающуюся от формы той же единицы с другим значением. Благодаря этой закономерности появилось определенное количество номинаций, не связанных, однако, с категорией словообразования.

Особо следует отметить, что в результате семантических сдвигов слово может приобрести несколько значений, а иногда распасться на омонимы, не претерпевая при этом никаких фонетических изменений. Такое явление многие ученые квалифицируют как результат семантического способа словообразования. Например, слово *ақ* в уйгурском языке обозначает и «белый», и «бельмо», и «белок яйца», и «всякого рода молочные продукты» и т. д. Строго говоря, новые слова здесь не образуются, морфологических изменений слово не испытывает. Однако словарный состав языка пополняется новыми семантическими единицами.

Вместе с тем одно и то же слово может встречаться в нескольких фонетических вариантах и употребляться только в одном определенном значении. Таких орфографически не унифицированных слов очень много даже в литературном языке. Это говорит о том, что фонетика не служит средством словообразования.

Кроме того, в необходимых случаях новое слово образуется по готовым, веками выработанным словообразовательным моделям (типам, способам). Такими способами являются аффиксация и словосложение. Но возможно ли сознательное обращение к каким бы то ни было средствам фонетики для образования новых слов? Безусловно, нет. И это опять-таки свидетельство того, что в уйгурском языке не существует фонетического способа словообразования.

При всем этом следует признать, однако, что с точки зрения современного уйгурского языка приведенные выше слова (например, *сәһра — сә:ра, аға-ини — ағийнә, адақ — айақ, дала — тала, йоқ — йоқ* и т. д.) представляют собой

не фонетические варианты одного и того же слова, а отдельные лексические единицы. В силу каких же лингвистических законов они возникли в языке, не будучи при этом результатом словообразования? На данный вопрос можно ответить следующим образом: в ходе исторического развития уйгурского языка его словарный состав пополняется или обновляется не только за счет словообразовательных средств и заимствований, параллельно происходит обогащение лексики новыми словами, возникающими в результате семантических сдвигов в существующих словах.

Таким образом, лексические единицы, появившиеся вследствие расширения или переосмысления значений номинаций, с одной стороны, и фонетического изменения слов — с другой, являются, по нашему мнению, результатом действия одной и той же закономерности как уйгурского, так и других тюркских языков, а именно: изменения значения слова, существующего наряду со словообразованием и заимствованием.

Как известно, для языков тюркской системы префиксальный способ словообразования нехарактерен. Однако некоторые префиксы, часто повторяющиеся в составе значительного количества персидских заимствований, легко выделяются в сознании носителей ферганского говора. Более того, нами зафиксированы два слова, образованные с помощью префикса *бе-* от уйгурских корней: *бесақал* «юноша, содержавшийся как мальчик-танцор» (досл. безбородый); *бетохтав* «немедленно, сразу, без промедления»; лит. и семир. *тохталсиз*. Эти два случая, конечно, не могут служить достаточным основанием, чтобы говорить о наличии в ферганском говоре префиксального способа словообразования. Все же при изучении говора слова с префиксами обращают на себя внимание, так как некоторые из этих образований в литературном языке и семиреченском говоре отсутствуют. Примеры: *бегуман* вм. лит. *гумансиз* «несомненно, без сомнения»; *бешәк* вм. лит. *шәксиз* «несомненно, без сомнения»; *бетап* вм. лит. *сақсиз, тави йоқ* «больной, нездоровый»; *сеһасил* вм. *һосуллуқ, үнүмдар, үнүмлүк* «высокоурожайный, плодородный»; *сершах* вм. лит. *мүңгүзлүк* «длиннорогий, с длинными и большими рогами».

ЧАСТИ РЕЧИ

Основываясь на лексико-грамматическом значении слов, на их морфологических особенностях и синтаксических функциях, весь словарный состав ферганского говора, как и литературного языка, можно разделить на следующие

части речи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) имя числительное, 4) местоимение, 5) глагол, 6) наречие, 7) послелоги, 8) союзы, 9) частицы, 10) модальные слова, 11) междометия, 12) подражательные слова.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Слова, относящиеся к имени существительному, связаны с грамматическими категориями числа, принадлежности, падежа и лица. Каждая из этих грамматических категорий имеет специальные аффиксы, посредством которых передаются соответствующие грамматические значения.

В предложении имя существительное может выступать в качестве любого его члена: подлежащего, сказуемого, дополнения, определения и обстоятельства. Однако главными функциями существительного в предложении являются подлежащее и дополнение.

Имя существительное имеет свои особые словообразовательные аффиксы, которые также служат одним из морфологических его признаков.

В ферганском говоре, как и в литературном языке, нет грамматической категории одушевленности и неодушевленности. Существительные, как одушевленные, так и неодушевленные, имеют одинаковую систему словоизменения и словообразования, одинакова также и их синтаксическая функция в предложении. Единственное, что следует отметить,— это вопрос *ким? ~ чим?* «кто?» ставится только по отношению к существительным, обозначающим человека, а *нимә?* «что?»— ко всем остальным существительным одушевленным и неодушевленным, кроме человека. Таким образом, имена существительные одушевленные отличаются от неодушевленных не каким-либо грамматическим признаком, а своим лексическим значением.

На семантике основано также деление имен существительных на конкретные (*оғул* «сын», *өй* «дом», *алма* «яблоко», *су* «вода», *қәғәз* «бумага» и т. д.) и абстрактные (*ой* «мысль, дума», *сәвәп* «причина», *сорағ* «допрос» и т. д.), на собственные (*Мәмтахун* м. имя, *Ақтачи* назв. села, *Қәшқәр* назв. города и т. д.) и нарицательные (*адәм* «человек», *қишлақ* «село», *шәһәр* «город» и т. д.).

В современном уйгурском языке и его говорах, как и во всех тюркских языках, грамматическая категория рода отсутствует. Имеется несколько способов различения имен существительных по признаку пола, основными из которых являются следующие:

1. Л е к с и ч е с к и й с п о с о б. Само лексическое значение слова указывает на различие в отношении пола. Например, имена существительные, обозначающие мужской пол: *оғул ~ оғал* «сын», *әр ~ ә*: «муж», *йигит* «парень, юноша», *ата* «отец», *дәдә* «папа», *әкә ~ ака* «старший брат», *ини* «младший брат», *чал* «старик», *әмәки* «дядя» и т. д.; имена существительные, обозначающие женский пол: *қыз* «девочка, девушка», *хатын* «женщина, жена», *җуван* «молодая женщина», *келин* «сноха, невеста», *ана* «мать», *ача* «старшая сестра», *сиңил* «младшая сестра» и т. д.

По отношению к животным и пернатым: *тәкә* «козел»— *ечики* «коза», *буқа* «бык» — *сигир* «корова», *хораз* «петух» — *мәкийән* «курица» и т. д.

2. С и н т а к с и ч е с к и й с п о с о б. Принадлежность слова к тому или иному полу часто определяется словосочетанием. В состав этого словосочетания входят: слово, нейтральное по отношению к полу, и слово, относящееся к определенному полу. Например: *бала* «дитя», но *оғул бала* «мальчик, сын», *қыз бала* «девушка»; *киши* «человек», но *әр киши* «мужчина», *хатын киши* «женщина»; *ит* «собака», но *итниң еркәги* «кобель», *итниң қанҗығы* «сука»; ср. посл.: *Ағрықның санчиғы йаман, итниң қанҗығы йаман* «Худшая из болезней — колики, худшая из собак — сука».

3. М о р ф о л о г и ч е с к и й с п о с о б. Строго говоря, в изучаемом говоре нет исконного морфологического способа выражения пола. Здесь речь пойдет лишь о тех немногочисленных заимствованных аффиксах, которые служат для обозначения женского пола. Это, прежде всего, аффикс *-ә*, встречающийся в составе собственных имен, вошедших из арабского языка.

Муж. имена	Жен. имена
Надир	*Надирә*
Әнвәр	*Әнвәрә*
Рәһим	*Рәһимә*
Сәлим	*Сәлимә*
Камил	*Камилә*
Рәшит	*Рәшидә* и т. д.

С помошью этого же аффикса образованы *муәллимә* «учительница» (*муәллим* «учитель»), *шайирә* «поэтесса» (*шайир* «поэт») и т. д.

Заимствованных слов с показателем женского пола *-ә* в говоре довольно много, и поэтому он более или менее легко выделяется в сознании говорящих. Однако данный аффикс не участвует в образовании женской формы имен существительных от уйгурских корней.

Очень продуктивны заимствованные из русского языка аффиксы *-уп* (<*-ов, -ев*), *-ува* (<*-ова, -ева*), образующие фамилии и указывающие на принадлежность слов к тому или иному полу: *Мәмәтуп — Мәмәтува; Сарымсақуп — Сарымсақува; Розийуп — Розийува; Иминахунуп — Иминахунува* и т. д.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Категория числа включает в себя формы единственного и множественного числа. Имя существительное в единственном числе представляет собой основу слова и не имеет формального показателя, а множественное число образуется путем прибавления к основе специального аффикса множественности *-лар*.

Следует сказать, что не все существительные без аффикса *-лар* выражают единственное число. Вместе с тем некоторые существительные могут обозначать идею коллективной множественности, или родо-видового множества [25]. По этому поводу Н. К. Дмитриев писал: «Форма *таш* не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это — недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия камней вообще. Она может функционировать и по линии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия. Итак, слово *таш* есть понятие коллективной неопределенности» [26]. Обратимся к примерам. *Арпа, буғдай саманини сәлкин айрийдо* (86) «Солому от ячменя, пшеницы ветерок отделяет»; *Аман, әй аман, кәлхозчи аман, Ойнавалили, еркинлик' заман!* (88) «Благополучны, благополучны, колхозники благополучны. Повеселимся вдоволь [в наше] свободное время!» В первом предложении слова *арпа, буғдай* хотя и употреблены в форме единственного числа, однако в них заключена идея нечленимого множества, так как каждому из нас ясно, что здесь речь идет, конечно, не об одном зернышке ячменя или пшеницы. Во втором предложении говорящий обращается не к одному колхознику, а к колхозникам вообще, так что слово *кәлхозчи* в данном случае выражает множественное число без соответствующего оформления, т. е. без *-лар*. Таким образом, в определенных существительных само лексическое значение слова выражает идею множественности.

[25] См.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. — Л., 1956, стр. 67.

[26] Дмитриев Н. К. Категория числа. ИСГТЯ, II, стр. 68.

В ферганском говоре аффикс множественности выступает в следующих фонетических вариантах: *-ла(р)* (с твердыми основами), *-лә(р)* (с мягкими основами), *-ли* (как с твердыми, так и с мягкими основами). Примеры: *досла(р)* «друзья», *қушла(р)* «птицы», *атыла(р)* «отцы», *өйлә(р)* «дома», *мәк'тәплә(р)* «школы», *йуклә(р)* «грузы», *сили* «вы, Вы», *мә:лили* «кварталы», *машинили* «машины».

Как видно из примеров, употребление полных вариантов (*-лар, -лəр*) или их усеченных форм (*-ла, -лə*) в говоре не регламентировано, тогда как в семиреченском говоре и литературном произношении совершенно недопустимы полные варианты этого аффикса, т. е. они выступают только в усеченной форме.

Как особенность говора следует отметить отсутствие строгой последовательности в употреблении твердых и мягких вариантов аффикса множественности. В противовес закону небной гармонии довольно часты случаи, когда к твердой основе присоединяются мягкие варианты данного аффикса, и наоборот. Например: *Қейқир, укаләр, қейқирә!* (103) «Кричите, братишки, кричите!» (т. е. веселитесь); *Тәнәмгә отлəр йақымән* (138) «Тело свое жгу огнем»; *Уйғурлə:ниң тамахлири* (155) «Уйгурские блюда»; *Үнүңлар, өсүңлар! Өзәңлидин көпүйүңлар!* (81, 82) «Рождайтесь (досл. всходите), умножайтесь! (досл. растите). Сами собой умножайтесь!».

Оказавшись в положении между основой и показателями падежа или принадлежности, широкие гласные *а, ə* аффикса множественного числа подвергаются редукции и переходят в узкие *ы ~ и, у, ү*. В результате этого и других звуковых изменений данный показатель по большей части сильно деформируется и встречается в следующих разновидностях: *-лы(р)/ли(р), -лу(р)/-лү(р)*. Например: *кийимлирим* (<*кийим*+*-лəр*+*-им*) «мои одежды»; *тағлыри* (<*тағ*+ +*-лар*+*-и*) «его горы»; *бəзи йə:лидə* (<*йəр*+*-лəр*+*-дə*) «в некоторых местах»; *меймаллыға* (<*меһман*+*-лар*+*-ға*) «гостям»; *қоллурум* (<*қол*+*-лар*+*-им*) «мои руки»; *йоллуда* (*йол*+*-лар*+*-да*) «на дорогах»; *сөзлүрүң* (<*сөз*+*-лəр*+ +*-иң*) «твои слова»; *гүллини* (<*гүл*+*-лəр*+*-ни*) «цветы» (вин. падеж).

Аффикс *-лар* (с фонетическими вариантами) в зависимости от лексического значения исходной основы выступает в самых различных функциях, главными из которых являются следующие:

1) обозначает множество того, что выражено основой слова. Это центральное и наиболее распространенное значение слов с аффиксом *-лар*. Например: *әрихлəр* «арыки», *дəрəх-*

лəр «деревья», *кəлхозчила* «колхозники», *алмыла* «яблоки», *йултузла* «звезды». К данному типу близко значение совокупности лиц: *ерлəр* «мужчины ~ мужская половина», *əйəллəр* «женщины ~ женская половина», *оқутучилар* «учителя ~ учительство», *йашла* «молодые люди ~ молодежь» и т. д.;

2) присоединяясь к собственным именам и словам, обозначающим родственное отношение, аффикс *-лар* передает значение собирательности и обобщенности. Так, например, если скажут *Жорахаллар кəлди,* это значит, что прибыла группа людей во главе с Джураханом; *Тағамла:ниң үйи* «дом семьи моего дяди», т. е. дом принадлежит не одному только ему, но и другим членам его семьи. Когда аффикс *-лар* прибавляется к словам, обозначающим название местности, то основа слова лишается первоначальной конкретности и превращается в обобщенное название целого края, области, района, объединяющихся по какому-либо общему признаку. Например: *Əнжəлла иссық* «В Андижане и его окрестностях [в районах Андижана], в тех краях, где расположен город Андижан, жарко»; *Өзгəллидə гуруч серап* «В Узгене и прилегающих к нему селениях много риса».

Приблизительно такой же обобщающий оттенок появляется тогда, когда аффикс *-лар* присоединяется к существительным, обозначающим единичные части тела человека. Например: *бəллирим ағрыйатыды* «болит моя поясница», точнее, «болит вся область моей поясницы»; *Тамахлирим қу^{в}руп кетти* «Пересохло в моем горле», точнее, «Пересохло в моем горле и всей полости рта» и т. д.;

3) когда аффикс *-лар* присоединяется к числительным и существительным, обозначающим отрезок времени, появляется значение приблизительности, примерного подсчета. Например: *Йанвар айлиридин та:тип* «Начиная примерно с января»; *Март айниң ахирлире* «Приблизительно в конце марта»; *йетмишлəрдəги чал* «старик лет семидесяти»;

4) одним из широкораспространенных значений аффикса *-лар* является значение почтительности, вежливости и уважения, т. е. выражение субъективной оценки. В уйгурском языке, как и в других тюркских языках, значения множественности и почтительности во многом соотносительны. Достаточно указать на некоторые аффиксы, которые исторически являются показателями множественного числа, а в современном языке служат еще и для образования вежливой формы. Такова, например, форма *-з, -из: биз* (<*би-+-з*) «мы» (*-з* — показатель множественного числа), но *сиз* (<*си-+-з*) «Вы» (здесь *-з* — показатель вежливой формы). Личное местоимение 2-го лица множественного

числа будет *силəр* (<*си-+-лəр*), т. е. исторический *-з* равняется более позднему *-лəр.*

Аналогичный процесс наблюдается и в развитии аффикса *-лар.* Причем здесь обращают на себя внимание два момента.

Во-первых. В изучаемом говоре постепенная семантическая дифференциация аффикса множественности и приобретение им значения почтительности привели, в свою очередь, к формально-фонетической его дифференциации: когда он выступает в качестве показателя почтительности, то употребляется только в усеченной форме (*-ла, -лə, -ли*).

Во-вторых. Известно, что вежливое обращение возможно лишь по отношению ко 2-му лицу единственного числа. Ср.: лит. *Сиз барисиз* (<*бар-+-а+-сиз*) «Вы пойдете». Однако для выражения этого же значения в говоре аффикс множественности присоединяется к основе глагола 3-го лица: *Сили барыдыла* (<*си-+-лəр бар-+-а+-ду(р)+-лар*). Эта особенность ферганского говора сближает его с кашгарским, но отличает от литературного языка и семиреченского говора. Ср.: лит. *сиз бериң* (<*бар-+-иң*), ферг. *сили ба:сыла* (<*бар-+-сун+-лар*) «сходите Вы»; лит. *сиз көрүпсиз,* ферг. *сили көрүпла* (<*көр-+-үп+тур+-лар*) «Вы смотрели»; лит. *барсиңиз тапаламсиз?,* ферг. *ба:сыла* (<*бар-+-са+-лар*) *тапаламла?* (<*тап-+-а+-ал-+-а+-му+-дур+-лар*) «Если придете, найдете ли?»;

5) аффикс *-лар* обозначает разновидность предмета или явления, выраженного исходной основой. Например: *Сулар шақырап ақса* «Если вода шумит» (досл. с шумом течет); *Һава:ның туманла:ры* «В воздухе туманы»; *Тəбəссүмлəр қылып бахтым* «Попробовал я улыбнуться».

Таким образом, в ферганском говоре сфера применения аффикса множественности очень широка. Кроме отмеченных выше значений он, особенно в фольклорных произведениях, употребляется для создания разнообразных экспрессивных и эмоциональных оттенков, стилистических окрасок и т. д. Полный учет всех нюансов значений, передаваемых аффиксом множественности, почти невозможен. Примеры: *Қызылгүл тəгидə сиңчай ичип хума:рилəр болдум* (123) «Под розой чай пил я и наслаждался»; *Рəңги-ройумни көрүп, рəхмилəриң кəлмəйдиму?* (139) «Увидев лицо мое [грустное], не сжалишься ли надо мной?»; *Тəнəмгə отлəр йақымəн* (138) «Тело свое жгу огнем» (досл. огнями); *Шинимай көңүл берип, аварəлəр болдум сəнə* «Не испытав тебя, влюбился я, [а теперь] мучаюсь».

Множественное число выражается также синтаксическим способом, который реализуется:

1) атрибутивным сочетанием, состоящим из количественного числительного и существительного: *тоққус кәптәр* «девять голубей»; *ойәети* (<*он йәттә*) *жил* «семнадцать лет»; *икки йүз кила* «двести килограммов»; *жигирмитә, оттустә аривада* «на двадцати — тридцати телегах»;

2) сочетанием существительного со словами *көп, нурғун, тола, серап, мол* «много, обильно»; *барчә, һәммә, тамами* «весь»; *бирқанчә, бирнәччә* «несколько» и т. д. Например: *Қәшқәлихниң әм әшулиси көп* (79) «У кашгарцев также много песен»; *Пахтыдан иш көп* (98) «С хлопком много заботы»; *бирқанчә киши* «несколько человек»; *Бағым тола анарым* (112) «Полный сад у меня гранатов». В данных сочетаниях, в отличие от предыдущих, имя существительное может употребляться с аффиксом множественности. Например: *Уйғурқышлахты мәлили* (<*мәһәллә*+*-ләр*) *көп* (77) «В Уйгур-Кишлаке много кварталов»; *Бир йигит өːлән-сә, шу тамаːми силидәк йаш өспүрүн йигитлини ашхамдә әйтип қойуду* (79) «Если какой-то молодой человек женится, [то] всех вот таких, как вы, молодых людей [уже] с вечера созывают»; *барчә кишиләр* «все люди» и т. д.;

3) парными существительными. Например: *бала-чақа* «дети», *ата-ана* «родители», *аға-ини* (<*аға-ини*) «братья», *дос-йаːр* «друзья, приятели», *үрпи-аːдәт* «всякого рода обычаи», *кантыр-сантыр* «всякие там конторы, тому подобное» и т. д.

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

В современном уйгурском языке и его диалектах аффиксы лица, выражающие сказуемость, т. е. синтаксическое отношение подлежащего и сказуемого, присущи прежде всего глаголам, и поэтому они не могут служить характерным признаком имен существительных. Однако имена существительные, выступающие в функции сказуемого, могут принимать соответствующие аффиксы лица, которые в ферганском говоре имеют следующие формы:

Единственное число	*Множественное число*
1-е л. *-мән*	*-миз*
2-е л. *-сән*	*-силә(р)*
вежл. форма *-сиз*	
3-е л.—	—

Отрицательные формы образуются посредством недостаточного глагола *әмәс*, к которому присоединяются аффиксы лица.

Примеры (*пахтакар* «хлопкороб», *оқутувчи* «учитель», *шәːлик* «горожанин»):

Единственное число

1-е л. *пахтакармән, оқутувчимән, шәːликʼмән*
2-е л. *пахтакарсән, оқутувчисән, шәːликʼсән*
вежл. *пахтакарсиз, оқутувчисиз, шәːликʼсиз*
3-е л. *пахтакар(дур), оқутувчи(дур), шәликʼ(тур).*

Отрицательные формы

1-е л. *пахтакар әмәсмән, оқутвчи әмәсмән, шәːлик әмәсмән*
2-е л. *пахтакар әмәссән, оқутувчи әмәссән, шәːлик әмәссән*
вежл. *пахтакар әмәссиз, оқутувчи әмәссиз, шәːлик әмәссиз*
3-е л. *пахтакар әмәс(тур), оқутувчи әмәс(тур), шәːлик әмәс(тур).*

Множественное число

1-е л. *пахтикармиз, оқутувчимиз, шәːликʼмиз*
2-е л. *пахтакарсиләр, оқутувчисиләр, шәликʼсиләр*
3-е л. *пахтакар(дур), оқутувчи(дур), шәːликʼ(тур).*

Отрицательные формы

1-е л. *пахтакар әмәсмиз, оқутувчи әмәсмиз, шәːлик әмәсмиз*
2-е л. *пахтакар әмәссиләр, оқутучи әмәссиләр, шәːлик әмәссиләр*
3-е л. *пахтакар әмәс(тур), оқутувчи әмәс(тур), шәːлик әмәс(тур).*

Все аффиксы лица безударны и не подчиняются закону ассимиляции: как с твердыми, так и с мягкими основами они сохраняют свою стабильность, причем показатели первого и второго лица единственного числа *-мән, -сән* сохранились в той первоначальной форме, которую имеют личные местоимения *мән* «я», *сән* «ты», от которых происходят эти аффиксы.

Относительно грамматической природы элемента *-тур* (с фонетическими вариантами), присоединяющегося к именным основам 3-го лица, существуют в тюркологической

литературе две диаметрально противоположные точки зрения. Согласно одной из них, *-тур* является аффиксом сказуемости 3-го лица [27]. По другой точке зрения, этот элемент не имеет никакого отношения к сказуемости и проявляет себя как частица с различными модальными значениями [28].

В современном уйгурском языке (да и в других тюркских языках) формант *-тур* появляется в составе существительного лишь 3-го лица, т. е. там, где на самом деле нет показателя сказуемости. Поэтому он (*-тур*) иногда как бы формально (а не фактически) заменяет отсутствующий аффикс лица, что послужило, очевидно, поводом для отнесения его к парадигме спряжения имен.

Следует заметить, что формант *-тур* в староуйгурском языке употреблялся не только с существительными 3-го лица, как это имеет место сейчас, но и во всех трех лицах перед аффиксами сказуемости [29]. Полное подтверждение этому мы находим в фольклорных материалах и некоторых застывших трафаретных сочетаниях. Например: *Гувадурмән, гувадурмән, гувалыққа йүрәдурмән* «Я — свидетель, я — свидетель, я [где и когда угодно] могу быть свидетелем» (Этими словами свидетель подтверждает свое присутствие во время обряда бракосочетания); *Кечәси ойғунадурмән, иландәк толғунадурмән* «Ночью просыпаюсь, как змея извиваюсь» (т. е. переворачиваюсь с одного бока на другой).

В современном уйгурском языке элемент *-тур* значительно сузил сферу своего применения: с аффиксами сказуемости 1-го и 2-го лица он вовсе не употребляется, а появление его в 3-м лице носит факультативный характер.

В употреблении аффиксов лица в говоре наблюдаются некоторые обусловленности, сущность которых заключается в следующем: существительное в функции сказуемого чаще всего оформляется аффиксом сказуемости 1-го и 2-го лица тогда, когда подлежащее из личных местоимений реально не присутствует в данном предложении. И наоборот, когда подлежащее употребляется, аффиксы лица обычно опускаются. Однако вполне допустимо употребление подлежащего (*мән, сән, биз, силәр*) со сказуемым, оформленным соответствующими аффиксами лица *-мән, -сән, -миз, -силәр*. Употребление форманта *-тур* в 3-м лице весьма ограничено. Обратимся к примерам.

[27] См.: Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости. ИСГТЯ, II. М., 1956, стр. 5.

[28] См.: Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. ИСГТЯ, II, стр. 263—303.

[29] Там же, стр. 275.

1-е лицо: *Қашқа:лық мусапирмән* (119) «Я странник из Кашгара»; *Сән чәмәнниң гүли болсаң, мән — чәмәнниң булбули* (137) «Если ты цветок лужайки, я — лужайки соловей»; *Дәдәң — супа, бизләр — пәқир* (104) «Отец твой — суфий, мы — бедняки»; *Сән падиша:сән, мән бир гада:мән* (85) «Ты — царица, я — нищий».

2-е лицо: *Атам сәнсән, анам сәнсән* (106) «Ты — отец мне, ты — мать мне»; *Қизилгүлсән, бәркиң йоқ, хоп йигитсән йа:рың йоқ* (107) «Ты красная роза, [но] без лепестков, хороший ты молодец, [но] нет любимой у тебя»; *Игәр сән ибни қақансән* (127) «Пусть ты сын хакана даже».

3-е лицо: *Хожамдур Һәзритиң Аппақ* (144) «Ты Ходжа, мой Хазрат Аппақ»; *Чихмиған бу ширин җандур* (142) «Не покидает [тела моего] эта сладостная душа», *Миң шәйиттин бир тирик ә:лә* (126) «Один живой лучше тысячи павших за веру» (посл.); *Чәйзы — бу туңганчи гәп* (156) «Чәйзы [т. е. баклажан] — это дунганское слово». *Қашиң — Қашқар қамуши, чишиң — зәргәр күмүши* (107) «Брови твои — кашгарский камыш, зубы твои — серебро золотых дел мастера».

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Грамматическая категория принадлежности выражается, как и в литературном языке, тремя способами: 1) морфологическим, 2) синтактико-морфологическим и 3) синтаксическим.

1. При морфологическом способе, наиболее распространенном из трех, к основе существительных или любой субстантивированной части речи присоединяются специальные аффиксы принадлежности, которые различаются по лицу и числу. Так, например, присоединяя к слову *алма* «яблоко» аффикс принадлежности 1-го лица единственного числа, мы получаем словоформу *алмам* «мое яблоко», в которой выражены и предмет обладания (*алма*), и лицо обладателя (*-м* «мое»). Поскольку грамматическое значение принадлежности выражено в одном слове, то присутствие личных местоимений в родительном падеже необязательно.

Формы аффиксов принадлежности следующие.

После основ, оканчивающихся на гласный:

Единственное число

1-е л. *-м*;
2-е л. *-ң*; вежл.: *-ңыз/-ңиз, -ңуз/-ңүз ~ -лири*;
3-е л. *-сы/-си*.

Множественное число

1-е л. *-мыз/-миз;*
2-е л. *-ңла(р).*
3-е л. *-сы/-си.*

Примеры (*бала* «ребенок», *әшүлә* «песня», *өшкү* «коза», *төгү* «верблюд»):

Единственное число

1-е л. *балам, әшүләм, өшкүм, төгүм*;
2-е л. *балаң*, вежл. *балыңыз//баллири, әшүләң*, вежл. *әшүләңиз ~ әшүлүңүз//әшүлүлири, өшкүң*, вежл. *өшкүңүз//өшкүлири, төгүң*, вежл. *төгүңүз//төгүлири;*
3-е л. *баласы, әшүләси ~ әшүлүси, өшкүси, төгүси.*

Множественное число

1-е л. *балымыз, әшүләмиз ~ әшүлүмиз, өшкүмиз, төгүмиз*;
2-е л. *балаңла(р), әшүләңла(р), өшкүңла(р), төгүңла(р)*;
3-е л. *балысы, әшүләси ~ әшүлүси, өшкүси, төгүси.*

Иногда между основой с гласным исходом и аффиксом принадлежности вставляется звук *р*, который при морфологическом разборе рассматривается в составе аффикса. В результате появляются варианты этого аффикса с начальным *р*. Тот живой фонетический закон уйгурского языка, по которому выпадает и в определенных условиях восстанавливается конечный *р*, осуществляется настолько легко и автоматически, что он во многих случаях переходит свои обычные границы, распространяясь как бы по инерции на слова, вообще не имеющие *р* в конце [30]. Так, например, по аналогии *ана:* (<*анар*) «гранат» — *анари* «его гранат»; *йә:* (<*йәр*) «земля» — *йәри ~ йери* «его земля»; *то:* (<*тор*) «сеть» — *тори* «его сеть» и т. д. мы имеем: *сийа* «чернила» — *сийари* вм. *сийаси* «его чернила»; *кино* — *кинори* вм. *киноси* «его кино». Иначе говоря, *р* «восстанавливается» по закону аналогии без учета того, есть в конце данного слова звук *р* или нет. Таким образом, некоторые слова с гласным исходом ложно воспринимаются как основы, оканчивающиеся на согласный *р*, и к ним уже присоединяются

[30] Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *р* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 68—77.

обычные аффиксы принадлежности [31]. Вследствие этого число вариантов аффиксов принадлежности в уйгурском языке увеличивается почти вдвое по сравнению с аналогичными аффиксами в других тюркских языках:

Единственное число

1-е л. *-рым/-рим, -рум/-рүм*;
2-е л. *-рың/-риң, -руң/-рүң;* вежл. *-рыңыз/-риңиз, -руңиз/-рүңиз//-лири;*
3-е л. *-ры/-ри.*

Множественное число

1-е л. *-рымыз/-римиз, -румыз/-рүмиз*;
2-е л. *-рыңла(р)/-риңла(р), -руңла(р)/-рүңла(р)*;
3-е л. *-ры/-ри.*

Примеры (*сийа* «чернила», *тоху* «курица»):

Единственное число

1-е л. *сийарым, тохурум*;
2-е л. *сыйарың*, вежл. *сийариңыз ~ сийалири*; *тохуруң* вежл. *тохуруңыз ~ тохулири*;
3-е л. *сийары, тохури.*

Множественное число

1-е л. *сийаримыз, тохурумыз*;
2-е л. *сийариңла(р), тохуруңла(р)*;
3-е л. *сийари, тохури.*

Аффиксы принадлежности после основ, оканчивающихся на согласный:

Единственное число

1-е л. *-ым/-им, -ум/-үм ~ -ам/-әм*;
2-е л. *-ың/-иң, -уң/-үң ~ -аң/-әң*, вежл. *-ыңыз/-иңиз, -уңыз/-үңиз//-лири*;
3-е л. *-ы/-и, -у/-ү.*

Множественное число

1-е л. *-ымыз/-имиз, -умыз/үмиз*;
2-е л. *-ыңла(р)/-иңла(р), -уңла(р)/-үңла(р) ~ аңла(р)/-әңла(р)*
3-е л. *-ы/-и, -у/-ү.*

[31] Другое объяснение протетического *р* см.: Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 55.

Примеры (*қыз* «дочь», *вақит* «время», *қол* «рука», *көз* «глаз»):

Единственное число

1-е л. *қызым, вахтим, қолум ~ қолам, көзүм ~ көзәм*;
2-е л. *қызың*, вежл. *қызыңыз ~ қызлири*; *вахтиң*, вежл. *вахтиңиз ~ вахтилири*; *қолуң ~ қолаң*, вежл. *қолуңыз ~ қоллири*; *көзүң ~ көзәң*, вежл. *көзүңиз ~ көзлири*.
3-е л. *қызы, вақти, қолу, көзү*.

Множественное число

1-е л. *қызымыз, вахтимиз, қолумыз, көзүмиз*;
2-е л. *қызыңла(р), вахтиңла(р), қолуңла(р) ~ қолаңла(р), көзүңла(р) ~ көзәңла(р)*;
3-е л. *қызы, вахти, қолу, көзү*.

Таким образом, аффиксы принадлежности в ферганском говоре выступают в следующих разновидностях:

Единственное число

1-е л. *-м, -рым/-рим, -рум/-рүм, -ым/-им, -ум/-үм ~ -ам/-әм*;
2-е л. *-ң, -рың/-риң, -рун/-рүң, -ың/-иң, -үң/-үң ~ -аң/-әң*;
вежл. *-ңыз/-ңиз, -рыңыз/-риңиз, -руңыз/-рүңиз, -ыңыз/ /-иңиз, -уңыз/-үңиз//-лири*;
3-е л. *-сы/-си, -ры/-ри, -ру/-рү, -ы/-и, -у/-ү*.

Множественное число

1-е л. *-мыз/-миз, -рымыз/-римиз, -румыз/-рүмиз, -ымыз/ /-имиз, -умыз/-үмиз*;
2-е л. *-ңла(р), -рыңла(р)/--риңла(р), -руңла(р)/-рүңла(р), -ыңла(р)/иңла(р), -уңла(р)/-үңла(р) ~ аңла(р)/әңла(р)*;
3-е л. *-сы/-си, -ры/-ри, -ру/-рү, -ы/-и, у/-ү*.

Приведенные аффиксы со всевозможными фонетическими вариациями используются для образования грамматического значения принадлежности лишь тогда, когда предмет обладания стоит в единственном числе. Между тем предмет обладания, равно как и лицо обладателя, может употребляться и во множественном числе. Здесь возможны следующие комбинации, каждая из которых имеет соответствующую форму:

1) и предмет обладания и лицо обладателя стоят в единственном числе (примеры см. выше);

2) предмет обладания стоит в единственном числе, а лицо обладателя — во множественном (примеры см. выше);
3) предмет обладания стоит во множественном числе, а лицо обладателя — в единственном:
1-е л. *китаплирим* «мои книги».
2-е л. *китаплириң* «твои книги».
3-е л. *китаплири* «его книги».
4) и предмет обладания и лицо обладателя стоят во множественном числе:
1-е л. *китаплиримиз* «наши книги»
2-е л. *китаплириңла(р)* «ваши книги»
3-е л. *китаплири* «их книги».

Таким образом, в ферганском говоре категория принадлежности обладает не только весьма развитой системой парадигмы, вместе с тем она отличается богатством и разнообразием фонетических вариантов аффиксов.

В зависимости от фонетического состава основ присоединение к ним (основам) вариантов одного и того же аффикса принадлежности осуществляется вполне закономерно, хотя и наблюдаются отклонения, не нарушающие, однако, присущей говору общей закономерности. Большинство отклонений падает на долю аффиксов с узким гласным *ы ~ и*, что объясняется индифферентным характером данного звука, а также тем, что твердый и мягкий его варианты не имеют фонематического значения. Поэтому в говоре могут встречаться *атың ~ атиң* «твой конь», *балысы ~ балиси* «его ребенок», *вахтимиз ~ вахтымыз* «наше время» и т. д.

Независимо от твердости и мягкости основ аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа выступает только в твердом варианте: *қойуңла(р)* «ваша овца», *өйүңла(р)* «ваш дом», *китавиңла(р)* «ваша книга», *мәктивиңла(р)* «ваша школа».

В отдельных случаях аффиксы принадлежности второго лица единственного и множественного числа встречаются в виде *-ий, -ийлә(р)* вместо обычных *-иң, -иңла(р)*, что следует отнести к влиянию местных узбекских говоров [32]. Например: *Қәшқәрийни* (<*Қәшқәриңниң*) *йолидә* (115) «на кашгарской дороге» (досл. на дороге твоего Кашгара); *Силәрни пулийләр дәрйағи қол вили су темитип бәргәнчи әмәс* (126) «Ваши деньги не сравнить даже с каплей воды, упавшей с руки в реку»; *Ћиммитийларгә рәхмәт!* (125) «Спасибо за ваше великодушие!».

Варианты аффиксов принадлежности с начальными

[32] См.: Ибраҳимов С. Узбек тилининг Андижон шеваси. Тошкент, 1967, стр. 139—141.

широкими гласными (*-ам, -эм, -аң, -әң, -аңла(р), -әңла(р)*) в противовес закону гармонии гласных присоединяются к лабиальной основе (примеры см. выше). Наблюдается и обратное, т. е. иногда губные варианты аффиксов принадлежности присоединяются к основам с негубными гласными, например: *йарум* «моя возлюбленная», *йаруң* «твоя возлюбленная». Эта фономорфологическая особенность изучаемого говора, сближающая его с кашгарским говором, не характерна для литературного языка, хотя и в нем встречаются отдельные примеры подобного рода: *өз* «сам» — *өзәм* «я сам», *өзәң* «ты сам» — *өзәңла(р)* «вы сами» вместо ожидаемых *өзум, өзүң, өзүңла(р)* и т. д.

В отличие от литературного языка в ферганском говоре аффикс принадлежности 3-го лица после губной основы с конечным согласным употребляется согласно закону губной гармонии в форме *-у, -ү* (*қолу* «его, их рука», *көзү* «его, их глаз»), что наблюдается в наманганском говоре узбекского языка [33].

При присоединении к основе аффиксов принадлежности в ней наблюдаются различные звуковые изменения, которые происходят в результате действия характерных говору законов ассимиляции, редукции, выпадения, вставки звуков и т. д. Например: *ана* «мать» — *анымиз* «наша мать»; *ат* «лошадь» — *ети* «его лошадь»; *йүрәк* «сердце» — *йүрәгим* ~ *йүркүм* «мое сердце»; *сиңил* «младшая сестра» — *сиңним* «моя младшая сестра», *сиңниси* «его младшая сестра»; *һәд* «предел» — *һәдди* «его предел»; *су* «вода» — *сүйи* «его вода» и т. д.

Образование вежливой формы при помощи аффикса *-лири*, состоящего из *-лар* (афф. множественности) и *-и* (афф. принадлежности 3-го лица), не характерно для литературного языка. Данный формант хотя структурно и совпадает с аффиксами *-лири* (<*-лар*+*-и*), обозначающими множество предметов обладания в 3-м лице, однако в семантическом отношении они совершенно расходятся. Ср., например, *силиниң* (<*силәрниң*) *бағлири* «Ваш сад» и *унуң* (или *ула(р)ниң*) *бағлири* «его (их) сады»; *силиниң өйлири* «Ваш дом» и *шәһәрниң өйлири* «дома города» и т. д. Вообще любопытно, что для выражения вежливости, присущей только 2-му лицу единственного числа, употребляется аффикс принадлежности 3-го лица. Ведь здесь получается несоответствие формы содержанию: если исходить из формы, то *бағлири* (<*бағ*+*-лар*+*-и*) следует понимать как «его (их) сады», а фактически данная словоформа обозначает «Ваш сад» (ср. с аналогичным явлением в образовании вежливой формы глаголов).

[33] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965, стр. 10.

В говоре, как и в литературном языке, некоторые существительные, особенно служебные имена, в исходной форме обычно не употребляются, а встречаются лишь с аффиксами принадлежности. К ним относятся, например, *алд-* (*алдым, алдың, алды*) «перед, передняя часть»; *көкс* (*көк'сум, көк'сүң, көк'си*) «грудь»; *қаш-* (*қешим, қешиң, қеши*) «около, возле»; *әпт-* (*әптим, әптиң, әпти*) «лицо, облик»; *тәпт-* (*тәпти*) «пыл, жар»; *тәг-* (*тәги*) ~ *түв-* (*түви*) «низ, под» и т. д. Употребление подобных слов в притяжательнай форме служит, по-видимому, одним из способов устранения стечения двух согласных (*көкс-, алд-, әпт-, тәпт-*), а также согласных *г, в* (*тәг-, түв-*), которые в конце слова обычно не встречаются.

Заслуживает внимания также плеонастическое употребление аффикса принадлежности 3-го лица в словах *бириси* (<*бир*+*-и*+*-си*) «один из них, кто-то»; *қа:нысы* (<*қарын*+*-ы*+*-сы*) «его живот»; *көпүси* (<*көп*+*-и*+*-си*) «большинство из них»; *териси* (<*тәр*+*-и*+*-си*) «его пот» в выражении *пеша:нә териси* (досл. «пот лба») «честный труд».

Аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа имеют общее происхождение с соответствующими аффиксами лица, и исторически они восходят к личным местоимениям *мән* «я», *сән* «ты», *биз* «мы», *сиз* «вы».

2. Значение принадлежности образуется синтактико-морфологическим способом, т. е. полной изафетной конструкцией. Данный тип состоит из определительного сочетания личного местоимения или имени в родительном падеже с именем, оформленным аффиксом принадлежности. Например: *мениң әшнам* «мой друг»; *сениң акаң* «твой брат»; *бизниң йутуғумиз* «наш успех», *Атаңниң бағ-чарвағы вилән қалғычә, анаңның пилтә севәти билән қал* (126) «Чем остаться с отцом, с его садом-огородом (т. е. богатством), лучше остаться с матерью, с ее лукошком для ровницы». Иногда в данной конструкции определение может принимать аффикс *-ники* ~ *-ниңки* (см. о нем ниже), оставаясь тем не менее в пределах конкретной принадлежности, например: *Һаваниңки тәптигә қарап, заманники әптигә қарап* (127) «Действуй сообразно с погодой и временем» (досл. смотря на тепло воздуха, смотря на настроение эпохи).

Как разновидность этого способа можно указать на те словосочетания, определитель которых не оформляется родительным падежом, но наличие его легко подразуме-

вается через аффикс принадлежности определяемого слова. Например: *дәрйа бойы* «берег реки»; *қәләндә: еңни* «одежда дервиша»; *Әсәкә тағы бәләтти, йар көйнәги ғәләти* (90) «Горы Асаки высоки, платье возлюбленной прекрасно».

3. Синтаксический способ передачи значения принадлежности состоит в том, что в качестве определителя выступает личное местоимение 1-го или 2-го лица множественного числа в родительном падеже, а определяемое слово не оформляется соответствующим аффиксом принадлежности. Например: *Бизниң мәмликәттә* (95) «В нашей стране»; *Бизниң қоғун жудиму умдан, татлых воған* (82) «Наши дыни были очень хорошие, сладкие»; *силә(р)ниң коча* «ваша улица».

Кроме конкретной принадлежности, образование которой связано с рассмотренными выше тремя способами, имеется еще так называемая абстрактная принадлежность. Она выражается при помощи аффикса родительного падежа и словообразовательного форманта прилагательного *-ки*. Например: *мени(ң)ки* «мой», *сени(ң)ки* «твой», *Өзгәнни(ң)ки* «Узгена», *кәлхозниңки* «колхоза».

КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

Для ферганского говора, как и для общенародного уйгурского языка вообще, характерен единый тип склонения, охватывающий все существительные, местоимения, числительные, а также любые части речи, если они субстантивированы. Однако в системе падежей изучаемого говора есть и свои характерные черты, которые отличают его от большинства других говоров и литературного языка.

Падежная система ферганского говора отличается, прежде всего, наличием своеобразных фонетических и иных вариантов аффиксов, появление которых связано, с одной стороны, со специфическими особенностями фонетики самого говора, а с другой — с воздействием на него внешних факторов. Отличительные черты говора обнаруживаются также в значениях и функциях падежей. Их шесть: 1) основной, 2) родительный, 3) дательно-направительный, 4) винительный, 5) местный, 6) исходный.

Каждый из указанных падежей, кроме основного, имеет специальные показатели, посредством которых передается то или иное грамматическое значение. Падежные аффиксы присоединяются обычно непосредственно к основе, а при наличии аффиксов множественности и принадлежности следуют за ними, например: *дослурумға* (<*дос*+*-лар*+*-ым*+ +*-ға*) «моим друзьям». Присоединение падежных форм

после аффиксов принадлежности принято называть притяжательным склонением, которое в ферганском говоре осуществляется теми же аффиксами, что и простое склонение, и не имеет особых показателей.

За исключением некоторых местоимений (см. ниже), присоединение к слову двух падежных окончаний одновременно недопустимо.

Основной падеж

Основной падеж представляет собой основу слова (непроизводную или производную), характеризуемую отсутствием специального показателя. Отвечает на вопросы *ким? ~ чим?* «кто?» и *нимә?* «что?». Синтаксическая его функция — выражение подлежащего. Он может выступать в функциях определения, именной части сказуемого, а также в качестве обращения.

Примеры на подлежащее: *Әпәнди база:ғы верип манты йәпти* (96) «Пришел Апанди на базар, поел манты»; *Дослар шат, душмәнләр нашат восун!* (81) «Друзья пусть радуются, недруги — горюют». Примеры на определение: *Алтун бешиңла пәрвайдигаримниң панайиди восун!* (81) «Золотая ваша голова пусть будет под защитой создателя!»; *«База:ғы бургу доры апырып сатыпты* (97) «Пошел на базар продавать порошок (досл. лекарство, средство от блох)» Примеры на сказуемое: *Өзгәнниң, Қуршапниң әдәмлири* тәләпка: *болди* (124) «Из Узгена, Куршапа люди изъявили желание»; *Лөк(у)чигим лөк(у)чәк, сөк(у)чигим көк(у)чәк, алты қызның аныси, һәнизгичә келинчәк* (тепишмақ) (132) «Верблюжонок мой [есть] верблюжонок, полка моя [есть] полка, мать шестерых девушек, [однако] до сих пор невестка» (загадка). Примеры на обращение: *Қичқир, хорас, қичқир, хорас, йа:рым ойғансун!* (105) «Пой, петух, пой, петух, пусть проснется любимая!»; *Жүрүңлар, ортақ, ойнайлик* (128) «Идемте, друзья, погуляем».

Родительный падеж

В ферганском говоре родительный падеж имеет два типа аффиксов, каждый из которых в зависимости от характера основы (твердость или мягкость, губность или негубность) выступает в четырех фонетических вариантах. Первый тип: *-ның/-ниң, -нуң/-нүң*; второй тип: *-ны/-ни, -ну/-нү*.

Первый тип аффиксов родительного падежа фактически не отличается от соответствующих форм литературного

языка и семиреченского говора, хотя в литературном стандарте орфографически принят лишь вариант *-ниң*.

Второй тип аффиксов родительного падежа представляет собой открытый слог. Он отсутствует в литературном языке и семиреченском говоре. Кроме ферганского говора данный формант представлен в кумыкском [34], саларском [35] языках, в лобнорском диалекте уйгурского языка [36] и в узбекских говорах ташкентско-ферганского типа [37].

Наличие в ферганском говоре аффикса родительного падежа *-ни* (с вариантами) в известной мере объясняется влиянием местных говоров узбекского языка, хотя эта особенность вообще не чужда, например, кашгарскому говору и даже хотанскому диалекту уйгурского языка, не говоря о лобнорском диалекте. Ср. примеры из Кашгарского говора: *чапанымны йеңи* «рукав моего чапана» (Ярринг, II, 77); *гүлни тикәни* «шип цветка», *йа:ны вәпаси* «верность возлюбленной (Ярринг, II, 120); из хотанского диалекта: *қызымни тойы* «свадьба моей дочери» (Малов, УНС, 14).

Эти примеры позволяют нам предполагать, что родительный падеж *-ни* в уйгурских и узбекских диалектах имеет общее происхождение.

Данный тип аффиксов формально совпадает с показателями винительного падежа. Однако в составе предложения или словосочетания эти падежи легко отличаются друг от друга, поскольку как в функциональном, так и в семантическом отношениях они представляют собой различные грамматические категории: имя в родительном падеже всегда сочетается с именем, оформленным аффиксом принадлежности 3-го лица, и они вместе составляют определительную (изафетную) конструкцию, т. е. существительное в родительном падеже выступает в роли определения, например: *китапни бети* «страница книги», *дәйрини сүйи* «вода реки». Что касается слова в винительном падеже, то оно управляется переходным глаголом и всегда служит прямым дополнением, например: *китапни оқу-* «читать книгу», *дәйрини йақылап маң-* «идти вдоль реки».

Использование одного из приведенных типов аффиксов родительного падежа не зависит от фонетических условий.

[34] См.: Исхаков Ф. Г. Имя существительное. ИСГТЯ, II. Морфология. М., 1956, стр. 93.

[35] См.: Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. Автореф. докт. дис. М., 1969, стр. 41.

[36] См.: Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956, стр. 5.

[37] См.: Решетов В. В. Об одном узбекском падеже. — В кн.: Тюркологический сборник. I. М. — Л., 1951, стр. 176; Ибрахимов С. Указ. работа, стр. 144.

Поэтому трудно определить, когда именно употребляется первый тип аффиксов, а когда — второй. Носители говора иногда сами колеблются в выборе этих форм. Нетрудно заметить, однако, что аффикс родительного падежа *-ниң* (с вариантами) в говоре употребляется намного шире и чаще, чем аффикс *-ни* (с вариантами).

Губные варианты аффиксов родительного падежа как первого, так и второго типов не регулярны и часто заменяются негубными вариантами, что объясняется непоследовательностью закона гармонии гласных в изучаемом говоре, например: *Қуту, қутуни ичидә төгүнү путу* (*йаңғақ*) «Посуда, в посуде верблюжья лапа» (орех); *Атушниң қызи* «девушка из Артуша»; *Авуны тумалла:ры, йилқыни ғуналла:ри, Су десәм, һарақ бәргән Ақсунуң жуванла:ри* (108) «На небе — туман, в табуне — трехлетки, говоришь воды [дай], дадут водки Аксуйские молодухи». Вообще в говоре заметна тенденция, согласно которой аффиксы родительного падежа стремятся к единой форме *-ниң*.

В ферганском говоре, как и во всех тюркских языках, родительный падеж бывает оформленным (*күннүң нуры* «луч солнца») и неоформленным (*мәктәп оқу[в]чиси* «школьник», досл. ученик школы). Однако отсутствие падежного аффикса при изафете «не дает нам основания говорить, что данное существительное стоит в основном падеже, хотя по форме оно, не имея никакого падежного аффикса, и совпадает с ним» [38].

В отношении семантики родительный падеж в основном тот же, что и в литературном языке. Центральными являются значения 1) принадлежности и 2) разного рода связей и отношений между предметами. Есть более частные и второстепенные значения данного падежа, которые представляют собой ответвление ведущих значений.

Имя в родительном падеже обозначает:

1. Предмет или лицо, которому принадлежит что-либо: *қызларның сачи* «косы девушек»; *Һашимханни көк ати* (121) «Сивый конь Хашимхана»; *Кәмчибегниң қәйлиғы* (140) «Молодая жена Камчибека»; *араваның ғилдирәги* (95) «колесо телеги».

2. Коллектив, учреждение или лицо, к которому предмет обладания имеет то или иное отношение: *Калхознуң рәйиси* «председатель колхоза»; *мәк'тәпниң дәриктири* «директор школы»; *пәртийә әзаси* «член партии»; *Ғуламжанның тонуши* «знакомый Гуламжана»; *деттомниң хожайинлири* (125) «хозяева (т. е. начальство) детдома».

[38] Исхаков Ф. Г. Имя существительное, стр. 102.

3. Место, где находится предмет обладания: *шәһәрниң хәлқи* «население города ~ городское население»; *тағни түлкеси* «лиса горы ≈ горная лиса»; *Қәшқәрниң жуванлири* «молодухи Кашгара».

4. Понятие, обозначающее время: *жилниң беши* «начало года»; *қиш күнлири* «зимние дни»; *айның ахыры* «конец месяца»; *уруш жиллири* «годы войны».

5. Предмет, обозначающий целое, отношением к которому определяется какой-либо другой предмет как часть этого целого: *мис тавақни синығы, қызыл гүлни чивиғы* (140) «обломки медной тарелки, ветка розы»; *Он йеттитә балының оруси йәм ба:, чувичи йәм ба:* (125) «Среди семнадцати детей есть и русские, и чуваш».

6. Предмет или лицо, которое обладает качеством или свойством, названным в определяемом слове: *хәндәләгниң сәриғы* (140) «желтая [дыня] из дынь „хандалак"»; *гүлниң йахшиси қа:си?* (149) «Какой из цветов лучше?»; *йа:ниң йахшиси қа:си?* (150) «Какая из подруг лучше?»; *Дәртни-йамини чечәк* (111) «Худшая из болезней — оспа».

7. Объект, обозначающий производителя действия: *сунуң еқиши* «течение воды»; *шаптулиниң пишиши* «созревание персика»; *мәсилӛниң қойулуши* «постановка вопроса»; *Мәмтахунниң оқуши* «учеба Мамат-ахуна».

Неоформленный родительный падеж обозначает главным образом не конкретные, а общие, более отвлеченные отношения между предметами. Например: *калхоз йери* «колхозная земля»; *Өк'тәбир иңқылаби* «Октябрьская революция»; *уйғур хәлқи* «уйгурский народ»; *«Москва» калхози* «колхоз "Москва"»; *Уйғур-абат қишлағи* «кишлак «Уйгур-абад».

В приведенных примерах связь между компонентами изафетной конструкции заметно ослаблена, а сочетание в целом приобретает словообразовательный характер. В данном случае значение родительного падежа соответствует значению относительного прилагательного, образованного с помощью аффикса *-лиқ: җәмийәт иши ~ җәмийәтлик иш* «общественная работа» (а не «работа общества»); *шә:р баллыри ~ шә:рлик балла* «городские ребята»; *йәр шари* «земной шар» (а не «шар земли»); *аграномийа усули* «агрономический метод» (а не «метод агрономии») и т. д.

Слово, стоящее в родительном падеже, отвечает на вопрос *кимниң?* «кого? чей?» или *нимәниң* «чего? чей?» и в предложении служит определением. Это основная, но не единственная функция родительного падежа. Иногда он встречается в роли сказуемого: *Су Сулайманның, йә: Қадырның, асмыңға ага: бол!* (посл.) «Вода — Сулаймана (т. е. принадлежит Сулайману), земля — Кадыра, смотри, чтобы и неба не лишили!».

Дательно-направительный падеж

Дательно-направительный падеж, так же как и в литературном языке, образуется с помощью пятивариантного аффикса *-ға/-гә, -қа/-кә, -қә:*

-ға присоединяется к твердой основе с конечным гласным или звонким сагласным (кроме *р*): *нава:ға* «воздуху», *путуға* «к его ноге», *айға* «луне», *қолға* «руке»;

-гә — к мягкой основе с конечным гласным или звонким согласным (кроме *г*): *йә:гә* (<*йәргә*) «земле», *бединигә* «перепелке», *үзүмгә* «винограду», *чүлигә* «компоту», *көзгә* «глазу»;

-қа — к твердой основе с конечным глухим согласным: *ашқа* «пище», *тайаққа* «палке», *отқа* «огню», *йутуққа* «достижению»;

-кә — к мягкой основе с конечным глухим согласным (кроме *қ, х*): *гүрүшкә* «рису», *әбиткә* «обеду», *тәләпкә* «требованию», *етәккә* «подолу»;

-қә — к мягкой основе с конечными увулярными *қ, х*: *хәлиққә* «народу», *бәлиққә* «рыбе», *дәрәққә* «дереву», *әриққә* «арыку».

Конечные звонкие согласные основы *р, г* при присоединении аффиксов дательно-направительного падежа оглушаются и соответственно переходят в *қ, к*: *бағ* «сад» — *бақ қа* «саду, в сад», *бәг* «бек» — *бәккә* «беку».

В употреблении аффиксов дательно-направительного падежа в говоре наблюдается некоторое своеобразие. Прежде всего следует отметить, что довольно часты примеры, когда к твердой основе присоединяются мягкие варианты данного аффикса при наличии соответствующих твердых: *Чоң дәрәхниң мевәси болса шахигә ғәм келүр. Ша:диманлик излимә, А°хир башиңгә ғәм келүр* (137) «У большего дерева плоды если есть, то его ветвям печаль. Радости ты не ищи, все равно на голову твою придет забота»; *Һәр заман тамгә чиқип...* (138) «Каждый раз, на стену взобравшись...»; *Чирвонгә са°тива°лдим* (115) «Я купил за червонец».

Как известно, непоследовательность действия закона ассимиляции является одной из характерных особенностей общенародного уйгурского языка вообще и ферганского говора в частности. Кроме того, здесь наблюдается влияние

узбекского языка, в котором аффикс дательно-направительного падежа имеет только мягкие варианты [39].

Заслуживает внимания также то, что мягкие варианты аффикса этого падежа *-кә, -гә* в отдельных случаях встречаются в виде *-ке, -ге: йүрекке* «сердцу», *«бизге* «нам». Мы не думаем, что это результат влияния какого-либо языка, где имеются аналогичные форманты. Скорее всего, здесь действует общая тенденция сужения широких гласных по линии *а, ә* > *е*, которая ясно прослеживается в изучаемом говоре.

В говоре, как и в литературном языке, гласные *а, ә* показателя дательно-направительнаго падежа по закону редукции могут переходить в *ы* ~ *и* (реже в *у, ү*), изменяя тем самым прежний фонетический облик данного аффикса: *отуңғы* (<*отун*+*-ға*) *бар-* «идти за дровами»; *бақҗы* (<*бағ*+*-қа*) *кир-* «зайти в сад»; *өйгичә* (<*өй*+*-гә*+*-чә*) «до дома».

Дательно-направительный падеж в неоформленном виде встречается редко: *Ба°жин қарап кетмәк керәк* (92) «В Пекин нужно идти»; *Кет десәң, Қәшқәр кетәй* (109) «Если скажешь «уходи» — уйду в Кашгар».

«Среди всех значений дательного падежа следует прежде всего выделить следующие два:

1) указание на конечный пункт в пространстве или во времени, куда направлен процесс (движение, действие или действие, переходящее в состояние), и в тесной связи с этим 2) указание на предмет, к которому направлен процесс. Эти два основные значения и определяют, собственно, термин „дательно-направительный", применяемый к рассматриваемому падежу» [40].

Можно выделить следующие значения данного падежа:

1. Лицо или предмет, к которому направляется действие: *Әнҗанға чүшүп кетти* (91) «в Андижан они ушли» (досл. спустились); *өйги әпчир-* (79) «внести в дом»; *Қәшқа:ғы жөнәймиз* (80) «в Кашгар отправимся».

2. Конечный пункт, предел в пространстве: *Ошки* (<*Ош*+*-кә*) *пийадә келдүк* (158) «в Ош пришли пешком»; *Шум билән Еркәштамғы ва:ғанда, шәйтанны әшуллиси түгәп қапту* (80) «Когда таким образом дошли [они] до Иркештама, кончились у Шайтана песни».

3. Обозначение времени действия или процесса: *еттисигә нәбиттин кейин* (79) «на завтра после обеда»; *Күзгичи* (<*күз*+*-гә*+*-чә*) *йетти-сәккиз мәртә су ичиди пахта. Та:шу күзгичә, синтәбир айғычә* (*ай*+*-ға*+*чә*) *адәмлә уны тәгидин кәтмәйду* (74) «До осени семь-восемь раз поливается (досл. пьет воду) хлопок. До самой этой осени, до сентября месяца, люди не отходят от него».

4. Предназначение, цель, причина: *отуңғы кетип қапту* (93) «он поехал за дровами»; *хатын к(и)ши учрап қа:са, әпчирәй йардәмгә дәп чихса...* (83) «думал, встретится женщина и он приведет [ее] на помощь»; *Туғулдум бир күн өлмәккә, Қара йәргә көмүлмәккә, Илаҗим йоқ тирилмәккә, Нечи дунйағы бел бағлап* (122) «Родился, чтобы однажды умереть, чтобы быть зарытым в черную землю. Нет средств, чтобы воскреснуть, сколько ни принимался я»; *Тәшналыққа ат өлди* (152) «Лошадь издохла от жажды».

5. Обозначение количественного определения: *елик' төрги* (<*төрт*+*-кә*) *киripмән* (154) «мне пятьдесят четыре исполнилось»; *Йәни үзәм йүз миңги* (<*миң*+*-гә*) *йезилдим* (124) «Я еще на сто тысяч подписался»; *пулгә ал-* «купить на деньги».

Значения, передаваемые дательно-направительным падежом, весьма обширны и не укладываются в рамки перечисленных выше семантических разрядов. Приведем примеры: Бийәгә (<*бу йәр*+*-гә*) *ишки* (<*иш*+*-кә*) *чийдим қаравулчилиққа* (76) «Сюда я поступил на работу сторожем»; *пәрәнҗигә оралашип* (84) «укутавшись в паранджу»; *Йалғызлыққа ким өлупто?* (109) «В одиночестве разве кто умер?»; *Қешиңға осму қойупсән* (109) «Ты усмой брови себе покрасила»; *Әкитиңгә қол қойдум* (111) «Подписал твой акт»; *Йарға салам берәй десәм, уйаламән* (117) «Хочу приветствовать любимого, но стесняюсь»; *Йарги йалғанчи болдуқ* (112) «Перед любимой обманщиком мы оказались»; *Сорап Дәрткә дәрман әйлисун* (111) «Пусть исцелит тоску»; *Дәртка дәрман әйлисун, ергә тегәмдо?* (106) «Спросите у Камкелиң Қәмбәрхандин, ергә тегәмдо?»

Винительный падеж

Винительный падеж образуется с помощью аффикса *ны/ни*. После основ с губными гласными он хотя и употребляется с лабиальным оттенком, но не доходит до *-ну/-нү*: *тавақ* «блюдце» — *тавахны*; *алтун* «золото» — *алтунны*; *от* «огонь» — *отны*; *балтэ* — «топор» — *балтэни*; *күл* «зола» — *күлни*; *қиш* «зима» — *қишни*.

Следует сказать, что узкий гласный *ы ~ и* аффикса винительного падежа в абсолютном конце слова иногда получает расширение и переходит в полуширокий гласный *е* (*-ны ~ -ни > -не*). Это бывает тогда, когда слово, стоящее в винительном падеже, употребляется в предложении с некоторыми оттенками экспрессии. Однако образовавшийся таким образом формант *-не* не может считаться фонетическим вариантом аффикса винительного падежа, так как он не зависит от звуковых условий основы. Например: *Тапалмыдиңлимо өй(и)не?!* «Разве вы не могли найти их (его) дом?!»; *Калхозчилиримиз... мәдәни: оғут жәмғурыдо, кийин мәһәлли гөң, мални тәзәк'лирине, атни тезәк'лирине, күллине топлайду°* (73) «Колхозники... собирают искусственные (досл. культурные) удобрения, затем собирают местные — навоз, золу».

Формальное совпадение винительного падежа со вторым типом аффиксов родительного падежа, как уже было сказано, не может привести к практическим затруднениям.

Винительный падеж, как и родительный, и некоторые другие падежи, бывает двух видов:

1) оформленный (или аффиксный): *Қазанны эччиқип берең, Әпәндим,— дәптү* (93) — «Верните казан, Апанди,— сказал сосед»; *Қәмбәрханни әпқычайли йәңгәси вилән* (106) «Украдем Камбархан вместе с ее провожатой дамой»;

2) неоформленный (или безаффиксный): *хәт пүтүп, на:мә йивәрдим* (139) «написав письмо, посланье [это] я отправил»; *Башим тәндин жуда: қийсаң...* (142) «Если [даже] тело лишишь головы моей».

В тюркологической литературе часто встречается точка зрения, согласно которой оформленность или неоформленность винительного падежа объясняется определенностью или неопределенностью объекта, т. е. «аффиксная форма данного падежа обозначает определенный объект. Безаффиксная форма винительного падежа обозначает неопределенный объект»[41]. Как нам представляется, эти два вида

[41] Грамматика туркменского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970, стр. 112; см. также Исхаков Ф. Г. Имя существительное, стр. 123.

винительного падежа отличаются друг от друга прежде всего тем, что первый из них употребляется в предложении с логическим ударением, следовательно, с полной смысловой нагрузкой, а второй (неоформленный) не обладает таким качеством. Поясним это примерами. В предложении *Мән китап оқудум* «Я читал книгу» внимание слушателя обращается на процесс, действие *оқудум* «я читал», а прямой объект в данном случае стоит как бы на втором плане. Поэтому для передачи соответствующей мысли достаточно, чтобы слово, выражающее объект, употреблялось в форме винительного падежа без аффикса. Когда же мы говорим *Мән китапни оқудум*, то логическое ударение падает на объект. Вернее, переход логического ударения от управляющего слова (глагола) на объект и его семантическая актуализация требует, чтобы существительное, выражающее этот объект, употреблялось в форме винительного падежа с аффиксом. Таким образом, оформленность или неоформленность винительного падежа в основном связана с присутствием или отсутствием в нем логического ударения.

Вполне возможно употребление аффиксного винительного падежа без смыслового его выделения. Однако это опять-таки не имеет прямого отношения к категории определенности или неопределенности, а связано синтаксическими, стилистическими или морфологическими условиями. Так, например, субстантивированные прилагательные, причастия, а также имена действия в винительном падеже всегда бывают оформленными, так как аффикс винительного падежа в этих словах кроме своей основной функции выступает также в качестве одного из показателей субстантивации.

Немало примеров, когда неоформленный винительный падеж семантически ослабляется, лишается самостоятельности, в результате чего он постепенно сливается со своим управляющим словом, выступая вместе с ним в качестве единого лексического комплекса, например: *йардәм бәр-* «помогать», *дәм ал-* «отдыхать»; *тайақ йә-* «быть побитым»; *хизмәт қыл-* «служить»; *тама:шә қыл-* «веселиться»; *тәвсийә әт-* «рекомендовать»; *тәйа:лық көр-* «подготовиться» и т. д.

Имя существительное или любое субстантивированное слово в винительном падеже выражает прямой объект и им управляет только переходный глагол. Поэтому как оформленный, так и неоформленный винительный падеж всегда выступает в функции прямого дополнения (за исключением тех случаев, когда неоформленный винительный падеж входит в состав сложных глагольных образований типа *гәп*

қыл- «разговаривать», *ремон қыл-* «ремонтировать» и т. д.). Основные вопросы винительного падежа: *кимни?* «кого?», *немини?* «что?». Примеры: *Мени атымни Мәшрәппай қойғиникә* (78) «Дали мне имя Машрапбай»; *Бир бәйитни бир әйткичә тек' туруттум* (79) «Пока один бейт пропоют один раз, я тихо стою»; *Асмандики йултуз болсам, Жаһан-а:ләмни көрсәм!* (107) «Быть бы мне звездой на небе, Весь мир-вселенную увидеть!»; *Қайрығач кесип қойдум* (101) «Срубил я карагач»; *Дүкән тоқув олтурсам, Ғәлтәгим бигилләйди* (113) «Когда я тку материю, моя шпулька стучит».

Местный падеж

Местный падеж в говоре, как и в литературном языке, образуется с помощью четырехвариантного аффикса *-дә/-дә, -та/-тә:*

-дә после твердых основ с конечным гласным или звонким согласным: *Алматыда* «в Алма-Ате», *һарвуда* «на телеге», *асманда* «на небе», *база(р)да* «на базаре»;

-дә после мягких основ с конечным гласным или звонким согласным: *Әпәндидә* «у Апанди», *йә(р)дә* «на земле», *түндә* «ночью»;

-та после твердых основ с конечным глухим согласным: *башта* «в начале», *аптапта* «на солнцепеке», *қишлахта* «в кишлаке»;

-тә, после твердых основ с конечным глухим согласным: *мәк'тәптә* «в школе», *бөлүнчүк'тә* «в колыбели», *ешик'тә* «во дворе».

В качестве отклонения от этих правил следует отметить присоединение мягких вариантов данного аффикса к твердой основе, что также наблюдалось в употреблении аффиксов дательно-направительного падежа: *йолидә* «на его дороге», *Оштә* «в Оше», *дута:дә* «на дутаре».

В определенных фонетических условиях широкие гласные аффикса редуцируются, переходя в *ы~и: Он йәтти жил калхозди ишлидим* (124) «Семнадцать лет работал в колхозе»; *Сайдики* (<*сай*+*-да*+*-ки*) *Исмайила:жи* (150) «В логу Исмаилхаджи»; *Хошаң Алматыды боладымо?* «Хошан в Алма-Ате бывает?».

В отдельных случаях между аффиксом принадлежности 3-го лица и аффиксом местного падежа в говоре, так же как и в большинстве других тюркских языков, появляется дополнительный согласный звук *н,* что не наблюдается в литературном языке и семиреченском говоре. Например: *Йәнә әгәр атқан вахтында өзүм көйнәк'ниң ичиндә болғанда, пәқәт мәндән ажра:рдиң,— дегән екән* (94)—

«Если бы я в то время, когда стрелял, оказался в той рубахе, ты бы уже лишилась меня, — сказал тогда [Апанди жене]» *Төлки униңки хәмириға азрақ май арылаштурудо, жуғурғанның өзүндә* (156) «Только в его тесто немного масла добавляют, уже когда месят».

Местный падеж в говоре обозначает:

1. Местонахождение лица, предмета или место совершения действия: *Шу йәдә иссиғ авқат, шу тала:ды, ши:паңда чай. Шәдә, ши:паңда, балы баққучи ва:* (74) «Там и горячая пища, там, в поле, под навесом чай. Там же, под навесом, есть няньки»; *Қойнуңда анар ба:му?* (88) «Не гранат ли у тебя за пазухой?»; *Лачин болув ойнаймә һәвлуңдә, тәрәкиңдә, Йа:риң болув ойнаймә Көк'күңдә, йүрәкиңдә* (100) «Соколом став, играю я у тебя во дворе, на тополе, возлюбленным твоим став, играю я на груди твоей, в сердце твоем»;

2. Время совершения действия: *ахирқи оғутта* (74) «в момент последнего удобрения»; *Сахат сәккис болғәндә* (112) «Когда восемь часов настанет»; *Йүр дегәндә йүргәмбиз, Тур дегәндә турғамбиз* (100) «Когда говорили "иди"— я шел, когда говорили "встань"— я вставал»;

3. Средство, орудие совершения действия: *Самалөттә дорулайдо, тирәк'тир вилән дорулайду* (74) «Опрыскивают самолетом, трактором опрыскивают»; *Қолда созған минән машинкәдә чиқарғанниң пәрқи волёди* (154) «Между вручную приготовленным (досл. тянутым) и машиной приготовленным (досл. вынутым, выдавленным) есть разница»;

4. Состояние, положение, обстоятельство: *Шәшилиштә кочиғи чиқип...* (83) «Впопыхах вышел на улицу...»; *Биз мунда ғериплыхта* (102) «Мы здесь в одиночестве»; *Биз қалдуқ хижаләттә* (102) «Мы остались в неловком положении»; *шу тәризидә* (74) «таким образом»;

5. Из чего сделан или состоит предмет: *Шайида шапақ доппам Шаптул шехида қалде* (91) «Легкая тюбетейка моя из шелка осталась на ветке персика»; *енжу:да қәйнитилған қийам* «варенье из инжира»; *қой гошыды тәйәрләнгән манту* «манты, приготовленные из баранины»; *Алтунда үзүк әттим, ләһләрдә көз* (143) «Из золота кольцо я сделал, а глазок из рубина».

Характерное для литературного уйгурского языка образование настоящего длительного времени с помощью имени действия на *-мақ, -мәк* и аффикса местного падежа (*-мақта, -мәктә*) [42] не наблюдается в изучаемом говоре.

---

[42] См.: Һазирқи заман уйгур тили, II, қисим. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966, стр. 66, 224—225.

Местный падеж отвечает на вопросы: *нәдә?* «где?»; *қәйедә?* (<*қай йәрдә?*) «где? на каком месте?»; *кимдә?* «у кого?»; *немидә?* «в чем? на чем? из чего?»; *қачан?* «когда?»; в предложении выступает в основном в роли дополнения, обстоятельств места, времени, образа действия. Иногда может употребляться и в функции сказуемого: *Абдукадир оқушта* «Абдукадыр на учебе»; *Биз һазир худди шу дәвирдимиз* (74) «У нас сейчас как раз этот самый момент».

Исходный падеж

Исходный падеж в ферганском говоре, как и в литературном языке, образуется при помощи аффикса *-дин* (лит.-орф. *-дин, -тин*), который в зависимости от фонетических особенностей основы употребляется в следующих вариантах: *-дын/-дин, -тын/-тин, -дун/дүн, -тун/түн:*

-дын после твердых, а *-дин* после мягких нелабиальных основ с конечным гласным или звонким согласным: *қа(р)дын* «от снега», *тағдын* «с горы», *йә(р)дин* «с земли», *түгмәндин* «с мельницы»;

-тын после твердых, а *-тин* после мягких нелабиальных основ с конечным глухим согласным: *тупрақтын* «из почвы», *йүрәктин* «от сердца»;

-дун после твердых, а *-дүн* после мягких лабиальных основ с конечным гласным или звонким согласным: *қолдун* «из руки», *то(р)дун* «из сети», *үзүмдүн* «из винограда», *көлдүн* «с озера»;

-тун после твердых, а *-түн* после мягких лабиальных основ с конечным глухим согласным: *оттун* «из огня», *төттүн* «из четырех».

Эти правила не всегда последовательны. Заметна тенденция, согласно которой все указанные фонетические варианты стремятся к единообразию по линии *-дын, -дун, -дүн*>*-дин*; *-тын, -тун, -түн*>*-тин*. Этой тенденции и вообще гармонии гласных противоречат случаи, когда губные варианты аффикса исходного падежа присоединяются к негубной основе: *Атылардун, анылардун өлүм айрийдо* (86) «С отцами, матерями смерть [нас] разлучает».

Употребление узких гласных *ы, и, у, ү* в аффиксе исходного падежа вместо широких *а, ә* или полуширокого *е (э)*, как это имеет место во всех остальных тюркских языках, служит одним из существенных фономорфологических признаков уйгурского языка и его диалектов. С узким гласным *и* данный аффикс встречается как в древнеуйгурских, так и староуйгурских письменных памятниках.

Кроме собственного уйгурского аффикса исходного падежа в изучаемом говоре встречается также формант с широким гласным *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән*, заимствованный, очевидно, из местного узбекского языка. Однако на данном этапе сфера его применения ограничена. Примеры: *Һей, павыр, бу нимәдән болади? — дәпти.— Һә өшки гөшидән болади,— дәпти* (96) — «Эй, повар, из чего это делают? — спросил он.— Из козлятины,— ответили [ему]»; *Оттус сәккис жилнән бери* (154) «Тридцать восемь лет с тех пор»; *Өзүмүзниң уйғурчи сәйдән жүсәй болудо* (156) «Из наших уйгурских салатов есть джусай»; *Шунән кейин* (73) «потом, после того»; ср. дублеты: *андин ~ анан ~ андан ~ андән ~ ~ индән ~ инән ~ иннән* «затем, после этого, потом».

Аффикс исходного падежа является одним из многозначных формантов в системе склонения. В изучаемом говоре он употребляется в основном в тех значениях, что и в других тюркских языках.

1. Исходный пункт (лицо, место, предмет и т. д.), от которого исходит движение, действие: *Бир күни Әпәндим қошнисиникидин бир қазан әпчиқипто* (93) «Однажды Апанди взял у соседа казан»; *Әнжаннән кә:гән меймалла* «гости из Андижана»; *Үзүмни база:дин алдим* «Купил я виноград на базаре».

2. Причина: *Талайимниң баридин мирза баләгә чүштүм* (85) «[Так как] мне повезло, досталась я молодцу»; *Кейин һәлигиниң татлиқлиқыдин йатқанда баллиниң һәммиси бир-биригә чаплишивла қапто ширинниң көплүкидин* (82) «Потом от ее сладости, когда легли, все дети друг к другу прилипли из-за того, что много [липкого] сока [было]».

3. Время: *андин кейин* «потом, после того»; *Пахтани, биринчи, март айдин башлаймыз екишни* (98) «Хлопок, во-первых, начинаем сеять (возделывать) с марта месяца».

4. Отношение части к целому: *оқу[ө] чилардин бири* «один из учеников»; *үзүмдән алиң* «берите (кушайте) виноград» (досл. берите из винограда).

5. Вещь, предмет, из которого состоит (или в котором содержится) другой предмет: *-Һей, павыр, бу нимәдән болади? — дәпти.— Һә, өшки гөшидин болади,— дәпти* (96) «Эй, повар, из чего это делают? — спросил он. — Из козлятины,— ответили [ему]», *Ғиштин салинған өй* «Дом из кирпича».

6. Степень сравнения: *Турмушлиримис шекәрдин ши:рин* (125) «Жизнь наша слаще сахара»; *Әнжан Оштин иссиғрақ* «Андижан жарче Оша».

Примеры на другие значения исходного падежа: *Бала:дин әсра бәндәңни* (88) «Спаси от бед раба своего»; *Йә атамдин әйтмапту, йә анамдин ейтмапту* (89) «Ни отца мне не

суждено [иметь], ни матери мне не суждено [иметь]»; *Шул йа: римдин көңлүм қалыпто* (106) «На любимую я обижен»; *Қипча белиңдин өргүләй, какиландин өргүләй* (133) «Тонким станом твоим я восхищен, косою твоей я восхищен»; *Пахтыдан иш көп* (98) «С хлопком много заботы».

Слово, оформленное аффиксом исходного падежа, отвечает на вопросы: *кимдин?* «от кого? у кого? с кого?»; *нимидин?* «от чего? из чего?»; *нәдин?* «откуда»; *қәйә:-дин?* «откуда?, с какого места?»; *қачандин?* «с какого времени?»; *нимә үчүн?* «почему?». В предложении выступает в основном в роли дополнения и обстоятельства (примеры см. выше).

Для наглядности приведем падежные аффиксы, а также парадигму склонения имен существительных в ферганском говоре.

Падежные аффиксы

Падежи	Первый тип	Второй тип
основной	—	—
родительный	*-ның/-ниң, -нуң/-нүң*	*-ны/-ни, -ну/-нү*
дат.-напр.	*-ға/-гә, -қа/-кә, -ққә*	—
винительный	*-ны/-ни*	—
местный	*-да/-дә, -та/-тә*	—
исходный	*-дын/-дин, -тын/-тин, -дун/-дүн, -тун/-түн*	*-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән*

Схема склонения имен существительных

1. Нелабиальная твердая основа с конечным гласным или звонким согласным. Примеры: (*алма* «яблоко», *тал* «ива, тальник», *бағ* «сад»):

осн. *алма*	*тал*	*бағ*
род. *алмының ~ ~алмыны*	*талның ~ талны*	*бағның ~ бағны*
дат. *алмыға*	*талға*	*баққа*
вин. *алмыны*	*талны*	*бағны*
мест. *алмыда*	*талда*	*бағда*
исх. *алмыдын ~ ~ алмыдан*	*талдын ~ талдан*	*бағдын ~ бағдан*

2. Нелабиальная мягкая основа с конечным гласным или звонким согласным. Примеры (*кәпә* «шалаш», *йәр* «земля», *бәг* «бек»):

осн. *кәпә*	*йәр*	*бәг*
род. *кәпиниң ~ ~ кәпини*	*йәрниң ~ йәрни*	*бәгниң ~ бәгни*
дат. *кәпигә*	*йәргә*	*бәккә*
вин. *кәпини*	*йәрни*	*бәгни*
мест. *кәпидә*	*йәрдә*	*бәгдә*
исх. *кәпидин ~ ~ кәпидән*	*йәрдин ~ йәрдән*	*бәгдин ~ бәгдән*

3. Нелабиальная твердая основа с конечным глухим согласным. Примеры (*ат* «лошадь», *чақ* «колесо», *қыш* «зима»):

осн. *ат*	*чақ*	*қыш*
род. *атның ~ атны*	*чахның ~ чахны*	*қышның ~ қышны*
дат. *атқа*	*чаққа*	*қышқа*
вин. *атны*	*чахны*	*қышны*
мест. *атта*	*чахта*	*қышта*
исх. *аттын ~ аттан*	*чахтын ~ чахтан*	*қыштын ~ қыштан*

4. Нелабиальная мягкая основа с конечным глухим согласным. Примеры (*көчәт* «саженец», *әгләк* «сито», *хәлиқ* «народ»):

осн. *көчәт*	*әгләк*	*хәлиқ*
род. *көчәтниң ~ ~ көчәтни*	*әгләк'ниң ~ әгләк'ни*	*хәлихниң ~ хәлихни*
дат. *көчәткә*	*әгләккә*	*хәлиққә*
вин. *көчәтни*	*әгләк'ни*	*хәлихни*
мест. *көчәттә*	*әгләк'тә*	*хәлихтә*
исх. *көчәттин ~ ~ көчәттән*	*әгләк'тин ~ әгләк'тән*	*хәлихтин ~ хәлихтән*

5. Лабиальная твердая основа с конечным гласным или звонким согласным. Примеры (*тоху* «курица», *той* «свадьба», *чоғ* «горящие угли»):

осн. *тоху*	*той*	*чоғ*
род. *тохунуң ~ ~тохуну*	*тойнуң ~ тойну*	*чоғнуң ~ чоғну*
дат. *тохуға*	*тойға*	*чоққа*
вин. *тохуны*	*тойны*	*чоғны*
мест. *тохуда*	*тойда*	*чоғда*
исх. *тохудун ~ ~тохудан*	*тойдун ~ тойдан*	*чоғдун ~ чоғдан*

6. Лабиальная мягкая основа с конечным гласным или звонким согласным. Примеры (*төгү* «верблюд», *күн* «солнце», *көз* «глаз»):

осн. *төгү*	*күн*	*көз*
род. *төгүнүң ~ төгүнү*	*күннүң ~ күнну*	*көзнүң ~ көзну*
дат. *төгүгә*	*күнгә*	*көзгә*
вин. *төгүни*	*күнни*	*көзни*
мест. *төгүдә*	*күндә*	*көздә*
исх. *төгүдүн ~ төгүдән*	*күндүн ~ күндән*	*көздүн ~ көздән*

7. Лабиальная твердая основа с конечным глухим согласным. Примеры (*құлуп* «замок», *оғут* «удобрение», *оқ* «пуля»):

осн. *құлуп*	*оғут*	*оқ*
род. *құлупнуң ~ ~ құлупну*	*оғутнуң ~ оғутну*	*охнуң ~ охну*
дат. *құлупқа*	*оғутқа*	*оққа*
вин. *құлупни*	*оғутни*	*оқни*
мест. *құлупта*	*оғутта*	*охта*
исх. *құлуптун ~ ~ құлуптән*	*оғуттун ~ оғуттән*	*охтун ~ охтән*

8. Лабиальная мягкая основа с конечным глухим согласным. Примеры (*гөш* «мясо», *өрүк* «абрикос», *сүт* «молоко»):

осн. *гөш*	*өрүк*	*сүт*
род. *гөшнүң ~ ~ гөшну*	*өрүк'нүң ~ өрүк'ну*	*сүтнүң ~ сүтну*
дат. *гөшкә*	*өрүккә*	*сүткә*
вин. *гөшни*	*өрүк'ни*	*сүтни*
мест. *гөштә*	*өрүк'тә*	*сүттә*
исх. *гөштүн ~ ~ гөштән*	*өрүк'түн ~ өрүк'тән*	*сүттүн ~ сүттән*

Имена существительные в форме принадлежности склоняются по тем же образцам, что и твердые и мягкие (лабиальные и нелабиальные) основы с конечным гласным или звонким согласным (как в 1, 2, 5, 6 случаях), поскольку аффиксы принадлежности как в единственном, так и во множественном числе в конце имеют либо звонкий согласный (*-ым, -им, -ың, -иң, -ң, -имиз, -иңла(р)* и т. д.), либо гласный (*-ы, -и, -си, -у, -ү* и т. д.), например: *бала* «ребенок» — *баламның, балаңға, балысыны*; *қол* «рука» — *қолуңлардин, қолуңузға, қолуңнуң, қолумдун ~ қолумдан* и т. д.

Соответствие падежей

В ферганском говоре, как и в литературном языке и семиреченском говоре, есть случаи, когда вместо одного падежа употребляется соответствующий другой, при этом общий смысл предложения не меняется. Такая замена обусловлена прежде всего семантической соотносительностью чередующихся падежей. В говоре встречаются следующие соответствия:

1. Родительный и винительный падежи: *уларниң бириси* или *улардин бириси* «один из них».

2. Исходный и винительный падежи: *йәлкәмдин ушлап* или *йәлкәмни ушлап* «схватив за шиворот»; *ћалвудун йедур-* или *ћалвуни йедур-* «заставить есть халву».

3. Винительный и дательно-направительный падежи: *атни мин-* или *атқа мин-* «садиться на лошадь».

4. Дательно-направительный и местный падежи: *үстәлгә отта-* или *үстәлдә отта-* «садиться на стул».

5. Исходный, дательно-направительный и винительный падежи: *үзүмдән өпәди*, или *үзүмгә өпәди*, или *үзүмни өпәди* «целует меня в щеку».

ФОРМЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

Присоединяясь к основам существительных конкретного значения или личным именам, аффиксы субъективной оценки образуют формы существительных с уменьшительно-ласкательным значением или имен со значением почета, уважения.

Аффиксы с уменьшительно-ласкательным значением:

1. *-чақ/-чәк, -чә: пәқичақ* «ведерко» (от *пәқир* «ведро»); *қызчақ* «девочка»; *келинчәк* «молодуха, молодушка»; *ромалчә* «платочек»; *йигитчә* «паренек». Тип малопродуктивный.

2. *-ғына/-гинә, -қына/-кинә.* Характерная особенность аффикса *-ғына* состоит в том, что он хотя и является одним из морфологических показателей прилагательных, однако можно встретить слова на *-ғына* с основой других частей речи — наречий (*азгинә* «немножко, маленько»), глаголов (*тохтығанғына киши* букв. «пожилехонький человек») и существительных. Слова, снабженные данным аффиксом, не переходят в класс имен прилагательных; они остаются в той же части речи, к какой относится их основа, что связано с его формообразовательным характером. Например:

Авада йултузғына,
Санасам оттузғына.

Өзүңгә өзүң қылип,
Йатарсән йалғузғына
«На небе звезды,
Считаю, [а их] тридцать.
Ты сама виновата (досл. сама себе сделала),
что [теперь] одинока».

Шуғына мениң йа: рим
Үндүмигән қурғуй икән (144)
«Ох, эта моя любимая —
Неприрученный ястреб».

В образовании форм субъективной оценки имен существительных данный аффикс в ферганском говоре более продуктивен, чем в семиреченском; например, слова *аткинә* «лошадка, конек», *башкинә* «головушка», *рәңгигинә* — ласкательная форма к *рәңг* «свет лица», *тишкинә* «зубик, зубок», *қашкинә* «бровка», *йаргинә* — ласкательная форма к *йар* «возлюбленный, возлюбленная», *сачкинә* «волосики, волоски» не встречаются в семиреченском говоре.

3. *-лақ: тайлақ* «жеребенок», *бутолақ* «верблюжонок».

4. Продуктивный аффикс *-җан* присоединяется к собственным именам, а также существительным, обозначающим лицо: *Әхмәтҗан, Дадаҗан, Кәримҗан, Рәйимжан, үкәҗан* «братик», *акәҗан* «браток», *йарыҗан* — ласкат. форма к *йар* «возлюбленный, возлюбленная».

Аффиксы со значением почета, уважения.

1. Высокой продуктивностью отличается аффикс *-ахун* в образовании форм личных мужских имен со значением почета, уважения и вежливости: *Алымахун, Әмтахун* (*<Әмәт+-ахун), Долунахун* (*<Долан+-ахун), Йолвисахун* (*<Йолвас+-ахун), Қунахун* (*Қурбан+-ахун), Мусахун* (*<Муса+-ахун), Һекимахун, Иминахун, Сейтахун* и т. д. Весьма частое его употребление в ферганском говоре, как и в кашгарском, послужило, очевидно, причиной того, что местные узбеки называют уйгуров ахунами.

2. Продуктивным является аффикс *-бай, -вай,* восходящий к самостоятельному слову *бай* «богатый, состоятельный; богач». Данный формант не характерен для семиреченского говора. Посредством этого аффикса образованы следующие формы мужских имен: *Ахунбай, Ботывай, Газывай, Йолдашвай, Қозывай, Қолдашвай, Мәтвай, Меливай, Қошқарвай, Тойчивай, Укивай, Һалвай* и т. д.

3. Одним из самых распространенных и продуктивных аффиксов общенародного уйгурского языка, в том числе и ферганского говора, является *-әкә* (после основ с конечным

согласным), *-кә* (после основ с конечным гласным). Он, как уже сказано, восходит к самостоятельному слову *ака ~ әкә* «старший брат»; присоединяясь к личным именам мужчин, образует значение почета, уважения, вежливости и употребляется в обращении к старшим: *Һалвайәкә, Һаҗикә, Қарикә, Ташвайәкә, Сәпәрғаликә, Жураханәкә* и т. д.

4. Аффикс *-хан* также активен в образовании форм мужских и женских имен, тогда как этот формант в семиреченском говоре, за исключением лишь отдельных случаев, присоединяется только к основе женских имен. Мужские имена: *Әмәтхан, Жорахан, Мәмәтхан, Һашимхан*; женские имена: *Бәхтихан, Жимилихан, Қуныхан* (*<Қурбан+-ә+-хан), Һәмрахан* и т. д.

5. Аффикс *-м, -им,* являющийся результатом семантического развития показателей принадлежности 1-го лица единственного числа [43], в говоре пассивен в образовании форм существительных со значением почета, уважения: *Әпәндим* «мой Апанди», *ғожам* «мой ходжа», *хеним* «моя госпожа».

Следует заметить, что аффиксы существительных, выражающих субъективную оценку, в изучаемом говоре представлены в значительно меньшем количестве, чем в семиреченском. Такие характерные для семиреченского говора аффиксы уменьшительности, ласкательности и почета, уважения, как *-ка, -қа, -аш (-әш, -иш, -ш), -ақ, -за (-зә), -әк, -кә* и др.[44], в ферганском не наблюдаются.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В говоре различаются три способа словообразования имен существительных: морфологический, синтаксический и лексико-семантический.

Образование имен существительных при помощи аффиксов

В образовании имен существительных главная роль принадлежит аффиксации. Данный способ отличается от остальных как богатством разнообразных форм и значений, так и легкостью и простотой техники образования новых слов. Посредством аффиксации образуются новые имена существительные от основ почти всех частей речи, преимущественно от именных и глагольных.

[43] См.: Садвакасов Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, стр. 194.

[44] Там же, стр. 185—200.

В говоре имеются в основном те же аффиксы существительных, что и в литературном языке. Однако словообразовательная их функция в говоре и литературном языке неодинакова.

По своей семантике словообразующие аффиксы существительных подразделяются на две большие группы: 1) аффиксы, образующие название лиц; 2) аффиксы, образующие название предметов и отвлеченных понятий. Некоторые продуктивные аффиксы в зависимости от исходной основы могут образовывать слова, относящиеся к различным семантическим разрядам.

Аффиксы, образующие название лиц

От именных основ

Аффикс -чи употребляется только в одном варианте. Отсутствие твердого варианта объясняется, по-видимому, свойством звука *ч*, в соседстве с которым гласные смягчаются. Данный формант имел высокую продуктивность в древне- и староуйгурском языке, в современном уйгурском он еще более активизировался и его функции расширились.

1) Аффикс *-чи* от основ существительных образует имена существительные, обозначающие лица по отношению к какому-нибудь предмету, понятию, определяющему характер лица или его занятие, профессию, ремесло и т. д. Примеры: *қойчи* «овечий пастух»; *төгүчи* «погонщик верблюдов»; *даванчи* «проводник через горные перевалы»; *ойчи* «мыслитель, тот, кто много думает»; *ойанчи* «плясун, танцор»; *сапайичи* «музыкант, играющий на сапайе»; *сувақчи* «штукатур»; *тақычи* «кузнец, изготавливающий подкову»; *тәбилчи* «табельщик»; *сатқу:чи* «спекулянт, перекупщик»; *әгләкчи* «ремесленник, изготовляющий сита»; *басмичи* «басмач»; *дута:чи* «дутарист, музыкант, играющий на дутаре»; *зәкүнчи* «тот, кто выставляет себя знатоком закона»; *йалғанчи* «лжец, лгун, врун»; *лапчи* «лгун, враль»; *сорақчи* «тот, кто допрашивает, следователь»; *тирәк'тирчи* «тракторист»; *пилләчи* «шелковод, человек, занимающийся выращиванием шелковичных червей»; *пенсийәчи* «пенсионер»; *башчи* «начальник, руководитель, заведующий»; *өләнчи* «тот, кто умеет петь свадебные песни».

2) При помощи аффикса *-чи* от основ существительных, обозначающих организацию, учреждение, собственное имя выдающегося деятеля, образуются названия лиц по их принадлежности к общественному течению, идеологическому направлению, к какой-нибудь общественной организации.

Например: *ленинчи* «ленинец», *стахановчи* «стахановец», *мичуринчи* «мичуринец», *калхозчи* «колхозник». Данное значение является новым, результатом функционального расширения аффикса *-чи*. Приведенные существительные, по всей вероятности, вошли в говор из литературного языка, в котором новообразований подобного рода довольно много [45].

В говоре часто встречается слово *қашқа:чи ~ қәшқә:чи* «кашгарец» вместо литературного *қәшқә:лиқ*. Существительные на *-чи* (вместо литературного *-лиқ*), обозначающие название лица по месту жительства, отмечены также в азербайджанском [46], караимском [47] языках и в некоторых диалектах туркменского языка [48].

Непродуктивным является образование на *-чи* со значением «торговец чем-то». Литературные *сутчи* «торговец молоком», *көкчи* «торговец овощами» и другие в ферганском говоре не встречаются. Существительные с таким значением образуются в говоре при помощи аффикса иранского происхождения *-пуруш*.

Аффикс -лиқ /**-лық** многозначен, и все его типы весьма продуктивны. Он имеет четыре фонетических варианта: *-лық/-лиқ, -луқ/-лүк*.

Посредством аффикса *-лық* от основ имен существительных, обозначающих место, город, страну, образуются названия лиц — выходцев из этих мест, например: *әнҗаллық* «андижанец», *ахсулуқ* «аксуец, житель г. Аксу», *шә:лик* «горожанин», *қәшқә:лик* «кашгарец», *доланлық* «доланец».

Аффикс -даш. С помощью аффикса *-даш* от основ существительных образуются имена существительные, обозначающие лица по признаку, общему с другим лицом, т. е. выраженный основой предмет или понятие является общим для двух лиц; например: *қериндаш* «родственник», *йолдаш* «спутник»; в литературном языке и семиреченском говоре последнее из приведенных слов приобрело еще значение «товарищ»; *адаш* (*<ат+-даш*) первоначально «тезка», а затем «друг, приятель, любовник, любовница». Тип

---

[45] Сәдвақасов Ғ. Һазирқи заман уйғур тилида кошумчилар арқилиқ исим ясаш. — «Известия АН КазССР. Серия филологии и искусствоведения». 1957, вып. 2(7), стр. 11, 12.

[46] См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 88.

[47] См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 108.

[48] См.: Грамматика туркменского языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1970.

малопродуктивный. В говоре вместо аффикса *-даш* иногда употребляется иранский префикс *һәм-*. Ср.: *һәмсөһбәт* «собеседник», в лит. и семир. *сөһбәтдаш*.

Аффиксы -уп/-ува. Заимствованные из русского языка аффиксы *-уп* (<*-ов, -ев*), *-ува* (<*-ова, -ева*), присоединяясь к собственным именам мужчин и женщин, образуют фамилии; например: *Һалбайуп, Һашимахунуп, Мәмәйүсүпува, Саттарува*.

Особенность этих формантов заключается в том, что они очень продуктивны в образовании фамилий от уйгурских корней. Все остальные аффиксы русского происхождения вошли в говор вместе с основами и пока не участвуют в словообразовательном процессе.

Наряду с вышеуказанными аффиксами в говоре в значении имени действующего лица употребляются также непродуктивные аффиксы, заимствованные из иранских языков и присоединяющиеся преимущественно к словам (существительным) иранского и арабского происхождения.

1. *-кар, -кәр, -гәр: пахтакар* «хлопкороб»; *пилләкар* (употребляется также *пилләчи)* «шелковод, человек, занимающийся выращиванием шелковичных червей»; *мәдика(р)* «поденщик»; *симкар* «подмастерье, который получал сдельную работу»; *гуна:кәр* «грешник, виновник»; *җадыгәр* «заклинатель, маг, чародей, колдун»; *зәргәр* «золотых дел мастер, ювелир»; *савдигәр* «торговец».

2. *-пәз: ашпәз* «повар»; *каллыпәз* «повар, готовящий для продажи кушанья из голов, ног, требухи животных»; *мантипәз* «лицо, занимающееся изготовлением и продажей мант».

3. *-мән: дәртмән* «больной, страдалец, мученик»; *ихласмән* «преданный, искренне привязанный, искренний»; *һәвәсмән* «лицо, проявляющее интерес к чему-либо, любящий».

4. *-вән, -бән: бағвән* «садовод»; *дарвазыбән* «привратник, сторож у ворот».

5. *-хор: җәзхо(р)* «плут, мошенник, жулик»; *һарақхор* «пьяница»; лит. и семир. *қанхор* «кровопийца».

6. *-кәш: меһнәткәш* «трудящийся»; *мәдикәш* (употребляется и *мәдика:)* «поденщик».

7. *-да(р): йарда:* (от *йара* «ранение») «раненый»; *қәзда:* (<*қәриз*+*-дар*) «должник»; *миннада* (<*миннәт*+*-дар)* «признательный, благородный, обязанный».

8. *-доз: етикдоз* «сапожник»; *мәхсидоз* «сапожник, шьющий ичиги».

9. *-ваз: қыма:ваз* «азартный игрок»; *бединиваз* «любитель перепелок».

10. *-пуруч: һалвыпуруч* «торговец халвой».

11. *-кан: каттыкан* «старший (по положению), главарь, начальник».

12. *-гир: бәзмигир* «певец или музыкант на пирушке».

От глагольных основ

Аффикс -вчи. Данный показатель имеет три фонетических варианта: *-вчи* — после основ с конечным гласным; *-увчи*—после твердых основ с конечным согласным; *-үвчи*—после мягких основ с конечным согласным. Он представляет собой сложный аффикс, состоящий из аффикса имени действия *-в, -ув, -үв,* отсутствующего в литературном языке, и аффикса лица *-чи*. Этот формант является разновидностью более древнего показателя причастия *-ғучи (-гүчи, -қучи, -күчи*), который сохранился и широко употребляется в литературном языке и семиреченском говоре. Разновидность *-ғучи* не чужда и ферганскому говору, она иногда вместе с *-вчи* выступает на правах дублетной формы: *оқувчи ~ оқуғучи* «ученик», *бала бақувчи ~ бала баққучи* «няня».

Посредством аффикса *-вчи* от глагольных основ образуются имена существительные, обозначающие лиц, выполняющих какие-нибудь действия, принадлежащих к какой-нибудь профессии, занимающихся какой-либо деятельностью; например: *оқутувчи* «учитель»; *оқувчи* «ученик»; *қатнашувчи* «участник»; *алувчи* «покупатель»; *қурут бақувчи* «шелковод, работник червоводни».

Непродуктивным является образование имен существительных посредством аффиксов:

1. *-вул: йасавул* «рассыльный, посыльный»; *қаравул* «караул»;

2. *-ин: келин* «сноха»;

3. *-ш: таныш* «знакомый».

Аффиксы, образующие названия предметов и отвлеченных понятий

От именных основ

Аффикс -лик. 1) Аффикс *-лық/-лик, -луқ/-лук,* присоединяясь к основам имен существительных с конкретным значением, обозначает хранилище или место, где изобилует предмет, выраженный основой; например: *ажырлық* «место, поросшее пальчаткой»; *терәглик* «тополевая роща»; *саманлық* «сеновал»; *зәрәткаллық* «кладбище».

2) Посредством аффикса *-лық* (с вариантами) от основ существительных образуются имена существительные со значением назначения, приспособления; например: *башлық* «головка» (сапога); *тузлуқ* «солонка»; *түннүк* (<*түнлүк*) «отверстие на потолке вместо окна в старом уйгурском доме»; *уруғлуқ* «семенной, предназначенный на семена».

3) С помощью аффикса *-лиқ* от основ прилагательных образуются абстрактные имена существительные, обозначающие признак, отвлеченный от предмета, или свойство, качество, состояние чего-нибудь; например: *азатлық* «свобода»; *амаллық* «благополучие»; *йалғызлық* «одиночество»; *еркинлик* «вольность, раздолье»; *тәшналық* «жажда»; *устулуқ* «мастерство, ловкость»; *хуштәрлик* «влюбленность».

4) Посредством аффикса *-лық* от основ существительных, являющихся преимущественно названием лиц, образуются существительные, обозначающие состояние, положение, свойства, деятельность; например: *дослуқ* «дружба»; *йетимлик* «сиротство»; *ерлик* «мужество»; *оғулық* (<*оғри*+*-лиқ*) «воровство».

5) Аффикс *-лиқ* от основ причастий на *-ған* и *-с* (после отрицательной частицы *-ма*) образует имена существительные, обозначающие признак или состояние, явившиеся результатом действия; например: *тәрбийләнгәнлик* «воспитанность»; *оқуғанлық* «ученость»; *билмәслик* «незнание»; *чүшәнмәслик* «недоразумение».

6) При помощи аффикса *-лық* от основ прилагательных на *-сиз* образуются имена существительные, обозначающие отсутствие чего-нибудь; например: *күшсизлик* «бессилие»; *саватсизлық* «неграмотность»; *виждансизлық* «бесчестность»; *аңсизлық* «несознательность».

Аффикс *-лық* во всех приведенных выше типах является высокопродуктивным. Он остается продуктивным и в образовании имен прилагательных (см. ниже). Именно многозначностью и продуктиностью объясняется то, что этот формант в одном и том же слове может употребляться дважды, но в разных значениях и функциях. Так, например, от существительного *чирай* «черты лица, красота лица» посредством аффикса *-лық* образовано прилагательное *чирайлық* «красивый». Далее от данной основы с помощью этого же форманта образовано существительное с отвлеченным значением *чирайлықлық* «красота». Ср. еще *татлық* «сладкий» — *татлықлық* «сладость».

Аффикс -чилық. 1. Аффикс *-чилық* (с вариантами) от основ имен существительных с конкретными значениями образует имена существительные, обозначающие отвлеченное название отрасли общественного производства, деятельности и занятия; например: *қаравулчилиқ* «работа сторожа, сторожевая служба»; *төгүчүлүк* «занятие погонщика верблюдов»; *савдигәрчилик* «торгашество»; *пилләчилик* «шелководство»; *сува:чилық* (<*сувақчилық*) «занятие штукатура».

2. Посредством аффикса *-чилық* от основ прилагательных и наречий образуются существительные, обозначающие состояние; например: *қийинчилық* «трудность, трудное положение»; *қиймәтчилик* «дороговизна»; *тохчулуқ* «достаток, обилие» (продовольствия); *жүткә:чилик* «чувство солидарности, единения членов одного общества или селения»; *көпчүлүк* «большинство».

Оба типа продуктивны.

Единичные существительные образованы от именных основ посредством следующих аффиксов:

1. *-кәй: тескәй* (<*терис* «обратный, противоположный»+*-кәй*) «несолнечная, теневая сторона; северный склон горы»; *күнгәй* «солнечная сторона».

2. *-дүз, -туз*[49]: *күндүз* «день»; *йултуз* (*йул* — образо-подражательное слово+*-туз*) «звезда»; ср.: *йилтиз* «корень».

3. *-диң: айдиң* «лунный свет».

4. *-ун: бойун* «шея» от *бой* «рост»; *отун* «дрова».

5. *-моқ: қарамоқ* «куколь» (сорная трава) от *қара* «черный»; ср. лит. и семир. *йесимуқ* «чечевица» от *йеси* «плоский».

6. *чә: йәңчә* «рукавица, с помощью которой сажают лепешки в тандыр»; *тумарчә* «бакенбарды». Очевидно, аффикс *-чә* в данных словах тот же, что и *-чә*, образующий слова с уменьшительно-ласкательным значением. Однако здесь это значение стерлось.

От именных частей речи образуются еще существительные при помощи некоторых аффиксов иранского происхождения, которые в говоре, как и в литературном языке, являются малопродуктивными или вовсе непродуктивными. К ним относятся:

1. *-хана*~*-ханә: сатрашхана* «парикмахерская»; *чайхана* «чайхана, чайная»; *меһманхана* «гостиница»; *мәйханә* «винная лавка, питейный дом, кабак»; ср. лит. и семир. от уйгурских корней: *малхана* «скотный двор»; *ағрықхана* «больница»; *отунхана* «дровяник, сарай для дров» и т. д.

2. *-истан: Индистан* «Индия»; *Түркистан* «Туркестан; *Өзбегистан* «Узбекистан»; *зимистан* «зима».

[49] См.: Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования..., стр. 179.

3. *-зар: пахтазар* «хлопковое поле»; *үзүмзар* «виноградник»; *дәрәхзар* «роща».

4. *-пайә: шалипайә* «рисовое поле»; *бедипайә* «клеверное поле», *машпайә* «гороховое поле».

Как видно из примеров, аффиксы *-хана, -истан, -зар* и *-пайә* образуют имена существительные с общим значением местонахождения того, что выражено основой слова.

От глагольных основ

Аффикс -ш. Данный аффикс имеет следующие фонетические варианты: *-ш, -ыш/-иш, -уш/-үш ~ -аш/-әш.* Варианты с широкими гласными, отсутствующие в литературном языке и выступающие в говоре параллельно, с вариантами *-уш, -үш* (*соқуш ~ соқаш* «драка, война»; *күтүш ~ күтәш* «уход, забота»), характеризуют также кашгарский говор.

Посредством этого очень продуктивного аффикса образуются существительные, обозначающие имя действия; например: *текшириш* «проверка, ревизия»; *қарғыш* «проклятие»; *уруш* «война, удар»; *шәшилиш* «торопливость, спешка»; *оқуш* «учеба, чтение»; *қараш* «смотрение»; *җөнүтүш* «отправление, отправка»; *күтүш* «ожидание».

Аффикс -қ. Аффикс *-қ* представлен в следующих фонетических вариантах: *-қ/-к, -ық/-ик, -уқ/-үк ~ -ақ/-әк.* Этот формант, весьма продуктивный в прошлом, в современных тюркских языках перешел в разряд пассивных аффиксов [50]. В изучаемом говоре существительных, образованных посредством этого аффикса, много и они употребляются в следующих значениях:

1. Орудие и средство действия: *пичақ* «нож»; күрәк «лопата»; *қазық* «кол»; *әгләк ~ еләк* «сито»; *қайрақ* «брусок»; *тайақ* «палка».

2. Результат действия: *көйүк ~ көйәк* «ожог, душевное переживание»; *қылық* «выходка, манера»; *улақ* «прививка, колировка»; *йәриғ* «щель, продольное отверстие»; *төшәк* «постель»; *сувақ* «штукатурка»; *чизиқ* «черта, линия».

3. Название процесса действия: *сорақ* «допрос, дознание»; *қучақ* «объятие»; *чирпиқ* «чеканка» (напр., хлопчатника); *толғақ* «родовые схватки».

Аффикс -ғақ. Аффикс *-ғақ/-гәк, -қақ/-кәк,* по-видимому, имеет этимологическую связь с только что рассмотренным аффиксом *-қ* (с вариантами). Это подтверждается не только

[50] См.: Севортян Э. В. К соотношению грамматики и лексики, стр. 342.

близостью их значений, но и тем, что иногда к одному и тому же корню присоединяется то *-ғақ, то -ақ,* т. е. они вполне заменяют друг друга: *о:ғақ* (*<ор-+ -ғақ*) *~ орақ*(*<ор-+ +-ақ*) «серп». По этому поводу Э. В. Севортян писал: «Разновидностью аффикса *-ақ* в истории старо- и новоуйгурского и некоторых других языков был малопродуктивный показатель *-қақ//-ғақ, -кек//-гек* с тем же приблизительно кругом значений, что и форма на *-қ*. В сравнении со староуйгурским, где форма на *-қақ* имела значительную продуктивность, в узбекском и отдельных тюркских языках она оставила незначительный след в словаре и в современном языке вышла из употребления» [51]. Приведем примеры из ферганского говора: *илгәк* «крючок»; *қапқақ* «крыша»; *о:ғақ* «серп»; *патқақ* «грязь, топкое место».

Малопродуктивными или вовсе непродуктивными являются следующие аффиксы, которые образовали имена существительные, обозначающие конкретный предмет или место, орудие и средство действия, результат и название действия и т. д.

1. *-ға/-гә, -ғу/-гү, -қы/-ки: қопа:ға* — жердочка, палка, служащая рычагом для снятия верхнего жернова во время насечки (от *қопар-* «поднять»); *шипирға* «веник, метла» (от *шипир-* «подметать»); *чалғу* «коса»; *чапқы* «косарь» (большой кухонный нож); *ачқы* «ключ».

2. *-м, -ым/-им, -ум/-үм: йарым* «половина» (от *йар-* «расколоть»); *йеғим-чечим* «осадки, непогода, дождливая погода»; *кийим* «одежда»; *өлүм* «смерть»; *чеқырым* «верста».

3. *-мақ/-мәк: илмақ* «крючок»; *кәтмәк* «уход»; *тепишмақ* «загадка».

4. *-ма/-мә: кө:гәзмә* (*<көр-+-гәз+-мә*) «выставка»; *көрсәтмә* «образец, пример, показатель»; *түгмә* «пуговица».

5. *-гүч, -күш:* күлдүргүч (*<күл+-дүр+гүч*) «ямочки на щеках»; *чәкүш* — молоток со вставленным зубцом, которым насекают жернов; *йәлпүч* (*<йәлпү-+-гүч*) — деревянное блюдо.

6. *-қан:* қапқан «капкан»; *туққан* «родственник».

7. *-миш, -муш: йемиш* «фрукты»; *турмуш* «жизнь».

8. *-ғун, -қун, -кин: жулғун* «тамариск»; *тоскун* «препятствие»; *келкин* «паводок».

9. *-чүк: бөләнчүк* «зыбка, колыбель, люлька».

10. *-в: егов* «напильник».

11. *-чәк: емчәк* «женская грудь; вымя, сосок».

12. *-әт: көчәт* «саженец, рассада».

13. *-дақ: қондақ* «ложа» (ружья).

[51] Там же, стр. 345.

14. *-қач: қысқач* «щипцы для углей».
15. *-ман: талыман* «грабеж, ограбление».

Образование сложных существительных

Разнообразие типов сложных существительных, их различные структуры, грамматические, семантические и стилистические особенности затрудняют классификацию. Сложные существительные не поддаются классификации по семантике и не могут быть отнесены к одному и тому же семантическому ряду, так как каждому из сложных существительных присуще одно только определенное значение. Поэтому наиболее целесообразной является классификация сложных существительных по принадлежности их компонентов к той или иной части речи.

По характеру основ сложные существительные ферганского говора делятся на следующие типы [52]:

1. Сложение двух существительных, стоящих в основном падеже: *аташкүрәк* (<ир. *атәш* «огонь»+*күрәк* «лопата») «щипцы для углей»; *атқулақ* (досл. лошадь ухо) «подорожник»; *ашқапақ* (досл. пища тыква) «тыква»; *аштахта* «доска для раскатывания теста»; *этиргүл* «роза»; *җинчирағ* (досл. чёрт свеч) «коптилка»; *йамбағыр* (<*йан*+*бағыр*) «косогор, склон»; *қәйнаға* «старший брат жены или мужа»; *қәйнана* «теща, свекровь»; *қәйната* «тесть, свекор»; *кәшқәрбедә* «дикая люцерна»; *Қәшқәрқишлақ* «Кашгар-Кишлак»; *Уйғурават* «Уйгур-Абад» (названия селений).

Сюда же можно отнести образование сложных существительных, восходящих к изафетному сочетанию, первый компонент которых употребляется без аффикса родительного падежа *-ниң*; например: *Желилйүзи* назв. квартала (досл. Джалила сотня); *Дөвәтәги* назв. квартала (досл. низ холма); *омбеши* (<*он баш*+*-и*) «десятник» (досл. глава десяти).

2. Сложение прилагательного и существительного: *Ақбойра* — назв. села; *ақжө:рә* «сорго»; *ақләйлә* «белая лилия»; *ақсақал* — почтительное обращение к старшему или уважаемому человеку (досл. белая борода); *Ақсу* — назв. города (досл. белая вода); *ахйағ* «растительное масло, хлопковое масло» (досл. белое масло); *аччыхсу* «уксус» (досл. горькая вода); *этийаз* (<*әртә йаз*) «весна» (досл. раннее лето); *қайрығач* (<*қара йағач*) «карагач» (досл. черное дерево); *қызылгүл «роза»* (досл. красный цветок).

[52] Об образовании слитных (сложных) существительных в литературном уйгурском языке см.: Сәдвақасов Ғ. Уйғур тилидики бириккән исимлар. Алмута, 1958.

Эти два типа образования сложных существительных являются наиболее продуктивными. Кроме того, есть единичные случаи образования существительных посредством сложения, например, числительного и глагола: *бешатар* «пятизарядная винтовка»; глагола и имени действия: *ишләп чиқиш* (лит. *ишләп чиқириш*) «производство».

Как видно из примеров, абсолютное большинство сложных существительных этимологически восходит к сочетанию определяемого со своим определителем, и первый компонент, как обычно, уточняет и конкретизирует значение второго (основного) компонента.

Анализируя сложные существительные изучаемого говора в семантическом разрезе, можно прийти к выводу, что в их образовании наблюдаются следующие закономерности:

1. Образование сложных существительных по признаку и свойству предметов и явлений; например: *аччыхсу* «уксус»; *печәкгүл* «вьюнок садовый» (цветы); *бел күрәк* «железная лопата».

2. Образование сложных существительных по функции предметов; например: *аташкүрәк* «щипцы для углей»; *аштахта* «доска для раскатывания теста»; *бешатар* «пятизарядная винтовка».

3. Образование сложных существительных по сходству; например: *атқулақ* «подорожник»; *мышық қуйруқ* (досл. кошачий хвост)— название травы; *чиннығүл* (досл. фарфоровый цветок) «гвоздика садовая»; *ке:пи тикән* (<*кирпә тикән*, досл. ежовая колючка) «перекати-поле».

Образование парных и парно-повторных существительных

Закономерности образования парных и парно-повторных существительных и их семантические разряды в основном те же, что и в литературном языке [53]. Наиболее многочисленны парные существительные со значением собирательности, обобщения. Компоненты подобных образований относятся друг к другу как синонимы, антонимы, видовые или однородные понятия.

Синонимные парные существительные: *дары-дәрман* «лекарства, целебные средства»; *дос-йа:* «друзья, товарищи»; *җаһан-аләм* «мир, вселенная»; *қурал-йарағ* «вооружение»; *тәңги-тилла* «большие деньги, денежное богатство»; *урпи-а:дәт* «обычаи, нравы».

[53] См.: Кайдаров А. Т. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.

Антонимные парные существительные: *барыш-келиш* «взаимоотношения»; *аға:ни* (<*аға-ини*) «братья»; *ер-хатын* «супруги»; *оғул-қыз* «молодежь, молодые люди».

Парные существительные, компоненты которых обозначают однородные понятия: *ата-бова* «предки»; *гош-йағ* «мясные продукты»; *игәр-тоқум* «седельные принадлежности»; *оқ-дары* «боеприпасы».

Парно-повторные существительные также передают значения собирательности, неопределенной множественности, но иногда с оттенком пренебрежительности: *чай-пай* «чай и тому подобное»; *нан-пан* «хлеб и тому подобное»; *кантыр-сантыр* «контора и прочее»; *хәшәк-хүшәк* «остатки, объедки соломы, сена и т. д.»; *һарақ-сарақ* «водка и тому подобное спиртное». Оттенок пренебрежительности, уничижительности ясно чувствуется в следующих парных словах, которые употребляются вместе как устойчивые словосочетания: *пешмәт-тешмәт, әхмәт-чәхмәт* «всякая там ерудна, болтовня»; *пешмәт-тешмәт, әхмәт-чәхмәт де-* «говорить ерунду, нести околесицу».

Семантика некоторых парных существительных может быть результатом идиоматичности слагаемых компонентов; так, например, *ашық-машық* (досл. влюбленные, пара влюбленных) обозначает шарнир (для дверей, окон); *баш-көз* (досл. голова-глаз) употребляется в значении благополучие, здоровье: *Оғланлиримниң баш-көзидин садыға!* «Пусть будет искупительной жертвой во имя здоровья моих детей!» *Сиз-биз* (досл. вы да мы) — взаимоотношения, построенные на кажущемся взаимном уважении.

Сложносокращенные слова (аббревиатуры), образованные в уйгурском литературном языке под непосредственным влиянием русского (например, БӘР — *Бирләшкән Әрәп Республики*, АҚШ — *Америка Қошма Штатлири*, БМТ — *Бирләшкән Милләтләр Тәшкилати*, ХХР — *Хитай Хәлиқ Республикиси* и т. д.), еще не стали достоянием изучаемого говора. Некоторые широкораспространенные сокращенные термины из советско-интернационального лексического фонда носителями говора воспринимаются как однокорневые слова, например: *калхоз, гес.*

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное благодаря своему лексическому значению, морфологическим показателям и синтаксической функции довольно отчетливо выделяется в самостоятельную часть речи. Вместе с тем, как справедливо указывает

Н. А. Баскаков, «дифференциация внутриименных частей речи в языках тюркской группы выражена слабее, чем дифференциации между именами и глаголами. Особенно слабо дифференцированы между собой имена существительные, прилагательные и наречия» [54]. Н. К. Дмитриев писал, что «в башкирском языке (как и в других тюркских) нельзя провести твердой границы между существительным и прилагательным. Нельзя ее провести и в сфере синтаксиса, поскольку синтаксические функции существительных и прилагательных часто совпадают» [55].

В качестве примера можно привести из говора много слов, в одинаковой степени обладающих свойствами существительных и прилагательных, с одной стороны, прилагательных и наречий — с другой:

бойтақ 1) «холостяк», 2) «холостой»;
қараңғу 1) «темнота», 2) «темный»;
қәри 1) «старик», 2) «старый»;
савуқ 1) «холод, мороз», 2) холодный»;
чин 1) «истина, правда», 2) «истинный, настоящий»;
йалған 1) «ложь, неправда», 2) «ложный, лживый»;
ашкарә 1) «явный, ясный», 2) «явно, ясно»;
бәрәвәр 1) «равный, одинаковый», 2) «ровно, одинаково»;
тәйар 1) «готовый», 2) «готово»;
керәк 1) «нужный, необходимый», 2) «нужно, необходимо»;
хуш 1) «веселый, радостный», 2) «весело, радостно».

В отношении морфологической структуры имена прилагательные говора не имеют особых примет. В говоре, как и в литературном языке, часть прилагательных представляет собой неразложимую основу: *көк* «синий», *кичик* «маленький», *асан* «легкий, нетрудный», *тар* «узкий» и т. д. Вместе с тем класс прилагательных постоянно пополняется новыми словами, образованными при помощи аффиксов, в результате чего в говоре появилось много производных прилагательных.

Следует отметить, что некоторые прилагательные хотя и считаются корневыми с точки зрения современного состояния языка, однако они этимологически могут быть разложимы на морфологические части. Так, например *йашин* (лит. *йешил*) «зеленый» — прилагательное с неясной этимо-

---

[54] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Ч. 1. М., 1952, стр. 161.

[55] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 80.

логией [56]. Исторически оно, как нам представляется, состоит из корня *йаш* и непродуктивного аффикса *-ин* (или *-ил*). Ср.: *қызыл* (<*қыз*+*-ыл*) «красный». В современном уйгурском языке этимологически затемненный корень *йаш* в значении «зелень, овощи и травы, употребляемые в пищу» встречается в составе сложных образований *от-йаш* (досл. трава -зелень) «зелень, овощи»: *Кушначимниң ешини охшатқан молламниң от-йаши* (посл.) «От того и вкусна лапша кушнач (т. е. жены муллы), что она приготовлена из овощей муллы»; *қылйаш* (досл. волосок зелень) «укроп». Последнее слово образовано по закону сходства предметов. Общеизвестное и широкораспространенное значение корня *йаш* «молодой», по-видимому, дифференцировано позже и заметно отошло от первоначального значения «зелень».

Не совсем ясен морфологический состав также следующих прилагательных: *ушшақ* (<*уша*-+*-қ*) «мелкий», ср.: *ушшат-* (<*уша*-+*-т*) «размельчать, измельчать» (*-т* — показатель понудительного залога); *қаттық* (<*қат*-+*-ық*) «твердый» от *қат-* «твердеть, становиться твердым»; *иссиқ* (<*иси*-+*-қ*) «горячий, жаркий» от *иси-* «греться, становиться теплым, горячим»; *иллық* (<*или*-+*-к*) «теплый», ср.: *илиман* (<*или*-+*-ман*) «чуть теплый» и т. д.

Некоторые заимствованные прилагательные, разложимые на морфологические элементы в языке-источнике, носителями изучаемого говора обычно воспринимаются как непроизводные основы: *начар* (<*на чар*~*чарə*) «плохой»; *мойсəпит* (<*мой сəпит*) «седоволосый, почтительный, уважаемый»; *истарчи* (<старший); *пачотни* (<почетный).

По своему значению имена прилагательные делятся на качественные и относительные. Качественные прилагательные отличаются от относительных тем, что они, во-первых, обозначают признак предмета непосредственно своим лексическим значением; во-вторых, имеют сравнительную и превосходную степени, а также форму интенсива. Следовательно, обозначаемые такими прилагательными признаки обычно поддаются количественным измерениям: *қара* «черный» — *қарарақ* «черноватый», *жүдə қара* «очень черный», *қап-қара* «черный-пречерный». Формы неполноты или ослабления качества (*ақуш* «беловатый», *көкуш* «синеватый») образуются также только от основ качественных прилагательных.

Относительные прилагательные обозначают признак предмета через отношения одних предметов к другим. Они

[56] См.: Исхаков Ф. Г. Имя прилагательное. ИСГТЯ. II. Морфология. 1956, стр. 147.

представляют собой производные слова, образованные посредством аффиксов и словосложения. Относительным прилагательным не свойственны формы интенсива, ослабления качества и степени сравнения: *ахырқы* «последний»; *жиллық* «годовой»; *кескүр* «острый»; *музлақ* «холодный»; *саватсыз* «неграмотный»; *сөллик* «сочный»; *бойлуқ* «рослый»; *үйсиз* «бездомный»; *тəмлик* «вкусный»; *чечи узун* «длинноволосая»; *көз өйнəк'лик* «очкастый»; *көп балылық* «многодетный».

Как свидетельствует множество примеров, иногда трудно точно установить границу между прилагательными качественными и относительными. Очевидно, существуют в говоре, как и в литературном языке, такие относительные прилагательные, которые с течением времени приобрели свойство качественных прилагательных. Прилагательные типа *қызыл, йашин, иссық, иллық, жирақ* являются этимологически производными, следовательно, относительными, но в современном уйгурском языке они уже перешли в разряд качественных прилагательных.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В говоре имена прилагательные образуют четыре степени сравнения: положительную, сравнительную, превосходную и ослабленную.

Положительная степень

Имена прилагательные в положительной степени называют качество предмета безотносительно к тем же качествам других предметов, не сравнивая данный предмет с другими по степени этого качества. К данной степени относятся все непроизводные и производные, качественные и относительные прилагательные в основной форме, от которой при помощи формообразовательных аффиксов, а также аналитическим способом образуются остальные степени сравнения. Примеры: *тар* «узкий»; *ширин* «сладкий»; *қув* «хитрый»; *сəриқ* «желтый»; *сүрүк* «красный»; *ачиқ* «открытый»; *йақымлы* «приятный».

Сравнительная степень

Сравнительная степень прилагательных преимущественно образуется аналитическим способом:

1) существительное в исходном падеже плюс прилагательное с аффиксом *-рақ* или без него: *шекəрдин ши:рин*

«слаще сахара»; *аттин егиз* «выше коня»; *Қыличтин тиз ерур, Қылдин иңишкә* (151) «Острее меча, тоньше волоска»; *Әнҗан Оштин иссиғырақ* «Андижан жарче Оша»;

2) существительное в направительном падеже с послелогами *қарығанда, нисбәтән* плюс прилагательное с аффиксом *-рақ* или без него: *та: вузға қарығанда* (~*нисбәтән*) *қоғун татлығырақ* «дыня слаще, чем арбуз»; *Жорахан сизгә нисбәтән* (~*қарығанда*) *чоң* «Джурахан старше вас».

Из приведенных примеров явствует, что аффикс *-рақ* (с фонетическими вариантами) как в первом, так и во втором типах образования сравнительной степени непосредственного участия не принимает. Следовательно, этот формант в изучаемом говоре не может служить показателем сравнительной степени.

Превосходная степень

Превосходная степень прилагательных также образуется описательным путем. В говоре имеются следующие типы образования превосходной степени:

1) усилительные наречия *ең* «самый»; *өтә, жүдә* «очень»; *жүдийәм* (<*жүдә һәм*) «весьма, очень и очень»; *интайин, раса, таза* «очень» и другие плюс прилагательное в положительной степени: *ең каттә* «самый большой»; *өтә узақ* «очень далекий»; *жүдә йахши* «очень хороший»; *жүдийәм аччиқ* «очень и очень горький»; *интайин чирайлиқ* «очень красивый»; *раса өткүр* «очень острый»; *таза қиймәт* «очень дорогой»;

2) прилагательное (субстантивированное) в исходном падеже плюс то же прилагательное в положительной степени: *ақтин ақ* «белый-пребелый»; *йирақтин йирақ* «далеко-далеко»; *гөзәлдин гөзәл* «очень красивый».

3) к превосходной степени относится еще так называемая интенсивная форма прилагательных, которая образуется от качественного прилагательного в положительной степени с прибавлением к началу первого его слога. Замыкающим согласным данного слога всегда выступает звук *п*: *қып-қызыл* «красный-прекрасный»; *аппақ* «белый-пребелый»; *ап-ашкарә* «совершенно ясно»; *қап-қара* «черный-пречерный»;

4) значение превосходной степени может передаваться повторением одного и того же прилагательного (парно-повторные прилагательные). В отличие от предыдущих данный тип указывает на такое качество предметов, которое значительно больше того, что выражено основной формой; но это качество еще не достигает наивысшей степени: *узун-узун*

«достатоно длинный»; *түзүк-түзүк* «довольно хороший»; *катты-катта* «достаточно большой».

Кроме того, в современном уйгурском языке усиление значения слов, в частности прилагательных, осуществляется средствами фонетики, например, удвоением серединных согласных с одновременной депласацией ударения на предыдущие слоги: *мүзздәк* «холодный-прехолодный»; *йүммшақ* «мягкий-премягкий».

Ослабленная степень

Форма ослабления качества прилагательных образуется при помощи следующих аффиксов:

1) *-рақ/-рәқ* (после гласных), *-ырақ/-ирәк, -урақ/-үрәк* (после согласных). Известно что данный аффикс в тюркологической литературе обычно рассматривается как показатель сравнительной степени прилагательного. Однако в тех случаях, когда качества двух предметов не сопоставляются друг с другом, формант *-рақ* в говоре выражает неполную меру качества. Сравним, например, *егиз тағ* «высокая гора» и *егизирәк тағ* «высоковатая гора»; *сачи узун қыз* «девушка с длинными косами» и *сачи узунрақ қыз* «девушка с длинноватыми косами». В приведенных примерах прилагательные *егиз, узун* выражают полностью проявленное качество, а *егизирәк, узунрақ* — не полностью проявленное качество. Таким образом, посредством аффикса *-рақ* выражается неполнота качества предмета и образуется ослабленная степень прилагательного.

В этой связи уместно отметить, что ослабленная степень прилагательного образуется также аналитическим путем, т. е. сочетанием наречий *сәл* «чуть, немножко, менее», *бираз* «немножко, маленько» и прилагательного в положительной степени: *сәл пака* «низковатый, чуть низкий»; *сәл күштүк* «чуть сильный, сильноватый»; *бираз қелин* «немного толстый, чуть толстый, толстоватый». В языковой практике вполне возможна замена данных сложных образований прилагательными на *-рақ*, при этом их значения остаются те же: *сәл пака* ~ *пакарақ, сәл күшлүк* ~ *күшлүгүрәк, бираз қелин* ~ *қелинирақ* и т. д.

Аффикс *-рақ*, как было сказано, является одним из морфологических показателей прилагательного. Вместе с тем он может присоединяться к наречиям, причастным и деепричастным формам глагола, а также некоторым существительным. Во всех этих случаях данный формант выражает неполноту качества: *тезирәк* «чуть быстро»; *чиниққанирақ*

«немного закалившийся»; *көрүвүрәк ал-* «брать что-либо, предварительно (немного) проверив его»; *таширақ йер* «немного каменистая почва» и т. д.;

2) *-уш, -үш, -иш, -ғуш, -ғыш*. Этот аффикс непродуктивен в образовании ослабленной степени. Он встречается в составе следующих качественных прилагательных: *ақуш* «беловатый»; *көкүш ~ көкиш* «синеватый»; *қызғуш* «красноватый»; *са:ғуш ~ сарғыш* «желтоватый»;

3) *-қына/-кинә, -ғына/-гинә*. При помощи аффикса *-қына* образуется уменьшительно-ласкательная форма прилагательных, и она рассматривается в рамках ослабленной степени условно: *кичиккинә* «малюсенький»; *тоққына* «сытненький»; *тазагинә* «чистенький»; *әрзәнгинә* «дешевенький»; *түзүккинә* «хорошенький, добренький». Тип продуктивный.

Субъективная оценка прилагательных иногда образуется посредством сочетания числительного *бир* «один» и прилагательного в положительной степени: *бир татлық* «вкусненький»; *бир чирайлық* «красивенький»; *бир убдан* «хорошенький».

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

В ферганском говоре, как и в литературном языке, имена прилагательные образуются синтетическим и аналитическим путями, из которых синтетический является ведущим.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что имена прилагательные образуются в основном при помощи тех же аффиксов, что и имена существительные. Здесь, пожалуй, наиболее наглядно проявляется историческое единство именных частей речи и слабая их дифференциация в современном уйгурском языке. По этому поводу Э. В. Севортян писал: «Сосуществование значения предмета и признака в одной именной форме вполне закономерно и с общетюркологической точки зрения и подтверждается тем общеизвестным фактом, что почти все словообразовательные формы имен исторически, а во многих случаях и в современном своем состоянии, означают как предметы, так и признаки» [57].

Посредством аналитического способа образуются разнообразные типы собственно сложных и парных прилагательных.

---

[57] Севортян Э. В. Аффиксы именного словообразования..., стр. 54.

Образование имен прилагательных при помощи аффиксов

Аффиксы, с помощью которых образуются прилагательные, присоединяются главным образом к основе именных частей речи и глаголов. Исходя из этого, аффиксы прилагательных можно разделить в основном на две группы: 1) аффиксы, присоединяющиеся к именам, 2) аффиксы, присоединяющиеся к глаголам. Кроме того, имеются единичные случаи, когда один и тот же аффикс образует прилагательные как от именных, так и от глагольных основ.

1. Образование прилагательных от именных частей речи

Аффикс -лық. Высокопродуктивный и многозначный аффикс *-лық/-лик, -луқ/-лүк* (спорадически встречаются варианты с конечными *ғ, г*) является общим для существительного (см. выше) и прилагательного. С помощью этого форманта в говоре образуются преимущественно относительные прилагательные со значениями:

1) обладания, наличия: *тәҗирбәлик* «опытный»; *тәмлик* «вкусный» от *тәм* «вкус»; *өсүмлүк* «плодовитый», *өсүмлүк мал* «плодовитый скот»; *шахлық* «длиннорогий, с длинными и большими рогами»; *тузлуқ* «соленый»; *бойлуқ* «рослый»; *бала-җақылық* «многодетный»;

2) принадлежности, отношения: *қарашлық* «относящийся, принадлежащий»; *күзлүк* «осенний»; *қышлық* «зимний»; *мәмликәтлик* «государственный»; *дослуқ* «дружественный, дружеский»; *жиллық* «годовой».

Значение принадлежности, отношения, весьма активизировавшееся в литературном уйгурском языке в советский период, иногда может передаваться изафетной конструкцией; ср. примеры: *педагогикилық институт — педагогика институти* «педагогический институт»; *җәмийәтлик иш — җәмийәт иши* «общественная работа»; *оқутувчилик хизмәт — оқутувчи хизмити* «учительская работа, работа учителя» и т. д.

Афикс -лы. Данный аффикс, имеющий фонетические варианты *-лы, -ли*, исторически восходит к только что рассмотренному *-лық* и в настоящее время в говоре выступает как самостоятельный формант. В отличие от *-лық*, образующего как существительные, так и прилагательные, аффикс *-лы* является словообразующим аффиксом только прилагательного. Его наличие в ферганском говоре, наоборот, отсутствие во всех остальных уйгурских диалектах и лите-

ратурном языке свидетельствует о заимствовании этого аффикса из узбекского языка.

С помощью аффикса *-лы* в говоре образовано небольшое количество прилагательных со значением обладания, наличия: *йақымлы* «приятный», *йақымлы авқәт* «приятная на вкус пища»; *төр йәшли бала* «четырехлетний ребенок»; *шавкәтли* «славный, доблестный»; ср. еще *шекилли* «видимо, по-видимому, по всей вероятности».

Аффикс -сиз. С помощью продуктивного аффикса *-сыз/-сиз, -суз/-сүз* образуются прилагательные, обозначающие отсутствие того, что выражено основой: *гуна:сыз* «безвинный, невинный», *атасиз* «без отца»; *анасыз* «без матери»; *йәрсиз* «без земли, безземельный»; *сусуз* «безводный»; *күссүз* (<*күч*+*-сүз*) «бессильный».

Аффикс -қы. *-қы/-ки, -ғы/-ги* является продуктивным аффиксом, образующим прилагательные, которые выражают признак предмета по его соотнесенности с пространством и временем. Данный формант может присоединяться к основе существительных непосредственно (*йазғы* «летний; *қышқы* «зимний»; *күзги* «осенний»; *ахырқы* «последний»; *кечки* «вечерний») или к существительным в местном падеже (*йолдики* «находящийся на дороге»; *йәқиндики* «ближний, находящийся вблизи»; *шә:рдики* «находящийся в городе»; *база:дики* «находящийся на базаре»), а также к наречиям (*байақы* «давнишний»; *байықы* «недавний»; *бериги* «находящийся по эту сторону»; *мурунқы* «прежний»; *һазырқи* «теперешний, нынешний, настоящий»; *нәриги* «находящийся по ту сторону»).

Аффикс -чан. В литературном уйгурском языке и семиреченском говоре посредством аффикса *-чан* образовано значительное количество производных прилагательных [58]. Однако в ферганском говоре он перешел в разряд непродуктивных формантов и встречается в составе лишь ограниченного числа слов. В говоре, как и в литературном языке, прилагательные на *-чан* употребляются в значениях: а) имеющий способность, склонность к чему либо: *ишчан* «работящий»; *ойчан* «вдумчивый»; б) обладающий чем-нибудь, отличающийся наличием чего-нибудь: *көйнәк'чан бала* «ребенок в рубашке»; *етик'чан йигит* «парень в сапогах».

2. Образование прилагательных от глаголов

Аффикс -қ. Аффикс *-к/-к, -ық/-ик, -уқ/-үк* служит показателем как существительного (см. выше), так и прилагательного. Его словообразовательная возможность в современном уйгурском языке ограничена. Прилагательные на *-қ* обозначают в основном свойство предмета, приобретенное в результате действия: *а:туқ* (<*арт-*+*-уқ*) «лишний, излишний»; *аччиқ* (<*ачи-*+*-қ*) «горький»; *ачиқ*~*очуқ* (<*ач-*+*-иқ*) «открытый»; *иссық* (<*иси-*+*-ық*) «горячий, жаркий»; *синық* (<*син-*+*ық*) «сломанный», *тинық* (<*тин-*+*-ық*) «отстоявшийся (о жидкости), прозрачный, чистый»; *тирик* (<*тири-*+*-к*) «живой»; *қуруқ* (<*қури-*+*-қ*) «сухой»; *ошуқ* (<*аш-*+*-уқ*) «лишний».

Аффикс -ғақ. С помощью непродуктивного аффикса *-ғақ/-гәк, -қақ/-кәк* образовано несколько прилагательных с семантикой склонности: *йапышқақ* «липкий»; *урушқақ* «драчливый»; *ускәк* «бодливый»; ср. еще *қурғақ* (<*қури-*+*-ғақ*) «сухой». В литературном языке и семиреченском говоре число прилагательных на *-ғақ* гораздо больше: *тиришқақ* «старательный»; *тейлиғақ* «скользкий»; *уйушқақ* «организованный» [59] и т. д.

Аффикс -чақ. Прилагательные, образованные посредством аффикса *-чақ/-чәк* (в лит. и семир. еще *-чуқ/-чүк*), немногочисленны и обозначают склонность или подверженность чему-либо: *та:тинчақ* «застенчивый, робкий»; *еринчәк* «ленивый»; *қоққанчақ* «пугливый, трусливый», ср. лит. и семир. *уйалчақ* «стыдливый»; *йассанчуқ* «любящий наряжаться, щеголеватый»; *қызғанчуқ* «завистливый»; *махтанчуқ* «хвастливый»; от существительного *көңүл* «сердце, душа» посредством данного аффикса образовано *көңүлчәк* «великодушный, добродушный, благодушный». Как видно из примеров, абсолютное большинство прилагательных на *-чақ* образовано от основ глагола в форме возвратного залога.

Аффикс -ма. Аффикс *-ма/-мә* образует прилагательное с семантикой признака по результату действия: *бахма бала* «приемный ребенок», от *бақ-* «кормить, содержать»; *йарма улақ* «прививка, колировка глазком» (досл. расколотая прививка) от *йар-* «расколоть, расщепить»; *қайрилма қаш* «изогнутые (дугой) брови» от *қайрил-* «загнуться». Тип малопродуктивный.

Аффикс -гур. Посредством непродуктивного аффикса *-ғур/-гүр, -қур/-күр* образованы считанные прилагательные со значением склонности: *кескүр* «острый»; *өткүр* «острый»; *тапқур* «находчивый»; ср. еще *қурғур* «проклятый» от *қуры-* «засохнуть, завянуть». В лит. и семир. отмечены, кроме приведенных, *сәзгүр* «чуткий, чувствительный»,

[58] См.: Һазирқи заман уйғур тили II қисим. 1966, стр. 103.

[59] См.: Һазирқи заман уйғур тили. II, стр. 104.

алғур «хваткий, ловкий»; *учқур* «летун, хорошо летающий».

Встречаются непродуктивные аффиксы, при помощи которых в говоре образованы единичные прилагательные, К ним относятся:

-м: айрим «отдельный» от *айри-* «отделить»;

-ғач: йалаңғач «нагой, голый» от *йалаң*;

-лақ: музлақ «холодный», *музлақ су* «холодная вода» от *муз* «лед»;

-нə: паканə «низкорослый» от *пака* «низкий, невысокий»; в лит. и семир. *пакинəк*;

-ч: тинч «спокойный, мирный, тихий» от *тин-* «успокоиться»;

-қа, -кə: башқа «другой, иной»; *өзгə* «иной, чужой».

Наряду с рассмотренными выше аффиксами уйгурского (или общетюркского) происхождения в изучаемом говоре имеется ряд словообразовательных формантов (аффиксов и префиксов), вошедших из арабского, персидского и русского языков, которые обычно употребляются в составе заимствованных из этих источников прилагательных.

Наиболее часто встречаются и в известной мере поддаются расчленению следующие прилагательные:

1. Заимствованные из арабского языка прилагательные с аффиксом *-и* (в лит. *-ий, -вий*): *җисмани* «физический»; *мəдəни* «культурный»; *мəһəлли* «местный»; *милли* «национальный»; *рəсмани* «официальный».

2. Заимствованные из русского языка прилагательные с аффиксом *-ни* (<*ный*): *пажарни* «пожарный»; *пачотни* «почетный»; *пəследни* «последний»; *часни* «частный»; *гəлəвни* «главный»; ср. еще *аснавной* «основной»; *истарчи* «старший»; *чести* «чистый»; *прамишлинно* «промышленный».

3. Заимствованные из иранских языков прилагательные со следующими префиксами:

а) *бе-* образует прилагательные, обозначающие отсутствие качества, выраженного основой: *бевапа* «неверный, непостоянный, изменчивый»; *беганə* «чужой, неродной, посторонний»; *бегуман* «несомненный, без сомнения»; *беқарар* «беспокойный»; *бемəна* «бессмысленный»; *бетап* «больной, нездоровый»; *бетəмиз* «неразумный, безрассудный, недогадливый»; *беһəвəс* «не проявляющий интереса, безразличный»; *беча: рə* «беспомощный»; *бешəк* «без сомнения». Из уйгурских корней посредством префикса *бе-* образованы *бесақал* «безбородый, юноша, содержавшийся как мальчик-танцор»; *бетохтав* «немедленно, сразу»;

б) *на-* образует прилагательные со значением отрицания: *натоғры* «неправильный»; *нашат* «безрадостный, невеселый, безотрадный»; *наумут* «потерявший надежду, отчаявшийся»;

в) *сер-* образует прилагательные, обозначающие наличие того, что выражено основой: *серһасил* «высокоурожайный, плодородный»; *сершах* «с длинными и большими рогами» (напр., корова); ср. *серап* «обильно, много».

Образование сложных прилагательных

По способу образования и по структурно-морфологическим особенностям сложные имена прилагательные делятся на 1) собственно сложные и 2) парные.

1. Собственно сложные прилагательные восходят к словосочетаниям, компоненты которых связаны между собой подчинительным типом синтаксической связи. По принадлежности компонентов к той или иной части речи они представлены в говоре в следующих разновидностях:

а) сочетание качественного прилагательного с производным прилагательным на *-лық: қара қашлық* «чернобровый»; *ширин сөзлүк* «сладкоречивый»; *қызыл йүзлүк* «краснолицый»;

б) сочетание существительного с производными прилагательными на *-лық: көз əйнəк'лик* «очкастый»; *сумбул сачлық* «с черными и приятно пахнущими волосами, черноволосая»; *бединə йүрүшлүк* «с красивой походкой» (досл.: с походкой перепелки);

в) сочетание количественного числительного с производным прилагательным на *-лық: ом* (<*он*) *беш күллүк* «пятнадцатидневный»; *он төр йəшли* «четырнадцатилетний»; *төрт айақлық* «четырехногий»; *төр емчəглик* «с четырьмя сосками»; *сəккиз йиллик* «восьмилетний»;

г) сочетание существительного в форме принадлежности 3-го лица с качественным прилагательным: *бойи ночи* «высокий, рослый, долговязый»; *сачи узун* «длинноволосая»; *əқли надəн* «глупый, бестолковый»; *бойни йоған* «толстошеий»; *бойи калтəк* «низкорослый»; *тумшуқи қызыл* «красноносый»; *зати йаман* «неблагородный»; *дили накəс* «низкий, подлый»;

д) сочетание прилагательного с существительным: *қары көз* «черноглазый»; *қəйрилми қаш* «изогнутые дугой брови»; *назик бəдəн* «с нежным красивым телом»; *ақ көңүл* «добродушный»;

е) сочетание двух существительных: *қуралай көз* «кареокая» [красавица]; *қəләм қаш* «тонкобровая»; *бадам қавақ*

«с миндалевидными веками» (признак красоты); *жигәр рәң* «коричневый, цвета печени»;

ж) сочетание существительного в форме принадлежности 3-го лица со словом *йоқ* «нет, отсутствует»: *пулу йоқ мусапирләр* (118) «безденежные странники»; *атаси йоқ* «без отца»; *анаси йоқ* «без матери». Значение сложных прилагательных данного типа совпадает со значением прилагательных, образованных при помощи аффикса *-сиз*, и они легко заменяют друг друга: *пулу йоқ ~ пулсиз, атаси йоқ ~ атасиз* и т. д.

Непродуктивными являются типы: числительное в сочетании с субстантивированным причастием: *бир туққан* «кровный, родной»; *ишки туққан* «двоюродный»; сочетание двух прилагательных: *көк а°лә* «пегий» (досл. синий пестрый).

2. Парные имена прилагательные образуются:

а) путем полной редубликации: *мәйдә-мәйдә* «довольно мелкий, значительно мелкий»; *көк-көк* «довольно синий»; *қысқа-қисқа* «достаточно короткий»;

б) путем частичной редубликации (форма интенсива): *ап-ачық* «совершенно ясный»; *аппақ* «белый-пребелый»; *йап-йаш* «очень молодой»;

в) путем спаривания двух антонимных, синонимных или близких по значению прилагательных, которые приобретают общую семантику, соответствующую сумме значений составных частей: *йахши-йаман* (досл. хороший-плохой); *йаш-қәри* «все возрасты» (т. е. и молодые, и старые); *тинчаман* «благополучный»; *ой-чуқур йер* «пересеченная местность».

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имена числительные в ферганском говоре разделяются на следующие семь разрядов: 1) количественные, 2) порядковые, 3) собирательные, 4) дробные, 5) разделительные, 6) штучные, 7) приблизительного счета.

Количественные числительные

Количественные числительные — «это простейшая форма числительного, которая не связана ни с какими специфическими аффиксами» [60]. Они обозначают количество предметов или отвлеченное от конкретных предметов счетное понятие.

[60] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 89.

В ферганском говоре количественные числительные передаются теми же словами, что и в литературном уйгурском языке и других тюркских языках, отличаясь от них лишь фонетически. Простых непроизводных числительных, от различных комбинаций которых образуются все остальные сложные и составные числительные, всего двадцать. Перечислим их.

Единицы

Бир «один». Числительное *один* в ферганском говоре выражается словом *бир*. Оно имеет фонетические дублеты, представляющие собой последовательное звуковое изменение по линии *бир > би: > бий > биж*; выпадение конечного *р* создает условие для образования долготы звука *и* (*бир > > би:*), а его долгое произношение способствует появлению вставочного *й* (*би: > бий*; ср.: *қылған > қи:ған > қийған* «сделавший»; *қырғыз > қийғыз* «киргиз»); и, наконец, чередование *й* с *ж* (*бий > биж*), что является характерной чертой общенародного уйгурского языка вообще и ферганского говора в частности (ср. в семир.: *кий- > киж-* «одеваться», *қуй- > қуж-* «наливать» и т. д.).

В литературном языке *бир*. В кашгарском говоре имеются все перечисленные дублеты. В семиреченском *бир, бий*, редко *биж*.

Числительное *бир* помимо своего основного числового значения (*бир сом* «один рубль», *бир ай* «один месяц») употребляется еще в качестве неопределенного артикля: *Аппах бир нәрсә турармиш* (94) «Стоит что-то белое»; *бир күну* «однажды»; *Бир лапчи ейтипто* (82) «Один [какой-то] врун говорил». Занимая место перед прилагательными, слово *бир* образует форму субъективной оценки (см. «Ослабленная степень прилагательного»); *бир татлық* «вкусненький»; *бир убдан* «хорошенький». Кроме того, числительное *бир* часто встречается как элемент, создающий экспрессивно-эмоциональную окраску: *Енди улуқ бий абичийдә!* (83) «Ну просто великий обычай!»; *Сән падиша: сән, мән бир гада: мән* (85) «Ты — царица, я — нищий» [какой-то].

Икки «два». Имеет варианты *икки ~ эки ~ ишки ~ ишкки*. Более употребительны *икки, ишкки*. В литературном произношении *ишкки* (письменно-орфографическая норма *икки*). В семиреченском говоре употребляются все эти варианты, кроме *эки*. Причина удвоения согласного *к*, так же как и *т, қ, л* в числительных *йетти, сәккиз, тоққуз, оттуз, әллик* (см. ниже), неясна. Что касается согласного *ш*, отсут-

ствующего в составе данного слова во всех тюркских языках, то он является вставочным, образовавшимся в результате оглушения гласного *и*(*и*^{ш}).

Үч «три». В изолированном положении (т. е. вне предложения) и перед гласными произносится как *үч* (*үч ат* «три лошади», *үч ағайни* «три брата»), а перед согласными (кроме звука *с*) — как *үш* (*үш мети:* «три метра», *үш қәтим* «три раза»); перед *с* ассимилируется им: *үссом* (<*үч сом*) «три рубля». В лит. и семир. то же.

Төрт «четыре»: Варианты: *төрт*~*тө:* ~*төр*~*төт*~*тур*~~*тұрт*. Последние два встречаются редко; они характерны для лиц, речь которых испытала наибольшее влияние узбекского языка. *Төр* и *төт* — это результат действия одного и того же закона, а именно: стремления языка устранить стечение двух согласных в конце слова. Для этого в одном случае выпадает конечный *т*, и тогда появляется вариант *төр* (ср.: *сор*<*сорт* «сорт», *қән*<*қәнт* «сахар»). В другом случае выпадает неустойчивый согласный *р*, и данное слово произносится как *төт* (ср.: *дәт*<*дәрт* «болезнь», *қәт*<*қәнт* «сахар»). Письменно-литературная форма *төрт*. В семиреченском говоре, как и в литературном произношении, более употребителен вариант *төт*. В составе сложных числительных возможны и дублеты *төр*~*тө:*, например: *тө: миң тө: йүз* или *төр миң төр йүз* «4400».

Бәш «пять». Употребляется в двух вариантах: *бәш*~~*беш* (здесь имеет место соответствие *ә*~*е*; ср.: *мән*~*мен* «я», *хәт*~*хет* «письмо»). Последний характеризует также кашгарский говор. В лит. и семир. *бәш*.

Алты «шесть». В лит. и семир. *алтә*.

Йетти «семь». Кроме основного *йетти* представлен еще вариант *йети*. В лит. и семир. *йәттә*. Основное отличие от литературного эквивалента состоит в том, что *йетти*, как и *алты*, в конце имеет узкий гласный *и*~*ы* вместо литературного *ә*. В этом ферганский говор обнаруживает сходство почти со всеми тюркскими языками. Расширение конечного *ы*~*и* — типичное явление в илийском, семиреченском говорах и литературном языке. Ср.: (*түлки*>) *түлки*>*түлкә* «лиса», *бөри*>*бөрә* «волк».

Сәккиз «восемь». Встречаются варианты *сәккис*~*сәкис*. В лит. и семир. *сәккиз*.

Тоққуз «девять». Имеется также вариант *тоқус*. В лит. и семир. *тоққуз*.

Десятки

Он «десять». В лит. и семир. то же.

Жиги:мә «двадцать». Данное числительное часто встре-

чается с начальным *й: йигирмә*~*йиги:мә*. В лит. *жигирмә*, семир. *жигирмә*~*жиги:мә*.

Оттуз «тридцать». Вариант *оттус* (ср.: *сәккис, тоққус*) употребляется реже. В лит. и семир. *оттуз*.

Қырық «сорок». Варианты: *қырығ*~*қық*~*қых*. Последние два, свойственные также кашгарскому говору, употребляются чаще, чем предыдущий. Вариант с конечным *ғ* встречается редко. При прибавлении аффиксов принадлежности к слову *қырық* второй *ы* выпадает: *қырқым, қырқың, қырқы*. В литературном языке и семиреченском говоре в этом случае *ы* сохраняется, но зато конечный *қ* озвончается: *қырығым, қырығың, қырығы*. Интересно отметить, что в литературном языке и илийском, семиреченском говорах есть слово *қырқы* (в форме принадлежности 3-го лица), получившее семантическую дифференциацию и употребляющееся в значении «поминки на сороковой день после смерти». Ср.: *үчи, йәттиси, жили*.

Еллик «пятьдесят». Имеет варианты *әллик*~*елиг*. Конечный *к* часто спирантизуется: *еллик' сом* «пятьдесят рублей». Соответствие *ә*~*е* наблюдается и здесь (ср.: *бәш*~~*беш*). В лит. и семир. *әллик*.

Атмыш «шестьдесят». В лит. и семир. *атмиш*.

Йетмиш «семьдесят». В лит. и семир. *йәтмиш*.

Сәк'сән. «восемьдесят». В лит. и семир. то же.

Тохсән «девяносто». В лит. и семир. то же.

Числа сто и тысяча в говоре, как и в литературном языке, передаются словами *йүз, миң*~*мың*. Слово *милйон*~*милйан* «миллион» заимствовано из международного лексического фонда через русский язык. Причем в варианте *милйан* отражена фонетическая особенность, присущая ферганскому, а также кашгарскому говорам; ср.: *ойан* вм. лит. *ойун* «игра»; *бойан* вм. лит. *бойун* «шея» и т. д.

Рассмотренные выше количественные числительные по своей структуре являются простыми, состоящими, следовательно, из одного слова. Однако названия некоторых десятков этимологически представляют собой сложные числительные. Так, например, тюркологами доказано, что числительные *сәк'сән, тохсән* состоят из *сәккиз он, тоққуз он*, а слово *мыш*~*миш*, входящее в состав числительных *атмыш, йетмиш*, первоначально обозначало тоже «десять»[61].

В сложных количественных числительных единицы высшего разряда всегда предшествуют единицам низшего разряда, т. е. сначала идут тысячи, затем сотни, десятки, единицы: *он үч* «13»; *йиги:ми ишкки* «22»; *сәк'сән бир* «81»;

[61] См.: Исхаков Ф. Г. Числительное. ИСГТЯ, II, стр. 180.

(*бир*) *йүз оттуз төрт* «134»; (*бир*) *миң тоққуз йүз йетмиш бир* «1971». Место компонентов сложных числительных строго определенно, поскольку связь между ними осуществляется без каких-либо формальных элементов: *алты йүз* «600», а *йүз алты* «106».

Количественные числительные в своей исходной форме отвечают на вопросы *нәччә? ~ нечи? қанчә?*

Как особенность говора следует отметить, что в кругу десятков, начиная с тридцати до ста, встречается несколько иная система обозначения отдельных чисел. Сущность ее заключается в следующем: когда круглым десяткам недостает 1, 2 или 3-х единиц, то число употребляется со словом *кәм* и затем называется круглая десятка, например: *үш кәм атмыш* «57» (досл. без трех шестьдесят) вм. *еллик йетти*; *бир кәм оттуз* «29» (досл. без одного тридцать) вм. *йиги:ми тоққуз*; *ишки кәм сәк'сән* «78» (досл. без двух восемьдесят) вм. *йетмиш сәккиз*. Эта же система отмечена в андижанском [62] и ташкентском [63] говорах узбекского языка.

Количественные числительные при именах существительных выступают в качестве определения, функционально приближаясь к именам прилагательным: *икки кила гош* «два килограмма мяса». Когда количественные числительные выражают счетное понятие, отвлеченное от конкретных предметов, то они максимально приближаются к именам существительным и принимают соответствующие словоизменительные аффиксы существительного: *бәшкә төтни қош* «к пяти прибавь четыре».

Порядковые числительные

В говоре, как и в литературном языке, порядковые числительные образуются от количественных с помощью аффикса *-ынчи/-инчи* (после согласных), *-нчи* (после гласных). Параллельно с этими часто употребляются варианты *-ынҗи/-инҗи*, *-нҗи*, что характерно также для семиреченского говора; примеры: *биринчи ~ биринҗи* «первый»; *ишкинчи ~ ишкинҗи* «второй»; *онынҗи* «десятый»; *миңинчи* «тысячный».

В сложных числительных аффикс *-ынчи* присоединяется к последнему компоненту: *мың тоққуз йүз атмыш иккинчи* «тысяча девятьсот шестьдесят второй».

---

[62] См.: Ибрахимов С. Указ. работа, стр. 193.

[63] См.: Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора. Ташкент, 1968, стр. 89.

Собирательные числительные

Собирательные числительные образуются:

а) при помощи аффикса *-ов, -әв, -а°в:* *икков* «двое», *үчов* «трое», *бешов* «пятеро»; *бирәв ~ бира в* по большей части употребляется как неопределенное местоимение «кто-то, некий» и в значении «чужой, посторонний». Данный тип образования собирательных числительных отсутствует в литературном языке и семиреченском говоре. Что касается литературного *бирәв* и семиреченского *биро* (<*бирәв*), то они, как и их ферганские эквиваленты, не являются числительными;

б) при помощи аффикса *-үлән, -өлән.* Данный аффикс присоединяется к количественным числительным от двух до семи включительно: *икө:лән* «вдвоем»; *үчөлән* «втроем»; *төтүлән* «вчетвером»; *бәшүлән* «впятером»; *алтөлән* «вшестером»; *йеттүлән* «всемером». В лит. и семир. *-лән* (после гласных), *-илән* (после согласных): *иккилән, үчилән* и т. д.

Числительные на *-үлән* отличаются от соответствующих литературных эквивалентов сферой употребления. В литературном языке советских уйгуров и семиреченском говоре числительное на *-үлән* обязательно предполагают наличие 1-го лица. Поэтому оно употребляется с личным местоимением *биз* «мы» и соответствующим глаголом 1-го лица множественного числа: *биз иккилән кәлдуқ* «мы вдвоем пришли»; *биз үчилән олтуримиз* «мы втроем сидим». В ферганском же говоре данное числительное употребляется с личными местоимениями и глаголами во всех трех лицах: *биз икө:лән кәлдик* «мы вдвоем пришли»; *силә(р) икө:лән кәлдиңлә(р)* «вы вдвоем пришли»; *улә(р) икө:лән кәлди* «они вдвоем пришли» и т. д.

В литературном языке и семиреченском говоре форму *-илән* очень часто заменяют аффиксы лица, которые в этой функции в изучаемом говоре почти не встречаются: *иккимиз* «мы вдвоем»; *иккиңлар* «вы вдвоем»; *иккиси* «они вдвоем» и т. д.

Дробные числительные

Дробные числительные в говоре, как и в литературном языке, образуются:

а) путем сочетания двух количественных числительных, первый компонент (знаменатель) которого стоит в исходном падеже, а второй (числитель) — в основном: *бәштән бий* «одна пятая»; *ондән икки* «две десятых»; *миңдин бир* «одна тысячная»;

б) путем сочетания двух количественных числительных в форме изафета: *төтнүң үчи* «три четвертых»; *иккиниң бири* «одна вторая».

Дробные числительные *иккидин бир* или *иккиниң бири* «одна вторая» могут передаваться словом *йарым* «половина».

Разделительные числительные

Разделительные числительные образуются:

а) от основ числительных путем присоединения к ним аффикса исходного падежа: *бәштин ~ бәштидин* «по пяти»; *оттуздин ~ оттустәдин* «по тридцати»; *йүздин ~ йүзтидин* «по сотне, по сто»;

б) от количественных числительных путем присоединения к ним аффикса *-лап, -ләп* (*-ла ~ -лә + -п*): *онлап* «по десяти»; *йүзләп* «по сотне, по сто»;

в) путем повторения одного и того же количественного числительного с прибавлением ко второму компоненту одного из указанных аффиксов: *төт-төттүн* «по четыре»; *икки-иккидин* «по два»; *бир-бирләп* «по одному». Возможно и *төттүн-төттүн, иккидин-иккидин, бирләп-бирләп,* при этом их значение остается тем же.

Штучные числительные

Штучные числительные образуются с помощью очень продуктивного аффикса *-тә*, который присоединяется к основе количественных числительных: *биттә* (*< биртә*) *машинә* «одна машина»; *онтә алмә* «десять яблок»; *иккитә оқувчи* «два ученика». Аффикс *-тә,* заимствованный говором из узбекского языка, отсутствует в литературном языке и семиреченском говоре. Значение штучных числительных на *-тә* в литературном языке передается словами *тал* «штука», *данә* «штука». Оба эти слова весьма употребительны (*бир тал, икки тал, сәккиз тал, он төт тал, қырық тал, йүз йәтти тал, миң бәш йүз тал, бир данә, жигирми данә, йәтмиш алтә данә, ишки йүз тохсән бир данә* и т. д.), причем слово *тал* не встречается в ферганском говоре. Что касается *данә,* то оно отличается от своего литературного эквивалента более широкой сферой употребления: данное слово может сочетаться и со словами, обозначающими лицо: *үч данә бала* «три мальчика». А в литературном языке и семиреченском говоре оно употребляется с названиями лишь неодушевленных предметов.

Числительные приблизительного счета

Числительные данного разряда образуются:

а) посредством аффикса *-чә,* продуктивность которого намного уступает соответствующему форманту литературного языка: *бешчә* «около пяти»; *йиги: мичә* «около двадцати».

б) посредством аффикса множественности *-лар: сахат сәккизләрдә* «около восьми часов, часов в восемь»; *оттузлардики айал* «женщина лет тридцати»;

в) соединением в пару двух количественных числительных, при котором наименование меньшего числа обычно ставится перед наименованием большего: *икки-үч* «два-три»; *бәш-он* «пять-десять»; *он-онбеш* «десять-пятнадцать». Встречается и *бәш-төт:* (ср.: *бәштә-төттә*) «в пределах четырехпяти», где наименование большего числа предшествует наименованию меньшего числа;

г) путем сочетания количественного числительного в разных (преимущественно в основном, дательно-направительном и исходном) падежах со словами *чимысида, йәқин* «около» и *артуқ* «свыше, больше»: *атмыш чамысида* «около шестидесяти»; *оңға йәқин* «около десяти».

МЕСТОИМЕНИЕ

В ферганском говоре имеются следующие разряды местоимений: 1) личные, 2) указательные, 3) вопросительные, 4) определительные, 5) неопределенные, 6) отрицательные, 7) возвратное.

Личные местоимения

Личные местоимения представлены в следующих словах:

Единственное число

1-е л. *мән ~ мен* «я»
2-е л. *сән ~ сен* «ты»
вежл. форма *сиз ~ сили* «Вы»
3-е л. *у* «он»

Множественное число

1-е л. *биз* «мы»
2-е л. *силә(р) ~ сили* «вы»
3-е л. *ула(р)* «они».

Как видно, состав личных местоимений в говоре такой же, как и в литературном языке. Только *мен, сен, сили,* выступающие на правах дублетов с *мән, сән, силә(р),* отсутствуют в литературном языке, и они являются специфичными для ферганского, а также кашгарского говоров.

Сили (<*силәр*) употребляется и как вежливая форма, и как форма 2-го лица множественного числа. В качестве вежливой формы оно известно также в некоторых районах распространения семиреченского говора, например, в Панфиловском районе Талды-Курганской области, в селе Чарын Уйгурского района Алма-Атинской области, в Алма-Ате.

Местоимение 2-го лица множественного числа *силә(р)* в семиреченском говоре иногда заменяет вежливую форму *сиз.* В этом значении оно довольно широко распространено среди старшего поколения супругов, особенно при обращении жены к мужу. Кроме того, *силә(р)* приобретает несколько фамильярный оттенок, когда им обращается мужчина к мужчине. С последним значением оно больше всего употребляется среди жителей Панфиловского района.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица как единственного, так и множественного числа обозначают человека (говорящего и слушающего), а 3-е лицо помимо человека может указывать и на предмет. Поэтому местоимения данного разряда соотносительны с существительными: они склоняются по падежам, в предложении выполняют те же функции, что и существительные.

Личные местоимения в ферганском говоре склоняются следующим образом:

Единственное число

Осн. *мән ~ мен* (лит. *мән*)
Род. *мәниң/мәни ~ мениң/мени* (лит. *мениң*)
Дат. *маңа/меңә ~ мәңгә/меңгә* (лит. *маңа*)
Вин. *мәни ~ мени* (лит. *мени*)
Мест. *мәндә/мәниңдә ~ мендә/мениңдә* (лит. *мениңдә ~ ~ мәндә*)
Исх. *мәндән/мәниңдән ~ мәннән ~ мәндин ~ мендән/мениңдән ~ мендин/мениңдин* (лит. *мениңдин ~ мәндин*)

Осн. *сән ~ сен* (лит. *сән*)
Род. *сәниң/сәни ~ сениң/сени* (лит. *сениң*)
Дат. *саңа/сеңә ~ сәңгә/сеңгә* (лит. *саңа*)
Вин. *сәни ~ сени* (лит. *сени*)
Мест. *сәндә/сәниңдә ~ сендә/сениңдә* (лит. *сениңдә ~ сәндә*)

Исх. *сәндән/сәниңдән ~ сәннән ~ сәндин ~ сендән/сениңдән ~ сендин/сениңдин* (лит. *сениңдин ~ сәндин*).

Вежливая форма

Осн. *сиз/сили* (лит. *сиз*)
Род. *сизниң ~ сизни//силиниң ~ силини* (лит. *сизниң*)
Дат. *сизгә/силигә* (лит. *сизгә*)
Вин. *сизни/силини* (лит. *сизни*)
Мест. *сиздә/силидә* (лит. *сиздә*)
Исх. *сиздин ~ сиздән/силидин ~ силидән* (лит. *сиздин*)

Осн. *у* (лит. *у*)
Род. *унуң/уны ~ аның* (лит. *унуң,* орф. *униң*)
Дат. *унуңға ~ унуңгә/уңгә/аңа* (лит. *унуңға*)
Вин. *уны/аны* (лит. *уни*)
Мест. *унуңда/унда/анда* (лит. *унуңда*)
Исх. *унуңдун ~ унуңдән/ундән ~ ундин ~ уннән/аннән* (лит. *унуңдун*).

Множественное число

Осн. *биз* (лит. *биз*)
Род. *бизниң/бизни ~ биззи* (лит. *бизниң*)
Дат. *бизгә* (лит. то же)
Вин. *бизни* (лит. то же)
Мест. *биздә* (лит. то же)
Исх. *биздин ~ биздән* (лит. *биздин*)

Осн. *силә(р) ~ сили* (лит. *силә(р)*)
Род. *силә:ниң ~ силә:ни/силиниң ~ силини* (лит. *силә:ниң*)
Дат. *силә:гә/силигә* (лит. *силә:гә*)
Вин. *силә:ни/силини* (лит. *силә:ни*)
Мест. *силә:дә/силидә* (лит. *силә:дә*)
Исх. *силә:дин/силидин* (лит. *силә:дин*)

Осн. *ула(р)* (лит. то же)
Род. *ула:ниң ~ ула:ни/улыниң ~ улыни* (лит. *ула:ниң*)
Дат. *ула:ға/улыға* (лит. *ула:ға*)
Вин. *ула:ни/улыни* (лит. *ула:ни*)
Мест. *ула:да/улыда* (лит. *ула:да*)
Исх. *ула:дин/улыдын* (лит. *ула:дин*).

Как видно из приведенной таблицы, склонение личных местоимений имеет ряд существенных особенностей. Прежде всего, бросается в глаза смешанный характер изменения

по падежам, отражающий как собственно уйгурский тип склонения, так и тип склонения, присущий узбекскому языку. Наблюдения показывают, что в ферганском говоре, несмотря на относительно широкое распространение узбекских параллелей, уйгурский тип склонения личных местоимений занимает все же господствующее положение.

Здесь отметим лишь те изменения, которые происходят в исходной основе. Что касается вариантов и дублетных форм падежных окончаний, то они не имеют принципиальных отличий от аналогичных форм имен существительных, о которых мы уже говорили (см. «Категория падежа»).

1. В речи некоторых представителей ферганского говора широкий гласный *ə* личных местоимений *мән, сән* при прибавлении к ним падежных аффиксов с узкими гласными не подвергается закону регрессивной ассимиляции и сохраняет свое качество, что составляет отличие от литературного языка: *мəниң, мəни, мəниңдə, мəниңдəн* вм. лит. *мениң, мени, мениңдə, мениңдин*.

2. Личные местоимения *мән ~ мен, сән ~ сен* в родительном и винительном падежах теряют свой конечный согласный *н* [64]: *мениң* (<*мән*+-*ниң*), *сениң* (<*сән*+-*ниң*), *мени* (<*мән*+-*ни*), *сени* (<*сән*+-*ни*); ср. также *мениңдə* (<*мән*+ +-*ниң*+-*дə*), *сениңдин* (<*сән*+-*ниң*+-*дин*).

3. Местоимения *мән, сән* в дательно-направительном падеже, так же как и в литературном языке, приобретают форму *маңа, саңа*, которая образовалась, по-видимому, в результате изменения по линии *мəнгə* > *маңга* > > *маңа*; *сəнгə* > *саңга* > *саңга* > *саңа*. Все остальные дублетные формы (*меңə, сеңə, мəңгə ~ меңгə, сəңгə ~ сеңгə*) являются специфичными для ферганского говора.

4. В отличие от абсолютного большинства тюркских языков в уйгурском, в ферганском говоре в частности, местный и исходный падежи местоимений *мән, сән, у* обычно образуются от формы родительного падежа: *мениңдин, сениңдə, униңдин* и т. д. Местоимение *у*, в дательно-направительном падеже также *унуңға ~ унуңгə*. Таким образом, в составе одного и того же слова подряд могут употребляться два падежа: родительный плюс местный или исходный, или же дательно-направительный. Возможно присоединение аффиксов указанных падежей непосредственно к основе: *мəндин, сəндə, ундин, уңгə*.

[64] Некоторые тюркологи считают, что в данном случае выпадает не конечный *н* основы, а соответствующие аффиксы прибавляются без начального *н* в виде *-иң, -и* (*мен*+-*иң, сен*+-*и*). См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, стр. 218.

5. В качестве личного местоимения 3-го лица единственного числа используется указательное местоимение *у*.

6. Когда к местоимению *у* присоединяются аффиксы дательно-направительного, местного и исходного падежей непосредственно (а не через посредство родительного падежа), то между основой и аффиксом вставляется согласный *н*, который перед *г* чередуется с *ң*: *уңгə* (<*унгə*), *унда, ундин, ундəн*.

7. Параллельно с *у*, но значительно реже, употребляется местоимение *ол*, склоняемой основой которого является *ан-*, т. е. в косвенных падежах *ол* выступает с вставочным *н*: *аныңаны, аңа* (<*ан*+-*ға*), *анда, аннəн*.

8. Личные местоимения 2-го и 3-го лица множественного числа *силə(р) ~ сили, ула(р)* склоняются двояко:

а) так же, как в литературном языке, в данном случае аффиксальные широкие гласные *а, ə* при прибавлении падежных окончаний сохраняются: *силə:ниң, ула:ни, силə:гə, ула:дин*;

б) так же, как в кашгарском говоре, т. е. аффиксальные широкие гласные *а, ə* редуцируются и переходят в *ы ~ и*: *силигə, силидин, улыни, улыниң* и т. д.

Все личные местоимения вполне могут подвергаться изменению по лицам. Однако практически в форме лица они встречаются редко. Например: *кечəги м е м м ə н* (<*мəн-мəн*) «вчерашний это я»; *Атам с ə н с ə н, анам с ə н с ə н* (106) «Ты — отец мне, ты — мать мне». Ограниченное употребление личных местоимений с аффиксами лица связано, по-видимому, с образующейся при этом тавтологией, нежелательной в языковой практике: *мəммəн, сəнсəн, бизмиз, силəрсилəр, сизсиз* и т. д.

Местоимение 1-го лица множественного числа *биз* иногда принимает аффикс *-лə(р)*, и образовавшееся таким образом двойное множественное число (*би-*+*-з*+*-лəр*) служит для выражения некоторых экспрессивных оттенков.

Личные местоимения хотя и соотносительны с существительными, но они не принимают аффиксов принадлежности.

Указательные местоимения

К данному разряду местоимений относятся: *аву, əшу, бу, ма: ~ маву ~ маныву ~ мəниво, мана ~ мина, машу ~ ~ машы ~ мошу, оша ~ ошу ~ ошы, у ~ ол ~ ул, ушбу, ушул, шу ~ шул*.

В семантическом отношении указательные местоимения примечательны тем, что они выражают оттенки пространст-

венных признаков. Так, например, *бу, маву, машу* указывают на лицо или предмет, находящийся на близком расстоянии, а *аву, әшу, у*, наоборот, замещают название предмета, который находится в более отдаленном месте. Следовательно, кроме общих лексико-семантических и иных признаков, позволяющих объединить указательные местоимения в одну группу, имеются также частные своеобразия, характеризующие каждое из этих местоимений в отдельности.

1. **Бу ~ бул** (лит. *бу*) «этот, эта, это» обозначает предмет, расположенный рядом, близко. Дублет *бул* менее употребителен, чем *бу: бу бала* «этот мальчик». *Бу йәм турарму ташта?* (131) «Разве лежала бы эта еда на камне?». *Қәшқәр шә:ри бул болмаса.* (122). «Если бы это не был город Кашгар...».

2. **Маву ~ маныву ~ мәниво** (лит. *мону*) являются сложными по своему составу и восходят к *мана бу*, их стяженная форма *ма:*. Местоимение *маву* указывает на лицо или предмет, находящийся на видимом, близком расстоянии, и переводится на русский язык словами «вот, вот этот». От только что рассмотренного *бу* отличается тем, что оно чаще всего употребляется тогда, когда говорящий указывает на лицо или предмет жестом — рукой или глазами. Примеры: *Ма: йә:ни Пушман дейди* (77) «Вот это место называют Пушман»; *Тирәк'тир қурсы маныву Һәйраватт'етти* (76) «Курсы трактористов были в этом Хайрабаде»; *Маву балысы* (93) «Вот его ребенок».

3. **Машу ~ машы ~ мошу** (лит. *мошу*) состоит из *мана шу*. По значению более близко к *маву*, чем к *бу: машы күнлидә* «в эти дни»; *Биз мошу қышлахтәммиз* «Мы из этого кишлака».

4. **Оша ~ ошу ~ ошы** в литературном языке и семиреченском говоре отсутствует. По значению то же, что *машу*, но отличается от него более широкой распространенностью: *ошу йигит* «этот парень»; *Ошы кәлхозчилиримиз үчүн кәтти йутух волудо* (74) «Это для наших колхозников большая победа», *ошаңгә* «поэтому».

5. **Ушбу** (*<ошу+бу*), **ушул** (*<ошу+ул*) мало чем отличаются от предыдущих указательных местоимений по семантике. Как *ушбу*, так и *ушул*, скорее, характеризуют старописьменный уйгурский язык и в говоре сохранились лишь в поэтических произведениях книжного происхождения:

Хуш ажайип җай болуптур
Ушбу меһманханиңиз (151)

«Удивительно веселым местом стала
Эта ваша гостиница»;

Қыличтин тиз ерур, қылдин иңишкә,
Пушайманлар ушул күн чүшкән ишкә (151)
«Острее меча, тоньше волоска
Раскаяние из-за так обернувшегося дела».

6. **Мана ~ мына** (лит. *мана*) семантически приближается к *бу, маву* и переводится словом «вот». Однако самостоятельно употребляется только как модально-указательная частица. По этой причине *мана ~ мына* в отличие от *бу, маву* не изменяется по словоизменительным категориям и не может выступать в роли определения или какого-либо другого члена предложения: *Енди мана турмушлиримис шекәрдин ши:рин* (125) «А теперь вот жизнь наша слаще сахара»; *Мына сиз шундақ қипсиз* (124) «Вот вы так поступили». *Мана* часто выступает в качестве первого компонента составных указательных местоимений и служит для конкретизации и уточнения значения второго компонента: *мана бу* «вот это самое», *мана шу* «вот то самое» и т. д.

7. **У** (лит. то же) наиболее часто употребительное указательное местоимение. На правах дублетов выступают *ул, ол*, которые встречаются редко. Данное местоимение показывает более отдаленный предмет и переводится словами тот, то, та. *У кочыда сән бо:саң, бу кочыда мән бо:сам* (101) «Жила бы ты на той улице, а мне бы жить на этой (т. е. близко, по соседству)»; *У хатни оқуп бақсам* (121) «Прочитал я то письмо»; *Дәйриниң у йағы да* (134) «На той стороне реки»; *ул күни* «в тот день».

8. **Шу** (лит. то же), реже употребляется дублет *шул*. Последний характерен для классической литературы. Местоимение *шу* указывает на такой предмет, который хотя и находится вне поля зрения собеседников, но знаком им. *Шу кечиси* (137) «В ту самую ночь»; *Қалдим бала:ға шул заман (157)* «И в беду попал в тот же миг».

9. **Аву, әшу** (лит. те же) «тот, то, та» являются сложными по составу. Видимо, *а бу>аву, ә шу>әшу*. Элемент *а~ә*, надо полагать, имеет общую этимологию с местоимением *а-* (*аның, аны, анда, аннән, аңгә*), о котором мы уже упоминали и выше. *Аву, әшу* синонимичны местоимениям *у, шу* и иногда могут заменять друг друга. Однако они имеют более подчеркивающее значение и обозначают относительно близкий предмет (*аву*) и предмет, о котором до этого шла речь (*әшу*); *Аву машинә силиникима?* «Та машина ваша?»; *Әшу қазыныңыз...* (93) «Тот самый ваш казан...».

Все указательные местоимения принимают аффикс множественности: *була(р), ула(р), ма:ла(р), ошула(р)* и т. д. Прибавляются к ним и аффиксы принадлежности. Однако они практически в притяжательной форме (особенно 1-го и 2-го лица) встречаются довольно редко. Кроме того, указательные местоимения склоняются и имеют в этой категории ряд присущих изучаемому говору особенностей.

Для примера ниже приводятся парадигмы изменения местоимений *бу, шу, маву, әшу* аффиксами принадлежности и падежей.

Изменение аффиксами принадлежности

Единственное число

1-е л. *мунум, шунум, мавум, әшум*
2-е л. *мунуң, шунуң, мавуң, әшуң*
вежл. форма *мунуңиз, шунуңиз, мавуңыз, әшуңыз*
3-е л. *мунусы, шунусы, мавуси, әшуси*

Множественное число

1-е л. *мунумыз, шунумыз, мавумыз, әшумыз*
2-е л. *мунуңла(р), шунуңла(р), мавуңла(р), әшуңла(р)*
3-е л. *мунусы, шунусы, мавуси, әшуси*

Склонение указательных местоимений

Осн. *бу, шу, маву, әшу*
Род. *мунуң, шунуң, мавунуң, әшунуң*
Дат. *мунуңгә ~ муңгә, шунуңгә ~ шуңгә, мавунуңгә ~ мавугә, әшунуңгә ~ әшугә*
Вин. *муни, шуни, мавуни, әшуни*
Мест. *мунуңда ~ мунда, шунуңда ~ шунда, мавунуңда ~ мавуда, әшунуңда ~ әшуда*
Исх. *мунуңдин ~ мундин/мунуңдән ~ мундән, шунуңдин ~ шундин/шунуңдән ~ шундән, мавунуңдин ~ мавудин/ /мавунуңдән ~ мавудән, әшунуңдин ~ әшудин/әшунуңдән ~ әшудән.*

Здесь обращает на себя внимание следующее:

1. В форме принадлежности и в косвенных падежах начальный согласный *б* местоимения *бу* переходит в *м*. Однако есть и дублеты, у которых начальный *б* сохраняется: *бунуси, бунуң, буни, бундән* и т. д. В литературном языке и семиреченском говоре, наоборот, *б* в основном сохраняется, а дублеты с начальным *м* встречаются реже.

2. Местоимения *бу, шу, у, ошу, мошу* в форме принадлежности во всех трех лицах, а также в дательно-направительном, местном и исходном падежах перед соответствующими аффиксами принимают звук *н* и выступают в виде *мун-, шун-, ун-, ошун-, мошун-*.

3. К местоимениям *бу* (>*мун-*), *шу* (>*шун-*), *у* (>*ун-*), *ошу* (>*ошун-*), *мошу* (>*мошун-*) аффикс принадлежности 3-го лица обычно присоединяется дважды: *мунусы* (<*мун+ +-у+-сы*), *шунусы, унысы*. Допустимо, однако, и *бусы, шусы*.

Вопросительные местоимения

В ферганском говоре в качестве вопросительных местоимений выступают следующие слова: *ким? ~ чим? қайан? қайда? қайдақ? ~ қандақ? ~ қандай? қайси? қанақә? қанчә? қаны? қачан? нәччә? немә? нечик? нимишқа?*

Как видно из списка, все вопросительные местоимения, кроме *ким? ~ чим?*, являются производными либо от *қай- ~ ~ қан-*, либо от *нә-*.

Местоимение *ким?* «кто?», которое употребляется только по отношению к человеку, имеет дублет *чим?* Последнее довольно широко распространено на всей территории изучаемого говора, оно характеризует также кашгарский говор (здесь *к*>*ч*; ср.: *кир- ~ чир-* «заходить»): *Дәрйаларни йақылап-йақылап* **чим** *келәдур? Пәрәнҗигә оралашип, йар келә:до. Пәрәнҗигә оралмаса,* **ким** *көрә:ду? Сәни айдәк җамалиңгә* **ким** *тойа:ду?* (84) «Вдоль-повдоль рек кто идет? В паранджу укутавшись, возлюбленная идет. Если в паранджу укутается, кто увидит ее?! Твоей луноликой красой кто насытится?!»

Производные от *қай- ~ қан-:*

а) *қайда?* (<*қай-+-да* — афф. местного падежа) «где? куда?»; факультативно употребляется палатальный вариант *қәйдә?* В литературном языке оно отсутствует. Значения его в литературном языке передаются местоимениями *нәдә?*, «где?» и *нәгә?* «куда?»; слово *қайда?* как и литературные *нәдә?, нәгә?*, соотносительно с наречиями места;

б) *қандақ? ~ қандағ? қайдақ? қандай? ~ қәндәй?* «какой?» «как?» имеют общую этимологию: *қан- ~ қай-+ -дағ ~ -дақ ~ -дай ~ дәй*, т. е. аффикс *-дағ ~ -дақ* является более древним, чем *-дай ~ дәй*. Литературная норма *қандақ?* В семиреченском говоре наряду с *қандақ?* встречается и *қайдақ?* Но *қандай? ~ қәндәй?* как в литературном языке, так и в семиреченском говоре отсутствует. В говоре в том

же значении, что и *қандақ?* употребляется еще местоимение *қанақə?*, которое заимствовано из узбекского языка;

в) *қайан?* «куда? в какую сторону?» состоит из *қай-* и *йан* «сторона, бок». Как в говоре, так и в литературном языке данное местоимение имеет ограниченную сферу употребления. Оно встречается главным образом в поэтических произведениях книжного происхождения:

Ата-анаң, қериндаш
Қайан кетти, пикир қыл (148)
«Родители твои, родня
Куда ушли, подумай»;

г) *қайси? ~ қа:си?* «который? какой?». Этимологически состоит из *-қай* и двойного аффикса принадлежности 3-го лица *-и+-си*, т. е. *қайиси?* С течением времени первый *и* выпал и получилось *қайси?* [65]. В семиреченском говоре при необходимости уточнить «который из них?» данное местоимение употребляется в форме *қайсиси*. Следовательно, исторически мы имеем здесь тройной аффикс принадлежности 3-го лица, что относится к весьма редким явлениям в употреблении форм словоизменения;

д) *қанчə?* (<*қан-+-чə*) «сколько?». С этим же значением в говоре известно *нəччə? ~ -нечи?* (см. ниже);

е) *қачан?* (<*қай-+-чан*) «когда?»

Местоимение *нə?* «что?» как самостоятельное слово, можно сказать, вышло из живого употребления. Оно спорадически встречается лишь в составе устойчивых сочетаний, в произведениях фольклора: *«Һалың нə?» — дəп сормайдимо?* (139) — «Не спросит ли [он]: как ты живешь?».

Производными от *нə* являются следующие местоимения:

а) *нəччə?* (<*нə+-чə*) «сколько?»; *чч* — результат удвоения. Факультативно употребляется дублет *нечи?* Данное местоимение синонимично с уже рассмотренным *қанчə?* Отличие состоит в том, что в изучаемом говоре *нəччə? ~ нечи?* употребляется чаще, чем *қанчə?* В литературном языке и семиреченском говоре то и другое употребительны.

б) *немə? ~ нимə?* «что?». Относительно морфологической структуры этого слова существуют различные мнения тюркологов. В частности, Ф. Г. Исхаков предполагает, что оно состоит из *нə* и чувашского местоимения *мен*, означающего также «что?» т. е.: *немен>немə?* [66].

[65] См.: Исхаков Ф. Г. Местоимения. ИСГТЯ. II, стр. 240.
[66] Там же, стр. 236.

Нечик? (<*нə+чик*) «как?». В говоре, как и в литературном языке, употребляется редко.

Нимишқа? (<*нимə+иш+-қа*) «почему? зачем? по какой причине?» В лит. и семир. *нимишкə?*

Лексико-семантические, морфологические и синтаксические свойства вопросительных местоимений такие же, как и лексико-грамматические свойства слов, взамен которых они выступают. Так, *ким? ~ чим?* «кто?» *нимə?* «что?» заменяют существительные, и поэтому, как и существительные, принимают аффиксы множественности, принадлежности, изменяются по лицам и падежам: *кимлəр? кимим? кимиң? кими? ~ кимиси? кимимиз? кимиңла(р)? кимниң? кимдə? кимни? кимгə? кимдин?* и т. д. В предложении могут выступать в роли подлежащего, дополнения и т. д. Что касается местоимений *қандақ?* «какой? как?», *қачан?* «когда?», то они соотносительны с прилагательными и наречиями, поэтому им, так же как и прилагательным и наречиям, не свойственны словоизменительные категории.

Определительные местоимения

К этой группе местоимений в говоре относятся следующие слова: *барлық, барчə, һəммə, бүтүн ~ бүт, тамами* «весь, все, всё, вся», *һəр* «каждый» и т. д.

Барлық (<*бар+-лық*), *барчə* (<*бар+-чə*) употребляются двояко:

1) как местоимения-прилагательные; в этом случае они ставятся перед именем существительным как его определение и в морфологическом отношении не изменяются: *барлық өйлə(р)* «все дома»; *барчə йашлар* «все молодые, вся молодежь»;

2) как местоимения-существительные, и тогда они во всем соотносительны с существительными: принимают аффиксы принадлежности, склоняются по падежам: *барлығымиз, барчəмиз* «все мы»; *барлығыңла(р), барчəңла(р)* «все вы»; *барлығы, барчəси* «все они»; *барлығының, барчəсиниң* «у всех»; *барлығыдин, барчəсидин* «от всех» и т. д.

В словоизменении местоимений *барлық, барчə* наблюдаются некоторые особенности. Во-первых, к ним не присоединяется аффикс множественности, поскольку в самом лексическом значении этих слов содержится идея множественности. Во-вторых, падежные формы образуются от формы принадлежности 3-го лица: *барлиғини, барчəсини* (<*барлық+-ы+-ни, барчə+-си +-ни)* «всех», а не *барлықни, барчəни.*

Наряду с *барлық, барчә* в том же значении и в тех же грамматических свойствах употребляется заимствованное из иранских языков местоимение *һәммә: һәммә йәрдә* «во всех местах, везде», *һәммәгә бирдәй* «всем одинаково».

Местоимения *бүтүн* и его дублет *бүт*, который, очевидно, заимствован из киргизского языка, а также *тамами* (из арабского языка) отличаются от вышеприведенных тем, что они выступают только как местоимения-прилагательные. Поэтому они не изменяются по числам и падежам и не принимают аффиксов принадлежности: *бүтүн* (или *бүт*) *шәһәрдә* «во всем городе», *тамами йаш өспүрүн жигитлә(р)* «все молодые люди».

Весьма употребительным является определительное местоимение иранского происхождения *һәр* «каждый», которое в этой форме заменяет прилагательное и морфологически не изменяется: *һәр киши* «каждый человек». *Һәр* в сочетании с числительным *бир* «один» приобретает свойство местоимения-существительного: *һәр бир* «каждый, всякий»; *һәр биримиз* «каждый из нас»; *һәр биримизгә* «каждому из нас»; *һәр бириңларниң* «у каждого из вас» и т. д.

Употребляясь перед некоторыми вопросительными местоимениями, слово *һәр* участвует в образовании составных определительных местоимений: *һәр ким* «каждый, всякий»; *һәр қайси* «всякий, каждый, любой»; *һәр қандақ* «любой, всякий»; *һәр қанчә* «всякое количество»; *һәр нимә* «все, всякий» и т. д.

Неопределенные местоимения

Местоимения этого разряда в говоре образуются разными путями, основными из которых являются:

1. Морфологический способ. В качестве аффикса, образующего неопределенные местоимения от вопросительных местоимений, выступает формант *-дир: кимдир* «кто-то», *қәндәйдир* «какой-то», *қачандир* «когда-то». В литературном языке данный аффикс употребляется в виде *-ду* (<*-дур*): *кимду, қандақту, қачанду* и т. д.

2. Синтаксический способ: *аллықандақ* «какой-то», *аллықанчә* «сколько-то». Последнее употребляется и в значении наречия «довольно, значительно»; *аллықанчә йирақ* «довольно далеко». Сюда же относятся *бир нәрсә* «что-то», *бәзи бир* «некоторый» и т. д.

Кроме того, имеется ряд слов, перешедших в разряд неопределенных местоимений из других частей речи в результате их семантических сдвигов. Например: *бир* «какой-то», *бир адәм* «какой-то человек»; *бирәв ~ бира°в* «некий, кто-то»; *бирәв келди* «кто-то пришел»; *бирси* «кто-то, некий»; *бирси келийатиды* «кто-то идет».

Неопределенное местоимение *бә:зи* «некоторый» заимствовано из арабского языка.

Отрицательные местоимения

Группа отрицательных местоимений образуется посредством слова иранского происхождения *һеч ~ һич* «ни, ничего, никак», которое сочетается с вопросительными местоимениями в качестве их определения: *һеч ким* «никто»; *һеч нимә* «ничто, ничего»; *һич қайда* «никуда»; *һич қачан* «никогда»; *һеч қандақ* «никакой». Слово *һеч ~ һич* может образовать отрицательные местоимения также в сочетании с некоторыми существительными и с числительным *бир: һәч нәрсә* «ничего, ничто»; *һеч вақит* «никогда»; *һеч бир* «ничего, никак».

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение представлено словом *өз* (реже *үз*), которое обычно употребляется в формах принадлежности: *өзәм* «я сам», *өзәң* «ты сам», *өзүңиз ~ өзлири* «Вы сами», *өзи* «он сам», *өзүмиз* «мы сами», *өзәңла(р)* «вы сами», *өзилири* «они сами». Данным формам могут предшествовать личные местоимения в основном или в родительном падеже, и такое сочетание в целом передает значение выделения, подчеркивания лица: *мән (~ мениң) өзәм, сән (~ сениң) өзәң, у (~ унуң) өзи, биз (~ бизниң) өзүмиз, силә(р) (~ силә(р)ниң) өзәңла(р)* и т. д.

В исходной (корневой) форме оно употребляется только перед существительным как его определение и служит для усиления значения принадлежности: *өз өйүм* «мой собственный дом», *өз меһнәтиң* «твой собственный труд».

Возвратное местоимение *өз* склоняется только в притяжательной форме: *өзәм, өзәмниң, өзәңдә, өзүмизни* и т. д.

НАРЕЧИЕ

Наречия в ферганском говоре, как и в литературном уйгурском языке, обозначают признак действия (глагола) и признак признака (прилагательного); основным морфологическим свойством наречий является их неизменяемость и

наличие некоторых специфических аффиксов словообразования. В предложении наречия выступают в качестве обстоятельства.

Слова, входящие в состав наречий, во многом соотносительны как с именными частями речи, так и с глаголами, что свидетельствует об их тесной этимологической связи. Это хорошо видно хотя бы из того, что класс наречий в основном пополняется за счет указанных частей речи в результате их адвербиализации. Так, например, наречия *айда-йилда* «изредка, иногда», *қишта* «зимой», *бурун* «раньше», *кечиси* «ночью» происходят от соответствующих существительных; *анда* «там», *мунда* «здесь» , *ундан ~ уннән* «после этого, потом» — от местоимений; *сөссуз* (<*сөз*+*сиз*) «безусловно», *бегуман* «несомненно», *бетохтав* «немедленно» — от прилагательных; *биргә* «совместно, вместе», *бирдән* «сразу» — от числительных; *бомыса ~ бомысам* «тогда, в таком случае», *кечәләп* «ночью, по ночам»; *қәйтә* (<*қәйт-*+*-ә*) «вновь, заново, снова, повторно, опять», *өтә* (<*өт-*+*-ә*) «очень, весьма» — от глаголов и т. д.

Сравнительно небольшое число слов выделилось из общего лексического состава ферганского говора в значении наречий: *аз* «мало», *аран* «еле», *дәро* «немедленно, сейчас же, быстро», *тез* «быстро», *көп* «много», *тек* «смирно, спокойно», *тәхи* «еще, до сих пор».

Кроме того, существует определенный разряд наречий, образованных при помощи словообразовательных средств уйгурского языка, в которых в известной степени отразились своеобразные черты изучаемого говора (см. ниже).

Формальное и функциональное совпадение наречий с некоторыми прилагательными, падежными формами существительных и деепричастиями приводит к определенным трудностям в школьной практике [67]. Однако, несмотря на это, категория наречий в уйгурском языке, в том числе и в ферганском говоре, функционирует как самостоятельная часть речи.

Словообразование наречий

Наречия в говоре образуются морфологическим и синтаксическим способами.

В рамках морфологического способа наиболее распространенными и продуктивными являются следующие аффиксы:

[67] См.: Джамалдинов О. Наречие в современном уйгурском языке. Автореф. канд. дис . Алма-Ата, 1965.

1. **-чә.** Посредством аффикса *-чә* от основ имен существительных, прилагательных и местоимений образуются наречия со значением способа, манеры, меры, уподобления: *а:туқчә* «слишком, чрезмерно», *әскичә* «по-старому», *башқачә* «по-иному, по-другому, иначе», *доланчә* «по-доланski», *капирчә* «как неверный, как не мусульманин», *кечичә* «всю ночь», *уйғурчә* «по-уйгурски», *шунчә* «столько», *мунчә* «настолько», *туңганчә* «по-дунгански».

2. **-дәк/-тәк; -дай/-дәй, -тай/-тәй.** В говоре параллельно употребляются та и другая разновидности этого аффикса. Поэтому трудно отдавать предпочтение какой-либо одной из них. В литературном языке и семиреченском говоре разновидности с конечным *й* отсутствуют.

При помощи аффикса *-дәк/-дай* (с фонетическими вариантами) от основ существительных, прилагательных, местоимений, причастий образуются наречия со значением сходства, подобия: *тағдәк* «как гора, с гору, безмерно»; *айдәк* «подобно луне, как луна»; *җиндәй* «чуть, немного»; *бүгүнкидәй* «как сегодня»; *өйдикидәк* «как дома»; *мәндәй* «как я, подобно мне»; *сиздәк* «как вы, подобно вам»; *әлигиләрдәй* «как те, подобно тем»; *қызарғандәк* «как будто покраснело».

3. **-лап/-ләп.** Данный формант структурно состоит из словообразовательного аффикса глагола *-ла, -лә* и показателя деепричастий *-п*. Наречия на *-лап, -ләп* образуются от основ существительных, прилагательных, числительных и наречий и выражают количественные признаки, образ и время действия: *йүзләп* «сотнями», *бирләп* «по одному», *кечиләп* «по ночам», *сахатлап* «часами», *йахшилап* «хорошенько», *көплән* «помногу», *азлап* «понемногу».

4. **-идә.** Посредством аффикса *-идә* от основ звуко- и образоподражательных слов образуются наречия, употребляющиеся в языке в качестве изобразительных средств с обобщенными значениями интенсивности, мгновенности и неожиданности действия, обилия, избытка чего-нибудь и т. д. Абсолютное большинство подобных образований в говоре не поддается точному переводу на другой язык: *шәппидә, ваққидә, гүрридә, валлидә, дүрүккидә, бужжидә, җуғғидә*. Как видно из примеров, замыкающий согласный основы при присоединении к ней аффикса *-идә* подвергается систематическому удвоению, а основное ударение падает на первый слог: *гүп+п+-идә>гүппидә; ғуч+ч+-идә>ғүччидә; лас+с+-идә>лассидә; виж+ж+-идә>вижжидә*.

Малопродуктивными являются следующие сложные аффиксы, в составе которых присутствует формант *-чә:* *-чәлик* (<*-чә*+*-лик*). В литературном языке и семире-

ченском говоре *-чилик*. Примеры из ферганского говора: *орахчәлик* «величиной с серп», *бизчәлик* «подобно нам, столько, сколько мы»;

-чәсигә (<*-чә*+*-си*+*-гә*). Лит. и семир. *-чисиға, -чисигә*. Примеры из ферганского говора: *ескичәсигә* «по-старому», *йәңичәсигә* «по-новому»;

-чилап, -чилəп (<*-чә*+*-ла*~*-лə*+*-п*): *қəшқə: чилап* «по-кашгарски», *тохачилап* «как курица, по-куриному», лит. и семир. то же.

-ғичə, -гичə, -қычə, -кичə (<*-ға*~*-гə*~*-қа*~*-кə*+*-чə*): *һəнизгичə* «до сих пор», *кəчкичə* «до вечера». Лит. и семир. то же.

-ғачылық, -гəчилик (<*-ға*~*-гə*+*-чə*+*-лық*~*-лик*): *назырғачылық* «пока, до сих пор», *əбиткəчилик* «до обеда», *шəһəргəчилик* «до города».

К непродуктивным типам относятся образования при помощи аффиксов: *-ин, -ун, -үн: астин* «глубоко», *үстүн* «поверхностно»; *-лəй: путүнлəй* «целиком»; *-қари, -кəри; илгəри* «вперед», *ичкəри* «внутри», *ташқири* «снаружи»; *-ри: кəңри* «широко, много»; *-чиза* [<*-чə*+*-за*(?)]: *шунчиза* «столь, настолько». Сюда же следует отнести аффиксы арабского происхождения *-ән* и иранского происхождения *-анə*, которые встречаются в составе лишь заимствованных слов из этих языков: *асасəн* «в основном», *қисмəн* «частично», *тəхминəн* «приблизительно, примерно», *достанə* «по-дружески», *шадийанə* «весело, радостно».

Следует заметить, что некоторые падежные показатели, например: направительного (*зорға* «еле, едва», *бошқа* «напрасно, попусту»), местного (*йазда* «летом», *қышта* «зимой»), исходного (*бирдəн* «сразу»), а также формы принадлежности 3-го лица (*күндүзи* «днем», *кечəси* «ночью»), по своей природе не могут быть рассмотрены как словообразовательные аффиксы. Наречия с этими формантами являются результатом лексикализации соответствующих существительных. Иначе говоря, слова подобного рода этимологически представляют собой изолированные формы существительных, с течением времени приобретшие наречное значение [68].

Значительное число наречий в ферганском говоре образовано посредством синтаксического способа словотворчества. Одни из них по своему происхождению восходят к словосочетаниям, в процессе исторического развития языка подвергшимся фонетическим изменениям и превратившимся в одно слово: *бүгүн*~*бүгəн* (<*бу күн*) «сегодня»; *бийил* (<*бу йил*) «в этом году»; *əшə* (<*ашу*~*ошу йəр*) «там, то место»; *бийə* (<*бу йəр*) «здесь, это место»; *шүвədə* (<*шу йəрдə*) «там, на том месте»; *ийағда* (<*у йақта*) «там, на той стороне».

[68] См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 117, 118.

Наиболее многочисленны сложные наречия, образованные путем сочетания основ. В качестве их компонентов выступают слова, относящиеся к различным частям речи: существительным, прилагательным, числительным, местоимениям. Синтаксическая связь между компонентами подобных наречий ослаблена, поскольку на данном этапе они представляют собой лексические единицы с цельной семантикой. Приведем примеры: *бир дəм*~*бир пəс* «немного»; *бир күни* «однажды»; *бир аз* «немножко»; *һəр қачан* «всегда»; *һəр дайим* «всегда»; *кечə билəн* «ночью»; *кечədəн бери* «со вчерашнего дня»; *шуннəн кейин* «потом, после этого»; *көптəн бери* «с давних пор»; *бу дөрəн* «в этот раз».

В некоторых сложных словах, как и в простых, наблюдается явление адвербиализации, т. е. переход данного синтаксического комплекса в разряд наречий. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что один из их компонентов (чаще всего последний) имеет в своем составе словоизменительные аффиксы (например, аффиксы падежа и принадлежности), вовсе не присущие категории наречий и не принимающие участия в образовании этих сложных наречий: *һəммə йərdə* «везде, повсеместно»; *таң сəһərdə* «спозаранку»; *күлгəн һалда* «смеясь»; *шуннəн бери* «с тех пор»; *қыш күни* «зимой»; *йаз бойи* «все лето»; *шу чағда* «в то время» и т. д.

Парные и парно-повторные наречия в говоре по своему объему и степени распространения заметно уступают собственно сложным наречиям: *аз-маз* «немного, чуточку»; *айда-йилда* «изредка, иногда»; *анчə-мунчə* «немного, так себе»; *батма-бат* «частенько, почаще»; *қатар-қатар* «рядами, вереницей»; *сəп-сəп* «рядами строем»; *сəл-пəл* «чуточку, чуть-чуть»; *секин-секин* «потихоньку, не торопясь, постепенно» и т. д.

Класс наречий ферганского говора постоянно пополняется, кроме описанных выше внутренних источников, за счет заимствований из других языков. Абсолютное большинство заимствованных наречий настолько освоено носителями говора, что они не чувствуют их иноязычного происхождения; например: *бека:* «напрасно, зря, попусту»; *пишадə* «пешком»; *тез* «быстро»; *хели* «довольно, порядочно»; *авал* «раньше, прежде»; *əсли* «вообще, всегда, иско-

ни»; *пәқәт* «только лишь»; *hазир* «сейчас, в данный момент»; *сәл* «чуть, немножко» и т. д.

Семантические группы наречий

По своему значению наречия в говоре делятся на следующие группы:

Наречия времени. Наречия данного разряда отвечают на вопрос *қачан?* «когда?» и выражают время протекания действия: *авал ~ әвәл* «раньше, прежде»; *ахшамлыққа* «вечером»; *ә:тә* «завтра»; *әттимән ~ әттимәндә* «рано утром»; *булту°* «в прошлом году»; *бурун ~ мурун* «раньше, прежде»; *бүгүн ~ бүгән* «сегодня»; *дайим ~ дайима* «всегда»; *еттиси* «на другой день»; *индин* «послезавтра»; *йәқиндә* «недавно»; *кәчқурун* «к вечеру»; *кейин* «потом»; *кеч* «поздно», *кечә* «вчера»; *қишта* «зимой»; *кечәси* «ночью».

Наречия места. Отвечают на вопрос *нәдә?* «где?», *қәйәрдә?* «где?, на каком месте?», обозначают место совершения действия: *анда* «там»; *әшә* «то самое место»; *бийағда* «здесь, на этой стороне»; *бийәгә* «сюда»; *мунда* «здесь»; *нери* «дальше, туда, по ту сторону»; *унда* «там»; *шүвәдә* «там, на том месте»; *илгәри* «вперед»; *йирақ* «далеко»; *йәқин* «близко».

Наречия образа действия. Отвечают на вопрос *қандақ? ~ қайдақ? қандай? қанақә?* «как?, каким образом?» и обозначают в основном способ действия: *аран* «еле, едва»; *батма-бат* «частенько, почаще»; *бетохтав* «немедленно, без промедления, сразу»; *бирдән* «сразу», *дәро* «немедленно, сейчас же, быстро»; *өрә* «вертикально»; *пишадә* «пешком»; *тез* «быстро»; *секин* «медленно»; *уйғурчә* «по-уйгурски»; *туңганчә* «по-дунгански».

Наречия меры и степени: *аз* «мало»; *анчә-мунчә* «немного, так себе»; *ашкарә* «явно, ясно»; *әҗәп* «удивительно, странно»; *әйниқсә* «особенно»; *җүдә* «очень, весьма»; *җиндәй ~ җиндәк* «чуточку, чуть-чуть»; *кәм* «меньше»; *көп* «много»; *тола* «полно, много»; *өтә* «очень весьма»; *хели* «значительно»; *шунчиза* «настолько, до такой степени».

Наречия причины и цели: *атайин* «нарочно, нарочито, умышленно»; *бинаән* «согласно, соответственно, сообразно, в соответствии»; *бомыса ~ бомысам* «тогда, в таком случае»; *тоғрустин ~ тоғрыдин* «по поводу, с целью, за то, что»; *шуңа* «поэтому»; *ошәңгә* «поэтому, по этой причине».

Среди перечисленных выше семантических групп наречий наиболее многочисленны наречия со значением образа действия, времени и места.

Степени сравнения наречий

Степени сравнения прежде всего характерны для прилагательных. Однако определенная группа наречий обладает (правда, в меньшей мере, чем прилагательные) этой категорией.

Аффикс *-рақ/-рәк, -ырақ/-ирәк, -урақ/-үрәк* присоединяется к основе следующих наречий: *аз* «мало» — *азырақ* «немножко, меньше»; *йуқары* «выше» — *йуқарырақ* «повыше»; *тез* «быстро» — *тезирәк* «побыстрее»; *көп* «много» — *көпүрәк* «больше»; *нери* «дальше» — *нерирәк* «подальше»; *бери* «ближе» — *берирәк* «поближе» и т. д.

Форма субъективной оценки на *-ғына/-гинә, -қына/-қинә* менее характерна для наречий, чем для прилагательных: *азғына* «немножко», *тезгинә* «быстренько».

Поскольку способы образования превосходной степени наречий и прилагательных идентичны, мы ограничимся примерами:

а) *җүдә ертә* «очень рано», *өтә тез* «очень быстро», *интайин көп* «очень много» и т. д.;

б) *тездин тез* «быстро-быстро, очень быстро», *кечтән кеч* «поздно-поздно, очень поздно», *кәмдә кәм* «очень мало»;

в) *аран-аран* «еле-еле», *көп-көп* «много-много», *тез-тез* «быстро-быстро» и т. д.

Наречия со значением интенсива образуются посредством аффикса *-идә*, о чем было сказано выше: *шаппидә, таққидә, гүрридә, җиғғидә* и т. д.

ГЛАГОЛ

Глаголу ферганского говора, как и глаголу литературного языка, свойственны переходность и непереходность, аспект (положительный и отрицательный, возможность и невозможность), залог, наклонение, время, лицо и число. Неличными формами глагола являются причастия и деепричастия [69]. Все эти категории глагола, кроме категории переходности и непереходности, имеют свои особые показатели, посредством которых они образуются. Что касается катего-

[69] К неличным формам глагола относятся также инфинитивы. Однако в живой речи они почти не употребляются, а в литературном языке, особенно при составлении словарей, в качестве инфинитива условно принята форма глагола на *-мақ, -мәк* (*турмақ* «стоять», *ишлимәк* «работать»), которая исторически (нередко и сейчас) является показателем имени действия.

рии переходности и непереходности, то она не имеет формальных признаков и как категория семантическая выражает отношение действия, движения, состояния к объекту.

Отрицательная форма глагола образуется от основы положительной формы посредством прибавления к ней аффикса отрицания *-ма/-мә: Самсы бизди боммәйди* (154) «Самсы у нас не бывает»; *Қазанны әччиқип бә:мәпти* (93) «Взял казан и не вернул»; *У туғулмай туруп, қосахта жиғлайдикән* (78) «Он, еще не родившись, плачет [оказывается] в утробе».

В определенных фонетических условиях гласные *а, ә* данного аффикса редуцируются в *ы ~ и*, в результате чего он проявляет себя как *-мы/-ми: Ата:си өлмигән ким бар? Ана:си өлмигән ким бар? Кишини шәһригә барип, Мусапир болмыған ким бар?* (111) «У кого отец не умер? У кого мать не умерла? Попав на чужбину, Кто горемыкой не стал?» *Узәм һәҗиги вамығаммән* (78) «Сам я не совершал хадж». Как отклонение от этой общей закономерности следует указать на те случаи, когда при наличии условия для редукции *а, ә* тем не менее сохраняют свое качество. Это объясняется прежде всего частичным нарушением закона редукции в изучаемом говоре: *көрмәдим* вм. лит. *көрмидим* «я не видел», *тапилмәсә* вм. лит. *тепилмиса* «если не найдется». Вместе с тем отдельные факты устойчивости (т. е. сохранения) *а, ә* в поэтических произведениях традиционно идут от классической уйгурской литературы XVIII—XIX вв.[70].

Искийандин ашмағунчә қара көрунмәс.
Қара йорға минмәгунчә чөллә: кезилмәс (117)
«Пока не перевалишь Искиян, ничто не замаячит вдали,
Пока на вороного иноходца не сядешь, степи не
перейдешь».

В говоре в отличие от литературного языка гласные *а, ә* аффикса отрицания перед *й* под его палатализирующим влиянием иногда переходят в *е: өтәлмеймән* вм. лит. *өтәлмәймән* «не смогу перейти»; *йеталмеймән* вм. лит. *йетәлмәймән* «не могу достичь».

Среди глагольных форм причастия на *-ған* имеются и другие способы выражения отрицания. Ср., например, *у әйткән* «он говорил» — *у әйтмәгән ~ у әйткән әмәс ~ у әйткән йоқ* (<*униң әйткәни йоқ*) «он не говорил». Эти формы отрицания в говоре характеризуются общностью смыслового содержания, хотя каждая из них имеет свои особенности употребления.

[70] См.: Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. I, стр. 34.

Аспекты возможности и невозможности в говоре образуются с помощью вспомогательного глагола *ал-*, который в положительной или отрицательной форме употребляется после основного глагола, стоящего в деепричастной форме на *-а, -ә, -й: маңалаймән* (<*маңа алимән*) «я смогу ходить»; *маңалмаймән* (<*маңа алмаймән*) «я не смогу ходить»; *ба:сыла тапа:ламла* (<*тапа аламдулар*)?.. *Кечәләп ача:ламла* (<*ача аламдурлар?*) (119) «Если придете, найдете ли?.. Ночью сможете ли открыть?».

Как видно, при образовании аспектов возможности и невозможности вспомогательный глагол *ал-* сливается с основным и этот сложный комплекс подвергается соответствующим фонетическим изменениям: 1) стечение двух гласных на стыке компонентов устраняется за счет выпадения конечного гласного первого компонента: *тапалайду* (<*тапа алиду*) «он сможет найти»; 2) под прогрессивным влиянием палатального гласного первого компонента начальный *а* вспомогательного глагола *ал-* переходит в *ә: келәлмиди* (<*келә алмиди*) «он не смог прийти»; 3) по-видимому, появление вставочного *й* в положительной форме глагола настоящего-будущего времени (*маңалаймән, келәләймән*) — результат аналогии с тем же глаголом в отрицательной форме, где *й* является аффиксом деепричастия; ср.: *маңалмаймән* (<*маң-+-а+ал-+-ма+-й+-мән*) и *маңалаймән* (<*маң-+-а+ал-+-а+й+-мән*).

Если первый (основной) компонент представляет собой деепричастие на *-й*, то формы возможности и невозможности в говоре образуются несколько иначе, чем в литературном языке: *оқуйаламдо?* (<*оқу-+-й аламду*) вм. лит. *оқаламду?* «он сможет ли читать?», *қарийаммиди* (<*қара-+-й алмиди*) вм. лит. *қаралмиди* «он не смог смотреть», *ишлийәлмиди* (<*ишлә-+-й алмиди*) вм. лит. *ишләлмиди* «он не смог работать» и т. д.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

Как известно, глаголы обладают свойством устойчивости и непроницаемости. Этим и объясняется отсутствие заимствованных глаголов в лексическом составе как литературного языка, так и изучаемого говора. Слова данной категории пополняются новыми словарными единицами и частично обновляются благодаря внутренним возможностям самого уйгурского языка — собственным способам и средствам словообразования.

Образование глаголов морфологическим способом

Из имеющихся способов глаголообразования ферганского говора ведущим является аффиксация. При помощи аффиксов глаголы образуются от различных частей речи: существительных, прилагательных, числительных, местоимений, наречий, междометий и подражательных слов.

Аффикс -ла. В общенародном уйгурском языке, как и во всех современных тюркских языках[71], аффикс *-ла* отличается высокой продуктивностью. Как показывают наблюдения, в изучаемом говоре производных глаголов на *-ла* значительно больше, чем глаголов, образованных посредством всех остальных аффиксов, вместе взятых. Он может присоединяться к основе слов, относящихся почти ко всем знаменательным частям речи.

В говоре, как и в литературном языке, данный аффикс представлен в основном в двух фонетических вариантах: *-ла* после твердых основ и *-лə* после мягких; например: *бағла-*~*байла-* «привязать» *башла-* «начинать», *қолла-* «поддерживать», *ишлə-* «работать», *мəйдəлə-* «мельчить», *ө:лə-* «женить». Наряду с *-ла, -лə,* но гораздо реже, употребляется также разновидность этого форманта с начальным *д* — *-да, -дə: жығылда-* (<*жығ*+*-ил*+*-да*) «ёкать»; *издə-* «искать»; *индə-*~*үндə-* «призывать»; *қымылда-* (<*қымыл*+*-да,* ср. каз. *қыймыл* «движение») «шевелиться»; *һайда-* (*һай* межд. «эй! гей!») «гнать». Интересно отметить, что в литературном языке наблюдаются случаи, когда *-ла* и *-да,* присоединяясь к основе одного и того же слова, образуют слова с разными значениями: *қарила-* (<*қара*+*-ла*) «обвинять, чернить кого-либо», а *қарида-* (<*қара*+*-да*) «чернеть, становиться черным».

Как исключение можно отметить наличие варианта *-тə* в слове *истə-,* который как в литературном языке, так и в говоре употребляется параллельно с обычными *-лə, -дə: излə-*~*издə-*~*истə-* (*из* «след») «искать».

В известном звуковом окружении по закону редукции широкие гласные разбираемого аффикса чередуются с соответствующими узкими гласными, в результате чего этот формант реализуется в виде *-лы/-ли, -лу/-лү, -ды/-ди, -ду/-дү: аңлыдым* «я слышал»; *ишлигəн* «работающий»; *ойлудуң* «ты думал»; *ө:лүдүк* «мы [его] женили»; *қымылдыма* «не шевелись»; *издисə* «если ищет».

По значению аффикс *-ла* в говоре принципиально тот же,

[71] См.: Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 35 и далее.

что и соответствующий аффикс литературного уйгурского языка и других тюркских языков. По своей природе этот формант немногозначен. Однако в зависимости от семантики именной основы производные глаголы на *-ла* приобретают самые разнообразные значения. «Сам же аффикс придает слову как бы общую семантику перехода предметного имени из сферы статики в сферу динамики глагола, а вместе с тем и семантику обычности, многократности использования данного предмета в процессе действия... Таким образом, семантика глаголов, производных от имени, зависит не от аффикса *-ла/-ле,* имеющего единое значение, а от основы имени, от которой произведен данный глагол»[72]. Поэтому вполне прав, на наш взгляд, Э. В. Севортян, группировавший производные глаголы на *-ла* в азербайджанском языке не по значению аффикса, а по семантике именной основы, к которой присоединяется данный аффикс, например: глаголы, образованные от основ, обозначающих орудия или средства осуществления действия; глаголы, основы которых обозначают результат процесса; глаголы, основы которых означают название процесса или его признака[73].

В говоре от основ имен существительных при помощи аффикса *-ла* (с вариантами) образованы *аңла-* «слышать» (*аң* «сознание»); *арала-* «обходить, обойти, исходить» (*ара* «промежуток»); *бағла-*~*байла-* «привязывать, связывать, завязывать»; *бараңла-* «обильно расти» (о растениях); *башла-* «начинать»; *бозла-* «горько плакать, причитать»; *бойла-* «ходить, прогуливаться вдоль берега, по берегу» (реки, озера и т. д.); *гулла-*~*гүллə-* «цвести, расцветать»; *даңла-* «хвалить, славить»; *дарыла-* «опрыскивать растения»; *еркиллə-* (<*əркə*+*-лə*) «ласкаться, ластиться»; *жиғла-* (<*жиға*+*-ла*) «плакать»; *имла-*~*имлə-* «намекать, дать знак жестом»; *индə-*~*үндə-* (<*үн* «голос, звук»+*-дə*) «призывать»; *ишлə-* «работать»; *йамбашла-* «лежать на боку»; *йорғыла-* «семенить»; *йүклə-* «грузить»; *қолла-* «поддерживать, покровительствовать»; *құлупла-* «запирать на замок»; *оғутла-* «удобрять»; *ойла-* «думать»; *ө:лə-* «женить»; *пачахла-* «разбить на куски»; *ташла-* «бросать»; *тəк'лə-* «складывать»; *тəрбийлə-* «воспитывать»; *топла-* «собирать в кучу»; *ухла-* (<*уйқа*+*-ла*) «спать»; *ха:ла-* «хотеть, желать»; *хəтлə-* «писать»; *чишлə-* «кусать»; *шахла-* «ветвиться»; *шəйтəнлə-* «биться в припадке» и т. д.

[72] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, М., 1952, стр. 313—314.

[73] См.: Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования..., стр. 38 и далее.

От основ прилагательных и наречий: *мәйдәлә-* «мельчить»; *расла-* (*раст* «готовый, приготовленный») «приготовлять»; *сахла-* (*сақ* «невредимый, благополучный») «хранить, беречь»; *тәзәлә-* (*тәзә* ~ *таза* «чистый») «чистить»; *тәйарла-* «готовить, приготавливать»; *текизлә-* «ровнять, делать ровным»; *тезлә-* «ускориться».

Определенное количество глаголов на *-ла* образовано от основ образо- и звукоподражательных слов: *җараңла-* «звонить, производить звон» (*җараң* звукоподр.); *бигиллә-* (<*биг*+*-ил*+*-лә*) «издавать отрывистые, стучащие звуки» (*биг* звукоподр.); *җығылда-* (*җиғ*+*-ил*+*-да*) «ёкать» (*җиғ* образоподр.); *көрпүллә-* (<*көрп*+*-үл*+*-лә*) «быть нежным, пушистым, мягким»; *қар йағады көрпүллән* «снег падает крупными (мягкими и пушистыми) хлопьями» (*көрп* образоподр.); *липиллә-* (*лип*+*-ил*+*-лә*) «мерцать» (*лип* образоподр.); *палақла-* «хлопать, махать крыльями» (*палақ* звукоподр.); *пулаңла-* «болтаться» (*пулаң* образоподр.); *чичаңла-* «ёжиться и приплясывать, вилять, взбрыкивать» (*чичаң* образоподр.); *шапирла-* «грохаться» (*шапир* звукоподр.).

Следует сказать, что аффикс *-ла* в ферганском говоре, какой бы высокой продуктивностью он ни отличался, все же уступает соответствующему эквиваленту литературного языка и семиреченского говора. Так, например, в литературном уйгурском языке, как и в других литературных тюркских языках, можно встретить десятки и сотни новых глаголов на *-ла* с основами, заимствованными из русского языка и через него [74]. В изучаемом же говоре, судя по нашим записям, подобных новообразований пока нет.

В говоре малопродуктивными являются сложные аффиксы *-лан/-лән, -лаш/-ләш, -лат/-ләт,* которые восходят к сочетанию рассмотренного выше аффикса *-ла/-лә* с показателями возвратного (*-н*), взаимного (*-ш*) и понудительного (*-т*) залогов. В отличие от литературного языка, где эти аффиксы очень продуктивны в создании новых глаголов, в изучаемом говоре они сохраняются главным образом в составе слов, образованных в прошлом: *а:дәтлән-* «приобрести привычку, привыкнуть»; *авқатлан-* «принимать пищу»; *ə:злән-* «подавать заявление»; *раһатлан-* «получать удовольствие»; *һәсрәтлән-* «опечалиться»; *амаллаш-* (<*аман*+*-лаш*) «здороваться»; *вə:дилəш-* «условиться, договориться»; *гəплəш-* «разговаривать»; *йардəмləш-* «помогать»; *һəзилləш-* «шутить»; *чоғуллат-* «собрать, сгрудить; *хапалан-* «быть огорченным, огорчаться» и т. д.

[74] См.: Исенгалиева В. А. Тюркские глаголы с основами, заимствованными из русского языка. Алма-Ата, 1966, стр. 26—27.

Аффикс -а, -ə. Аффикс *-а* (после твердых основ), *-ə* (после мягких основ) относится к числу малопродуктивных формантов глаголообразования. Слов с этим аффиксом в говоре намного меньше, чем слов на *-ла*. Он присоединяется главным образом к основе имен существительных и прилагательных; например: *ата-* «называть, дать имя, именовать» (*ат* «имя, название»); *боша-* «освобождаться» (*бош* «свободный, пустой»); *җөнə-* «отправляться, направляться» (*җөн* «направление»); *йаша-* «жить, существовать» (*йаш* «возраст, лета»); *йоғна-* «становиться большим, увеличиваться» (*йоған* «большой»); *йоқа-* «теряться, пропадать, исчезать» (*йоқ* «нет, отсутствует»); *қийна-* «мучить, пытать» (*қийин* «трудный»); *ойна-* «играть» (*ойун* «игра»); *ота-* «полоть» (от «трава»). Как видно, значения глаголов на *-а* примерно такие же, что и глаголов с аффиксом *-ла*.

Аффикс *-а, -ə* в положении между морфемами (между основой и следующим аффиксом) по законам редукции и ассимиляции может деформироваться и перейти в узкие *ы, и, у, ү: атыдуқ* (<*ат*+*-а*+*-дуқ*) «мы назвали»; *җөнүсə* (<*җөн*+*-ə*+*-сə*) «если он отправится»; *ойнуған* (<*ойун*+ +*-а*+*-ған*) «игравший». При прибавлении данного аффикса к некоторым двусложным словам гласный второго слога основы редуцируется до нуля звука: *ойун — ойна-, қийин — қийна-, йоған — йоғна-*; ср. лит. *орун* «место» — *орна-* «помещаться, располагаться»; в языке байрамалинских уйгуров *жиғин* «собрание, сбор» — *жиғна-* «собирать». То же явление наблюдается почти во всех тюркских языках.

Аффикс -ай. Словообразовательная роль аффикса *-ай* (после твердых основ с конечным согласным), *-əй* (после мягких основ с конечным согласным), *-й* (после основ с конечным гласным) в данный момент ослаблена, хотя глаголы с этим формантом в говоре встречаются довольно часто. Присоединяется он преимущественно к прилагательным, наречиям, а также именам существительным: қарай- «чернеть, темнеть»; *кек'сий-* «стареть, стариться» (*кек'си* «старый, старик»); *азай-* «уменьшаться»; *көпəй-* «умножаться»; *кеңəй-* «расширяться»; *тарай-* «суживаться»; *сарғай-* (<*сарық*+*-ай*) «желтеть»; *күчəй-* «усиливаться»; *чоңай-* «становиться большим». В определенных фонетических условиях широкие гласные *а, ə* этого аффикса, так же как и *-ла, -а*, редуцируются в узкие гласные *ы, и, у, ү: азыйып* (<*аз*+*-ай*+*-ып*), *кеңийип* (<*кең*+*-əй*+*-ип*), *чоңүйүп* (>*чоң*+*-ай*+*-ып*), *күчүйүп* (<*күч*+*-əй*+*-ип*).

Ограниченное число глаголов образовано при помощи ряда ныне непродуктивных аффиксов. К ним относятся: *-ар/-əр, -р.* Данный аффикс образует глаголы преимущест-

венно от основ качественных прилагательных: *ақар-* «белеть»; *қисқар-* «укорачиваться, сокращаться»; *қызар-* «краснеть» (ср. корень данного слова *қыз* со словами *қызыл* «красный», *қызғуч* «красноватый»); *көкәр-* «синеть»; *тазар-* «чиститься»; *өзгәр-* «измениться»; *қайғур-* «печалиться, горевать»; *суғар-* «поливать» (*суғ ~ су* «вода»); ср. также: *қейқыр-* «кричать» (*қейқи* «крик»); *қичқыр* «кричать, петь» (о петухе) от *қичқи* «крик» [75].

Аффикс -ра/-рә. От подражательных слов при помощи этого аффикса образованы *һаңра-* «кричать, орать» (об осле). *һаң* звукоподр. крику осла; *мәрә-* «блеять», *мә* звукоподр. блеянию овцы, козы. *-ра* присоединяется к подражательным словам также через посредство аффикса *-қы*, с которым составляет единую форму *-қыра* (*-кирә, -қура, -күрә*): *ша:қыра-* «бурлить, клокотать» (о воде). Данный тип образования глаголов более продуктивен в литературном языке и семиреченском говоре: *ва:қыра-* (<*вар+-қы+-ра*) «кричать» (*вар* звукоподр.); *па:қыра-* (<*пар+-қы+-ра*) «блестеть, сверкать» (*пар* образоподр.); *гу:күрә-* (<*гур+-кү+-рә*) «гудеть» (*гур* звукоподр.); *чу:қура-* (<*чур+-қу+-ра*) «гомонить, кричать» (*чур* звукоподр.) и т. д.

Аффикс -ши. Посредством аффикса *-ши* образовано несколько глаголов от образо- и звукоподражательных слов, оканчивающихся на согласный *ң: валаңши-* «гудеть, грохотать» (о жерновах); *валаң*—звукоподр. грохоту, гулу; *пилаңши-* «болтаться, качаться, веять, развеваться», *пилаң* — образоподр. В литературном языке и семиреченском говоре вместо приведенных форм употребляются формы на *-ла: валаңла-, пулаңла-*. Ср. лит. и семир. *ваңши-~каңши-~ғиңши-* «визжать», (о собаке, щенке). Следует отметить, что в семантике глаголов на *-ши* легко обнаруживается оттенок многократности и продолжительности действия.

Аффикс -и. Данный формант встречается в составе следующих глаголов: *бейи-* (<*бай+-и*) «богатеть»; *тинчи-* «успокоиться, утихнуть, утихомириться»; *кеми-* (<*кәм+-и*) «уменьшаться».

Единичные глаголы образованы посредством следующих непродуктивных аффиксов:

-қар: башқар- (возможно и *башқур-*) «возглавлять»; *қышқар-* «звать, кричать»; ср.: *қичар* в том же значении;

-ық, -уқ: җимық- «успокоиться, утихомириться» от *җим* «тихо, спокойно»; *йолуқ* «встретиться, попадаться навстречу» от *йол* «дорога»;

[75] См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Указ. работа, стр. 264.

-чи: топчи- «слипаться, соединиться, примкнув друг к другу» от *топ* «куча»;

-чәй: чәкчәй- «пучиться» (о глазах), *чәк*, по-видимому, образоподражательное слово. Ср. лит. и семир. *мук'чәй-~~думчәй-* «горбиться», *чоқчай-* «быть торчащим»;

-ғур: җәмғур «собирать в одно место, копить, накапливать» от *җәм* «собранный»;

-са: усса- (<*су+-са*) «жаждать, хотеть пить».

Образование глаголов синтаксическим способом

Посредством синтаксического способа образуются составные глаголы, компоненты которых состоят из имени (существительного, реже прилагательного) и вспомогательного глагола.

Именная часть составного глагола обычно стоит в именительном падеже. Однако она часто может быть формой и другого какого-либо падежа (напр., неоформленного винительного), переставшего осознаваться таковым вследствие лексикализации. Что касается вспомогательного глагола, входящего в это сочетание, то он в основном потерял свое лексическое значение и выступает в качестве словообразующего элемента. В этом отношении вспомогательные глаголы значительно приближаются к аффиксам словообразования и в известной мере заменяют их (ср.: *ишлә-~иш қыл-* «работать»).

Основными вспомогательными глаголами говора, участвующими в образовании составных глаголов, являются:

Қыл- «делать, совершать действие». Выступая в служебной роли и сочетаясь с именами существительными (иногда и с прилагательными), он образует как переходные, так и непереходные глаголы. Именная часть данного сложного образования исторически восходит к форме винительного падежа (*хизмәтни қыл-*>*хизмәт қыл-* «служить»). Примеры: *вапа қыл-* «быть преданным, верным»,; *җапа қыл-* «причинять кому-либо мучения»; *җуда қыл-* «разлучать, лишать»; *бараны қыл-* «боронить»; *йәғәнә қыл-* «прореживать»; *малы қыл-* «размельчать комки вспаханного поля»; *назарәт қыл-* «наблюдать» и т. д. Тип продуктивный.

Бол- имеет самостоятельное лексическое значение «быть, стать, становиться». Выступает также в служебной роли и образует составные глаголы с непереходным значением. Примеры: *бай вол-* (<*бол-*) «богатеть»; *ғерип бол-* «чувствовать себя одиноким»; *леквидаси бол-* «ликвидироваться»; *қәрт бол-* «постареть»; *хурсән бол-~шат вол-* «радоваться»; *тах вол-* «быть готовым»; *тамам бол-* «кончаться, заканчивать-

ся», *пәс вол-* «быть низким, обратиться в ничтожество» и т. д. Тип продуктивный.

Ет- (в лит. и семир. *эт-*). В говоре, как и в литературном языке, данный глагол потерял конкретное лексическое значение и употребляется только в сочетании с другими словами. С участием этого глагола образованы *вәдә ет-* «обещать, дать обещание»; *тәвсийә ет-* «рекомендовать»; *үмүт ет-* «надеяться»; *үзүк ет-* «делать кольцо»; *текиз ет-* «ровнять, выравнивать, делать ровным» и т. д. Значения составных глаголов с *ет-* почти полностью совпадают со значениями глаголов с *қыл-*, чем и объясняется их частое параллельное употребление: *сәвир қыл-* ~ *сәвир ет-* «терпеть», *меһнәт қыл-* ~ *меһнәт ет-* «трудиться».

Бәр- ~ **бер-** «давать». Как словообразовательный элемент *бәр-* сочетается с существительным, стоящим в неоформленном винительном падеже, образовавшийся таким образом составной глагол превращается в единое лексическое целое. Примеры: *көңүл бәр-* «проявлять интерес, предаваться всем сердцем чему-либо»; *мәсләт бәр-* «дать совет, советовать»; *салам бер-* «приветствовать»; *сөз бәр-* «обещать»; *җавап бәр-* «ответить»; *хизмәт бәр-* «осудить, посадить в тюрьму» (на какой-л. срок).

Та:т- (<*тарт-*) «тянуть, тащить». Составные глаголы с *та:т-* также восходят к сочетанию прямого дополнения и глагольного сказуемого: *дәт та:т-* «страдать», ср.: *Дәрдиңни тола тарттим* (142) «Долго я страдал [от любви] к тебе». Примеры: *җапа та:т-* «мучиться»; *иза та:т-* «стыдиться, стесняться»; *зийан та:т-* «понести убыток» и т. д.

Кроме вышеприведенных в говоре имеются составные глаголы, у которых второй компонент, т. е. служебный глагол, встречается очень редко. К ним относятся, например, *әйлә-* «делать»; *хийал әйлә-* «думать, мечтать», *рәхм әйлә-* «проявить милосердие»; *йә-* «есть, кушать»; *ғәм йә-* «проявлять заботу, заботиться», *соғақ йә-* «мерзнуть, долго пробыть на морозе», *тайақ йә-* «быть побитым, получать побои»; *өри-* «отвернуть, повернуть в сторону»; *йүз өри-* «изменить, отказаться от слова, раздумать»; *тап-* «находить»; *пул тап-* «зарабатывать деньги», *җаза тап-* «быть наказанным»; *қой-* «класть, ставить»; *ат қой-* «нарекать, давать имя»; *көр-*, «видеть»; *йахши көр-* «любить», *йаман көр-* «ненавидеть»; *сал-* «класть, положить»; *йол сал-* «отправиться в путь», *йолға сал-* «отправить в путь», *қулақ сал-* «слушать»; *ал-* «брать, получать»; *қарғыш ал-* «быть проклятым», *дәм ал-* «отдыхать».

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

Отношение действия к грамматическому субъекту выражается залогом. В изучаемом говоре, как и в литературном языке, имеется пять залогов: 1) основной, 2) понудительный, 3) взаимный, 4) возвратный, 5) страдательный. Значения каждого из приведенных залогов идентичны известным в литературном языке.

Основной залог

Основной залог — это исходная (т. е. корневая, производная или сложная) форма глагола, от которой при помощи соответствующих аффиксов образуются другие залоги. Он морфологически характеризуется отсутствием специального показателя.

Глаголы в основном залоге делятся на переходные и непереходные, между которыми также нет морфологической разницы.

Понудительный залог

Понудительный залог образуется при помощи следующих аффиксов:

1. **-дыр** ~ **-дир, -дур** ~ **-дүр, -тыр** ~ **-тир, -тур** ~ **-түр.**

Это наиболее продуктивный и широкораспространенный аффикс, образующий форму понудительного залога от переходных и непереходных глаголов. В говоре параллельно употребляются его варианты как с негубными, так и с губными гласными, тогда как в литературном языке отсутствуют разновидности с *ы, и*. Таким образом, наличие и сравнительно частое употребление вариантов *-дыр* вместо литературного *-дур* составляет особенность ферганского говора и объясняется, по-видимому, влиянием узбекского языка. Примеры: *арылаштыр-* ~ *арылаштур-* «мешать, смешивать»; *кәлтир-* ~ *кәлтүр-* «позволять приходить, доставлять»; *йедир-* «заставить есть, кушать»; *синдир-* ~ *сундур-* «ломать, разбивать»; *күйдир-* ~ *көйдүр-* ~ *күйдүр-* «жечь, сжигать, прижигать»; *яндыр-* ~ *яндур-* «зажигать»; *тиндур-* «успокоить, дать успокоиться, дать отдохнуть»; *өлтүр-* ~ *өттир-* «умерщвлять, умертвить, убить»; *қалдур-* «оставлять»; *миндүр-* «сажать верхом».

Разбираемый аффикс присоединяется к основе слов в соответствии с законом сингармонизма. Исключение составляют случаи, когда к отдельным словам с конечным звонким *л* прибавляется вариант с начальным глухим *т: кәлтүр-, өл-*

түр-, толтур-, но *күлдүр-* «смешить, вызывать смех»; *қалдур-* «поставлять»; *болдур-* «квасить, заквашивать». То же в литературном языке и семиреченском говоре.

В говоре, как и в литературном языке, конечный *р* губных разновидностей этого аффикса часто выпадает, а узкий губной гласный, оказавшись в конце слова, расширяется и приобретает качество полуширокого *о* (<*у*) и *ө*(<*ү*): *йандур-*>*йандо-*, *қалдур-*>*қалдо-*, *көйдүр-*>*көйдө-* и т. д.

В отдельных случаях аффикс имеет форму *-дар, -дәр: -тар, -тәр: ағдар-* «переворачивать, опрокидывать»; *күйдәр-* (наряду с *көйдүр-, көйдир-, күйдүр-*) «жечь»; *толтар-* (наряду с *толтур-*) «наполнять».

2. **-т, -ит, -ут.** Данный аффикс присоединяется главным образом к основе непереходных глаголов, оканчивающихся на гласный, и образует переходные глаголы: *тохтат-* «останавливать, прекращать» *(тохта-* «останавливаться, задерживаться»); *шапирлат-* «шуршать, грохать» (*шапирла-* «производить грохот»); *йоқат-* «потерять, утратить» *(йоқа-* «потеряться»); *тинчит-* «успокоить, утихомирить» (*тинчи-* «успокоиться, утихнуть, утихомириться»); *жөнәт-* «отправлять, посылать» (*жөнә-* «отправиться»); *оқут-* «учить (грамоте), заставлять читать» (*оқы-* «учиться, читать»); *әчит-* «вызывать брожение, заквашивать» (*әчи-* «киснуть, сквашиваться»).

Аффикс *-т* может присоединяться также к дву- и многосложным глаголам, оканчивающимся на *й, р: сарғайт-* «сделать желтым» (*сарғай-* «желтеть»); *көпәйт-* «умножать, увеличивать количественно» (*көпәй-* «умножаться, увеличиваться количественно»); *ақарт-* «белить» (*ақар-* «белеть»).

В редких случаях аффикс *-т* прибавляется к глаголам, оканчивающимся и на другие согласные. При этом он выступает с начальным вставочным узким гласным: *темит-* «капать, лить по капле» (*там-* «капать»); *қорқут-* «пугать, устрашать» (*қорқ-* «бояться, страшиться»).

3. **-ар/-әр, -ир.** При помощи данного малопродуктивного аффикса от односложных непереходных глаголов, оканчивающихся на согласные *ч, ш,* реже *қ, т,* образованы следующие формы понудительного залога: *кетир-* «заставить удалиться, удалить» (*кет-* «удаляться»); *кечир-* «переживать, испытывать» *(кеч-*~*кәч-* «переходить вброд»); *ичир-* «заставлять пить, поить» (*ич-* «пить»); *қачир-* «дать возможность бежать» (*қач-* «бежать»); *өчир-* «гасить» (*өч-* «гаснуть»); *пишир-*~*пишар-* «варить» (*пиш-* «вариться»); *түшир-*~*түшәр-* «опускать, спускать» (*түш-* «спускаться, опускаться»); *чиқар-* «выводить» (*чиқ-* «выходить»); *қәйтәр-* «вернуть» (*қәйт-* «вернуться») и т. д.

Как видно из примеров, широкие и узкие варианты этого аффикса в некоторых словах употребляются параллельно (*пишир-*~*пишар-*). Следует еще отметить, что в литературном языке и семиреченском говоре вместо ферганского *-ир* выступают разновидности *-ур, -үр,* которые в результате выпадения конечного *р* произносятся как *о* или *у°* (<*-ур*), *ө* или *ү°* (<*-үр*): *қачо-*~*қачу°-* (<*қачур-*), *өчө-*~*өчү°* (<*өчүр-*).

Приведенная выше форма *кетир-* (<*кәт-*+*-ир*; лит. и семир. *кәткүз-*) является специфичной для ферганского говора.

4. **-ғуз/-гүз**~**-ғыз/-гиз, -қуз/-күз**~**-қыз/-киз.** В говоре формы залога с этим аффиксом немногочисленны. Губные и негубные разновидности его часто заменяют друг друга. Примеры: *өткүз-*~*өткиз-* «проводить» (*өт-* «проходить»); *тойғуз-* «насыщать» (*той-* «насыщаться»); *текиз-* (<*тәг-*+*-киз*) от *тәг-* «касаться, трогать»; *тұрғуз-* «поднимать» (*тур-* «стоять»); *барғыз-* «заставить отправиться» (*бар-* «отправиться»).

Данный формант в литературном языке и семиреченском говоре активен в образовании понудительного залога. Причем в них встречаются также разновидности с широкими гласными *а, ә: тұрғаз-* «поднимать»; *тойғаз-* «насыщать»; *жүргәз-* «заставить ходить»; *көргәз-* «показать»; ср.: *көргәзмә* (<*көр-*+*-гәз*+*-мә*) «выставка»; *тутқаз-* «дать, позволять держать»; *өткәз-* «проводить» (письменно-орфографические формы *тұрғуз-, тойғуз-, жүргүз-, көрсәт-* ср.: *көрсәтмә* «указание», *тутқуз-, өткуз-*).

В структуре лишь единичных слов обнаруживаются аффиксы понудительного залога в виде *-күр, -кәт: йеткүр-* (лит. и семир. *йәткүз-*) в выражении *Мурадимға йеткүр!* «Дай бог, чтобы исполнилось мое желание!»; *кө(р)кәт-* «показать». Первый из них имеет, очевидно, общую этимологию с рассмотренным выше формантом *-күз.* Здесь имеет место соответствие звуков *р*~*з,* закономерное для алтайских языков [76].

[76] См.: Дмитриев Н. К. Соответствие *р*~*з*. ИСГТЯ, I, стр. 325; Биишев А. Соответствие *р*~*з* в алтайских языках.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку. I. Алма-Ата, 1965, стр. 192.

Взаимный залог

Формы взаимного залога образуются прибавлением к основе глагола аффикса *-ш, -ыш/-иш, -уш/-үш*. Все эти варианты имеются в литературном языке и семиреченском говоре: *гирава:лаш-* «спорить, держать пари»; *һәзилләш-* «шутить друг с другом»; *қаш қақыш-* «делать знаки друг другу, подмигивая, поводя бровями» (о парне и девушке); *қой бақыш-* «вместе пасти овец»; *әшүлә әйтиш-* «совместно петь песню»; *уруш-* «драться, воевать»; *күлүш-* «совместно смеяться». Кроме того, в изучаемом говоре представлены разновидности этого аффикса с начальным широким гласным *а, ә — -аш/-әш*, употребляющиеся в качестве фонетических дублетов *-уш/-үш: көрәш-* (лит. и семир. *көруш-*) «видеться»; *соқаш-* (лит. и семир. *соқуш-*) «драться, воевать»; *көмәш-* (лит. и семир. *көмуш-*) «помочь закапывать»; *бөләш-~бөлүш-* (лит. и семир. *бөлүш-*) «делить между собой». Варианты *-аш/-әш* появились в результате действия, присущего данному, а также кашгарскому и яркендскому говорам, закона, согласно которому к основе слова с губным гласным присоединяются аффиксы с широким гласным (Ср.: *көзәм* вм. лит. *көзүм* «мой глаз»; *отан* вм. лит. *отун* «дрова»).

Обращают на себя внимание формы взаимного залога, образованные от глаголов *дә-~де-* «сказать, молвить», *йә-~йе-* «есть, кушать». Здесь аффикс присоединяется к основе через посредство среднеязычного согласного *й: дә-~де- — дейиш-, йә-~йе- — йейиш-* вместо ожидаемых *дәш-~деш-*; *йәш-~йеш-*; ср.: *қара-* «смотреть» — *қараш-*; *ишлә-* «работать» — *ишләш-*. Звук *й* является вставочным согласным, который встречается на стыке между корнем с окончанием на гласный и аффиксом, начинающимся на гласный [77].

Глаголы в форме взаимного залога выражают действие, которое совершается двумя или несколькими лицами взаимно, совместно: *махташ-* «хвалить друг друга»; *гәпләш-* «разговаривать»; *учраш-* «встречаться»; *чишләш-* «откусывать по очереди» (напр., яблоко).

В говоре, как и в литературном языке, определенное число глаголов с этим формантом употребляется в значении оказать помощь, помочь в осуществлении действия, обозначенного исходной основой [78]. Например: *Қарамуқум сечилип кетти, теришип пәсәңчо* (99) «Куколь моя рассыпалась, помоги собрать, пожалуйста»; *Гуручни абҗувазгә апаришип бә:дим* «Я помог [ему] доставить рис в рисорушку»; *йүкни көтәриш-* «помочь поднять груз».

Дальнейшим развитием значения взаимно-совместности является значение множественности, передаваемое при помощи описываемого аффикса. Эта особенность показателя взаимного залога в ферганском говоре проявляется гораздо больше и чаще, чем в литературном языке. В этой связи заслуживает внимание замечание В. М. Насилова, писавшего, что «трудящееся население Синьцзяна обычно для выражения множественности в сказуемом, соответствующем содержанию множественности в подлежащем, прибегает к взаимной форме основы глагола» [79]. Примеры: *Меһмаллә келишти* (лит. и семир. *кәлди*) «Гости пришли»; *«Рәхмәт!» — дейишип, бизгә рәхмәтна:мини бә:ди* (125) — «Спасибо! — сказали и вручили нам благодарственное письмо» (лит. и семир. *дәп*); *Чай ичишип оттур(ы)шыдо* «Они пьют чай» (лит. и семир. *ичип о:турыдо*).

Возвратный залог

Возвратный залог обозначает действие, совершаемое субъектом над самим собой или для себя. В говоре, как и в литературном языке, он образуется посредством аффикса *-н*, имеющего варианты *-ын/-ин, -ун/-үн*. Примеры: *кийин-* «одеваться»; *йувун-* «умываться»; *махтан-* «хвалиться»; *көрүн-* «показаться»; *һәҗәплән-* «удивляться»; *ойлан-* «задумываться»; *ө:лән-* (<*өй*+*-лә*+*-н*) «жениться»; *бошан-* «освобождаться»; *сүйән-* «прислоняться, опираться»; *илин-* «прицепиться, зацепиться».

С точки зрения распространенности и частоты употребления форма возвратного залога уступает форме понудительного. К тому же определенная группа глаголов с аффиксом *-н* по значению может рассматриваться и в рамках страдательного залога; например: *Йигит қолы байлансун қизләрниң сачи билән* (110) «Руки юноши пусть будут связаны косами девушек». Здесь *байлан-* «быть связанным» относится к страдательному залогу. Слово *тәйарлан-* в зависимости от того, кем совершается действие и к кому оно направлено, может явиться формой как возвратного, так и страдательного залогов. Так, в примере *Биз сәпәргә тәйарландик* «Мы готовились в поход» действие совершается

[77] См.: Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 121.

[78] См.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 189.

[79] Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 84.

самим субъектом и направлено на субъект же действия. Следовательно, здесь мы имеем дело с возвратным залогом. *Биздә йетти, сәккиз хил тамақ тәйарлинидо* (154) «У нас семь — восемь различных блюд готовится». В данном же примере *тәйарлан-* «обозначает действие, которое совершается грамматическим объектом и переходит на грамматический субъект» [80]. Следовательно, здесь мы имеем дело со страдательным залогом. При страдательном залоге грамматическое подлежащее (*авқат*) оказывается с логической стороны объектом, а грамматическое дополнение *биздә* — логическим субъектом [81].

Наоборот, значение возвратного залога иногда может передаваться с помощью аффикса *-л*, что является показателем страдательного залога (см. ниже): *туғул-* «родиться»; *айрил-* ~ *әйрил-* «отделяться, разлучаться»; *қайрил-* «загнуться, оборачиваться, повернуться» и т. д.

Встречаются глаголы, в которых аффикс возвратного залога неотделим от основы, т. е. основа без данного аффикса самостоятельно не употребляется: *охан-* (<*ойған-*) «просыпаться»; *ишән-* «верить»; *хапалан-* «огорчаться, печалиться» и т. д.

Страдательный залог

Страдательный залог указывает на то, что субъект подвергается действию со стороны другого лица. Форма страдательного залога образуется при помощи аффикса *-л, -ыл/-ил, -ул/-ул*. Примеры: *чапил-* «быть подрубленным»; *орал-* «быть завернутым, обвернутым»; *тәвсийә етил-* «быть рекомендованным»; *көмүл-* «быть зарытым, закопанным»; *таритил-* «быть распространенным», *йеңил-* «быть побежденным, потерпеть поражение»; *та'пил-* «быть найденным»; *бузул-* «быть испорченным, нарушенным»; *ечил-* «быть открытым, открываться»; *қойул-* «быть поставленным»; *қарал-* «подвергаться рассмотрению».

Подобно тому, как возвратный залог может образовываться аффиксом *-л*, так и страдательный залог часто образуется при помощи аффикса *-н*. В последней роли формант *-н* выступает преимущественно в составе основ, оканчивающихся на гласные или на согласный *л*. Таким образом, возвратный и страдательный залоги во многих случаях формально не дифференцированы и различаются друг от друга лишь по семантике. «Впрочем, в современном языке намечается тенденция к стиранию семантического различия между некоторыми формами страдательного и возвратного залога, которые постепенно сливаются в одну категорию возвратно-страдательного залога» [82]. Ср. примеры: *елин-* (<*ал-*+*-ын*) «быть взятым» и «взяться»; *бөлүн-* «быть разделенным» и «делиться»; *илин-* «прицепиться, зацепиться» и «быть зацепленным»; *тәзәлән-* «очищаться» и «быть очищенным»; *топлан-* «собираться в кучу» и «быть собранным в кучу».

В уйгурском языке, как и во всех тюркских языках, возможно сочетание двух, реже трех залоговых показателей при одном и том же глаголе. В изучаемом говоре наблюдаются следующие типы сочетаний залоговых аффиксов:

1. Взаимного и понудительного (*-иш*+*-тир*): *уруштур-* (<*ур-*+*-уш*+*-тир*) «ударять одно о другое, сводить для драки»; *суруштур-* (<*сур-*+*-уш*+*-тур*) «детально разбираться, расспрашивать, справляться»; *җайлаштир-* (<*җайла-*+*-ш*+*-тир*) «размещать, устраивать».

2. Понудительного и взаимного (*-тир* ~ *-киз* ~ *-т* ~ *-ар*+*-ш*): *қаздырыш-* (<*қаз-*+*-дыр*+*-ыш*) «помочь заставить копать»; *өткәзиш-* «помочь сдавать»; *җөнәтиш-* (<*җөнә-*+*-т*+*-иш*) «помочь отправлять»; *чиқириш-* (<*чиқ-*+*-ар*+*-иш*) «помочь выводить».

3. Понудительного и страдательного (*-киз* ~ *-тир* ~ *-т* ~ ~ *-ар*+*-л*): *өткүзүл-* (<*өт-*+*-күз*+*-үл*) «быть сданным»; *өлтирил-* (<*өл-*+*-тир*+*-ил*) «быть убитым»; *тохтатыл-* (<*тохта-*+*-т*+*-ыл*) «быть остановленным»; *өчүрил-* (<*өч-*+*-ур*+*-ил*) «быть потушенным».

4. Возвратного и понудительного (*-н*+*-дир*): *кийиндүр-* «одевать», *өйләнтир-* «женить».

5. Понудительного и понудительного (*-т*+*-киз* ~ *тир*): *ойнатқыз-* (<*ойна-*+*-т*+*-қыз*) «давать, позволять играть»; *көпәйтир-* (<*көпәй-*+*-т*+*-тир*) «заставить умножать».

6. Страдательного и понудительного (*-л*+*-дир*): *ечилдур-* (<*ач-*+*-ил*+*-дур*) «давать, позволять цвести, распускаться» (о цветах).

7. Страдательного и взаимного (*-л*+*-ш*): *йиғилиш-* (<*йиғ-*+*-ил*+*-иш*) «совместно собираться».

8. Возвратного и взаимного (*-н*+*-ш*). В данном сочетании аффикс взаимного залога указывает на множество лиц, совершающих то или иное действие: *улар йувунушти* (<*йув-*+*-ун*+*-уш*+*-ти*) «они умывались».

9. Понудительного, понудительного и взаимного (*-т*+

[80] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, стр. 346.
[81] Там же, стр. 346.
[82] Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, стр. 348.

+-қыз+-ш): *тәйарлатқызиш-* (<*тәйарла-+-т+-қыз+-иш*) «помочь заставить, заставить приготовлять».

О ВИДАХ ГЛАГОЛА

В ферганском говоре, как и в литературном языке, формы глагола с видовыми значениями образуются главным образом при помощи словосложения. Первый компонент видовой конструкции представляет собой деепричастие, выражающее основное лексическое значение, а второй компонент — вспомогательный глагол, который осложняет лексическое значение основного элемента различными оттенками, выражающими характер протекания действия (напр., мгновенность, динамичность, длительность, начинательность, повторяемость, многократность, направленность действия к говорящему или от говорящего, целеустремленность действия для субъекта или для объекта и т. д.).[83]

Вспомогательные глаголы, наиболее активные в образовании форм глагола с видовыми значениями, следующие: *ал-, әт-, бар-, бол-, жүр-, йат-, кәл-, кәт-, көр-, қал-, қара-, қой-, қыл-, олтар-, тур-, чиқ-, чүш-.*

1. **Ал-** «брать, взять». Вспомогательный глагол *ал-* выражает:

а) в сочетании с деепричастием на *-а, -ә, -й* возможность или невозможность совершения действия (примеры см. на стр. 183);

б) в сочетании с деепричастием на *-п* действие, совершаемое в интересах субъекта: *Пахтыны шу нойәбиргичи терива:сақ* (<*терип алсақ*), *ең кәтти йутуғымыз волыдо* (74) «Если уберем хлопок до ноября, значит, наша большая победа»; *Йеғим-чечимғы қоймастин жиғиштурувалсақ* (<*жиғиштуруп алсақ*), *ошы кәлхозчилиримиз үчүн кәтти йутуқ волудо* (74) «Если уберем хлопок до наступления ненастья, это для наших колхозников большая победа»; *Ойнавалили* (<*ойнап алили*), *еркиллик заман!* (88) «Повеселимся [вдоволь] в наше свободное время!».

Из примеров видно, что в процессе сложения основ происходят некоторые фонетические изменения: согласный *п* показателя деепричастия спирантизуется и чередуется с *в*, а конечный согласный *л* вспомогательного глагола иногда выпадает, создавая тем самым условие для образования долготы гласного: *чишләвал-* (<*чишләп ал-*) «укусить»; *сетива:сам* (<*сетип алсам*) «если я куплю [для себя]».

---

[83] Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 263.

2. **Көр-, бақ-, қара-** «видеть, смотреть». В качестве вспомогательных глаголов употребляются с деепричастием на *-п* и выражают пробу, попытку совершить данное действие. Из этих близких по значению слов *көр-* и *бақ-* продуктивны в образовании сложных глаголов, а *қара-* встречается редко: *өлүп бақ* «попробуй умереть»; *йәп бақ-~йәп көр-* «отведать, попробовать»; *барип көр* «попробуй сходить»; *йезип көрдим* «попробовал написать»; *ойлап қара* «подумай».

3. **Бәр-~бер-** «давать». Для данного глагола характерно следующее:

а) в сочетании с деепричастием на *-а, -ә, -й* обозначает продолжительность действия: *Йүрә:верип ча:чап қаптуқ* «Мы ходили, ходили и устали»; *Оттраверимизми?* «Долго ли мы будем сидеть?»; *Еттисигә нәбиттин кейин ошы жигитникиги бари:веридо тойға* (79) «Назавтра после обеда начинают приходить к этому жигиту на свадьбу». Здесь долгота звуков *а, ә* носит эмфатический характер и служит для подчеркивания длительности действия. Переход звуков по линии *б>в* (*бәр->вәр-~вер-*) — результат спирантизации. Кроме того, в литературном языке и семиреченском говоре показатели деепричастия *-а, -ә* редуцируются в *и: жүри:верип, отури:веримизму?* и т. д.;

б) в сочетании с деепричастием на *-п* обозначает, что действие совершается не для говорящего, а для другого лица: *оқуп бәр-* «прочитать» (кому-л.); *әшүлә әйтип бәр-* «спеть песню»; *әппә-* (<*алип бәр-*) «дать, подать»; *хотун әппә-* «женить».

4. **Қал-** «оставаться». В сочетании с основным глаголом в форме деепричастия на *-п* выражает внезапно законченное действие: *Машинә тохтап қалды* «Машина [вдруг] остановилась»; *Көруп қалди* «Он увидел»; *Ташкенги кетип қалдуқ* (159) «Мы уехали в Ташкент»; *Иккиму, үштүму балымиз әм қаза қып* (<*қылып*) *қалди* (159) «Умерли у нас также двое или трое детей».

5. **Бол-** «быть». В сочетании с деепричастием на *-п* выражает завершение, окончание действия: *Йамғу йеғип болди* «Дождь перестал»; *Пахта терилип болди* «Хлопок уже собран»; *Китапни оқуп болдум* «Я прочитал книгу».

6. **Кәт-~кет-** «уходить». В сочетании с деепричастием на *-п* выражает:

а) действие, направленное от субъекта: *Әнҗанға чүшүп кетти* (91) «В Андижан ушли» (досл. спустились); *Чарығымни ишт әпкетип* (<*алып кетип*), *җазамни таптым!* (134) «Чарыки мои собака стащила — вот наказанье мне!»; *Ташлап кәткән йа:риңға бина: қоймусаң немә?!* (109) «Любимого, которого оставила, зачем же еще заставлять страдать?!»;

б) действие, достигшее предела: *Уруш жиллири қийинчилиқ болуп кетти* (125) «В годы войны было трудно»;

Атамма өлүп кетти, «И отец мой умер,
Анамма өлүп кетти. И мать моя умерла.
Бир туққан қериндаштин На родственников
Үммәт айрилип кәтти (109) надежды не осталось»;

Әлги қазан қолыдин чүшәп, домулап кетипту, пачахлинип кетиптидә (83) «Казан этот выпал [у него] из рук, покатился и разбился на куски».

7. **Кәл-** ~ **кел-** «приходить». В сочетании с деепричастием на *-п* основного глагола выражает:

а) действие, направленное к субъекту: *Йирақ йолғә барип келиң, хәвәрини алип келиң... қанат қақип ойнап келиң* (87) «В дальний путь слетайте вы, весть о том принесите, прилетайте, весело крылом взмахивая»; *«Көрүп келдим Әнҗанне* (116) «Посмотрел я Андижан»;

б) действие, осуществляемое энергично: *Кирип кәлди* «Он [быстро] зашел»; *Өйдин чиқип кәлди* «Он вышел из дома»;

в) длительное действие, продолжающееся вплоть до настоящего времени: *әртилди ишләп келдик беш-алты жил повур волуп* (159) «Пять-шесть лет в артели работали поваром»; *Өзәм боссам һөкүмәтниңки күчүм йетиш(и)ичә қандай хизмити болса қилип кәлдим* (125) «Сам же по мере своих сил выполнял любую работу для государства».

8. **Бар-** «идти». В сочетании с деепричастием на *-п* основного глагола выражает:

а) действие, исходящее от субъекта в определенном направлении: *елип бар-* «принести, привезти [туда»]; *қачип бар-* «убежать [туда]»; *йүгрип бар-* «прибежать [туда]»;

б) непрерывно продолжающееся действие: *һөмрүң өтүп барыдо, Ладансән, хәвәриң йоқ* (107) «Жизнь твоя проходит, невежда ты, не ведаешь ни о чем».

9. **Әт-** ~ **ет-** «делать». В сочетании с деепричастием на *-п* выражает завершенность действия: *етивәт- (<атип әт-)* «застрелить»; *Хәтни йезивәттим* «Я написал письмо»; *Қушни қойувәтти* «Он отпустил птицу [на волю]».

10. **Қой-** «поставить, класть, положить». В сочетании с деепричастием на *-п* основного глагола обозначает:

а) действие, совершаемое энергично, решительно: *йәп қой-* «съесть, скушать»; *ичип қой-* «выпить»;

б) внезапное, неожиданное действие: *синдирип қойдум* «я [вдруг, неожиданно] разбил»; *ешитип қойди* «он услышал»;

в) действие, осуществление которого связано с неожиданностью, а также действие, совершаемое на всякий случай:

Қайрығач кесип қойдум,
Қу: риса қалармиз дәп.
Йәңги йар тутуп қойдум,
Бу: риса алармиз дәп. (101)

«Срубил я карагач,
Чтобы топить, если он высохнет.
Новую возлюбленную я нашел,
Чтобы жениться, если судит бог».

11. **Ташла-** «бросать». В сочетании с деепричастием на *-п* выражает действие, совершаемое стремительно, энергично: *қырып ташла-* «истребить»; *айақ-қолыны байлап ташла-* «связать кому-либо руки и ноги».

12. **Чиқ-** «выходить». В сочетании с деепричастием на *-п* выражает действие, законченное полностью: *текширип чиқ-* «проверить, обревизовать от начала до конца»; *п(и)ланни орунлап чиқ-* «полностью выполнить план», *оқуп чиқ-* «тщательно прочитать».

13. **Тур-** «стоять», **йат-** «лежать», **йүр-** «ходить», **олта(р)-** «сидеть» очень употребительны и выделяются в силу чрезвычайной широты и обобщенности их лексико-грамматического значения. Выступая в роли вспомогательных глаголов, они образуют сложную глагольную форму, которая выражает действие или состояние, происходящее в момент речи и осложненное оттенками длительности, протяженности, непрерывности и т. д. При этом всегда подразумевается незавершенность этого действия или состояния.

Тур- в сочетании с деепричастием на *-п* выражает:

а) действие, совершающееся непрерывно в пределах более короткого срока: *Шә: ргә машинә йүрүп турәди* «В город [постоянно] ходит машина»; *Дохтурләр кеп (<келип) турәди, деттомниң хожайинләри кеп турәди* (156) «Врачи приходили, хозяева детдома приходили»; *Да: йим тәләбимиз шуки, һөкумитимизгә да: (<дуа) қип турамиз* (125) «Всегда стремимся к тому, чтобы благодарить наше правительство»; *хәт алип турамиз* «получаем письмо»;

б) действие, совершаемое временно, на короткий срок: *оттурап то (<тур)* «посиди»; *ту: п (<туруп) то* «подожди, постой».

Йат- является показателем настоящего конкретного времени глагола, и он, можно сказать, уже грамматикализовался; в составе сложного глагола встречается в трех разновидностях:

1) в виде *ват-*, что совпадает с соответствующим литера-

турным эквивалентом (*келип йатиду>келив йатиду>келиватыдо* «идет»);

2) в виде *йат- (келə йатиду>келийатыду;* ср. каз. *келе жатыр);*

3) в виде *йап-~йəп-*, что является, по-видимому, заимствованным из узбекского языка *(келийəпти).*

Примеры: *Биринчи чапыхни өткузуватқан дəвирдə* (74) «Во время первой прополки»; *Бир ашниси атни минив өтəп кетиватқиникен* (83) «Один друг его проезжал верхом на лошади»; *Бу бүргү дарыны са:ғанда, бу бүргү өлмəййатыды* (97) «От этого порошка от блох блохи не дохнут»; *Асманғы қарап дуа қылийатқанмиш* (95) «Смотрят на небо и творят молитву»; *Биз əм сəвитниң тупрағыди йашийапмиз, нен(и)ни йə:пмиз* (124) «Мы ведь тоже на советской земле живем, хлеб ее едим».

Жүр-~йүр- в сочетании с деепричастием на *-п* выражает продолжительное действие: *Селподы повур волуп һазырғычылық ишлəп жүриймиз* (159) «В сельпо поваром и поныне работаем»; *Бир икки жил, үш жил Ташкендə савдигəрчилик қылып жүрдик* (159) «Года два-три в Ташкенте торговлей занимались».

Олта(р)- менее употребителен; в сочетании с деепричастием на *-п* выражает также длительное действие: *Дүкəн тоқув олтурсам...* «Когда я тку материю...».

Морфологический способ выражения видовых значений непродуктивен. В качестве аффиксов, выражающих характер протекания действия, выступают:

а) *-ла/-лə*, который интенсифицирует значение исходной основы: *марала-* «подглядывать, подсматривать»; *мара-* имеет то же значение, но действие немногократное; *қайла-* (<*қарала-*) «смотреть» (многократно); *севилə-* (<*сəпкилə-*) «моросить» *(сəп-* «брызгать»);

б) *-мсыра/-мсирə*, который ослабляет значение исходной основы: *йиғламсыра-* «чуть не заплакать»; *күлүмсирə-* «улыбаться»; *йетимсирə-* «сироте ть, быть тоскливо-одиноким».

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ ГЛАГОЛА

В говоре, как и в литературном языке, глаголы изменяются по категориям лица, наклонения, времени и числа.

КАТЕГОРИЯ ЛИЦА

Имеются две группы аффиксов, выражающих категорию лица.

Аффиксы лица первой группы, как и при именах, имеют полную форму и называются местоименными:

Единственное число	*Множественное число*
1-е л. *-мəн*	*-миз*
2-е л. *-сəн*	*-силə(р)*
вежл. *-сиз~-дила*	
3-е л. —	—

Показатели 1-го и 2-го лица единственного числа *-мəн, -сəн* иногда теряют конечный *н* и присоединяются к словам в виде *-мə, -сə: Сə: хели түзүк' кəнсə (<екəнсəн)* (79) «Ты должно быть, не промах»; *Қайтурув əйткəндə,* **қошулувалимə** (79) «Когда повторно поют — присоединяюсь».

Аффиксы лица второй группы являются краткими и по форме частично соответствуют аффиксам принадлежности. Поэтому они называются притяжательными:

Единственное число	*Множественное число*
1-е л. *-м*	*-қ, -к*
2-е л. *-ң*	*-ңла(р)*
вежл. *-ңиз~-сила, -силə*	
3-е л. —	—

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

В языке уйгуров Ферганской долины существуют следующие наклонения: изъявительное, повелительное, условное, желательное.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение в говоре имеет формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Каждое из этих времен, особенно прошедшее, в свою очередь, располагает разновидностями, которые отличаются друг от друга по форме и значению.

Настоящее время

Настоящее время имеет две формы: настоящее конкретное и настоящее будущее.

1. Настоящее конкретное время

Настоящее конкретное время образуется аналитически по схеме: основной глагол в форме деепричастия на *-п*+вспомо-

гательный глагол *йат-*, а также *тур-, жур-, олта(р)-* в форме деепричастия на *-а*+показатели лица первой группы *(ишлә-+-п+йат-+-а+мән > ишләватымән ~ ишлийатымән ~ ишлийәпмән)*. Это основное правило, по которому образуется форма настоящего конкретного времени изъявительного наклонения. Однако внутри этой формы допустимы фонетические варианты, свидетельствующие о смешанном характере данного говора.

Приведем парадигму спряжения глаголов в настоящем конкретном времени (*бар-* «пойти», *кәт-* «уходить», *оқы-* «читать», *ишлә-* «работать»):

Единственное число

1-е л. *бериватимән ~ барыйатымән ~ барыйапмән*
кетиватымән ~ кетийатымән ~ кетийәпмән
оқуватымән ~ оқуйатымән ~ оқуйапмән
ишләватымән ~ ишлийатымән ~ ишлийәпмән

2-е л. *бериватысән ~ барыйатысән ~ барыйапсән*
вежл. *бериватысыз ~ барыйатысыз ~ барыйапсыз*
кетиватысән ~ кетийатысән ~ кетийәпсән
вежл. *кетиватысыз ~ кетийатысыз ~ кетийәпсиз*
оқуватысән ~ оқуйатысән ~ оқыйапсән
вежл. *оқуватысыз ~ оқуйатысыз ~ оқыйапсиз*
ишләватысән ~ ишлийатысән ~ ишлийәпсән
вежл. *ишләватысыз ~ ишлийатысыз ~ ишлийәпсиз*
3-е л. *бериватыду° ~ берийатыды ~ берийапты*
кетиватиду° ~ кетийатыды ~ кетийапты
оқуватыду° ~ оқыйатыды ~ оқыйапты
ишләватыду° ~ ишлийатыды ~ ишлийәпти

Множественное число

1-е л. *бериватымыз ~ барыйатымыз ~ барыйапмыз*
кетиватымыз ~ кетийатымыз ~ кетийәпмыз
оқуватымыз ~ оқуйатымыз ~ оқуйапмыз
ишләватымыз ~ ишлийатымыз ~ ишлийәпмыз
2-е л. *бериватысылә(р) ~ барыйатысылә(р) ~ барыйапсылә(р)*
кетиватысылә(р) ~ кетийатысылә(р) ~ кетийәпсылә(р)
оқуватысылә(р) ~ оқуйатысылә(р) ~ оқуйапсылә(р)
ишләватысылә(р) ~ ишлийатысылә(р) ~ ишлийәпсылә(р)
3-е л. то же, что в единственном числе.

Единственное число

1-е л. *берип ~ барып*, *кетип*, *оқуп*, *ишләп* — *турымән ~ журимән ~ оттурымән*

2-е л. *берип ~ барып*, *кетип*, *оқуп*, *ишләп* — *турысән ~ журисән ~ оттурысән*; *турысыз ~ журисыз ~ оттурысыз*

3-е л. *берип ~ барып*, *кетип*, *оқуп*, *ишләп* — *турыду° ~ журиду° ~ оттурыду°*

Множественное число

1-е л. *берип ~ барып*, *кетип*, *оқуп*, *ишләп* — *турымыз ~ журимыз ~ оттурымыз*

2-е л. *берип ~ барып*, *кетип*, *оқуп*, *ишләп* — *турысылә(р) ~ журисылә(р) ~ ~ оттурысылә(р)*

3-е л. То же, что в единственном числе.

Отрицательная форма настоящего конкретного времени имеет две разновидности, которые по смыслу заметно отличаются друг от друга:

1) аффикс отрицания прибавляется непосредственно к основе смыслового глагола и тогда образуется форма конкретного времени с оттенком значения «в данный момент»;

2) аффикс отрицания прибавляется к вспомогательному глаголу и тогда образуется форма настоящего конкретного времени с оттенком значения «обычно, постоянно». Ср. примеры: *Мән бармайватымән* «Я не иду в данный момент» — *Мән бериватмаймән* «Я обычно не хожу»; *Биз бармай турымыз* «Мы не идем в данный момент» — *Биз берип турмаймыз* «Мы [постоянно, обычно] не ходим»; *У оқымай журиду°* «Он не учится» [в данный момент] — *У оқуп журмәйду* «Он

[обычно] не читает»; *Биз ишлимәй турымиз* «Мы пока [в данный момент] не работаем» — *Биз ишләп турмаймиз* «Мы [обычно] не работаем» (если работаем, то работаем не постоянно, а время от времени).

Вопросительная форма настоящего конкретного времени образуется при помощи вопросительной частицы *-му* (иногда *-ма, -ми*). В 1-ом лице как единственного, так и множественного числа частица *-му* употребляется после аффикса лица: *бериватимәнму?, кетиватимәнму?, оқыйатымизму?, ишләп йүримәнму?* и т. д.

Существенной особенностью говора является то, что параллельно с формой 1-го лица множественного лица *бериватимизму?, кетиватимизму?, берип туримизму?, оқуп жүримизму?* часто употребляется форма *бериватамдуқ? (<бар-+ +-ип йат-+-а+-му+-ду+-қ), кетиватамдуқ?, берип турамдуқ?, оқуп жүрәмдуқ?*

Во 2-м и 3-м лице допускаются дублетные формы:
бериватамсән? ~ бериватысәнму?
оқуватамсән? ~ оқуватысәнми?
бериватамсилә(р)? ~ бериватысилә(р)ми?
берип турамсән? ~ берип турысәмму?
ишләп жүрәмду° ~ ишләп жүридиму?
келип турамду°? ~ келип турадыму? и т. д.

Первые из них (*бериватамсән?...*) более употребительны и являются общеизвестными вариантами, тогда как вторые (*бериватысәмму?...*) отсутствуют в литературном языке.

2. Настоящее будущее время

Основой настоящего будущего времени глагола является деепричастная форма на *-а(-ә, -й)*, к которой присоединяются аффиксы лица первой группы:

Единственное число

1-е л. *барымән, кетимән, оқуймән, ишләймән*
2-е л. *барысән, кетисән, оқуйсән, ишләйсән.*
вежл. *барысиз, кетисиз, оқуйсиз, ишләйсиз*
3-е л. *барыду, кетиду, оқуйду, ишләйду.*

Множественное число

1-е л. *барымиз, кетимиз, оқуймиз, ишләймиз*
2-е л. *барысилә(р), кетисилә(р), оқуйсилә(р), ишләйсилә(р)*
3-е л. *бырыду, кетиду, оқуйду, ишләйду.*

Отрицательная форма образуется по общей схеме: *ба(р)-*

маймән, ба(р)майсән, ба(р)майду. Наряду с этим встречается фонетический вариант *бармиймән, бармийсән, бармийди*. Здесь *а, ә* переходят в *и* под палатализирующим влиянием среднеязычного *й*.

Вопросительная форма образуется так же, как и в настоящем конкретном времени (см. выше): *барымәнму? кетәмсән? ~ кетисәнму? оқумсән? ~ оқуйсәмму? ишләмду? ~ ишләйдиму? кетимизму? ~ кетәмдуқ? барымизду? ~ барамдуқ?*. Приведем пример, где одновременно представлены и отрицательная и вопросительная формы глагола настоящего будущего времени: *Бир келип көрмәйдимо? Һалиң нә дәп сормайдимо? Рәңги-ройумни көрүп, Рәхмиләриң кәлмәйдимо?* (139) «Не проведает ли меня? "Как здоровье?" — не спросит ли меня? Увидев лицо мое [грустное], Не сжалишься ли надо мной?»

В литературном языке *көрмәмду? (<көр-+-мә+-му+ +-ду), сорымамду?, кәлмәмду?*

Настоящее будущее время глагола обозначает:

1) действие или состояние, совершаемое постоянно, регулярно, обычно, т. е. такое действие или состояние, которое имело место до момента речи и продолжается в момент речи: *Биздә авалы күздә йә:ни һәйдәйду°. Шунән кейин калхозчилиримиз оғут җәмғурудо. Йә: қуруғуни туғандин кейин йә:ни текизләйдо* (73) «Землю у нас вначале пашут осенью. Потом наши колхозники собирают удобрения. Как только... земля начинает подсыхать, землю ровняют»;

2) действие, совершающееся в момент речи: *Су келәду липиллән, қар йағади көрпүләп* (110) «Вода идет (течет) волнами, снег идет пушистыми хлопьями»;

3) действие, которое произойдет в будущем: *Икки-үч күнән кейин уруқ сепәмиз, аннән су қойумиз* «Через два-три дня начинаем сеять, потом поливаем».

Настоящее-длительное время глагола, образующееся при помощи аффикса *-мақта/-мәктә (бармақта, ишлимәктә)* и часто употребляющееся в литературном языке, нехарактерно для ферганского говора.

Прошедшее время

1. Прошедшее категорическое время

Прошедшее категорическое время образуется от глагольной основы при помощи аффикса *-ды/-ди* (после гласных и звонких согласных), *-ты/-ти* (после глухих согласных). Данная форма спрягается аффиксами лица второй группы.

Аффикс прошедшего категорического времени в положе-

нии между лабиальной основой и аффиксом лица лабиализуется: *турдум* «я встал»; *көрдүм* «я видел»; *туттуқ* «мы держали»; *куттуң* «ты ждал».

Приведем парадигму спряжения глаголов в прошедшем категорическом времени.

Единственное число

1-е л. *ба(р)дым, кәттим, оқудум, ишлидим*
2-е л. *ба(р)дың, кәттиң, оқудуң, ишлидиң*
вежл. *ба(р)дыңиз ~ ба(р)дыла, кәттиңиз ~ кәттила, оқудыңиз ~ оқудыла, ишлидиңиз ~ ишлидила*
3-е л. *ба(р)ды, кәтти, оқуды, ишлиди.*

Множественное число

1-е л. *ба(р)дуқ, кәттик, оқудуқ, ишлидук*
2-е л. *ба(р)дыңла(р), кәттиңла(р), оқудуңла(р), ишлидиңла(р).*
3-е л. *ба(р)ды, кәтти , оқуды, ишлиди.*

Вежливая форма типа *ба(р)дила* вместо литературного *ба(р)диңиз* встречается также в некоторых районах распространения семиреченского говора (напр., в г. Панфилове).

В литературном языке аффикс прошедшего категорического времени в 1-м лице множественного числа стабилизировался, выступая только с заднерядным губным узким гласным *(-ду, -ту): алдуқ* «мы брали»; *кәттуқ* «мы ушли»; *кәлдуқ* «мы пришли»; *көрдуқ* «мы видели». Что касается изучаемого говора, то он здесь допускает вариативность: *алдуқ ~ алдик, кәттук ~ кәттик, кәлдуқ ~ кәлдик ~ келдук.*

Отрицательная форма прошедшего категорического времени образуется при помощи аффикса отрицания *-ма/-мә*, вставляемого между основой глагола и аффиксом *-ди, -ти;* при этом широкий гласный аффикса отрицания обычно редуцируется в *ы, и: бармыдым (<бар-+-ма+-ды+-м), кәтмидиң, оқумыды, ишлимидик.* Однако возможны варианты *бармәдим, оқумади, ишләмәдик* и т. д.

Вопросительная форма: *ба(р)дымму?, кәттиңизму? ~ ~ кәттилиму, оқудуңла(р)му?*

Прошедшее категорическое время выражает недавно законченное действие, в достоверности которого говорящий не сомневается: *Тирәктир қурсығы вадық (<бардуқ)* (76) «Мы пошли на курсы трактористов»; *Иштим, иштим, хам бозаңни, ту^{ф}тти көк'сумни* (99) «Пил, пил я твою недошедшую бузу, грудь мне [она] сдавила»; *Сәһәр вахтыда ғаз ушти, Мусапир шәһригә чүшти* (196) «Ранним утром гуси полетели, На город странников они сели».

2. Прошедшее перфектное (причастное) время

Прошедшее перфектное время образуется от причастия прошедшего времени на *-ған (-гән, -қан, -кән).* Спряжение осуществляется при помощи личных аффиксов первой группы:

Единственное число

1-е л. *ба(р)ғаммән, кәткәммән, оқуғаммән, ишлигәммән*
2-е л. *ба(р)ғансән, кәткәнсән, оқуғансән, ишлигәнсән*
вежл. *ба(р)ғансиз, кәткәнсиз, оқуғансиз, ишлигәнсиз*
3-е л. *ба(р)ған(дур), кәткән(дур), оқуған(дур), ишлигән(дур)*

Множественное число

1-е л. *ба(р)ғаммиз, кәткәммиз, оқуғаммиз, ишлигәммиз*
2-е л. *ба(р)ғансиләр, кәткәнсиләр, оқуғансиләр, ишлигәнсиләр*
3-е л. *ба(р)ған(дур), кәткән(дур), оқуған(дур), ишлигән(дур)*

Как видно, в 1-м лице единственного и множественного числа звук *н* аффикса *-ған* под регрессивным влиянием звука *м* аффикса лица ассимилируется им: *барғанмән > барғаммән, барғанмиз ~ барғаммиз.*

В связной речи при наличии подлежащего из личных местоимений *мән, сән, биз, силә(р)* глагол прошедшего перфектного времени обычно не оформляется показателями лица: *мән ба(р)ған, сән ба(р)ған, биз ба(р)ған, силә(р) ба(р)ған.*

Личный аффикс 1-го лица множественного числа *(-миз)* встречается также в виде *-биз.*

Отрицательная форма имеет три разновидности:

а) *бармығаммән, кәтмигәнсән, оқумығансиләр, ишлимигән;*
б) *барған әмәсмән, кәткән әмәсмән, оқуған әмәссиләр, ишлигән әмәс;*
в) *барғыным йоқ, кәткиниң йоқ, оқуғаныңлар йоқ, ишлигәни йоқ.*

Вопросительная форма: *барғаммымән?, барғаммысән?, барғамму? барғаммысиләр?* Допустимо также *барғаммәмму? барғансәмму? барғансиләрму?*

Форма глагола прошедшего перфектного времени обозначает действие, которое совершалось в неопределенном прошлом. Примеры: *Үзәм һәҗиги вамығаммән (<бар-+-ма+ +-ған+-мән). Бамайла мәшәдили Һажими: за воп қағаммән*

(78) «Сам я не совершил хаджа. Не совершая хаджа, прямо здесь я стал Хаджи-Мирзой»; *Йур дегәндә йүргәмбиз, Тур дегәндә турғаммиз. Ата-аныдин кечип, Жаһан кәшти боғамбиз* (100) «Когда говорили: иди — я шел, Когда говорили: встань — я вставал. Отрекшись от родителей, Странствовал я по [всему] миру».

3. Прошедшее повествовательное время

Прошедшее повествовательное время образуется от деепричастия на *-п*+частицы *-ту*~*-ты/-ти*. Данная форма прошедшего времени спрягается при помощи личных показателей первой группы.

Единственное число

1-е л. *бериптимән, кетиптимән, оқуптымән, ишләптимән*
2-е л. *берипсән, кетипсән, оқупсән, ишләпсән*
вежл. *берипсиз*~*берип(ти)ла, кетипсиз*~*кетип(ти)ла, оқупсиз*~*оқуп(ты)ла, ишләпсиз*~*ишләп(ти)ла*
3-е л. *берипту, кетипту, оқупту, ишләпту*

Множественное число

1-е л. *бериптимиз, кетиптимиз, оқуптымиз, ишләптимиз*
2-е л. *берипсилә(р), кетипсилә(р), оқупсилә(р), ишләпсилә(р)*
3-е л. *берипту, кетипту, оқупту, ишләпту*

Во 2-м лице как единственного, так и множественного числа элемент *-ты/-ти* вообще не употребляется *(берипсән, берипсиләр)*, а в 1-м лице он может иногда опускаться *(берипмән, берипмиз, бериптуқ)*, составляя тем самым особенность ферганского говора. Употребление *-ты/-ти* во второй разновидности вежливой формы также факультативно *(бериптила*~*берипла)*.

В виде *-ту* (иногда расширяется до *-то*) данная частица проявляет себя только в 3-м лице. Однако она в говоре, в отличие от литературного языка, часто выступает как *-ты/-ти*.

Отрицательная форма: *ба(р)маптимән, кәтмәптимән, оқумапсиз, ишлимәпту*.

Вопросительная форма: *бериптимәмму? кетиптимәмму? оқупсилә(р)му? ишләптиму?*.

Данная временная форма обозначает прошедшее когда-то действие, о совершении которого повествователь вспоминает или узнает потом, в момент речи. Примеры: *Әпәнди база:ғы верип, манты йәпти. Манты ширин тетип кетипто* (99) «Пришел Апанди на базар, поел манты. Очень они показались ему

вкусными»; *Шәйтан биттини әйтипто. Ахун биттини әйтипто. Шум билән Еркәштамғы ва:ғанда, Шәйтанны әшуллиси түгәп қапту* (80) «Шайтан спел одну. Ахун (т. е. кашгарец, уйгур) спел одну. Когда, таким образом, дошли они до Иркештама, кончились у Шайтана песни»; *Мән һәҗәп һәйран бопмән А:си дунйа:ни көруп. Ғәйридингә қыз берипту, Тәңги-тилла:ни көруп* (135) «Я очень был удивлен, Увидев грешный этот мир. Иноверцу девушек выдали, Увидев деньги, золото»; *Бизги шу отни сапла (<сал-+-ып+-ту+-лар), дәрдим ичимдә* (143) «Обожгли меня вы огнем любви, боль в сердце моем».

Форма прошедшего повествовательного времени с модальным значением образуется при помощи *екән: бериптикәммән (<бар-+-ип+-ту е-+-кән+-мән)* «оказывается, я ходил»; *бериптикәнсән* «оказывается, ты ходил» и т. д.

4. Давнопрошедшее время

Давнопрошедшее время образуется аналитически по схеме: основа глагола+аффикс причастия *-ған*+недостаточный глагол *е-*+аффикс прошедшего категорического *-ди*+аффиксы лица второй группы:

	Единственное число		*Множественное число*	
1-е л.	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*едим*	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*едуқ*~*едик*
2-е л.	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*едиң* *едиңиз*	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*едиңла(р)*
3-е л.	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*еди*	*ба(р)ған* *кәткән* *оқуған* *ишлигән*	*еди*

Отрицательная форма образуется тремя путями: а) *ба(р)мыған едим*, б) *ба(р)ған әмәс едим*, в) *барғыним йоқ еди*.

Вопросительная форма допускает варианты *ба(р)ғаммиди? (<барғанму еди)*~*ба(р)ған едиму?*

Форма давнопрошедшего времени в основном произносится слитно, при этом компоненты (чаще всего второй) этого

сложного целого подвергаются различным фонетическим изменениям: недостаточный глагол *е-* обычно редуцируется до нуля, а иногда переходит в *и-*: *барған еди* > *ба(р)ғаниди* > > *ба(р)ғанди*. В отдельных случаях начальный звонкий согласный аффикса *-ди* чередуется с глухим *т*: *ба(р)ғандим* > > *ба(р)ғантим*. Чередование *д* с *т* в данном фонетическом окружении (т. е. между сонорным согласным *н* и гласным) нехарактерно для литературного языка и семиреченского говора и вообще противоречит закону ассимиляции.

Данная временная форма обозначает действие, которое совершилось когда-то давно, а при наличии двух действий указывает на то, что обозначаемое этой формой действие совершилось раньше другого.

Причастие на *-ған* в сочетании с *екән* ~ *икән* (< *е-* + *-кән*) и *емиш* (< *е-* + *-миш*) образует формы прошедшего времени с модальными значениями: при помощи *екән* образуется модальная форма со значением результативности или узнавания о совершении действия из второго источника, а при помощи *емиш* — модальная форма со значением неправдоподобности сообщения о совершении действия [84]: *кәткән икәнсән* «ты, оказывается, ушел», *кәткән емиш* «он якобы ушел».

5. Предпрошедшее время

Деепричастие на *-п* является основой предпрошедшего времени, с которой сочетается недостаточный глагол *е-* в форме прошедшего категорического времени с соответствующими аффиксами лица второй группы:

Единственное число

1-е л. *бериведим, кетиведим, оқуведим, ишләведим*
2-е л. *бериведиң, кетиведиң, оқуведиң, ишләведиң*
вежл. *бериведиңиз* ~ *бериведила, кетиведиңиз* ~ *кетиведила, оқуведиңиз* ~ *оқуведила, ишләведиңиз* ~ *ишләведила*
3-е л. *бериведи, кетиведи, оқуведи, ишләведи.*

Множественное число

1-е л. *бериведик, кетиведик, оқуведик, ишләведик*
2-е л. *бериведиңла(р), кетиведиңла(р), оқуведиңла(р), ишләведиңла(р)*
3-е л. *бериведи, кетиведи, оқуведи, ишләведи.*

[84] См.: Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык, стр. 96.

Как видно, согласный *п* аффикса деепричастия постоянно сперантизуется (*п* > *в*).

Корневые широкие гласные *а, ә* под обратным влиянием узкого *и* переходят в *е*. То же в литературном языке. Однако в изучаемом говоре часто встречаются дублеты, в которых сохраняются эти гласные: *барыведим, барыведик.*

Отрицательная форма: *бармаведим, кәтмәведик, оқумаведиңла(р).*

Вопросительная форма: *барипмидим?* (< *барып* + *-му едим*) *кәтмәпмидик? оқупмапмидиңла(р)?*

Интересно отметить, что когда в говоре предпрошедшее время выступает одновременно и в отрицательной и в вопросительной формах, то показатель деепричастия *-п* иногда заменяется аффиксом причастия *-с*: *баммапмидим?* ~ *баммасмидим?* Например: *Баралин демәсмидуқ? Йаналин демәсмидуқ? Шәртимиз — қызыл алма, Чишләшип йемәсмидуқ?* (103) «Разве не договаривались мы сходить [вместе]? Разве не договаривались мы вернуться? Условие наше — красное яблоко, Разве не договаривались мы съесть [его] откусывая [по очереди?]».

В литературном языке: *демәпмидуқ, йемәпмидуқ.*

Данная временная форма выражает преимущественно такое действие, которое совершалось раньше другого. При этом последующее действие является как бы следствием, противопоставлением того, о чем сообщалось в предшествующем действии: *База: ғы келиведим, сени көрдим* «Пришел на базар и увидел тебя»; *Йамғу йағыведи, иш тохтап қалды* «Пошел дождь и работа приостановилась».

6. Многократное длительное прошедшее время

Многократное длительное прошедшее время имеет в основе причастную форму на *-р (-ар, -әр)*, к которой присоединяется недостаточный глагол *е-* в форме прошедшего категорического времени. Спряжение осуществляется при помощи личных аффиксов второй группы. В изучаемом говоре эта форма еще окончательно не стабилизировалась и находится на разных ступенях фономорфологического развития. Приведем примеры из говора и сопоставим их с соответствующими формами литературного языка: *Биз уйғур хәлқиниң өзини иштә: рдик авалдин* (125) «Мы об уйгурском народе слышали раньше»; *Йәләң мәшәни қәшқә: чилирне әйтәтти* (79) «[Они] пели беиты исключительно здешние, кашгарские». *Һәр аривигә төтидин* (< *төрттәдин*) *йигит чүшүтти* (79) «На каждую телегу садятся по четыре жигита»; *Бийә: ги кегичә тохтатмай әйтип келийтти* (79) «Не перестанут

петь до тех пор, пока сюда не доедут»; *Сапайини урғанда, һалқисини чиқириветитти* (79) «Так здорово играли на сапаях, что с них слетали кольца». В литературном языке: *ештәттуқ, ейтатти, чүшәтти, келәтти, чиқириветәтти* [85].

Отрицательная форма: *ба(р)мас еди ~ ба(р)майтти ~ ~ ба(р)матти, кәтмәс еди ~ кәтмәйтти ~ кәтмәтти.* Литературная форма: *ба(р)матти, кәтмәтти.* Примеры: *Бай туққанлиримиз боса һәм йардәм дегән нәрсә қиммасти* (<*қилмас еди*) (124) «Даже наши богатые родственники нам никакой помощи не оказывали»; *Әнҗанға бағычи тохтатмайтти* (79) «До самого Андижана не переставали» [петь и играть на сапаях].

Вопросительная форма: *бараттиму? ишләйттуқму? оқуйттиңму? кетәттиңла(р)му?*

Данная временная форма обозначает многократное длительное действие, происходившее в прошлом.

7. Прошедшее многократное время

Прошедшее многократное время образуется при помощи аффикса *-дыған*, присоединяемого к деепричастной основе на *-а*. Эта форма употребляется с аффиксами лица первой группы.

Единственное число

1-е л. *барыдығам(мән), кетидиғам(мән), оқуйдығам(мән), ишләйдиғам(мән)*
2-е л. *барыдыған(сән), кетидыған(сән), оқуйдыған(сән), ишләйдыған(сән)*
вежл. *барыдыған(сиз), кетидыған(сиз), оқуйдыған(сиз), ишләйдыған(сиз)*
3-е л. *барыдыған, кетидыған, оқуйдыған, ишләйдыған.*

Множественное число

1-е л. *барыдығам(миз), кетидығам(миз), оқуйдығам(миз), ишләйдығам(миз)*
2-е л. *барыдыған(силәр), кетидыған(силәр), оқуйдыған(силәр), ишләйдыған(силәр)*
3-е л. *барыдыған, кетидыған, оқуйдыған, ишләйдыған.*

[85] Наше мнение о происхождении показателя многократного длительного прошедшего времени *-атти, -әтти* в литературном языке изложено в статье «О некоторых свойствах сонорного *р*...». — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 74.

Употребление аффиксов лица факультативно: *Мән барыдығаммән ~ мән барыдыған.*

В говоре вместе с *-дыған* встречается и мягкая его разновидность *-дигән.* Это результат влияния узбекского языка: *барадигән, кетәдигән, оқыйдигән* и т. д.

Отрицательная форма: *бармайдығаммән, кәтмәйдығаммиз, ишлимәйдыған.*

Вопросительная форма: *барыдығамисиләр? кетидиғаммү? оқуйдығаммисиз?*

Прошедшее многократное время, кроме того, имеет более осложненную форму, которая образуется при помощи недостаточного глагола *е-* в форме прошедшего категорического времени с соответствующими аффиксами лица второй группы: *барыдыған едим, кетидыған единң, оқуйдыған едуқ, ишләйдыған единла(р).*

Та и другая формы этого времени обозначают действие, которое совершалось в прошлом многократно.

Будущее время

Будущее предположительное время

Данная временная форма образуется при помощи аффикса причастия будущего времени *-р(-ар, -әр, -ур, -үр);* спрягается аффиксами первой группы.

Единственное число

1-е л. *барармән, кетәрмән, оқармән, ишләрмән*
2-е л. *барарсән, кетәрсән, оқарсән, ишләрсән*
вежл. *барасиз, кетәрсиз, оқарсиз, ишләрсиз*
3-е л. *барар, кетәр, оқар, ишләр.*

Множественное число

1-е л. *барармиз, кетәрмиз, оқармиз, ишләрмиз*
2-е л. *бара(р)силә(р), кетә(р)силә(р), оқа(р)силә(р), ишлә(р)силә(р)*
3-е л. *барар, кетәр, оқар, ишләр.*

Более архаичными являются губные варианты аффикса причастия будущего времени, которые встречаются в устно-поэтических произведениях, в основном письменно-литературного (классического) происхождения:

Ашиқ сүйүнүр бала:ни көрсә,
Иштлар һүрүр гада:ни көрсә.

Көп налә қ ы л у р гүл йүзидин
Булбул йананни көрсә (147)

«Влюбленный умиляется, увидев дитя,
Собаки лают, увидев нищего.
Горьким плачем воспевает лицо розы
Соловей, увидев красавицу».

Бағ ара қойдум қәдәм,
Хәндан у р у р гүл, ғунчәләр.
Һәсрәтиңдә ж и ғ л а ш у р.
Бир нәччәйу йаш бәччәләр (140)

«В сад я вступил,
Улыбаются цветы, бутоны.
В тоске по тебе плачет
Не один (досл. несколько) мальчишка».

Отрицательная форма: *бармасмән, кәтмәсмән, оқумассилә(р), ишлимәс.*

Вопросительная форма: *барармәмму?, кетә(р)сәмму?, оқа(р)силә(р)му?, ишлә(р)му?*

Форма будущего предположительного времени обозначает:

1) действие, осуществление которого ожидается в будущем, при этом основному значению часто сопутствуют модальные оттенки предположительности, неуверенности, сомнения и т. д.: *Йиғлимаңла:, қарыкөз айим, барсақ, к е л ә р м и з, йансақ, с өй ә р м и з* (99) «Не плачьте, черноглазая красавица моя, если уедем — вернемся, если вернемся — будем любить»; *Қайрығач кесип қойдум, Қу:рыса қ а л а р м и з дәп. Йәңги йар тутуп қойдум, Бу:риса а л а р м и з дәп* (101), «Срубил я карагач, Чтобы топить, когда высохнет, Новую возлюбленную я нашел, Чтобы жениться, если судит бог»;

2) постоянное, регулярное, обычное действие, которое началось до этого, продолжается в данный момент и продолжится в будущем: *Йаман йолвас йолда йатур, шергә йол б ә р м ә с. Атысидин қарғыш алған илгәри к ә : м ә с* (99) «Если свирепый тигр на дороге ляжет, льву дороги не даст. Проклятый отцом своим счастья не увидит»; *Қыз балләргә й а р а ш у р Қәйрилип турған гәҗҗәк* (111) «Девушкам идут завитки волос на висках».

Интересно отметить, что в одном стихотворении классического происхождения, записанном нами в г. Джалал-Абаде у Садык-ахуна Гафурова, к форме времени на *-ар/-әр* прибавляется элемент *-ра;* причем этот элемент в составе данного глагола не несет ни смысловой, ни грамматической нагрузки. Приведем это стихотворение:

Бешәк, билгин бу дунйа: барчә әлдин ө т ә р р а.
Инәлмигил ма: лиңгә, бир күн қолдын к ә т ә р р а.
Ата-анаң, қериндаш қайан кетти, пикир қыл.
Төрт айақлық чибин ат бир күн саңа й ә т ә р р а.
Әһлу айал, қериндаш, һеч ким болмайду йолдаш.
Мәрданә бол ғерип баш, өмрүң йелдәк ө т ә р р а.
Дунйа үчүн ғәм йемә, һәқтин өзгини демә,
Киши малини йемә, сират өзрә т у т а р р а (148)
«Безусловно, знай, что этот мир после всех людей останется.
Не верь (не надейся) своему богатству, [оно] однажды от тебя (досл. из рук твоих) уйдет».
Родители (досл. отец и мать) твои, родня куда ушли, подумай.
Четырехногий конь (т. е. гроб) однажды достанется тебе.
Ни женщины, ни родственники, никто другом не будет.
Будь мужественным, странник, жизнь твоя, как ветер, пройдет.
О богатстве не беспокойся, ни о чем, кроме правды, не говори,
Чужим добром не пользуйся, на [мосту] "сират,, поймают».

Среди носителей семиреченского говора имеется сказка шутливого характера, которая начинается словами:

Көчәт тик'тим қатарра,
Өшкә келип ғажарра...
«Посадил я саженцы рядами,
Коза приходит и грызет их...»

Как видно, и здесь мы имеем тот же самый элемент *-ра.* Этимология и причина его употребления для нас пока остаются загадочными.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение имеет формы 2-го и 3-го лица обоих чисел. Что касается 1-го лица, то оно по значению относится к желательному наклонению (см. ниже).

2-е л и ц о

В единственном числе повелительное наклонение имеет следующие формы:

1. Основа глагола с нулевым показателем, т. е. без словоизменительных форм: *йүр* «иди», *йүргиз* «заставь идти», *җөнә* «отправляйся», *җөнәт* «отправляй».

2. Вежливая форма, образованная посредством аффикса *-ң, -ыңг/-иң, -уң/-үң*. То же в литературном языке: *йүрүң* «идите», *йүргүзүң* «заставьте идти», *җөнәң* «отправляйтесь», *җөнәтиң* «отправляйте».

3. Вежливая форма, образованная при помощи сложного аффикса *-сыла/-силә (<-сун+-лар~-ләр)*, который нехарактерен для литературного языка: *йүрсилә (<йүрсунләр), йүргүзсилә, җөнүсилә, җөнәтсилә*.

4. Повелительное наклонение 2-го лица единственного числа образуется также прибавлением к основе глагола аффикса *-ғын/-гин, -қын/-кин, -ғун/-гүн, -қун/-күн*. Эта форма по значению та же, что и категорический императив, но употребляется со слабым оттенком просьбы. Не имеет ни множественного числа, ни формы вежливости: *алғын* «бери», *кәлгин* «приходи», *ачқын* «открывай», *ичкин* «пей», *турғун* «вставай», *йүргүн* «иди», *тутқун* «держи», *күткүн* «жди».

Более архаичная форма — *-ғыл/-гил*. Здесь мы имеем *л~н:*

Инәлмигил ма: лиңгә, Бир күн қалдын кәтәрра. (148) «Не верь (не надейся) своему богатству, Оно однажды от тебя (досл. из рук твоих) уйдет».

Множественное число повелительного наклонения 2-го лица образуется посредством сложного аффикса *-ңла(р), -ыңла(р)/-иңла(р), -уңла(р)/-үңла(р): қараңла(р)* «смотрите», *туруңла(р)* «вставайте».

Аффикс множественности, вошедший в состав данного показателя, выступает только в твердом варианте: *Үнүңлар, өсүңлар! Өзәңлидин көпүйүңлар* (81) «Рождайтесь, умножайтесь! Сами собой умножайтесь!» Исключением являются случаи в изучаемом говоре, когда аффиксальный *ң* чередуется с среднеязычным *й*, и под его палатализирующим влиянием *а* переходит в *ә: келийлә* (<*келиңлар*) «проходите» (при встрече гостей)[86].

3-е лицо

Повелительное наклонение 3-го лица обоих чисел как в говоре, так и в литературном языке образуется при помощи аффикса *-сун*. Примеры: *Булбул келип сайрисун, Дәрткә дәрман әйлисун. Кимниң мәйли кимдә болса, Қойуп бериң, ойнусун* (111) «Пусть прилетит соловей и поет, Пусть исцелит тоску. Если кто кого полюбит, Пусть гуляют».

В говоре в отличие от литературного языка наряду с аффиксом *-сун* встречается его фонетический дублет *-син: Йа: рим ойғансин. Ләвлиридин чишлигән җайим из болуп қалсин* (120) «Пусть любимая проснется. От укуса моего на ее губах пусть след останется».

Приведем парадигму спряжения повелительного наклонения:

Единственное число

2-е л. *бар~барғын, кәт~кәткин, оқы~оқуғун, ишлә~ишлигин*
вежл. *бериң~ба(р)сила, кетиң~кетсилә, оқуң~оқусыла, ишләң~ишлисилә*
3-е л. *ба(р)сун, кәтсун, оқусун, ишлисун.*

Множественное число

2-е л. *бериңла(р), кетиңла(р), оқуңла(р), ишләңла(р)*
3-е л. *ба(р)сун, кәтсун, оқусун, ишлисун.*

Отрицательная форма: *ба(р)ма, кәтмәңла(р), оқумысун, ишлимигин.*

Вопросительная форма возможна лишь в 3-м лице: *ба(р)сунму? кәтсунму? оқусунму?*.

Условное наклонение

Условное наклонение образуется при помощи аффикса *-са/-сә*, прибавляемого к основе глагола. Спряжение осуществляется аффиксами лица второй группы.

Единственное число

1-е л. *ба(р)сам, кәтсәм, оқусам, ишлисәм*
2-е л. *ба(р)саң, кәтсәң, оқусаң, ишлисәң*
вежл. *ба(р)сыңыз~ба(р)сыла, кәтсиңиз~кәтсилә, оқусыңыз~оқусыла, ишлисиңиз~ишлисилә*
3-е л. *ба(р)са, кәтсә, оқуса, ишлисә.*

Множественное число

1-е л. *ба(р)сақ, кәтсәк, оқусақ, ишлисәк*
2-е л. *ба(р)саңла(р), кәтсәңла(р), оқусаңла(р), ишлисәңла(р)*
3-е л. *ба(р)са, кәтсә, оқуса, ишлисә.*

[86] Аналогичное явление характерно и для андижанского говора узбекского языка. См.: Ибрахимов С. Узбек тилининг Андижон шеваси, стр. 217.

Видно, что аффикс *-са/-сә*, оказавшись в середине слова и теряя ударение, редуцируется и проявляет себя как *-сы/-си: ба(р)сыңыз, кәтсилә.*

Отрицательная форма: *ба(р)мысам, кәтмисәң, оқумисаң, ишлимисә.*

Примеры: *Йигит киши бир милйан пули йоқылап қ а л с и йәм, йәни өзиниң қаллысы есәм (<есән) б о с а (<болса), у пулни тапываливеридү* (77) «Мужчина (досл. юноша, молодец), если у него исчезнет даже миллион денег, была бы цела у него голова, легко заработает эти деньги»; *К ү л а:с а ң л а, күмүш восун! Турпағ а: с а ң л а, алтун босун!* (81) «Если золу берете, пусть серебром окажется! Если землю берете, пусть золотом окажется!»; *Шу дәйридин қазанни тинч-аман ө т к ү з ү в а:с а м, бир қазан аш худайи!* (83) «Если через эту реку перенесу благополучно свой казан, один казан плова пожертвую!»; *Сән чәмәнниң гули б о л с а ң, Мән — чәмәнниң болбули* (87) «Если ты цветок лужайки, Я — лужайки соловей»; *К ә л с ә меһман, қ ы л с а хизмәт көп болур иһсаниңиз* (151) «Если придут гости и будете им служить, много добрых дел вы сделаете».

Примеры показывают, что наиболее характерный признак условного наклонения заключается в том, что форма на *-са/-сә* «предполагает наличие в данном предложении второго глагола, с которым она связана теснейшим образом. Суть дела в том и состоит, что здесь раскрывается обусловленность одного действия другим, н е о б х о д и м о с т ь связи между двумя действиями»[87]. С этой точки зрения не все глаголы на *-са/-сә* употребляются в значении условного наклонения. Эта форма очень часто выступает в качестве структурного элемента самых различных конструкций, теряя при этом условное значение [88]. Наряду со значением условного наклонения, она может употребляться для выражения:

а) желательного наклонения: *Йүсүп билән Зиләйха б о : с а киши. Қанат йасап һава:ға у с с а (<учса) киши!* (105) «Стать бы нам Юсуфом и Зулайхой, Сделать крылья и взлететь бы в небо!»;

б) повелительного наклонения: *Қарамоқум сечилип кетти, теришип п ә с ә ң ч о (<бәрсәңчу), Өпәй десәм, бойуң ночи, иңишип п ә с ә ң ч о* (99) «Куколь моя рассыпалась, помоги собрать, пожалуйста, Хочу поцеловать, ростом ты высока, нагнись, пожалуйста).

---

[87] Ю л д а ш е в А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958, стр. 175.

[88] См.: Б а с к а к о в Н. А. К вопросу о происхождении условной формы на *-са//-се* в тюркских языках. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому. М., 1953, стр. 35—63.

Желательное наклонение

Формы желательного наклонения, выражающие желание, намерение, образуются при помощи следующих аффиксов:

1. **-й, -ай/-әй** для первого лица ед. числа и **-йли, -айли/-әйли** для первого лица множественного числа: *барай, кетәй, оқуй, ишләй; барайли, кетәйли, оқуйли, ишләйли.* В литературном языке и семиреченском говоре то же, кроме *оқуй, оқуйли,* которые в качестве нормы приняты в виде *оқай, оқайли.*

Отрицательная форма: *ба(р)май, оқумай, ба(р)майли, оқумайли.*

Вопросительная форма: *барайму? оқуйму? барайлиму? оқуйлиму?* Узкий *у* вопросительной частицы в конечной позиции часто расширяется и проявляет себя как полуширокий *о (-му>-мо).* Примеры: *Қолуңға су қуйай* (150) «На руки, дай, полью воды тебе»; *Дидар көрүшәй дәп кәлдим* (145) «Повидаться с тобой я пришел); *Айваниңдә йатаймо?* (118) «На веранде ли твоей мне лежать?».

В изучаемом говоре помимо приведенных аффиксов наличествуют более архаичные их разновидности, которые сохранились главным образом в стихотворных произведениях как письменного, так и фольклорного происхождения.

Для единственного числа: *-йин, -айин/-әйин: Қары қаш, қәйрими қаш, Қашыңда бир йил ишләйин* (136) «Чернобровая, с бровями дугой, Около тебя год я [позволь] поработаю». *Өлтүрәйин дәмсән? Күйдүрәйин дәмсән? Бу бешимға йүз миң бала:ни Кәлтүрәйин дәмсән?* (142) «Хочешь убить? Хочешь сжечь? На мою голову сто тысяч бед Обрушить хочешь?»

Для множественного числа: а) *-йиик, -айиик/-әйиик;* б) *-йни, -айни/-әйни;* в) *-йлик, -айлик/-әйлик;* г) *-алин/-элин;* д) *-йнуң/-йнүң, -айнуң/-әйнүң.*

Примеры: *Һөкүмәткә ә:з йазайник* (124) «Правительству заявление напишем»; *Бомысам биз шу Қәшқә:дин чиққинимизни әйтәйни* (158) «Тогда мы расскажем, как из этого Кашгара ушли»; *Жүрүңлар, ортақ, ойнайлик, Дәрйа бой(и)ни бойлайлик. Бәлиқлигә ә:з әйтип, Биз худа:ға жиғлайлик!* (128) «Идемте, друзья, погуляем, Вдоль по реке пройдем! Пожалуемся (обратимся) рыбам, Перед богом душу выплачем!» *Бу көңүлни бир қылайнуң, Күймүсун мундақ йүрәк* «Соедините-ка наши души, Пусть наши сердца не страдают»; *Баралин демәсмидуқ? Йаналин демәсмидуқ?* (103) «Разве не договаривались мы сходить вместе? Разве не договаривались мы вернуться?»

Форма желательного наклонения на *-алин/-әлин* встречается очень редко.

2. **-ғай/-гәй, -қай/-кәй.** Этот древний аффикс почти во всех тюркских языках, в том числе и в современном уйгурском, перешел в разряд архаичных и пассивных формантов. Поэтому формы желательного наклонения на *-ғай* в говоре встречаются ограниченно. Приведем парадигму спряжения глаголов на *-ғай*.

Единственное число

1-е л. *ба(р)ғаймән, кәткәймән, оқуғаймән, ишлигәймән*
2-е л. *ба(р)ғайсән, кәткәйсән, оқуғайсән, ишлигәйсән*
вежл. *ба(р)ғайсиз, кәткәйсиз, оқуғайсиз, ишлигәйсиз*
3-е л. *ба(р)ғай, кәткәй, оқуғай, ишлигәй.*

Множественное число

1-е л. *ба(р)ғаймиз, кәткәймиз, оқуғаймиз, ишлигәймиз*
2-е л. *ба(р)ғайсилә(р), кәткәйсилә(р), оқуғайсилә(р), ишлигәйсилә(р)*
3-е л. *ба(р)ғай, кәткәй, оқуғай, ишлигәй.*

Отрицательная форма: *ба(р)мығаймән, кәтмигәйсиз, ишлимигәй.*

Вопросительная форма: *ба(р)ғаймәнму? кәткәйсизму? ишлигәйму?* Примеры: *Рәхм әйлигәйсән беча: риләргә... Баш қоймығаймиз аста: ниләргә* (85) «Пощади бедняжку... Как бы не пасть нам [им] в ноги» (досл. голову как бы нам не положить на порог); *Ки наумут қоймығайсән дәп, Улуқ дәргаһи дәп кәлдим* (145) «Чтобы надежду мою ты поддержал, В обитель великую твою я пришел».

3. **-махчи/-мәк'чи.** Форма желательного наклонения со значением намерения образуется при помощи сложного аффикса *-махчи* (<*-мақ* — аффикс имени действия, *-чи* — аффикс имени деятеля), присоединяемого к основе глагола. Спряжение осуществляется аффиксами лица первой группы:

Единственное число

1-е л. *бар(р)махчимән, кәтмәк'чимән, оқумахчимән, ишлимәк'чимән*
2-е л. *ба(р)махчисән, кәтмәк'чисән, оқумахчисән, ишлимәк'чисән*
вежл. *ба(р)махчисиз, кәтмәк'чисиз, оқумахчисиз, ишлимәк'чисиз*
3-е л. *ба(р)махчи, кәтмәк'чи, оқумахчи, ишлимәк'чи.*

Множественное число

1-е л. *ба(р)махчимиз, кәтмәк'чимиз, оқумахчимиз, ишлимәк'чимиз*
2-е л. *ба(р)махчисилә(р), кәтмәк'чисилә(р), оқумахчисилә(р), ишлимәк'чисилә(р)*
3-е л. *ба(р)махчи, кәтмәк'чи, оқумахчи, ишлимәк'чи.*

Аффиксальные *-қ (-мақчи)* и *к (-мәкчи)* в результате спирантизации соответственно перешли в *х* и *к'*: *-мақчи*>*-махчи, -мәкчи*>*мәк'чи.*

Отрицательная форма образуется с помощью вспомогательного глагола *әмәс*, к которому прибавляются аффиксы лица: *ба(р)махчи әмәсмән, кәтмәк'чи әмәсмән.*

Вопросительная форма в 1-м и 3-м лице единственного и множественного числа: *ба(р)махчимәмму? кәтмәк'чимизму? ба(р)махчиму? кәтмәк'чиму?* А во 2-м лице *ба(р)мақчимисән?* ~ *ба(р)махчисәмму? кәтмәк'чимисилә(р)* ~ *кәтмәк'чисилә(р)му?* Примеры: *Бир күни Әпәнди база: ға баммахчи болуп, сәһә: кетийәткән һаләттә...* (95) «Однажды, когда Апанди, желая сходить на базар, шел рано утром...»; *Бақчы кирмәк'чи болдуқ, Чилги үзмәк'чи болдуқ.* (112) «На бахчу (досл. в сад) решили мы зайти, Сорвать дыню-скороспелку мы решили»; *Биз шундақ тәйа: лық көрмәк'чимиз* (124) «Мы вот так готовимся (намерены готовиться)».

4. В говоре, как и в литературном языке, имя действия на **-ғу/-ғү, -қу/-кү**, принимая соответствующие аффиксы принадлежности, в сочетании с вспомогательным глаголом *кәл-*, а также со словами *ба(р)* «есть, имеется» (в положительном аспекте) и *йоқ* «нет, отсутствует» (в отрицательном аспекте) выражает намерение или желание действующего лица [89]: *сатқум кәлди* «мне хотелось продать», *сатқум кәлмиди* «мне не хотелось продать», *сатқуң кәлди* «тебе хотелось продать», *сатқуңла(р) кәлди* «вам хотелось продать», *сатқум бар* «я намерен продать», *сатқуси йоқ* «он не намерен продать, ему не хочется продать» и т. д.

Узкие губные гласные *у, ү* аффикса имени действия часто чередуются с негубными *ы, и*, в результате чего этот аффикс встречается в виде *-ғы/-ғи, -қы/-ки: ба(р)ғым келиду* «мне хочется пойти»; *қачқыси кә(л)мәйти* «ему тогда не хотелось бежать»; *чай ишким бар* «у меня есть желание пить чай»; *киргиңла(р) йоқ* «нет у вас желания войти».

---

[89] См.: Мелиев К. Имена действия в современном уйгурском языке. М., 1964, стр. 29; его же. Ҳозирги туркий тилларда ҳаракат номлари. Тошкент, 1969, стр. 104 и далее.

В современном общенародном уйгурском языке имя действия на *-ғу* (с вариантами) самостоятельно (в виде *барғу, кәткү, оқуғу, ишлиғу* и т. д.) не употребляется. Однако данный аффикс, изолировавшись, служит одним из малопродуктивных формантов имен существительных с абстрактным и конкретным значениями.

5. Имя действия на *-мақ/-мәк*, осложненное аффиксом дательно-направительного падежа (*-мақ̈қа/-мәккә*), также выражает намерение, желание: *Кәтмәккә хийал әйләп, Сәмән билән йол салдуқ* (102) «Задумав (намереваясь) уехать, Путь держали мы через Сямян»; *Бир көрмәккә зар болдуқ* (103) «Истосковались мы в ожидании увидеть хоть раз».

Имя действия на *-мақ* в сочетании со словом *керәк* «нужно, надо» выражает необходимость совершения действия: *Чайни мисқалини миң тәңгигә бәрсә, алип ишмәк керәк. Чай әгәр та°пилмәсә, Ба°җин қарап кәтмәк керәк* (92) «Если золотник чая дают за тысячу рублей, нужно брать и пить. Если чая нет (досл. не находится), даже в Пекин нужно идти [за ним]».

О том, что условная форма на *-са/-сә* вместе с условием выражает также желание, сказано выше (см. «Условное наклонение»). Поэтому здесь ограничимся примером: *Асмандики йултуз болсам, Жаһан-а:ләмни көрсәм! Чәйнәк'тики чай буса* (<*болса*) *Пийаләңдә ойниса!* (107) «Быть бы мне звездой на небе, Весь мир-вселенную бы увидеть! Быть бы чаем в чайнике, Играть бы в твоей пиале!»

ПРИЧАСТИЕ

Причастие обладает признаками как глагола, так и имени прилагательного. Оно, с одной стороны, обозначает действие предмета, имеет формы аспекта, залога, времени, в предложении выполняет функцию сказуемого, выражая тем самым законченность действия; а с другой стороны, обозначает признак предмета и выступает в качестве определения. Среди неличных форм глагола причастия отличаются наибольшей склонностью к субстантивации.

В ферганском говоре, как и в литературном языке, имеются причастия а) прошедшего, б) будущего и в) настоящего времени.

Причастие прошедшего времени образуется при помощи высокопродуктивного аффикса *-ған/-гән, -қан/-кән*. Присоединение этого аффикса к основе глагола осуществляется в основном в соответствии с законом сингармонизма: *йазған* «писавший», *кәлгән* «приходивший», *йатқан* «лежавший», *өткән* «проходивший». Вместе с тем в говоре наблюдаются

отклонения от этого закона: к твердой основе иногда присоединяется мягкий вариант разбираемого аффикса, что объясняется влиянием несингармонического узбекского языка: *тургән* «стоящий», *бо(л)ғән* «бывший», *тапкән* «нашедший».

Редукция аффиксальных широких гласных по линии *а*>*ы*∼*у, ә*>*и*∼*ү* в говоре осуществляется непоследовательно. Ср. примеры: *Чақырғаным ашкара* (90) «Ясно, что я зову», в лит. *чақирғиним; Қашиң әсли қарадур, Осму қ о й ғ а н и ң йалған. Мән күйсәм, саңа күйдум, Сениң к ү й г ә н и ң йалған.* (103) «Брови твои вообще черные, Неправда, что покрасила их усмой. Я влюбился, влюбился в тебя! Что ты влюбилась [в меня] — неправда!» В лит. *қойғунуң, көйгүнүң. Бир икки-үш күн бо:ғыникәндә* (<*болған екәндә*) *туғулғунумға* (<*туғулғанимға*) (78) «Прошло всего два-три дня, как я родился». *Бий қоғунни йегинтүк* (<*йегән едүк*), *төрт кишине тойғузап, йәни қа:ғинини* (<*қалғанини*) *ә:тисиги йәптүқ* (82) «Одну дыню мы ели, четыре человека насытились, остальное потом назавтра доели».

Таким образом, аффикс причастия прошедшего времени в результате редукции может деформироваться, и тогда он реализуется в следующих вариантах: *-ғын/-гин, -қын/-кин, -ғун/-гүн, -қун/-күн.*

Причастие на *-ған* имеет три формы отрицания:

а) отрицательная форма, образованная при помощи аффикса отрицания *-ма/-мә: сатмыған* «не продавший», *йүгүрмигән* «не бежавший»;

б) отрицательная форма, образованная при помощи отрицательной частицы *әмәс∼емәс: сатқан әмәс, йүгүргән әмәс;*

в) отрицательная форма, образованная при помощи слова *йоқ;* при этом причастие на *-ған* обычно оформляется аффиксом принадлежности: *сатқаным йоқ, сатқаның йоқ, сатқаны йоқ, йүгүргәним йоқ, йүгүргәниң йоқ, йүгүргәни йоқ* и т. д.

Форма причастия на *-ған* выступает в двух функциях:

1) в функции сказуемого: *Мән Илиға чиққанда, Алтынч айде, розыде* (152) «Когда я в Или прибыл, был шестой месяц, была ураза», *Ошу төр ағайнидин тарқап кәткән* (81) «От этих четырех братьев пошли (распространились)»;

2) в функции определения: *Алла йаратқан бәндимән* (89) «Аллахом созданный я раб божий»; *Көймигән йа:ни сүймигән йахши* (91) «Возлюбленную, которая не любит, лучше не целовать»; *Мингән атим, кийгән тоным сениң дө:ләтиң* (106) «Конем, на котором я езжу, одеждой, которую надеваю, тебе я обязан».

Субстантивированные причастия на *-ған* могут выступать:

а) в функции подлежащего: *Су әпкә:гән—ха:ри-зар, Көзәни синдирған — әзиз* (104) «Тот, кто воду носил — уни-

жен, оскорблен, Кто разбил кувшин — мил»; *Қәс қийғанлар пәс восун!* (81) «Кто зло творит, тот пусть обратится в ничтожество!»;

б) в функции дополнения: *Имлағәнни билмәйсиз* (90) «Знаки вы не понимаете»;

в) в функции обстоятельства: *дадаң базар кәткәнидә...* (104) «когда твой отец уйдет на базар...»; *Қызылгүл ечилғанда бағрым тоймиди йа:ға* (150) «Когда распустились розы, сердце мое не насытилось любимой».

Причастие будущего времени образуется с помощью аффикса *-р, -ар/-әр~-ур/-үр*. Отрицательная форма — *-(ма)с/-(мә)с*. Форма глагола на *-р*, как известно, служит также основой будущего предположительного времени.

В говоре, как и в литературном языке, причастие на *-р* употребляется в основном в двух функциях:

1) в функции сказуемого: *Ер йигиткә мал битүр, өлгән кетүр* (77) «К настоящему мужчине богатство льнет само, умерший же не вернется» (досл. уйдет). См. еще примеры в разделе «Будущее предположительное время»;

2) в функции определения: *Болар-болмас йар үчүн болдум һәләк* (134) «Из-за какой-то нестоящей возлюбленной попал в беду». Форма на *-р* в роли определения выступает сравнительно реже, чем на *-ған*.

Следует отметить, что в говоре между негубными и губными вариантами аффикса причастия будущего времени наблюдается в известной степени дифференциация функционального характера: формы, образованные губными вариантами данного аффикса *(-ур/-үр)*, выступают только в функции сказуемого; что касается причастия с негубными вариантами *(-р, -ар/-әр)*, то они могут в одинаковой степени употребляться и в роли сказуемого, и в роли определения.

Субстантивированные причастия на *-р* в говоре встречаются редко, например в частушке *Туғмасларгә той келүр, Чөҗә хорас мәкийән билән* (104) «Праздник к нерожающим идет, [Идет] молодой петух с курочкой».

Причастие настоящего времени образуется посредством аффикса *-дыған~-дигән* (<*турған*), присоединяемого к форме деепричастия на *-а/-ә, -й*. Причастие на *-дыған* — одна из часто встречающихся в говоре грамматических форм. Оно, как мы уже видели, активно участвует в образовании прошедшего многократного времени (см. выше) и в предложении выполняет функцию сказуемого: *Сән бизникидә келидығансән* «Ты часто приходил к нам»; *У әшүлә әйтишни йахши көрудиған еди* «Он любил петь песню».

Приведем примеры, в которых форма на *-дыған* употребляется в функции определения: *Шу арыда су кел(и)диған*

әрихләрни чапидо (73) «Тем временем роют арыки, по которым пойдет вода»; *Текизләп болғандин кейин тирәк'тирлиримиз һәйдайдыған йәрни һәйдәйди, һәйдимайдыған бәзи бир йумшақ йә:лини бараны қылыды* (73) «Когда заканчивают выравнивать, наши трактора пашут землю, которую нужно вспахать, а некоторые рыхлые [участки] земли, которые не нужно вспахивать, боронуют».

Наряду с *-дыған* в говоре встречается вариант *-дигән*, присоединяющийся как к твердой, так и мягкой основе: *қарайдигән* «смотрящий», *йазадигән* «пишущий», *тикәдигән* «шьющий». Эта разновидность находит себе соответствие в узбекском языке. На его заимствованный характер указывает также то, что здесь сохранил свое качество аффикс деепричастия *-а, -ә* (в лит. и семир. *а*>*ы, ә*>*и: йазыдыған, тикидиған*).

Причастие настоящего времени образуется посредством аффикса *-увчи/-үвчи, -вчи* (имеются также дублетные формы *-ғучи/-ғүчи, -қучи/-күчи*). Однако в этой роли данный аффикс уже не продуктивен. В современном общенародном уйгурском языке слова на *-ғучи*, можно сказать, изолировались от причастий, превратившись в имена существительные со значением действующего лица (о чем см. в разделе «Словообразование имен существительных»).

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Категория деепричастия в ферганском говоре по значению и функции не имеет особых отличий от соответствующей категории литературного языка. Как неличные формы глагола, деепричастия образуются при помощи специальных аффиксов и обозначают второстепенное действие, служащее признаком другого действия.

В ферганском говоре имеются следующие аффиксы, образующие деепричастие:

-п, -ып/-ип, -уп/-үп~-ап/-эп. Форма деепричастия на *-п* является весьма употребительной и обозначает главным образом завершенное действие, предшествующее основному действию. Поэтому она в тюркологической литературе часто носит название «деепричастие прошедшего времени».

Формант *-п* в определенных условиях может подвергаться различным фонетическим изменениям:

а) в говоре, как и в литературном языке, *п* перед гласным спирантизуется и чередуется с *в : өткүзувал-* (<*өткүзүп ал-*) «перенести», *қойувәт-* (<*қойуп әт-*) «выпустить, отпустить», *ештиведим* (<*ештип едим*) «я слышал когда-то»;

б) наряду с губными вариантами *-уп/-үп* на правах фонетических дублетов выступают формы с широкими гласными *-ап/-әп*, что сближает изучаемый говор с кашгарским: *көрүп ~ көрәп* «увидев», *оттуруп ~ оттурап* «сидя», *қопуп ~ қопап* «вставши». Например: *Кегин өтәп кетипто* (83) «Потом он перешел»; *Әлги қазан қолыдин чүшәп, домулап кетипту* (83) «Казан этот выпал [у него] из рук, покатился»; *хапы волап* (157) «огорчившись»;

в) иногда, главным образом в экспрессивно-эмоциональной речи, узкие гласные аффикса расширяются по линии *у>о, ү>ө, ы ~ и>е: Оттуз бәшинчи жили о қ о п, отуз алтынчи жили баһарда инвирсал алып чихтим* (76) «В тридцать пятом году учился, тридцать шестом году, весной, получил [трактор] „универсал"»; *төːт ағайни ч и қ е п..., ошу төр ағайнидин тарқап кәткән уйғур икән бу* (81) «Пришли (досл. вышли) четыре брата, и от этих четырех братьев [говорят] пошли эти уйгуры».

Отрицательная форма деепричастия на *-п* образуется по общему правилу: *кәтмәпту* (<*кәт-+-мә+-п+-ту*) «он не ушел». В самостоятельном употреблении эта форма заменяется формой деепричастия на *-й: кетип* «уходя» — *кәтмәй* (т. е. в форме *кәтмәп* не употребляется).

-а/-ә, -й. Деепричастия, образованные посредством аффикса *-а*, по частоте употребления стоят на втором месте после деепричастий на *-п*. Форма на *-а* выражает действие, совершающееся одновременно с действием определяемого глагола. Поэтому она многими авторами рассматривается как деепричастие настоящего времени.

В современном уйгурском языке деепричастие на *-а* в положительной форме самостоятельно почти не употребляется. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в наших диалектных записях из Ферганской долины встречаются единичные примеры, и то преимущественно в стихотворных произведениях фольклора, где деепричастие на *-а* функционирует в «чистом» виде. Например: *Иштийақни т а р т ы т а р т у* (<*тарта-тарта*) *Мәндә дәрман қалмиде* (144) «Все страдал и страдал [я] от любви, Не стало сил у меня». Те немногочисленные формы на *-а*, которые наличествуют в изучаемом говоре как самостоятельные лексические единицы, лишь исторически восходят к соответствующим деепричастиям, в настоящее же время они выступают в значении наречий: *бара-бара* «постепенно», *өтә* «очень».

Отрицательная форма: *ба(р)май, кәтмәй, оқумай, ишлимәй*. Следует отметить, что отрицательная форма в отличие от положительной вполне может употребляться самостоятельно, при этом сохраняется ее грамматическое значение

(т. е. значение деепричастия); *Ек'мәй-тик'мәй пишрипту қош һәндәләк!* (134) «Не сажала, не сеяла — вырастила [она] пару дынь!».

Показатели деепричастий *-а/-ә* принимают активное участие в образовании как простых, так и сложных глагольных форм с видовыми, временными и другими значениями, о которых мы уже говорили. В составе большинства этих глагольных образований аффикс *-а/-ә* обычно редуцируется и реализуется в виде *-ы/-и, -у/-ү: малы қылыдо* (<*қыл-+-ә+-ду*), *малы васыдо* (<*бас-+-а+-ду*) «проходят волокушей»; *Мал дегән қолни кири, йуса кетиди* (<*кәт-+-ә+-ду*) (77) «Богатство — это грязь на руках, вымоешь — сойдет». *Раса бешалты хыл йигит сапайлини бир чекидә уруп туруду* (<*тур-+-а+-ду*) (79) «Пять-шесть самых видных жигитов сядут с краю и играют на сапаях»; *Жүдә йахши йүруди* (<*йүр-+-ә+-ду*) (94) «Он пойдет быстро». Вместе с тем в говоре в отличие от литературного языка эти аффиксы могут оставаться без изменения и при наличии условия для редукции: *Пашти икки адәмни кук'нәдән бошатип қойади. Иккитә адәмниң күчини берәди* (154) «Двух человек на кухне почти освободила. Заменяет (досл. дает) силу двух человек»; *Йандиради, күйдирәди йарни күлкиси* (120) «Зажигает, обжигает смех любимой». В литературном произношении: *қойуду, бериду, йандуруду, көйдүруду*.

Формы причастий на *-п* и *-а* во многом синонимичны. В тюркских языках они, часто заменяя друг друга, выполняют одинаковую функцию. Так, например, форма настоящего конкретного времени изъявительного наклонения в изучаемом говоре образуется, как уже сказано, от основного глагола в форме деепричастия на *-п: келип йатиду>келиватиду*. Эта же временная форма в казахском языке образуется от основного глагола в форме деепричастия на *-а (-е, -й): келе жатыр* «он идет».

-ғыли/-гили ~ -ғыни/-гини, -қыли/-кили ~ -қыни/-кини. Деепричастия, образованные при помощи аффикса *-ғыли ~ ~ -ғыни*, имеют более ограниченное употребление по сравнению с деепричастиями на *-п* и *-а: а(л)ғыли ~ а(л)ғыни* «чтобы взять»; *көр(р)гили ~ көр(р)гини* «чтобы видеть»; *ашқыли ~ ашқыни* «чтобы открыть»; *кәскили ~ кәскини* «чтобы резать». Наличие фонетических дублетов *-ғыли* и *-ғыни*, как нам представляется, следует объяснить чередованием *л* с *н*. Чередование этого типа, как мы уже видели, встречается в форме желательного наклонения, образованного посредством *-айли/-әйли ~ -айни/-әйни: барайли ~ барайни, кетәйли ~ кетәйни* и т. д. Ср. еще *көңлум ~ көңнүм* «мое сердце».

Деепричастие на *-ғыли* выражает обстоятельство цели. Например: *Ойнашқыли мән (<мән) кәлдим* (101) «Я пришел, чтобы миловаться с тобой»; *Түннүгүм чүш бар еди, Чихти жуван көйдүргини. Та:би-та:қәт мәнди йоқ, Өзумни чоққа ургыни* (88) «В тунглюк мой в полдень ровно Вышла молодуха, чтобы жечь [меня огнем любви]. Сил-желания у меня нет, Чтобы кидаться на горячие угли»; *Ћалвыпурушла ћалвы қылғыли турупты* (95) «Торговцы халвой как раз начали делать халву (досл. стояли, чтобы делать халву)».

-ғунчә/-гүнчә, -кунчә/-күнчә. Форма деепричастий с аффиксом *-ғунчә (<-ған+-чә)* в говоре встречается редко. Причем этот формант сохранился в том архаичном виде, в каком он употреблялся в староуйгурском письменном литературном языке, на что указывает, в частности, наличие в его составе *н*, а также губных гласных *у, ү: ба(р)ғунчә, кәлгүнчә, таң атқунчә, күткүнчә*. В литературном языке и семиреченском говоре эта деепричастная форма более употребительна, ее показатель подвергался стяжению и редукции и теперь выступает как *-ғычә/-гичә, -қычә/-кичә: ба(р)ғычә, кә(л)гичә, таң атқычә, күткичә* и т. д.

Деепричастие на *-ғунчә* выражает действие, заключающее в себе предел во времени, с которым связано другое действие; в предложении выступает в качестве обстоятельства времени; *Исқийандин ашмағунчә қара көрүнмәс. Қара йорға минмәгунчә чөллә: кезилмәс* (117) «Пока не перевалишь Искиян, ничто не замаячит вдали, Пока на вороного иноходца не сядешь, степи не перейдешь».

Кроме описанных выше видов деепричастий в ферганском говоре в единичных случаях встречается архаичная форма на *-вән (<-бан)*, которая сохранилась лишь в поэтических произведениях, а в живой речи вышла из употребления: *Сәкривән турған кийиктәк көзләриңдин өргүлә* (133) «Как у пугливой (досл. прыгая стоящий) лани, глазами твоими, я восхищен».

Очень активная в пределах литературного языка форма деепричастий на *-ғач/-гәч, -қач/-кәч*, которая выражает второстепенное действие, сопутствующее основному [90], в изучаемом говоре, судя по нашим записям, отсутствует.

* * *

Все, о чем мы говорили выше, касалось знаменательных частей речи. Вместе с тем в говоре, как и в литературном языке, функционируют служебные слова, к рассмотрению которых мы переходим.

[90] См.: Ћазирқи заман уйғур тили. II қисим. Морфология вә синтаксис. Алмута, 1966, стр. 247—248.

ПОСЛЕЛОГИ

В говоре, как и в литературном языке, послелоги употребляются с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и служат для выражения пространственных, временных, целевых, причинных, сопроводительных и других синтаксических отношений между именами или между именами и глаголами. Как служебная часть речи данная категория слов лишена самостоятельности.

Подавляющее большинство послелогов исторически восходит к знаменательным словам: либо к именам, либо к деепричастным формам глагола. Кроме того, значительное число наречий, этимологически восходящих к именам существительным, в определенных синтаксических сочетаниях выступает в качестве послелогов (*илгири, бурун, кейин* и др.)[91]. Что касается так называемых первообразных послелогов, древнейших по своему происхождению, то они представлены в говоре в сравнительно небольшом количестве.

Каждый послелог управляет одним из трех падежей: основным, дательно-направительным или исходным.

Послелоги, управляющие основным падежом, следующие.

Билән «с, вместе». Данный послелог, восходящий к слову *бирлән (<бир* «один»+*-лә*+*-н)*[92], в говоре встречается в разновидностях *билән ~ бирлә ~ минән ~ мәнән*.

Билән — это самый распространенный и частоупотребительный вариант, внешне совпадает с соответствующим эквивалентом литературного языка, например: *Шу тәризидә кәтмән билән, машини вилән кәмида алты-йәтти чапилиди пахта* (74) «Вот так кетменем, машиной по меньшей мере шесть-семь раз пропалывается хлопок». Данный вариант в связной речи в различных фонетических ситуациях подвергается звуковым изменениям и реализуется то как *билә:*, то как *вилән*, то как *вили* и т. д. *Шәйтан билә: қәшқа:лық гирава:лашқиникән* (80) «Поспорили кашгарец с Шайтаном»; *Бир күни Әпәндимниң отуны ада: воп қелип, тала:ға отуңғы ешәк' вили иккиси чиқы кетип қапту* (93) «Однажды у Апанди кончились дрова, и он на осле поехал за дровами».

Вариант *бирлә*, характеризовавший старописьменный уйгурский язык, в говоре встречается редко: *Сени көргән за-*

[91] См.: Турдиева К. Ћазирқи заман уйғур әдәбий тилидики тиркәлмиләр вә уларни классификацияләшкә аит материаллар. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. I. Алма-Ата, 1965, стр. 166.

[92] Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 297.

малләрдә, Жүрәк җан бирли қахшайду (150) «Когда я тебя вижу, Сердце вместе с душой рыдает».

Имеются, наконец, варианты *минән, мәнән,* которые являются специфичными для ферганского говора. Сфера их употребления также ограничена: *Аты-анымыз восы (<болса) кәмбәғәлчилик' минән өткән* (154) «Что касается родителей наших, то прожили они в бедности»; *Чихти Ләнҗудин хитай Хуйхуй минән җән қи:ғини* (157) «Вышли навстречу из Ланджоу китайцы, Чтобы с дунганами сразиться»; *Тоғры шу йол мәнән* «Прямо по этой дороге».

Послелог *билән (~бирлә~минән~мәнән)* употребляется в следующих основных значениях:

1. Обозначает сопровождение, совместность, соучастие: *Уммут билән алған йа:рым* (120) «Любимая, которую взял я с надеждой [на хорошую жизнь]»; *Биргә чиқидиған адәмләр билән қошулуп үзәм чиққандим* (154) «С людьми, с которыми можно было вместе выйти, я и сам тоже вышел»; *Қәмбәрханни әпқычайли йәңгәси билән* (106) «Украдем Камбархан вместе с ее провожатой дамой».

2. Обозначает орудие, инструмент, средство, с помощью которого осуществляется действие: *Алтын билән алып болмас қалған кәңилни* (86) «И золотом не задобрить (досл. не взять) обиженное сердце»; *Тирәк'тир билән дорулайду. Бәзи тирәк'тир барамайдиған йә:лини қол билән дорулайду. Сүпүги билән чачидо* (74) «Трактором опрыскивают. Некоторые места, где трактор не пройдет, опрыскивают вручную. Веником опрыскивают».

В данном инструментальном значении послелог *билән* вполне заменим местным падежом: *тирәк'тир билән~тирәк'тирдә, қол билән~қолда, сүпүги билән~сүпүгидә.*

3. Обозначает цель и причину. В этом значении послелог *билән* употребляется реже: *Биз йаш вахта шу мәсили билән чиқип қалдуқ* (158) «Тогда мы были молоды, вот по этой причине мы и ушли».

4. Обозначает пространство, по которому происходит направленное движение: *Кәтмәккә хийал әйләп, Сәмән билән йол салдуқ* (102) «Задумав уехать, Путь держали мы через Сямян».

Здесь *билән* синонимичен послелогу *арқылық* (см. ниже): *Тәшкән билән~Тәшкән арқылық* «через Ташкент».

5. В сочетании с именем действия на *-ш* обозначает действие, вслед за которым началось другое действие: *Қар кетиши билән йә:ни текизләйдо* «Как только снег сойдет, землю ровняют»; *База:ғы киришим билән, сени көрдүм* «Как только я пришел на базар, увидел тебя».

6. Послелог *билән* может выступать в качестве соединительного союза: *Ашық болдум өзүңгә Қашиң билән көзүңгә* (89) «Влюбился я в тебя, В твои брови и глаза»; *Гүлниң йахшиси қа:си? Гүләсмән билән та:жи* (149—150) «Какой из цветов лучше? Жасмин и петушиные гребешки». Как видно из примеров, послелог *билән* управляет основным падежом. Вместе с тем он, сочетаясь с личными и некоторыми указательными местоимениями, может управлять и родительным падежом: *сән~сениң билән* «с тобой», *мән~мениң билән* «со мной», *у~унуң билән* «с ним», *шум (<шунуң) билән* «таким образом»; однако *биз билән* «с нами», а не *бизниң билән.*

Үчүн «для, ради, за, из-за». Из русских соответствий видно, что послелог *үчүн* выражает главным образом цель и причину. Как и *билән,* он управляет основным падежом, а в личных и указательных местоимениях — и родительным падежом. В отличие от *билән* послелог *үчүн* может сочетаться с глаголом в форме 3-го лица повелительного наклонения. Обратимся к примерам: *Сән йар үчүн тайақ йедим йәтмиш алтә йүз* (143) «Ради тебя, любимая, я был избит много раз (досл. семьдесят шесть [раз] по сто)»; *Қайтип келиватқанда, үйиги өтәш үчүн катты дәйри варикә* (83) «Когда возвращался, чтобы перейти [в сторону] своего дома, встретил большую реку»; *ошунуң үчүн* (154) «поэтому»; *Ошу пахтыны уруғыны һашарәт йемәс үчүн уны дорулап, андин ке:н сүзүв алеп, топчип қаммисин үчүн күлни арылаштиридо* (73) «Чтобы семена хлопка не съели насекомые, их хлорируют, затем отцеживают воду, чтобы они не слипались, смешивают с золой».

Арқылық «через, посредством, по». Этимологически состоит из *арқа* «спина, зад»+*-лық* — аффикс обладания. Данный послелог указывает на орудие или средство совершения действия: *Тирәк'тир арқылық бүтүн шудүгиримискә пахтыны екимиз* (73) «Трактором мы засеваем хлопком все наши вспаханные земли»; *рәдйол арқылық* «по радио»; *Намаңғән арқылық* «через Наманган».

Ара архаичный послелог, употребляется в основном в поэзии в пространственном значении [93]: *Бағ ара қойдум қәдәм* (140) «В сад я вступил». Ср.: *шу арыда* «между тем»; *қызылгүл арасида* «среди роз».

Бойи (*<бой* «рост, длина, берег»+*-и* — аффикс принадлежности 3-го лица). В сочетании с именами существительными, обозначающими время, послелог *бойи* выражает продолжительность во времени: *һөмүр бойи* «всю жизнь»; *жил бойи* «в течение года, целый год»; *түни бойи* «всю ночь, целую ночь».

[93] См.: Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык, стр. 63.

В сочетании с причастием на *-ған* выражает энергичное и интенсивное действие, вслед за которым началось другое действие. В данном типе послелог *бойи* может принимать аффиксы принадлежности. Примеры: *Өйгә кә:гән бойам* «Как только я пришел домой»; *Қа:ған тө:ти бир-бириги чаплашқан бойи мәк'тәпкә кетти* (82) «Остальные четверо [детей] так, слепившись, и ушли в школу».

Бойучә (*<бой+-и+-чә*) «по, согласно»: *план бойучә* (129) «по плану, согласно плану».

Тоғрустин (*<тоғра+-си+-дин*) ~ *тоғрыдин* (*тоғра+-дин*) «по поводу, с целью, за то, что»: *җенини мәпизат қийған тоғридин* «за то, что защищал себя (свою жизнь)»; *нимә тоғрустин?* «с какой целью? по поводу чего?»; *Йахши турмушқа еги волғанлықимиз тоғрус(и)тин* (124) «За то, что мы хорошо живем».

Кәби, сиңгәри ~ сиңгири «подобно, вроде, как» выражают качественное сравнение: *сән кәби* «подобно тебе»; *досла: кәби* «как друзья»; *худди шуның сиңгири* «точно такой же, как тот». Послелог *кәби* в литературном языке встречается главным образом в поэтических произведениях, а *сиңгәри ~ сиңгири* вовсе не употребляется.

Таман «к, в сторону». В качестве послелога данное слово служит для выражения направленности действия в сторону предмета, названного в предыдущем слове. В литературном языке не употребляется. Примеры: *Бери таман отта* «Сядь поближе»; *дәйри таман* «к реке, по направлению к реке».

Йақ (иногда *йағ*), **тәрәп** в основном сохраняют свое лексическое значение «сторона, направление». Вместе с тем, как и *таман*, могут выступать в роли послелогов, выражающих направление. В отличие от *таман* послелоги *йақ* и *тәрәп* широко употребляются в литературном языке и семиреченском говоре. Примеры: *Тағ йақ (~тәрәп) салқын* «В горах прохладно»; *Жорахан шә:р йаққа (~тәрәпкә) кетти* «Джурахан отправился в город, по направлению к городу».

Өзрә «на, над, сверху». Архаичный послелог *өзрә* в говоре встречается в составе лишь отдельных поэтических произведений классического происхождения: *Киши малини йемә, Сират өзрә тутарра* (148) «Чужим добром не пользуйся, На [мосту] «сират» поймают».

К послелогам, управляющим дательно-направительным падежом, относятся следующие:

Карап — деепричастие от глагола *қара-* «смотреть». Значение этого послелога по-русски передается словами «сообразно с..., смотря по..., по»: *Һаваниңки тәптигә қарап, заманники әптигә қарап* (127) «[Действуй] сообразно с погодой и временем» (досл. смотря на тепло воздуха, смотря на настроение

эпохи — посл.). Кроме того, *қарап* употребляется в значении направления действия: *пахтызарға қарап кетийатқан кәлхозчила* «колхозники, идущие по направлению к хлопковому полю»; *Кечки қарап йамғу йағыды* «К вечеру пойдет дождь».

Қарығанда (*<қара-* «смотреть»+*-ған+-да*) «смотря по..., судя по..., по». В результате чередования *р* с *л* этот послелог в говоре встречается и в виде *қалағанда*: *әйтишиги қалағанда* «судя по его рассказу, по тому, как он рассказывает».

Йәқин ~ йеқин «около»: *оңға йәқин* «около десяти»; *чүшкә йеқин* «к обеду».

Қарымай (*<қара-* «смотреть» +*-ма+-й*), **қарымастин** (*<қара-+ма+-с+тин*) «несмотря на, вопреки»: *өзүниң йашлықығы қарымай* «несмотря на свою молодость»; *суниң көплүкигә қарымастин* «несмотря на обилие воды».

Послелоги, управляющие исходным падежом, следующие:

Кейин «после, за». Данный послелог реализуется в следующих фонетических вариантах: *кейин ~ кийин ~ кегин ~ ~ кигин ~ кеин ~ ке:н ~ ки:н ~ кин ~ -ки;* в лит. *кейин*. В вариантах *кегин ~ кигин* имеет место общетюркское звуковое соответствие *й ~ г*. Ср.: каз. *түйе* «верблюд», *түйме* «пуговица», *кийиз* «кошма», *тий-* «касаться» с уйг. *төгә, түгмә, кигиз, тәг-;* узб. *сигир* «корова», уйг., каз. *сийир*. Стяженные варианты *-кин* и *-ки* вошли в состав управляемого слова, образуя вместе с ним сложные наречия с цельной семантикой: *әники (<андин кейин)* «потом, затем».

Послелог *кейин* выражает:

а) временное отношение, например: *Қачан йә:лидин қа: кеткендин кейин, йә: қуруғуни туғандин кейин, йә:ни текизләйдо* (73) «Как только сходит снег и земля начинает подсыхать, землю ровняют»; *Қуйашниң иссиғы йә:ги өткәндин кейин, йәги бий нәрсә ек'сә үнидиған боғандин кин, март айниң ахирлире чигит екишкә башлайдо* (73) «Когда тепло (лучи) солнца прогревают землю, когда посеянное в землю уже сможет прорасти, приблизительно в конце марта, начинают высевать семена хлопка»;

б) пространственные отношения: *үйдән кейин* «после дома, за домом»; *бир кочидин кейин* «через одну улицу»;

в) причину: переводится на русский язык союзами «поскольку, так как»: *Енди өзум башлық боғандики:н (<болғандин кейин)* (154) «Так как я сам являюсь заведующим».

Илгири (*~илгәри*), **бурун** (*~мурун*), **авал** (*~әвәл ~ әвәл ~ авыла*) «раньше, прежде». Эти синонимические послелоги выражают временные отношения: *әбиттән бурун* «раньше

ше обеда, до обеда»; *Сәндән илгәри оқуған* «Он учился раньше тебя»; *сән кәммәстин авал* «до твоего прихода».

Бери «начиная с, в течение». Обозначает начальный момент действия; указывает также на продолжительность действия во времени: *Түлки үч күннән бери бий ташниң үстидәги йәмни көрүп, уни әйләнип кеталмапти* (131) «Лиса вот уже три дня, увидев на каком-то камне еду, кружит вокруг нее и не может уйти»; *Ошы йердә оййети (<он йәттә) жилдән бери повур волуп ишләймән* (154) «Здесь семнадцать лет уже работаю поваром»; *Бу қазыныңыз һамилдар боп қа:ғиникә, кечи сиз бә:гәндин бери туғуп қойди* (93) «Ваш казан, оказывается забеременел и, после того как вы вчера мне [его] дали, родил».

Башқа (*<баш* «голова»+*-қа* — аффикс дательно-направительного падежа), *өзгә* «кроме». Выступая в качестве синонимов, послелоги *башқа, өзгә* выражают исключение, неучастие в совершении действия: *Оштун башқа һәммә шә:рлә:дә* «Во всех городах, кроме Оша»; *Сәндин өзги йа:рим йоқ* (142) «Кроме тебя, нет у меня другой возлюбленной».

Та(р)тип (*<тарт-* «тянуть»+*-ип*) «с, с тех пор». Выражает временные отношения: *Марттин тартип, меһнәт та:шу декәбиргәчә боләдидә* (98) «Начиная с марта трудимся [в общем] до самого декабря»; *Йанвар айлиридин та:тип* (73) «Начиная с января месяца».

Уйшиқ «свыше, больше, с лишним». В лит. *ошуқ* (*аш-* «увеличиваться»+*-уқ* — аффикс, образующий прилагательное): *оттуздин уйшиқ* «свыше тридцати».

СЛУЖЕБНЫЕ ИМЕНА

Служебные имена — это слова, которые с течением времени отделились от соотносительных имен существительных и в современном языке, утратив свое вещественное значение, служат только для выражения грамматических отношений между членами предложения. По значению и функции служебные имена наиболее близки к послелогам. Однако отличаются они друг от друга тем, что послелоги вообще неизменяемы, тогда как служебные имена, наоборот, бывают лишь в форме пространственных падежей. Кроме того, синтаксическая связь между послелогом и знаменательным словом — управление или примыкание, связь же между служебным именем и знаменательным словом всегда изафетная. Таким образом, служебные имена занимают как бы промежуточное положение между именами существительными, с одной стороны, и послелогами — с другой.

Употребительны следующие служебные имена:

Үст «верх, поверхность, верхняя часть»: *Йар үстүги* (*<үстигә*) *йар тутуқ* (149) «Сверх возлюбленной другую возлюбленную мы завели»; *Қоғун үстидә жүдә махтишип кәткиникән* (82) «Очень расхвастались о дыне»; *Авқатниң үстидә өзүм туруп, өзүм қылымән* (154) «Стою сам над приготовлением блюд, сам готовлю».

Төпә синонимичен слову *үст: Там төпискә* (*<төпә*+*-си*+*-гә*) *там салдуқ* (149) «На стену стену возвели мы»; *Там төпүстә* (*<төпә*+*-си*+*-дә*) *олтарған тумшуқи қызыл қа:ға* (150) «На стене сидел красноносый ворон».

Түв, тәг «низ, дно»: *А°лмә тәгидә бир ба°лә* (115) «Под яблоней юноша какой-то»; *Қызылгүл түвидә сиңчай* (149) «Под розой чай».

Ич «нутро»: *Бәндиләрниң ичидә аси гуна:кәр бәндимән* (89) «Среди рабов божьих мятежный грешник я, раб божий»; *Декәбир айниң ичидә терилип болудо* (98) «В декабре месяце заканчиваем сбор [хлопка]»; *көйнәк'ниң ичиндә* (94) «в рубахе»; *Қуту, қутуни ичидә төгүнү путу — йаңғақ* (132) «Посуда, [а] в посуде верблюжья лапа» [загадка.—О р е х].

Қаш «место около чего-нибудь». Больше, чем другие служебные имена, подверглось грамматикализации, и в значении существительного почти не употребляется: *Қары қаш, қәйрими қаш, Қашыңди бир йил ишләйин* (136) «Чернобровая, с бровями дугой, Около тебя год [позволь] поработаю».

Алд «перед, передняя часть предмета»: *Мә:чит алдыда* (95) «У мечети»; *авқат алдыда* «перед едой».

СОЮЗЫ

С о ч и н и т е л ь н ы е с о ю з ы, выражающие синтаксическую связь равноправных элементов речи (однородных членов и отдельных компонентов сложносочиненного предложения), делятся на следующие разновидности.

Соединительные союзы

Һәм «и, также, тоже» является наиболее употребительным среди соединительных союзов. Он выступает также вместо литературных *вә, -му*, которые в изучаемом говоре имеют ограниченную сферу употребления. Данный союз в говоре реализуется в трех фонетических разновидностях: *һәм>йәм* (после слов с конечным гласным) *>әм* (после слов с конечным согласным). Примеры: *У қудухта һәм илану, һәм бәлиқ* (132) «В этом колодце и змея, и рыба»; *Атаси йоқ әм анаси*

йоқ (89) «Нет отца его и нет матери»; *Худани йәм алдидим* (83) «Даже бога я обманул»; *Һәзилләшкәнни йәм билмәйсәнә!* (83) «И шуток не понимаешь!»; *Ой йеттитә балыниң оруси йәм ба, чувичи йәм ба:* (125) «Среди семнадцати детей есть и русские, и чуваш».

Вә «и» характерен для литературного языка, а в живой речи употребляется очень редко: *кәлхоз парткоми вә правленийаси* (130) «партком и правление колхоза».

-му ~ -ма «и» устанавливает главным образом усилительно-перечислительное отношение: *Жувамму тегәй дәйду, Чокамму тегәй дәйду* (119) «И джуван (т. е. молодая мать) хочет выйти [за меня] замуж, и чокан (т. е. молодая женщина, не ставшая матерью) хочет выйти замуж»; *Атамма өлүп кетти, анамма өлүп кетти* (109) «И отец мой умер, и мать моя умерла».

Билән наряду со значением послелога (см. выше) употребляется в качестве соединительного союза: *Аших болдум... қашиң вилән көзуңгә* (89) «Влюбился... в твои брови и глаза»; *Мантыпәз вилән каллыпәз икә ви ашна воғаникән* (156) «Подружились [как-то] мантыпаз и каллапаз».

Боса *(<бол-+-са)* «а, же, что касается»: *Аты-анымыз восы кәмбәғәлчилик' минән өткән* (154) «Что касается родителей наших, то прожили они в бедности»; *Өзәм боссам һөкүмәтниңки күчүм йетиш(и)чә қандай хизмити болса қилип кәлдим* (125) «Сам по мере своих сил выполнял любую работу для государства». *Бизниң воса жудимо татлых воған* (82) «А наши [дыни] были сладкие-сладкие». Как видно из примеров, союз *боса* принимает аффиксы лица: *босам, босаң, боса.*

Йу (иногда *-йо*) выступает в основном в функции соединительного союза *вә* «и»: *Кечиси боп қаптыйо, жи:э иш топалаң воп қапты* (94) «Уже была ночь, а [во дворе] возник сильный переполох»; *Бир мә:читниң алдыда бир беш йүз, алты йүз адәм, йаш бала:йу, асманғы қарап дуа қылийатқанмиш* (95) «У мечети человек пятьсот-шестьсот взрослых и детей смотрят на небо и творят молитву». Есть случаи, когда *-йу* употребляется в значении противительного союза: *Биз кичик'чағлида бу рәдйол, мундах нәрсилә кәм иди. Дута:чи баридийу* (79). «Когда мы были молоды, этих радиол, таких вещей было мало. Но дутаристы [конечно] были». Трудно что-либо сказать о значении и функции союза *-йу* в примере: *Һәсрәтиңдә жиғлашур бир нәччәйу йаш бәччәләр* (140) «В тоске по тебе плачет не один (досл. несколько) мальчишка».

Противительные союзы

Союз **лекин** «но, однако» встречается в следующих фонетических дублетах: *лекин ~ лакин ~ ләкин ~ лейкин ~ лекигин.* Появление вставочного слога *ги* в варианте *лекигин* неизвестно. Вставка *й (лейкин)* отмечается и в семиреченском говоре: *лекин>ләйкин.* Примеры: *Лекин Әнҗаннән баргән адәмләрниң өзи әйтип баридики* (154) «Но люди, пришедшие из Андижана, сами рассказывают»; *лейкин қурут тутушда һәлал меһнәт қилиб* (129) «Однако в содержании гусениц отличились [имярек]».

Б(и)рақ является синонимом союза *лекин: Су көп, б(и)рақ ичишкә болмайду* «Много воды, но нельзя ее пить».

Амма по значению то же, что *лекин, б(и)рақ: Амма у хәмирни әчитип қийған манту гош-йағ йахши келишип берсә, анан уни қи:са, жүдә йахши болади* (156) «Однако эти, сделанные из кислого теста манты, если мясо и сало хорошее попадается и потом их делают, очень хорошие получаются».

Разделительные союзы

Союз **йә** (иногда *йа*) употребляется обычно в удвоенном виде и имеет разделительно-перечислительное значение: *Йә атамдин әйтмапту, йә анамдин әйтмапту* (89) «Ни отца мне не суждено [иметь], ни матери мне не суждено [иметь]»; *Адәмләргә йақымли йә болыдо, йә боммайдо* (154) «Может, понравятся людям, а может, и не понравятся». Данный союз встречается также в одинарном виде: *Пахта үнмүгән йери воса, бир пәқичахтыму, йа бир халтыдымо уруғни алывалыдо* (74) «Если есть места, где хлопок не пророс, берут с собой ведерко или мешочек с семенами»; *сен йа мен* «ты или я».

Га:...га: «то...то»: *Га: Әпәнди өтү:миш, га: ешәг өтү:миш* (94). «То Апанди обгоняет [осла], то осел обгоняет [Апанди]».

Союз **бир...бир** (*бир* «один») «то...то» в повторном употреблении служит для соединения главным образом однородных сказуемых: *Бала бир күлуди, бир йиғлайди* «Ребенок то смеется, то плачет».

Несколько обособлен по своему значению и функции сочинительный союз **һә** «а», который обычно занимает место в начале вопросительного предложения и присоединяет его к предыдущему: *«Һә гәп болди, чаң волди, йох волди»,— дәпту. «Һә қәпи қәни?» —дәпту. «Һәғәлисигә енәңни верисәмму?!» — дәпту* (97)— «Была беседа, пыль поднялась и улетучилась мука,— сказал [он].— А где мешок?— спросила [жена].— А сборщику ты матушку свою отдашь?— сказал [Апанди]». Не

следует смешивать этот союз с побудительным междометием *һә*, хотя они имеют общее происхождение. Например: *һә, Әпәнди, ун қаны?* (97) «Ну, Апанди, где мука?» Здесь *һә* — междометие. *Һә муны етини нимә дәв әйтәди?* (96). «А как называется это?» Здесь *һә* — союз.

Подчинительные союзы, связывающие подчиненные предложения с главным в составе сложного предложения, по значению и выражению различных отношений делятся на следующие группы:

Союзы, выражающие причинные отношения

Чүнки «потому что, так как, ибо»: *Бийил күн иссиқ, чүнки йамғу йоқ* «В этом году жарко, так как нет дождя».

Сәвәви «потому что»: *Уйғурлә:ниң тамахлири, мәсәлән, ләңмән дәймиз, да:бәнҗиң дәймиз, шо:бәнҗиң дәймиз. Сәвәви уның барлығы хәмир минән болади* (115) «Уйгурские блюда, например, лагман называем, дабанджин называем, шобанджин называем. Потому что все они из теста приготавливаются».

Союзы, выражающие отношения условия

Әгәр ~ игәр «если»: *Әгәр бир нәрсә боса, еттимәлликкә алывалымиз* (94) «Если что, утром подберем»; *Игәр миң жил һөмүр көрсәң.., Әҗәлниң шәрбитин а:хир Ичәрсән а:қубәт бир күн* (127) «Если [даже] тысячу лет проживешь ты... Смерти напиток в конце концов изопьешь все равно однажды».

Унда «тогда»: *Бәшкерәмниң уны болса, унда охшымамдо чөп?!* (161) «Если бы была мука из Бешкерема, разве не удалась бы тогда лапша?!»

Союзы, выражающие изъяснительные отношения

-ки «так.., что»: *Қәшкә:дә кәмбәғәлниң абрийи шундағидики, бай туққанлиримиз боса һәм йардәм дегән нәрсә қиммасти* (124) «В Кашгаре авторитет бедняков был таков, что даже наши богатые родственники нам никакой помощи не оказывали»; *Да:йим тәләбимиз шуки, һөкүмитимизгә да:қип турамиз* (125) «Всегда стремимся к тому, чтобы благодарить наше правительство».

Кроме приведенных выше союзов в говоре, как и в литературном языке, функционирует союзное слово дәп (<*дәп* «говоря, сказав»), которое главным образом выражает целевые отношения: *Бақ қа кирдим су ичәй дәп* (144) «В сад вошел я, чтобы воды напиться»; *Дидар көрүшәй дәп кәлдим* (145) «Я пришел, чтобы повидаться [с тобой]». Союз *дәп* может выражать также отношения следствия: *Меһриба:ним қалди дәп, Чөллә(и) қан йиғлап кетәй* (139) «Милосердная моя осталась, и потому уеду я и в пустыне кровавыми слезами буду плакать».

ЧАСТИЦЫ

В ферганском говоре в качестве частиц выступают почти те же служебные слова, которые функционируют в литературном языке [94]. Некоторое своеобразие этой категории слов в изучаемом говоре наблюдается главным образом в их фонетической структуре и отчасти в семантике. Кроме того, отдельные частицы говора по сфере своего употребления намного уступают соответствующим эквивалентам литературного языка.

Частицы, с одной стороны, соотносительны со знаменательными словами и представляют собой изолированные формы имен и глаголов (*пәқәт, қаны* и др.). С другой стороны, они составляют особую группу служебных слов, которые по своим фономорфологическим и семантическим особенностям напоминают словообразовательные аффиксы (допускают звуковые варианты, постпозитивные, вносят дополнительные оттенки в значения слов и т. д.), но отличаются от аффиксов словообразования тем, что частицы почти универсальны, т. е. они могут стоять при нескольких, даже при всех частях речи [95].

В ферганском говоре представлены следующие частицы:

1. **-му** — вопросительная частица, образующая форму вопроса всех знаменательных частей речи: *айму?* «луна ли?», *көк'му?* «синий ли?», *бәшму?* «пять ли?», *буму?* «этот ли?», *кечму?* «поздно ли?», *алдыму?* «взял ли он?». В говоре данная частица окончательно не стабилизировалась и имеет несколько разновидностей:

а) *-му* является общенародной формой, употребляющейся как в литературном языке, так и в диалектах: *Сән йараттиңму мәни?* (89) «Ты меня, что ли, создал?»; *Ашны, чай-пай ишмәйликму?* (83) «Друг, чайку, может, попьем?»; *Мәйли ба:му, йохму?* «Есть ли у него желание или нет?». Оказавшись замыкающим элементом в составе слова, этот вариант может получить расширение по линии *-му* > *-мо: Йатаймо?,*

[94] О частицах литературного уйгурского языка см.: А. Т. Кайдаров. К вопросу о частицах в уйгурском языке. — Труды Сектора востоковедения АН КазССР. Т. I. Алма-Ата, 1959, стр. 117; Мусазаев И. Уйғур тилидики уланмилар. Алмута, 1958.

[95] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 129.

татаймо? «Лежать ли мне?, страдать ли мне?»; *Хошаң Алматыды боладымо?* (155) «Хошан в Алма-Ате бывает?»;

б) дублет *-ма* получил некоторую семантическую дифференциацию: он употребляется только в диалогической речи, требующей присутствия лица, к которому обращен вопрос. Поэтому *-ма* обычно не встречается в повествованиях и произведениях устно-поэтического творчества: *Ча: чидиңлима?* «Устали ли вы?»; *Хәт алдиңма?* «Получил ли ты письмо?» *Үзүмма?* «Виноград, что ли?»;

в) наряду с *-му ~ -мо, -ма* в говоре встречается дублет *-ми*, который отсутствует в литературном языке и семиреченском говоре. Он, по-видимому, заимствован из узбекского языка: *Йусүп бәгләр барми, йохми? Хәбәрини алип келиң* (87) «Юсуп-бек есть (жив) иль нет его? Весть о том принесите».

Частица *-му* органически входит в состав слов и часто оказывается между морфемами. В результате этого она обычно подвергается ассимилятивным изменениям и стяжению и реализуется то как *-ми*, то как *-м: Ой ойлайсән, ой ойлайсән, ойчимисән? Йамбағырда йамбашлайсән, қойчимисән?* (86) «Задумалась ты, задумалась ты, [не] задумчива ли ты? На косогоре на боку лежишь ты, [не] овечий ли пастух ты?»; *Худа: дин қоқамсә (<қорқ-+а+-му+-сән), қоқмамсән?!* (131) «Бога боишься или не боишься?!»; *Ойнамдо (<ойна-+-му—-ду) йахши, көймәмдо (<көй-+-мә+ +-му+-ду) йахши* (91) «Хорошо ли играет (гуляет), хорошо ли любит?».

2. Частица **-чи** (в лит. и семир. *-чу*) выступает в следующих значениях:

а) в значении вопроса: *сәнчи?* «а ты?»; *Гуламҗанчи?* «а Гуламджан?»; *улар кәсичи? (<кәлсәчи)* «а если они придут?»;

б) в значении побуждения, повеления: *Барип көрүңчи* «Попробуйте-ка сходить»; *Орнуңнән турчи!* «Встань-ка!». Императивно-побудительное значение частицы *-чи* часто заменяется значением просьбы, упрашивания: *Ейтиңчи* «Скажите [пожалуйста]»; *Алиңчи үзүмдән* «Берите, пожалуйста, виноград (т. е. угощайтесь виноградом)».

3. Частица -дә/-тә служит для выражения констатации и уточнения факта: *Бәйитни башлыганда бир аш пишидидә* (79) «Начнут бейт — один раз плов сварится [до тех пор, пока закончат его петь]»; *Унуни ешитип турыдикәндә* (78) «Голос его даже [оказывается] слышат»; *Қәшқәлихниң әм әшүлиси көп болуттә* (79) «У кашгарцев также много песен»; *Тарылып-тарылып чүшүттә (<чүшидудә) машин(и)дә* (73) «Из машины они (т. е. семена хлопка) поступают, отделяясь [одно от другого]».

4. Частица **-ла**, отсутствующая в узбекском, казахском и в ряде других тюркских языков, в изучаемом говоре имеет ограниченную сферу употребления, в то время как она является наиболее распространенной и частоупотребительной в литературном языке и семиреченском говоре. Данная частица служит для выражения:

а) ограничительного значения: *Бамайла мәшәдилә (<мәшәдила) Һаҗими: за воп қағаммән* (78) «Не совершая [хаджа], прямо здесь я стал Хаджи-Мирзой»;

б) усилительного значения: *Баллиниң һәммиси бир-биригә чаплишивла қапто* (82) «Все дети друг к другу прилипли»; *Икәләси қәләм қаш* (85) «Обе они тонкобровые». Последний пример свидетельствует о наличии в говоре мягкого варианта этой частицы — *-лә* (в лит. и семир. только *-ла).*

5. Модально-экспрессивная частица **-а/-ә** выражает досаду, сожаление, недовольство, удивление: *Күйдима, күл болдума, Ишқинда булбул болдума! Бу сени пейли-хуйуңгә Өлгүчә қул болдума!* «Я сгорел, я пеплом стал, От любви к тебе соловьем я стал! Потакая твоим капризам, до смерти твоим рабом я стал!»; *Әҗәп әхмақ адәмләрикәнсиләрә!* (95) «Какие вы глупые люди!»; *Әҗәп йахши шә: рикәнә бийә: һалвудин уруп йе: дирәр екән* (95) «Удивительно хороший это город: с палкой заставляют есть халву!».

6. Частица **-миш** (<недостаточный глагол *е-*+архаичный аффикс причастия прошедшего времени *-миш*) выражает модальное значение, заключающееся в том, что говорящий сообщает о каком-либо событии не как очевидец, а со слов других лиц: *Аппах бир нәрсә турармиш* (94) «Стоит что-то белое»; *Асманғы қарап дуа қилийатқанмиш* (95) «Смотрит на небо и творит молитву»; *Га: Әпәнди өтү: миш, га: ешәк өтү: миш* (94) «То Апанди обгоняет [осла], то осел обгоняет [Апанди]». Личная неосведомленность говорящего о сообщаемом факте служит причиной того, что основному значению этой формы всегда сопутствует оттенок предположения, который в литературном языке перерастает в значение неправдоподобности сообщения[96]: *у йазғанмиш* «якобы он писал».

7. Частица **екән** переживает процесс грамматикализации: наряду с относительно полной формой *екән* (<*е-+-кән*) в говоре наличествуют редуцированные и стяженные формы *икән ~ икә ~ -кән ~ -кә*. Данная частица, как и *-миш*, выра-

[96] Наджип Э. Н. Современный уйгурский язык, стр. 96.

жает модальное значение. Но в отличие от *-миш* она свидетельствует, что говорящий сообщает о факте не только со слов других, но и в равной мере как очевидец или действующее лицо. Поэтому здесь нет смыслового оттенка предположения, сомнения. Примеры: *Мени атымни Мәшрәппай қойғиникә* (78) «Дали мне имя Машрапбай»; *Атымни йөткәп, Һаҗими: за қойап қойған икән* (78) «Сменив мне имя, назвали меня Хаджи-Мирзой»; *Уйғур бир тоқай икә* (81) «Уйгур [-Кишлак] был лесом»; *О: еллик нәччиги чийген адәмикен* (82) «Ему было уже далеко за пятьдесят»; *Өзуниң көйнәгини йайип қойған екән хатыны йувуп* (94) «Оказывается, его рубаху жена выстирала и повесила».

8. Частица **-зә**, как и *-ла* (см. выше), является служебным элементом, специфичным только для уйгурского языка. Сфера ее употребления ограничена. При помощи этой частицы «передается логическая пауза, что, в свою очередь, подчеркивает особую манеру говорящего»[97]: *«Мавү балыси»,— дәп, ичигизә сеп, бир қазанны берипти* (93) «[Апанди] положил [маленький] казан в казан [соседа] и отдал ему, сказав: «Вот его ребенок»; *Шәйтанни ешәк' қылып минип, инән кейинизә Қәшқа:ға чирип кетким икән* (80) «Сел Апанди на Шайтана, как на осла, и въехал потом в Кашгар».

9. Препозитивная отрицательная частица **һеч ~ һич** соответствует русской частице *ни: һеч ким* «никто»; *һич қачан* «никогда»; *һеч қәндәй* «никакой»; *һеч тоғри кеммәйдо* «совсем не подходит».

10. Препозитивная частица **ең** служит для образования превосходной степени прилагательных и наречий: *ең кәттә* «самый большой»; *ең йәқин* «самый близкий»; *ең йахши* «наилучший»; *ең көп* «наибольший»; *ең кейин* «самый последний».

11. Частица **қаны ~ қәни** (<*қаны?* «где?») служит для выражения побуждения: *Қаны, оттуруң* «Пожалуйста, садитесь»; *Қәни, бомысам, үйги кирәйникчи* «Давайте, зайдемте-ка домой».

12. Частица **енди** (<*енди* «теперь») служит для усиления выразительности: *Енди улуқ бий абийчийдә* (83) «Ну, просто великий обычай»; *Енди өзум башлық болғандики: н...* (154) «Так как я сам являюсь заведующим...»; *Ошунда биз енди йаш* (79) «Тогда мы были молодыми».

13. Частица **та:** выражает предел во времени и пространстве: *та: күзгичә* «до самой осени»; *та: Әнҗаңғычә* «вплоть до Андижана». Как видно из примеров, данная частица, которая постоянно произносится долго, требует, чтобы сочетающееся с ней слово стояло в форме на *-ғычә/-гичә, -қычә/-кичә*.

[97] Кайдаров А. Т. К вопросу о частицах в уйгурском языке, стр. 130.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова выражают отношение говорящего к объективной действительности и функционально соответствуют частицам. Последнее обстоятельство послужило причиной того, что в тюркологической литературе одни и те же служебные элементы иногда рассматриваются то в рамках частиц, то в составе модальных слов. Таковы, например, элементы *екән, пәқәт, қәни* и др. И действительно, «модальные слова представляют собой нечто среднее между отдельным словом и частицей. По функции это частицы, а по своей фонетике и этимологии — отдельные слова»[98].

В предложении модальные слова выступают либо в роли сказуемого или в составе его, либо употребляются в качестве вводных слов: *М и с а л и, бир йигит ө: ләнсә...* (79) «Например, если какой-то молодой человек женится...»; *Уңғычә йәнә бәзми қип турыдо, қ а р а ң, сапайлини чалып* (79) «Все это время, обратите внимание (досл. смотрите, глядите), увеселяют игрой на сапаях».

Чайни мисқалини миң тәңгигә бәрсә, алип ишмәк к е р ә к.

Чай әгәр та°пилмәсә, Ба°жин қарап кәтмәк к е р ә к.
Чайи дәйду, чайи дәйду, чайиниң қәймақы б а р.
Миң қәтим чайда әтмәстур, бир са: т отурмахта б а р (92)
«Если золотник чая дают за тысячу рублей, нужно брать и пить.
Если чая нет, [даже] в Пекин нужно идти [за ним].
Говорят: чай, чай, а у чая каймак [ведь еще] есть:
Тысяча раз за чаем [сиди] — не это важно,— один час посидеть (т. е. побеседовать дорого)».

В ферганском говоре имеются следующие модальные слова:

Керәк «надо, нужно». Выражает а) необходимость: *П(и)ланни бәҗәриш керәк* «надо выполнить план»; б) предположение: *Мә: мәҗан үйгә кәтси керәк* «Мухамеджан, видимо, ушел домой».

Мүмкин «возможно, вероятно» служит средством выражения предположения: *Берип қелишимиз әм мүмкин силә: гә* «Возможно, и приедем к вам».

[98] Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, стр. 131.

Шекил ~ шекилли «видимо, как будто, по-видимому, кажется». Данное, отсутствующее в литературном языке модальное слово, выражает предположительное отношение: *Сизни бий йə:дə көрдүм шекил ~ шекилли* «Кажется, я вас где-то видел».

Чамамда «как я предполагаю, по моему предположению»: *Чамамда бу еллик кила болар* «По-моему, это будет [весить] килограммов пятьдесят».

Охшайду, сиңгəри ~ сиңгири «подобно, вроде, так, такой, как, похоже, что, точно»: *Йа:рим кəлгəн охшайду* (150) «Похоже, что любимый приехал»; *худди шуниң сиңгири* «точно такой же, как тот».

Пəқəт «только, лишь»; *Мундақ алмə пəқəт бизни бағды ба* «Такой сорт яблок имеется только в нашем саду».

Ахыр «в конце концов»: *Болди, ахыр!* «Хватит в конце концов!»

Илайим «дай бог»: *Илайим, бай болуң* (146) «Дай бог вам благополучия».

Һəҗəп «удивительно, жаль, что»: *Һəҗəп ойнаптимəн һəддимни билмəй, һəҗəп ташливəттиң қəдримни билмəй!* (146) «Как это (досл. удивительно, что) я гулял [с ней], не зная меры! Как это ты оставила меня, не зная мне цены?!»

Бешəк «бузусловно, несомненно, без сомнения»: *Бешəк, билгин, бу дунийа: Барчə əлдин өтəрра* (148) «Безусловно, знай, что этот мир После всех людей останется».

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометия непосредственно выражают различные чувства, эмоции, ощущения, переживания, настроения и волеизъявления и не связаны с какими-либо грамматическими значениями и функциями: они не имеют ни форм словообразования, ни форм словоизменения. Слова данной категории отличаются от знаменательных частей речи и тем, что они не входят в состав предложения в качестве его членов.

По происхождению междометия бывают первичными (*а°:, е:, ей, һей, чуф, һай-һай* и др.) и вторичными, этимологически связанными со знаменательными частями речи (*бəрəкəлла, һарман, қуллуқ* и др.).

Приведем список междометий, употребляющихся в ферганском говоре.

А° : «а! о!» Выражает восхищение, удивление, сожаление и др. *А° :, бизниң қоғунни əйтмəйсəн!* (82) «А! О наших дынях молчишь!».

Абба «вот тебе и на! ай, ай!». Выражает сожаление:

Абба йей, кетип қалдимо?! «Вот тебе и на, разве [он] уехал?!»

Айа «о! эй! гей!» Данное междометие, встречающееся главным образом в стихотворениях книжного происхождения, выражает какое-нибудь сильное чувство: *Айа дослар!* «О, друзья!»

Ахрап — окрик, которым призывают детей к порядку. Этого слова нет в литературном языке и семиреченском говоре.

Бəрəкəлла ~ барəкалла «браво!; молодец!; вот спасибо!; хвала!» Выражает одобрение, восхищение: *Барəкалла қыз балиниң диханыға! Ек'мəй-тик'мəй пиширипту қош һəндəлəк!* (134) «Вот это да, девичье дехканство: Не сажала, не сеяла — вырастила пару дынь!»

Е: «э; о; ах; эх». Выражает недоумение, изумление и другие чувства: *Е:, худа берди мəңгə!* «Вот счастье мне привалило!».

Ей ~ һей «эй». Возглас, которым окликают, подзывают: *Ей, Əпəндим!* «Эй, Апанди!»; *Һей, павыр, бу нимдəн болəди?* (96) «Эй, повар, из чего это делают?».

Е:й «эх!». Выражает сожаление, неудовольствие: *Е:й, тентəк'лийей!* (97) *«Эх, дураки же вы!».*

Йа «о! ой!»: *Йа рəббим!* «О боже!»

Йе «эй!»: *Йе, хатын!* (94) «Эй, жена!»

Қуллуқ «спасибо, благодарю!» (употребляется в качестве ответа на *һармəң ~ һармəңлар*, см. ниже).

Һай-һай «эй!; гей!; эй-эй!»: *Һай-һай өлəн!* «Эй-эй, олян!» (так начинается свадебная песня «Өлəн»).

Һармəң ~ һармəңлар «бог в помощь!» (досл. не уставайте!). Употребляется в качестве подбадривающего восклицания работающим, на что обычно следует ответ *қуллуқ*.

Һа «ха!». Выражает восхищение: *Һа, мени устулуқымни қара!* (83) «Ха, смотри какой я ловкий».

Һой «ой!». Выражает страдание: *Һой, қандақ қылимə: əнди, муныңғы йетəлмəймə:!* (94) «Ой, что мне делать, я не могу догнать его!»

Чу^{ф} «но!». Возглас, которым понукают лошадь: *Қамуш атыға минип, чу^{ф} десə жүрəлмəйдур* (146) «Сев на коня из камыша, понукаешь, [но] он не сможет поскакать».

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

В наших записях по ферганскому говору число подражательных слов оказалось незначительным. Это, однако, не означает, что слова данной категории не получили развития в изучаемом говоре. Специальное изучение подражательных

слов на основе дополнительно собранного материала позволило бы полнее охарактеризовать их лексико-грамматическую и фонетическую природу. Здесь мы ограничимся приведением лишь следующих звуко- и образоподражательных слов:

Сим-сим — звуко- и образоподражание моросящему дождю: *Сим-сим аралап қар йағади тағни аралап* (120) «То снег идет, то дождь моросит между гор».

Лэп-лэп — образоподражание взмаху крыльев птиц: *Илиниң даванида лэп-лэп учудо қушлар* (145) «На перевале Или птицы летают крыльями взмахивая».

Тарс — звукоподражание треску, стуку, выстрелу; «стук! бряк!» *Кечиси айаз болып, күндузи аптап урса, пахта тарс, тарс ачилади.* «Если ночью будет мороз, а днем солнце греть, то хлопок распускается потрескивая».

В говоре значительное количество производных глаголов образовано от основ подражательных слов: *валаңши-* «гудеть, грохотать», *валаң* — звукоподр. грохоту; *җараңла-* «звонить, производить звон», *җараң* — звукоподр. звону. Сюда же относятся *бигиллэ-* (<*биг*+*-ил*+*-лэ*), *җиғылда-* (<*җиғ*+*-ил*+*-да*), *һаңра-* (<*һаң*+*-ра*), *мөрә-*(<*мө*+*-рә*), *мәрә-*(*мә*+*-рә*), *чичаңла-*(<*чичаң*+*-ла*), *чәкчәйт-*(<*чәк*+ +*-чәй*+*-т*), *ша:қыра-*(<*шар*+*-қы*+*-ра*), *шапырла-* (*шапыр*+*-ла*), *пилаңши* (<*пилаң*+*-ши*) (о них подробнее см. в разделе о словообразовании глаголов).

* * *

Близкое знакомство с морфологией ферганского говора убеждает нас в том, что она в основных своих чертах совпадает с морфологией литературного языка и семиреченского говора. Вместе с тем отмечается ряд частных особенностей, появление которых связано со следующими тремя факторами:

а) заимствованием из узбекского языка;

б) с наличием ряда форм, свойственных кашгарскому и некоторым другим говорам восточнотуркестанского уйгурского языка;

в) с сохранением отдельных форм, употреблявшихся в староуйгурском языке.

Перечислим наиболее характерные диалектные особенности изучаемого говора в области морфологии.

1. Показатель множественного числа выступает так же, как и в кашгарском говоре, в стяженной форме *-ли* ~ *-лы*, т. е. конечный *р* выпал, гласные *а, э* редуцировались в *ы* ~ *и: сили* «вы», *учәскили* «участки», *баллы* «дети», *улыға* (<*уларға*) «им». Возможно употребление вариантов *-ла(р), -лә(р).*

2. Исходный падеж помимо обычных для литературного языка вариантов с узкими гласными выступает, как и в узбекском языке, в формах *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән.*

3. Наряду с формой родительного падежа на *-ниң* (с вариантами) употребляется разновидность *-ни,* формально совпадающая с показателем винительного падежа.

4. Аффикс профессии *-чи* может заменить аффикс *-лиқ,* образующий название лица по месту жительства: *қәшқәчи* вм. лит. *қәшқәлиқ* «кашгарец».

5. Сравнительно высокой продуктивностью отличаются аффиксы *-ахун, -хан, -бай* ~ *-вай* в образовании личных мужских имен со значением почета и уважения.

6. Отмечается образование слов при помощи иранского префикса *бе-* от уйгурских корней: *бесақал, бетохтав.*

7. Превосходная степень прилагательных и наречий образуется также посредством *җүдә, җуди йәм: җүдә йахши* «очень хороший»; *җуди йәм татлыг* «чрезвычайно сладкий»; *җуди йәм тез* «очень быстро».

8. Указательное местоимение *маву* или стяженная его форма *ма:* «этот» вм. лит. *мону*; *ошу, оша, ошул, шул* «тот» вм. лит. *шу; шундәй, шундий, шунәқә* «такой» вм. лит. *шундақ; андай, анақә* «этакий» вм. лит. *андақ; қәндәй, қәнәқә* «какой» вм. лит. *қандақ.*

9. Штучные числительные, как и в узбекском языке, образуются посредством аффикса *-тә.*

10. Собирательные, числительные образуются при помощи аффикса *-ов, -әв, -а° в.*

11. Собирательные числительные на *-улән* в литературном языке и семиреченском говоре обязательно предполагают наличие 1-го лица, тогда как в изучаемом говоре наличие 1-го лица необязательно.

12. Форма глагола настоящего конкретного времени образуется наряду с *-ват* также аффиксами *-йат, -йап.*

13. Показатель многократного длительного прошедшего времени глагола *-ар еди/-әр еди, -айтти/-әйтти* вм. лит. *-атти/ /-әтти.*

14. Глагол настоящего-будущего времени 3-го лица в вопросительной форме *кәлмәйдимо?* «не придет ли?», *ба(р)майдимо?* «не пойдет ли?» вм. лит. *кәлмәмду? ба(р)мамду?*; т. е. здесь частицы *-ду* и *-му* поменялись местами.

15. Формы желательного наклонения образуются при помощи архаичных аффиксов *-йин, -айин/-әйин* (для 1-го лица единственного числа) и *-йиник, -айиник/-әйиник* ~ *-йини, -айини/-әйини* ~ *-йилин, -айилик/-әйилик* ~ *-лик, -алин/-әлин* ~

-йнуң/-йнүң, -айнуң/-эйнүң (для 1-го лица множественного числа).

16. Одним из широкораспространенных значений аффикса взаимного залога *-иш* (с вариантами) является образование множественного числа.

17. Наряду с литературным соединительно-повторительным союзом *-му* в говоре употребляется элемент иранского происхождения *һэм ~ йэм ~ эм*.

18. Вопросительная частица, а также частица, присоединяющаяся к основе глаголов 3-го лица, употребляется с негубными узкими гласными (*-ми; -ды/-ди, -ты/-ти*) вместо литературных губных.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДИАЛЕКТОВ УЙГУРСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Среди тюркологов нет разногласий относительно того, что современные уйгурский и узбекский языки характеризуются большим сходством между собой. И действительно, сходство это в довольно широких масштабах обнаруживается во всех сферах: в фонетической системе, грамматическом строе и лексическом составе. Благодаря наличию значительных общих, исторически единых языковых элементов эти два близкородственных языка составляют, как известно, одну классификационную — карлукскую — группу тюркских языков [1]. «Письменная традиция в дореволюционное время была у узбеков и уйгуров столь близка,— писал К. К. Юдахин,— что языковая принадлежность автора того или иного документа (т. е. уйгурская и узбекская) часто определялась с большим трудом» [2]. Устная разговорная речь основной массы узбеков и уйгуров, населяющих Ферганскую долину и Кашгарию, во многом также сходна. Поэтому носители данных языков (или их диалектов и говоров) очень легко объясняются друг с другом.

Важно отметить, что языковые черты, общие для уйгурского и узбекского языков, это результат не столько их позднейшего взаимодействия, сколько этногенетической общности происхождения их носителей. Тесные уйгурско-узбекские этнолингвистические связи уходят своими корнями в глубокую древность. Существующая в тюркологии обширная литература об исторических обстоятельствах образования уйгурской и узбекской народностей и формирования их языка свидетельствует о том, что предки современных уйгуров и узбеков, особенно той части узбеков, язык которых

[1] См.: Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960, стр. 170.

[2] Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи. — «Известия АН КазССР», № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. I, стр. 28.

составлял карлукско-уйгурское наречие [3], на протяжении многих столетий находились в одинаковых социально-экономических и культурно-бытовых условиях. Достаточно сослаться на некоторые высказывания ученых по данному вопросу.

Согласно классификации Н. А. Баскакова, используемой как советскими, так и зарубежными учеными, карлукско-хорезмская подгруппа карлукской группы тюркских языков «сложилась последовательно в составе племенных объединений ягма, тиргешей и карлуков (тесно связанных с тукюйскими и уйгурскими племенами), создавших позже Караханидское государство, затем отчасти вошедших в состав огузо-кыпчаков и сельджуков, образовавших Хорезмское государство, и, наконец,— Чагатайское и позже Тимуридское узбекское государство, и представлена ныне языками прямых потомков народов, входивших в эти племенные союзы и государства: 1) новоуйгурским — языком основной массы уйгуров Синьцзяна и 2) узбекским — языком населения большинства районов, входящих в состав Узбекской ССР» [4].

Говоря о диалектной основе узбекского литературного языка, В. В. Решетов отмечает, что ею «является та тюркская языковая общность, основа которой формировалась в караханидский период и которая в модифицированном виде дошла до нас. По линии языковой преемственности она находится в генетическом родстве с уйгурским языком, составляющим вместе с ней одну линию развития. В этом убеждают и лингвистические данные, и новейшие исследования антропологов. В историческом плане эта основа представляет собой карлуко-чигиле-уйгурскую языковую общность» [5].

После образования уйгурской и узбекской народностей [6], следовательно, и после формирования их обособленных языков они (уйгуры и узбеки) в языковом отношении продолжали пребывать в состоянии относительного единства. Так, по представлению Н. А. Баскакова, чагатайский литературный язык прошел три периода развития: «1) раннечагатайский (язык Саккаки, Хайдара Хорезми, Лутфи, Йусуфа Амири, Сайида Ахмеда Мирза, Гада'и, Йакини, Ата'и и др.) — в XIV и первой половине XV в.; 2) классический чагатайский (староузбекский, или классический узбекский, и староуйгурский, или классический уйгурский) — во второй половине XV и первой половине XVI в. (язык Наво'и, Хусайна Байкара, Хамиди, Мухаммеда Салиха, Шибани, Убайди и пр.). Классический чагатайский язык соответствовал примерно древнерусскому языку — общему предку более позднего русского и украинского литературных языков; 3) позднечагатайский период, давший два разветвления: с одной стороны, староузбекский, относящийся к XVI—XIX вв., например, язык Абу'ль Гази и позднейших авторов, с другой — староуйгурский язык.

Раннечагатайский и классический чагатайский периоды в развитии среднеазиатского литературного языка, таким образом, были общими для узбеков и уйгуров, как сельджукский язык — для более поздних староосманского и староазербайджанского языков. И только позднечагатайский период, с XVII по XIX в., был вполне специфичным, с одной стороны, для узбеков (язык Абу'ль Гази-хана и др.), а с другой — для уйгуров (язык Мухаммеда Имина Хиркити — «Муһәббәтнамә вә меһнәткам», Залили — «Тәзкирә'и чилтән», Навбити — «Ғәзәлләр», Абдурахима Низари — «Рәби'ә Сәъдин», Моллы Шакира — «Зәпәрнамә», Моллы Билала — «Ғәзәт-дәр Мүлки Чин», Мухаммеда Садыка Кашгари — «Тәзкирә'и әзизән», Моллы Мусы Сайрами — «Тарихи әмәнийә»)» [7]. Такая периодизация истории развития уйгурского литературного языка XIV—XIX вв. является наиболее удачной, так как она «правильно отражает процессы преемственного развития уйгурского языка» [8]. Староузбекско-уйгурские языковые связи занимают одно из центральных мест и в исследованиях А. М. Щербака [9], который также присоединяется к единодушному мнению о том, что бли-

---

[3] См.: Решетов В. В. Монографическое изучение диалектов (на материале некоторых тюркских языков). — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. 2. Баку, 1960, стр. 74.

[4] Баскаков Н. А. Тюркские языки, стр. 170, 171.

[5] Решетов В. В. Узбекский язык, стр. 50.

[6] В вопросе о времени образования уйгурской и узбекской народностей мнения ученых расходятся. Так, И. В. Захарова образование уйгурской народности относит к IX—XII вв., а Д. И. Тихонов — к XIV в. По мнению Ш. Шаабдурахманова формирование узбекской народности завершилось в XI—XII вв., а по Н. А. Баскакову оно относится к XV в. (См.: Захарова И. В. Материальная культура уйгуров Советского Союза, стр. 77; Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., стр. 50; Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. Автореф. докт. дис. Ташкент, 1963, стр. 7; Баскаков Н. А. Тюркские языки, стр. 178, 180.

[7] Баскаков Н. А. Некоторые задачи изучения современного уйгурского языка. — В кн.: Исследования по уйгурскому языку. 2. Алма-Ата, 1970, стр. 11.

[8] Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка, стр. 29.

[9] См.: Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 108—110; его же. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961; его же. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1961.

зость уйгурского и узбекского языков объясняется прежде всего этногенетической общностью происхождения их носителей.

До XVIII в., т. е. до интенсивного переселения уйгуров из Кашгарии в пределы Ферганской долины, уйгурский и узбекский языки уже представляли собой два самостоятельных языка, каждый из которых характеризовался собственными специфическими чертами. К особенностям узбекского языка относятся, например, «а) наличие шести гласных фонем вместо восьми-девяти в новоуйгурском; б) наличие в большинстве диалектов лабиализованного a^o вместо *а* в новоуйгурском; в) отсутствие сингармонизма в большинстве городских говоров узбекского языка, тогда как в новоуйгурском языке сингармонизм сохранился; г) конвергенция *л/л'>л'* и другие расхождения» [10]. Новоуйгурскому языку в отличие от узбекского свойственны следующие особенности; а) редукция широких гласных *а, э* в *и* в безударной позиции слова; б) закон обратного влияния узких гласных второго слога на широкие гласные первого слога; в) очень частое выпадение согласных *р*, а также *л, й*; г) наличие твердых и мягких сингармонических вариантов большинства аффиксов вместо лишь мягких или твердых в узбекском языке; д) аффикс исходного падежа *-дин/-тин, -дун/-дун*, т. е. с узкими гласными вместо *-дэн/-тэн* в узбекском языке; е) состав лексики уйгурского языка отличается сравнительно меньшим количеством кипчакских элементов и наличием значительного слоя заимствованных слов из китайского языка и т. д. и т. п.

Территориальная обособленность, своеобразие этнолингвистического окружения, разные социально-экономические, общественно-политические и другие факторы, при которых в течении ряда последующих веков функционируют узбекский и уйгурский языки, все больше усугубляли различия между ними. В настоящее время эти различия уже настолько значительны, что принадлежность того или иного лингвистического факта одному из указанных языков устанавливается без особого труда.

Надо полагать, что почти одновременно с процессом дифференциации, приведшим потом к формированию двух самостоятельных языков — новоуйгурского и узбекского, в некоторых территориально-смежных районах Восточного Туркестана и Ферганской долины шел сложный процесс взаимодействия этих языков. Такое взаимодействие в силу ряда исторических обстоятельств приобретает более интенсивный характер в XVIII и XIX вв.

Уйгурско-узбекское языковое взаимодействие в известной

[10] Баскаков Н. А. Тюркские языки, стр. 181.

мере носит локальный характер, так как в данном случае степень и интенсивность взаимопроникновения языковых элементов определяется районами контактирования носителей. В этой связи важно отметить, что носители уйгурских говоров южных районов Восточного Туркестана почти до наших дней поддерживали более или менее регулярную связь с узбекским населением Ферганской долины, равно как узбеки — переселенцы из Ферганы (*әнҗаллыхла* «андижанцы») — составляли известную часть населения Кашгарии. В XVIII—XIX вв., как об этом сообщают историки, «немалое число жителей Кокандского ханства на большие или меньшие сроки переселялись в пределы Восточного Туркестана. Кокандские выходцы в Восточном Туркестане, как и кашгарцы в Средней Азии, обычно продолжали поддерживать самые тесные связи со своей родиной. В случае неудач в Кашгаре кокандцы возвращались в родные места. Поэтому между Восточным Туркестаном и среднеазиатскими ханствами постоянно происходил обмен значительными группами населения. Он облегчался этнической и языковой близостью, а также принадлежностью к мусульманской религии» [11]. Следовательно, непосредственный контакт уйгуров и узбеков в районах Кашгарии и Ферганы в известной мере поддерживал исторически сложившуюся близость их языков. Что касается илийских, или кульджинских, и семиреченских уйгуров, то они в силу своей территориальной отдаленности от узбеков не могли, естественно, вступить с ними в тесный языковый контакт. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что в настоящее время сходные уйгурско-узбекские языковые элементы в группе говоров южной части Восточного Туркестана обнаруживаются гораздо больше, чем в илийском и семиреченском говорах.

Масштабы взаимодействия диалектов уйгурского и узбекского языков в настоящее время значительно сузились, ограничиваясь в основном Ферганской долиной. Продолжительные непосредственные контакты уйгуров и узбеков привели здесь к увеличению общих моментов в их языках. Поэтому кроме исторически сложившейся языковой близости в отношении уйгурских и узбекских говоров Ферганы нужно отметить еще и вновь приобретенные черты сходства.

По ряду объективных причин процесс взаимодействия уйгурского и узбекского языков в Фергане происходил и происходит в неравных условиях для каждого из них. В этом

[11] Никольская Г. Б. и Матвеев А. М. Присоединение Средней Азии к царской России и сопредельные страны Востока.— В кн.: Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Научные труды ТашГУ им. Ленина. Вып. 343. Ч. I. Ташкент, 1969, стр. 167.

процессе не могло не сказываться, например, численное преимущество местных узбеков, социально-экономическая, общественно-политическая зависимость уйгуров-переселенцев в дореволюционное время, расселение их мелкими группами и т. д. Естественно поэтому, что элементы узбекского языка в уйгурском и, наоборот, уйгурские элементы в узбекском находятся в различных соотношениях: при таком взаимодействии язык уйгуров Ферганской долины испытал на себе гораздо большее влияние со стороны узбекского языка. Вместе с тем несомненным является и то, что узбекские говоры этого обширного района приобрели своеобразие за счет уйгурских языковых элементов. По этому поводу К. К. Юдахин писал: «Кто занимается узбекской диалектологией, тот не может не обратить внимания на очень большую близость между современным уйгурским языком и ташкентско-ферганской группой говоров узбекского языка, а также с узбекскими говорами Казахстана. Эта близость в тюркологии давно уже и прочно установлена» [12].

Уйгурские элементы в узбекских говорах

В тюркологии нет пока специальной монографической работы, в которой в широком плане освещался бы вопрос о путях и характере проникновения новоуйгурских элементов в узбекские диалекты [13]. Очень ценные наблюдения специалистов и их высказывания по поводу формирования отдельных говоров с участием уйгурского языкового элемента разбросаны в самых различных, частью уже библиографически редких изданиях, а также в неопубликованных диссертационных работах. Однако следует подчеркнуть, что нет, пожалуй, ни одной серьезной диалектологической работы, посвященной изучению какого-либо узбекского говора ташкентско-ферганской группы, где бы автор в той или иной степени не затрагивал вопрос об уйгурских элементах в изучаемом им говоре. Все это свидетельствует о том, что уйгурско-узбекские языковые связи всегда находились и находятся в центре внимания ученых-узбековедов, ибо вопрос этот «является весьма существенным при изучении генезиса узбекских говоров городского типа» [14].

Уместно подчеркнуть, что благодаря исследованиям

[12] Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 28.

[13] Отдельные статьи профессоров К. К. Юдахина, А. К. Боровкова, В. В. Решетова, посвященные данной проблеме, получили всеобщее признание тюркологов. Однако как по объему, так и по полноте охвата вопросов они не могут претендовать на цельную монографию.

[14] Решетов В. В. Узбекский язык, стр. 53.

Е. Д. Поливанова [15], К. К. Юдахина [16], А. К. Боровкова [17], В. В. Решетова [18], С. Ибрагимова [19], Ш. Шаабдурахманова [20] и других выявлены так называемые умлаутные, или уйгуризованные, говоры узбекского языка, которые содержат в себе значительное число фонетических и лексико-грамматических явлений, характерных для современного уйгурского языка. Наблюдения и высказывания упомянутых выше ученых по данной проблеме уточнены на конкретных примерах и дополнены новыми данными в последующих диалектологических исследованиях. К их числу прежде всего следует отнести диссертационные работы, защищенные в 60-е годы С. Атамирзаевой [21], С. Туляковым [22], Х. Узаковым [23], И. Фармановым [24], А. Алиевым [25], А. Маматовым [26], Ш. На-

[15] См.: Поливанов Е. Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.

[16] См.: Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 28—30; его же. Некоторые особенности карабулакского говора.— В кн.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927.

[17] См.: Боровков А. К. К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризованных» говоров. — В кн.: «Белек» С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, стр. 29—30; его же. Узбекские говоры Наманганской области.— «Научные труды ТашГУ им. Ленина», вып. 211. Языкознание. 1963, Ташкент, стр. 3—39.

[18] См.: Решетов В. В. О наманганском говоре узбекского языка. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому. М., 1953, стр. 216; его же. Узбекский язык. Ч. I. Ташкент, 1959; его же. Узбек тилининг қорлуқ-чигил-уйғур лаҳжаси. «Узбек тили ва адабиёти», 1960, № 5, стр. 37.

[19] См.: Ибраҳимов С. Узбек тилининг Андижон шеваси. Ташкент, 1967 (в дальнейшем сокращенно — С. Ибраҳимов).

[20] См.: Шаабдурахманов Ш. Узбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. Тошкент, 1962, его же. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. Автореф. докт. дис. Ташкент, 1963.

[21] См.: Атамирзаева С. Звуковой состав наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дис. Л., 1963 (в дальнейшем сокращенно — Атамирзаева).

[22] См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965 (в дальнейшем сокращенно — Туляков); его же. Наманган шеваси лексикасидан материаллар. — В кн.: Узбек шевалари лексикаси. Тошкент, 1966, стр. 440.

[23] См.: Узаков Х. Южноферганские говоры узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966 (в дальнейшем сокращенно — Узаков).

[24] См.: Фарманов И. Ошский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1960 (в дальнейшем сокращенно — Фарманов).

[25] См.: Алиев А. Уйчинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1960 (в дальнейшем сокращенно — Алиев); его же. Наманган диалекти лексикасидан кузатишлар. — В кн.: Узбек шевалари лексикаси. Тошкент, 1966, стр. 377.

[26] См.: Маматов А. Андижанский городской говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1967 (в дальнейшем сокращенно — Маматов).

сировым [27], С. Зуфаровым [28], Х. Шариповым [29], О. Шариповым [30] и др. Ниже приводятся самые основные и характерные лингвистические факты, бытующие в различных узбекских говорах ташкентско-ферганского типа, которые исследователями интерпретированы как новоуйгурские по происхождению.

В области фонетики. 1. Наличие умлаута [31], т. е. закона обратного влияния узких гласных на предыдущий широкий согласный. Данное фонетическое явление в умлаутных говорах узбекского языка реализуется несколько своеобразно: регрессивному влиянию подвергается только заднерядный *а*, причем степень «умлаутности» по говорам неодинакова. Так, в Наманганской области преимущественно *а*>*е* (*э*), реже *а*>*о* [32]: *баши*>*беши* «его голова», *ати*>*ети* «его лошадь», *аруқ*>*оруқ* «худой», *ашуқ*>*ошуқ* «лишний»; в узбекских говорах Ошской области (Южная Киргизия) [33], а также в андижанском говоре [34]— *а*>*э*: *бардим* «я ходил», но *бэрип* «ходивши»; *алдим* «я взял», но *элип* «взявши»; *мал* «скот», но *мэлим* «мой скот»; *қат-* «затвердевать», но *қэтип* «затвердев» и т. д. Как известно, в уйгурском языке в результате действия этого закона качественно изменяется не только *а*, но и *э* по линии *а*>*е*, *о*; *э*>*е*, *ө*: *ати*>*ети* «его лошадь», *ачуқ*>*очуқ* «открытый», *кэлип*>*келип* «приходя», *тэшук*>*төшук* «дыра, отверстие» и т. д.

2. Присущий новоуйгурскому языку закон редукции гласных *а*, *э* и их переход в узкий *ы*∼*и* в широких масштабах осуществляется в наманганском говоре: *болыдыған* «будущий»; *қамыған еди* «не осталось»; *мәсилидән биттәсе еди* «был один из вопросов»; *тазылап берә:ди* «очищает»; *өткизиду* «проводит»; *чегирлиниде* «граничит» [35]. В наманганском говоре отмечена также редукция *а*>*е*, *э*>*е*. Однако такой звуковой переход в словоформах типа *қареси* (<*қара*+*-си*) «его чернота», *нимеси* (<*немә*+*-си*) «что из них», *қазени* (<*қазан*+*-и*) «его котел», *қулеғи* (<*қулақ*+*-и*) «его ухо» и т. д. некоторыми исследователями [36] квалифицируется как разновидность умлаута, что является ошибочным.

3. Появление *э* в первом слоге в манкентском говоре [37] и в некоторых узбекских говорах Южной Киргизии [38]: *кэл-* «приходить», *кэт-* «уходить», *эр* «мужчина», *мэн* «я», *сэн* «ты».

4. Очень частое выпадение звука *р* и наличие множества стяженных форм в наманганском говоре [39] и некоторых других диалектных единицах [40]: *адәмлә* (<*адәмләр*) «люди», *келдилә* (<*келдиләр*) «они пришли», *бизә*∼*бзә* (<*бизләр*) «мы», *силә*∼*слә* (<*сизләр*) «вы», *әғ* (<*у йақ*) «та сторона», *мәшей* (<*мана шу йер*) «вот это место», *Мә:рәм* (<*Мухаррәм*)— имя собств., *Се:дә:мәт* (<*Саид Әхмәд*)— имя собств.

Известно, что в современном уйгурском языке выпадение неустойчивых согласных повлекло за собой не только значительные фонетические изменения, оно оказало существенное влияние и на морфологическую структуру и семантику слов [41]. В данном случае обращает на себя внимание то, что в результате выпадения *р* в уйгурском языке происходят следующие изменения:

а) появляется компенсирующее удлинение гласного, стоящего непосредственно перед *р*: *ма:жан* (<*маржан*) «бусы»; *о:ғақ* (<*орғақ*) «серп»; *ба:* (<*бар*) «есть, имеется»;

---

[27] См.: Насиров Ш. Кокандский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965.

[28] См.: Зуфаров С. Сайрамский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966.

[29] См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1967 (в дальнейшем сокращенно — Шарипов).

[30] См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1962.

[31] О том, что термин «умлаут» не совсем правильно отражает сущность этого закона, справедливо писал А. Т. Кайдаров в своей книге «Развитие современного уйгурского литературного языка». I, стр. 234.

[32] См.: Боровков А. К. К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризованных» говоров, стр. 29; его же. Узбекские говоры..., стр. 5; В. В. Решетов. О наманганском говоре..., стр. 222; его же. Узбекский язык, стр. 69; А. Алиев. Уйчинский говор..., стр. 5; С. Атамирзаева. Указ. работа, стр. 2—4; С. Туляков. Морфологические особенности наманганского говора, стр. 6, 7.

[33] См.: Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 28, 29; Шарипов Х. Указ. работа, стр. 5; Фарманов И. Указ. работа, стр. 6.

[34] См.: Решетов В. В. Узбекский язык, стр. 205.

[35] См.: Решетов В. В. О наманганском говоре..., стр. 220; его же. Узбекский язык, стр. 199—200.

[36] См.: Атамирзаева С. Указ. работа, стр. 2—3; Туляков С. Морфологические особенности..., стр. 6—7.

[37] См.: Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 29.

[38] См.: Шарипов Х. Указ. работа, стр. 11.

[39] См.: Решетов В. В. Узбекский язык, стр. 70; 156; Туляков С. Морфологические особенности..., стр. 7; Алиев А. Уйчинский говор узбекского языка, стр. 9.

[40] См.: Шаабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык..., стр. 18; Ибраҳимов С. Указ. работа, стр. 117; Жураев Б. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари лексикаси. — В кн.: Ўзбек шевалари лексикаси. Тошкент, 1966, стр. 160; Фарманов И. Указ. работа, стр. 10.

[41] См.: Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *р*..., стр. 72—74.

б) удваивается начальный согласный следующего слога [42]: *биллә (<бирлә)* «вместе»; *дәййа (<дәрйа)* «река»; *чилла- (<чирла-)* «вызвать, приглашать»;

в) расширяются узкие гласные *у, ү, и* соответственно в полуширокие *о, ө, е: болыдо (<боладур)* «будет»; *кәчө (<кәчүр)* «извини, прости»; *төмө (<төмүр)* «железо»; *теңе:қа- (<таңирқа-)* «удивляться».

Все эти характерные черты фонетики уйгурского языка в той или иной степени нашли свое отражение в большинстве узбекских говоров Ферганской долины. Приведем примеры из различных узбекских говоров:

а) на долготу гласных: *ба: (<бар)* «есть, имеется»; *ула:ны (<уларниң)* «их»; *йә:ме (<йарми)* «половина»; *қу:т* «шелковичный червь»;

б) на удвоение согласных: *еттимән (<ертә билән)* «ранним утром»; *туннә (<турна)* «журавль»; *оннашти (<орнашти)* «он устроился»; *қанным (<қарним)* «мой желудок»; *буннум (<бурнум)* «мой нос» (И. Фарманов, стр. 10; С. Ибраҳимов, стр. 77; А. Алиев, стр. 11);

в) на расширение по линии *у>о, ү>ө, и>е: болде (<болди)* «был»; *дәпте (<дәпти)* «говорил» (см.: С. Ибраҳимов, стр. 35); *қылотө (<қылып йатыду)* «делает»; *ақып келөттө (<ақып келип йатыду)* «подплывает»; *көддики бир қыс йатыпто (<йатыптур)* «видит, что лежит одна девушка» (В. В. Решетов. О наманганском говоре..., стр. 220).

5. Чередование *е* с *ө* в начале слова: *төмүр* вм. *темир* «железо»; *өтү: ~өтүк* вм. *етик* «сапог»; *өчкү ~өчки* вм. *ечки* «коза»; *беләнчик* вм. *беләнчәк* «люлька, детская колыбель»; *бөдәнә* вм. *бедәнә* «перепел» (С. Туляков, стр. 7; А. Алиев, стр. 6; С. Ибраҳимов, стр. 26; И. Фарманов, стр. 7); ср. уйг. *төмүр, өтүк, өшкә, бөләнчүк, бөдүнә.*

6. Чередование *и* с *у: алтун* вм. *алтин* «золото»; *ха°тун* вм. *хатин* «женщина»; *Бабур* вм. *Бабир* м. имя (В. В. Решетов. О наманганском говоре..., стр. 219; А. Алиев, стр. 7).

7. Чередование *ү* с *ө: өй* вм. *үй* «дом»; *Өйчи* вм. *Үйчи* — название населенного пункта; *мөләт ~ мө:ләт* вм. *мүһләт* «срок»; *һөкүм* вм. *һүкм* «приговор»; *төһмәт ~ тө:мәт* вм. *түһмәт* «клевета» (С. Туляков, стр. 7; А. Алиев, стр. 6; И. Фарманов, стр. 7); ср. уйг. *өй, мөһләт, һөкүм, тө:мәт ~ ~төһмәт.*

8. Расширение по линии *и>е* в абсолютном конце слова: *те:рә* вм. *тери* «шкура, кожа» (С. Ибраҳимов, стр. 50); ср. уйг. *терә* «шкура, кожа», *бөрә* «волк», *түлкә* «лиса», *алтә* «шесть», *йәттә* «семь» и т. д.

[42] См.: Садвакасов Г. Двойные согласные..., стр. 48—53.

9. Употребление в наманганском говоре «лишнего» *и* в корне слова типа *йүри* вм. *йүр* «пошли»; *күти-* вм. *күт-* «ухаживать, проявить заботу» (С. Туляков, стр. 7); ср. уйг. *жүру, күтә-, ори-* «жать, косить».

10. Чередование *т* с *ч: чиш* вм. *тиш* «зуб»; *чүш* вм. *түш* «сон»; *чүш-* вм. *түш-* «спускаться» (В. В. Решетов, Узбекский язык, стр. 69, 241—242; Х. Узаков, стр. 8; А. Алиев, стр. 7; А. Маматов, стр. 12—13); ср. уйг. *чиш, чүш, чүш-.*

11. Чередование *қ* с *х: тохта* вм. *тоқта* «стой»; *тохсан* вм. *тоқсан* «девяносто»; *бахтуқ* вм. *бақтуқ* «мы смотрели»; *қохмайди* вм. *қорқмайди* «не боится»; *қыхтә* вм. *қириқтә* «сорок»; *ахлә-* вм. *ақла-* «белить» (В. В. Решетов. Узбекский язык, стр. 69; Х. Узаков, стр. 12; И. Фарманов, стр. 11); ср. уйг. *тохта, тохсән, бахтуқ, қохмайду, ахла-.*

Кроме вышеприведенных заслуживает внимания еще ряд других диалектных фонетических явлений, которые находят себе объяснение в современном уйгурском языке. К ним, на наш взгляд, следует отнести следующие:

1. Чередование *р* с *й: йомал* вм. *ромал* «платок»; *йопәрә* вм. *ропәрә* «напротив, лицом к лицу»; *чайшәнбә* вм. *чаршәнбә* «среда» (С. Ибраҳимов, стр. 76; А. Алиев, стр. 7); ср. уйг. *бий (<бир)* «один», *кий-~чий- (<кир-)* «заходить».

2. Чередование *р* с *л: улғачи ит* вм. *ургачи ит* «сука»; *бәлқут* вм. *бәркут* «бархат» (А. Алиев, стр. 7); ср. уйг. *қала-* «смотреть», *калават* «кровать».

3. Соответствие *б ~ п* в начале слов: *пүтаг* вм. *бутақ* «ветка, сук»; *пүтүн* вм. *бүтүн* «целый»; *пүткәз-* вм. *биткәз-* «заканчивать» (И. Фарманов, стр. 8, 9); ср. уйг. *путақ, пүтүн, пүткәз-.*

4. Соответствие *с ~ ч* в начале слов: *чәнач* (лит.-орф. *саноч)* «бурдюк»; *чичқон* (лит.-орф. *сичқон)* «мышь»; *чач* (лит.-орф. *соч)* «волос»; *чәчрә-* (лит.-орф. *сачро-)* «разбрызгиваться» (Шарипов, 12), ср. уйг. *чанач, чашқан, чач, чачра-.*

5. Спирантизация *б, п>в* в интервокальном положении: *ләве* вм. *ләби* «его губы»; *сәвзи* вм. *сәбзи* «морковь»; *кевәк* вм. *кепәк* «отруби»; *кевәтә* «форма, фигура» (И. Фарманов, стр. 9).

6. Спирантизация *к>h* в закрытом слоге: *кәһлик* вм. *кәклик* «кеклик, куропатка»; *чәһмән* вм. *чәкмән* (И. Фарманов, стр. 11); ср. *к>к'* в уйгурском языке.

7. Чередование *ч* с *ж* в некоторых аффиксах: *биринҗи* вм. *биринчи* «первый»; *онунҗи* вм. *онинчи* «десятый»; *ортанҗи* вм. *ортанчи* «средний» (Шарипов, 12; Маматов, 20); ср. уйг. *биринчи ~ биринҗи, онунчи ~ онунҗи.*

8. Чередование *х* с *қ* в конце слова: *шақ* вм. *шах* «вет-

ка»; *миқ* вм. *мих* «гвоздь» (И. Фарманов, стр. 12); ср. уйг. *шақ, миқ.*

9. В андижанском городском говоре узбекского языка, так же как и в кашгарском, ферганском говорах уйгурского языка, конечный *к* остается неозвонченным перед притяжательными аффиксами: *бувə:ликидə* вм. *бувəклигидə* «в младенчестве»; *терə:ни бəркидəн* вм. *терəкниң бəргидəн* «из листьев тополя» (А. Маматов, 13).

10. Выпадение *й* в начале слова: *үзи* вм. *йүзи* «его лицо»; *үзə* вм. *йүзə* «поверхностный»; *игири-* вм. *йигири-* «прясть пряжу»; *Үсүп* вм. *Йүсүп* — м. имя (Алиев, 9; Фарманов, 11).

В области морфологии. 1. Аффикс *-ват*, образующий форму настояще-конкретного времени глагола в ташкентско-наманганской группе говоров имеет преемственную связь с аналогичной формой уйгурского языка и этимологически восходит к глаголу *йат-* «лежать». Фонетические его разновидности *-ва°т* (ташкентская форма), *-вəт* (уйчинская форма), *-үт* (наманганская форма) представляют собой дальнейшее звуковое развитие уйгурского форманта *-ват: ба°рва°тмəн* «я иду»; *ба°рва°тсəн* «ты идешь»; *ба°рва°тти* «он идет»; *оқивəтмəн* «я читаю»; *оқивəтсəн* «ты читаешь»; *оқивəтти* «он читает»; *қылүттимəн* «я делаю»; *қылүттисəн* «ты делаешь»; *қылүтти* «он делает» (В. В. Решетов, Узбекский язык, стр. 70—71; А. К. Боровков. К характеристике..., стр. 29—30; Туляков, 7, 19; Алиев, 12; Шарипов, 17 и др.).

2. Наличие в манкентском, сайрамском и некоторых других говорах формы исходного падежа с узким гласным *-дын, -дин* вместо обычного *-дан, -дəн*. Относительно появления *ə* вместо *е (мəн, сəн)* и исходного падежа на *-дын, -дин (базардын, өйдин)* К. К. Юдахин писал: «Эти фонетические явления (форма *ə* и исходный падеж) сближают манкентский диалект с современным уйгурским языком почти в той же мере, как и умлаут других говоров»[43].

3. Наличие в наманганской группе говоров как губных, так и негубных вариантов ряда глагольных, а также именных форм, употребляющихся на правах дублетов. Из них губные варианты характеризуют уйгурский язык [44].

а) личные окончания 3-го лица глагола настоящего будущего, настоящего конкретного, а также прошедшего повествовательного времени: *боладу ~ болади* «будет»; *келүтту ~ ~ келүтти* «идет (сюда)»; *сағутту ~ сағутти* «доит»; *кетипту ~ кетипти* «ушел»; ср. уйг. *болыду, келиватиду, сеғыватыду, кетипту;*

б) аффикс глагола 1-го лица множественного числа прошедшего категорического времени почти регулярно выступает в виде *-дуқ: алдуқ* «взяли мы»; *қалдуқ* «остались мы»; *ишлədуқ* «работали мы»; *келдуқ* «пришли мы»; ср. уйг. *алдуқ, қалдуқ, ишлидуқ, кəлдуқ;*

в) аффиксы принадлежности: *өтүгим ~ өтүгүм* «мой сапог»; *өтүгиң ~ өтүгүң, өтүги ~ өтүгү, өтүгимиз ~ өтүгүмиз; қолум* «моя рука», *қолуң, қолу;*

г) сюда же можно отнести вопросительную частицу *-му*, которая употребляется в наманганском говоре параллельно с литературным вариантом *-ми* (Туляков, 27).

4. Способ образования формы глагола многократного длительного прошедшего времени в уйчинском говоре почти такой же, как и в уйгурском языке (А. Алиев, 12): *атəддим* (лит.-орф. *отар эдим*) «я стрелял»; *атəддиң* (лит.-орф. *отар эдинг*) «ты стрелял»; *атəдди* (лит.-орф. *отар эди*) «он (~ они) стрелял (~ стреляли)»; *атəдду:* (лит.-орф. *отар эдик*) «мы стреляли»; *атəдденə* (лит.-орф. *отар эдингиз*) «вы стреляли»; ср. уйг. *ататтим, ататтиң, ататти, ататтуқ, ататтиңла(р).* В уйгурском языке данная форма прошла следующий путь фонетического развития: *-ар/-əр еди > -арди/-эрди > -адди/ /-эдди > -атти/-этти — барар еди > бararди > баradди > баratти* [45]. Как видно, уйгурская форма уже миновала ту ступень, на которой сейчас находится уйчинское соответствие.

5. Образование будущего предположительного времени глагола в уйчинском говоре такое же, как и в уйгурском (Алиев, 13): *кетəрмүшмəн* «я, оказывается, уйду»; *кетəрмүшсилə* «вы, кажется, уйдете»; ср. уйг. *кетəрмишимəн, кетəрмишсəн* [46].

6. Форма глагола незаконченного прошедшего времени в некоторых говорах Южной Киргизии (Узген—Джалал-Абад), как и в уйгурском языке, образуется по схеме: *баради+ +екəн+*личные аффиксы первой группы; например: *барадикəммəн, барадикəнсəн, барадикəн;* ср. уйг. *баридикəммəн, баридикəнсəн, баридикəн.* В литературном узбекском языке этой форме соответствует *барар екəммиз, барар екəнсиз, барар екəн.*

7. Наличие в наманганском и некоторых других говорах аффикса *-ғу*, образующего имя действия и имеющего свое

[43] Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 29.
[44] См.: Боровков А. К. Узбекские говоры Наманганской области, стр. 6; Алиев А. Уйчинский говор узбекского языка, стр. 7; Шарипов Х. Указ. работа, стр. 13.
[45] См.: Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *р*..., стр. 74.
[46] См.: Насилов В. М. Грамматика уйгурского языка, стр. 94—101.

соответствие в уйгурском языке (Туляков, 7; Узаков, 13; Алиев, 13).

8. Своеобразное значение аффикса словообразования прилагательного *-чән* типа *ешәкчән* «верхом на осле», *атчән* «верхом на коне» (Шарипов, 16) находит себе объяснение также в уйгурском языке.

Некоторые морфологические особенности узбекских говоров Ферганской долины имеют свои соответствия не только в уйгурском, но и в киргизском языке. Причем такие параллельные языковые элементы обнаруживаются главным образом в тех районах, где в тесном соприкосновении проживают носители указанных трех языков. В связи с этим осложняется вопрос о том, к какому из этих языков этимологически восходит то или иное диалектное явление — уйгурскому или киргизскому. К таким явлениям относятся, например, следующие:

1. Наличие частицы *-лә, -йлә, -елә* в узбекских говорах Южной Киргизии (Фарманов, 17; Шарипов, 20) и в андижанском городском говоре (Маматов, 21), употребляющейся вместо литературных *-ақ, -йақ, -дә, -у, -йу*. Эта частица как по форме, так и по семантике соответствует уйгурской *-ла*, а также киргизской *-еле*.

2. Наличие в некоторых говорах, как и в уйгурском и киргизском языках, твердых сингармонических вариантов аффиксов исходного падежа *-ға, -қа*, причастия прошедшего времени *-ған, -қан* (Шарипов, 15, 19).

В области лексики. В исследованиях узбекских диалектологов содержится большое количество новоуйгурских по своему происхождению слов, игравших важную роль в формировании лексического состава того или иного говора и теперь выступающих как один из дифференцирующих признаков данной диалектной единицы. Здесь в качестве примера приводится лишь небольшая часть диалектных слов из различных (наманганского, уйчинского, андижанского, южноферганского и др.) узбекских говоров в сравнении со своими соответствиями из уйгурского языка.

Ача «мать», уйг. *ача* «старшая сестра», вежливое обращение к старшей женщине; *ачқуч* «ключ», уйг. *ачқуч*; *еркә: бала* «мальчик», уйг. *әркәк бала*; *әрпәбәдийан* «укроп», уйг. *а(р)пипедийан ~ апидийан* «анис»; *әсқат-* «быть полезным», уйг. *әсқат-* «пригодиться, быть полезным»; *бат* «быстро», уйг. *пат ~ бат*; *бой* «холостой», уйг. *бой ~ бойдақ*; *бувәқ* «ребенок до одного года», уйг. *бовақ ~ бавақ*; *була* (<*бу*+*-лар*) «эти», *силә* (<*си*+*-ләр*) «вы», *ула* (<*у*+*-лар*) «они», уйг. *була, силә, ула*; *еливалдуқ* «мы взяли (для себя)», уйг. *еливалдуқ*; *епкәл* «принеси», уйг. *епкә*; *епкет* «унеси», уйг. *әкәт*; *зәнәй* «челюсть», уйг. *занақ* «ямочки на щеках»; *йаңғуз* «одиноко, только лишь», уйг. *йаңғуз*; *йуван* «большой», уйг. *йоған*; *җим бол-* «притихнуть», уйг. *җим бол-*; *көтәйәрәвә* «арба (особый вид)», уйг. *көтүгарва* (<*көтәк һарву*) «арба (двухколесная)»; *йөткә-* «перевести», уйг. *йөткә-; йөлә-* «поддержать»; уйг. *йөлә-; икиқәт* «беременная», уйг. *икки ~ ишки қат*; *мәлим* «учитель», уйг. *муәллим ~ малим*; *наргуч* «каталка», уйг. *но(р)ғуч*; *оймақ* «наперсток», уйг. *оймақ*; *пәйпақ* «носки, чулки», уйг. *пайпақ*; *мави* «этот, эта, это», уйг. *маву ~ ма:*; *уда* «сряду, кряду, подряд», уйг. *уда*; *сун-* «протягивать, предлагать», уйг. *сун-*; *үс-* «бодать», уйг. *үс*; *учә* «спина», уйг. *уча* «спина, плечо»; *чиллә-* «приглашать, звать», уйг. *чилла-*; *бөрк* «головной убор», уйг. *бө(р)к*; *ләчәй* «платок», уйг. *лечәк*; *қудрә* «самосейка, падалица», уйг. *ғодур*; *чувич* «годовалая коза», уйг. *чивич*; *мийаң* «медлительный», уйг. *мийаң*; *тамақ* «пища, кушанье», уйг. *тамақ*.

Интересно отметить, что, по свидетельству А. К. Боровкова [47], в уйчинском говоре сохранились названия месяцев мусульманского лунного года, которыми пользовались уйгуры Восточного Туркестана [48]: *сәпәрайи* — 2-й месяц, уйг. *сәпәр ай*; *рәҗәвайи* — 7-й месяц, уйг. *рәҗәп ~ рәҗәв ай*; *барат айи* — 8-й месяц, уйг. *барат ай; һәйит айи* — 10-й месяц, уйг. *һейт ай*; *арайи* — 11-й месяц, уйг. *арай* (<*ара ай*); *қурванайи* — 12-й месяц, уйг. *қурван ай* и т. д.

Как видно из приведенного выше списка, уйгурские лексические элементы в узбекских говорах в основном употребляются в тех же значениях, что и в современном уйгурском языке, а в отношении внешнефонетического облика они претерпели незначительные изменения.

Имеются факты, когда то или иное диалектное слово, вошедшее в данный говор из уйгурского языка, этимологизируется не совсем точно. Так, слово *һонан* — название пищи, бытующее в ошском говоре узбекского языка, И. Фармановым воспринято как китайское слово, заимствованное через уйгурский язык [49]. В действительности же *һонан* представляет собой сложное слово, состоящее из уйгурского *ho(p)* «пар» и иранского *нан* «хлеб», т. е. булочка, приготовленная на пару. Х. Шарипов слово *тоқа* приводит как прилагательное, специфичное для узбекских говоров Южной Кир-

[47] См.: Боровков А. К. Узбекские говоры Наманганской области, стр. 29—39.

[48] См.: Баскаков Н. А. и Насилов В. М. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 239—240.

[49] См.: Фарманов И. Указ. работа, стр. 8.

гизии, и переводит словами «новый, свежий» [50], что является ошибочным. *То(р)қа* в уйгурском и в ряде других тюркских языках — сорт шелковой ткани. Поэтому пословица *Тойға барсаң тойуп ба(р), то(р)қа тонуң* (или *то(р)қа-тога) кийип ба(р)*[51] переводится: «Если на свадьбу идешь, насытившись иди, надевай свой шелковый (а не новый, как это переводит Х. Шарипов) халат».

* * *

В тюркологической литературе довольно часто употребляются термины «умлаутные», или «уйгуризованные», по отношению к тем диалектным единицам узбекского языка, в структуре которых содержится в той или иной степени уйгурский языковый элемент. По-видимому, термин «уйгуризованные» наиболее подходит к говорам, испытавшим на себе сильное уйгурское влияние. Однако он не может быть употреблен для выражения того случая, когда тот или иной узбекский говор ферганского типа образовался в результате скрещивания двух языков — узбекского и уйгурского. Естественно, в данном регионе побежденный уйгурский язык не мог не оставить свои следы в составе победившего узбекского языка. Следовательно, здесь мы имеем дело уже не с заимствованием, а с такими элементами уйгурского языка, которые выступают в качестве субстрата. Впрочем, следует отметить, что относительно генезиса перечисленных выше, а также и многих других явно уйгурских элементов существуют две разные точки зрения. Согласно одной из них, наличие уйгурских элементов в составе узбекских говоров Ферганы — это результат влияния новоуйгурского языка и относится к заимствованию [52]. По мнению других ученых, умлаутные, или уйгуризованные, говоры узбекского языка формировались главным образом в результате скрещивания (гибридизации) этих близкородственных языков [53]. Возражая по данному вопросу Е. Д. Поливанову, объяснившему уйгурские элементы в узбекских говорах обычным влиянием, В. В. Решетов пишет: «Сохранение в течение веков в наманганском говоре некоторых, не свойственных прочим говорам, фонетических признаков свидетельствует не о влиянии „новоуйгурского, т. е. таранчинско-кашгарского языка", а о наличии несомненного уйгурского элемента в составе говора, который в процессе смешения (гибридизации и метисации) оказался устойчивым и продолжает бытовать в языке вплоть до наших дней» [54].

Нам представляется, что эта точка зрения В. В. Решетова совершенно правильно ориентирует нас в вопросах изучения уйгурско-узбекских языковых взаимоотношений, и она подтверждается не только лингвистическими, но и историко-этнографическими данными. При этом важно иметь в виду следующие моменты.

Как уже отмечалось, по сведениям историков, в середине XIX столетия в Ферганской долине проживало примерно 250 тысяч уйгуров [55]. Это число постоянно пополнялось выходцами из Кашгарии и позже, после новых переселенческих волн. В настоящее же время, судя по переписи населения 1970 г., на всей территории Узбекской ССР насчитывается всего 24 тысячи уйгуров. Это значит, что основная часть уйгуров Ферганской долины в результате слияния с узбеками в языковом отношении сохранила лишь отдельные черты и утратила массу других.

В этой связи уместно привести следующие немаловажные факты. Во время экспедиционных выездов в Ферганскую долину нам очень часто приходилось слышать от местных жителей-узбеков, что их предки — это ахуны, т. е. уйгуры из Кашгарии. Они говорят: *«Бизни а°тә-ба°ба°лəримиз əм Қəшқəддə: кегəн а° хулləттəн богəн.* 73-летний Муминджан Алиханов, сын известного поэта Арази [56], сообщает, что значительная часть населения нынешнего Шахри-Хана — это потомки уйгуров, переселившихся из Кашгарии. На это же указывает надпись на надмогильном памятнике Арази в с. Шахри-Хане: «*Алихон Мулла Охун уғли Оразий. 1869 йилда собиқ Марғилон уезди Шарихон волостининг Қашқар махалласида қулол оиласида туғулди. Шаирнинг бобоси Муҳаммадкарим (тахминан 1830—1835 йилда) Қашқар шаҳридан келип қолған уйғурлардан еди...* («Алихан сын Мулла Ахуна Арази. Родился в 1869 году в Кашгар-Махалля бывшей Шахриханской волости Маргиланского

[50] См.: Шарипов Х. Указ. работа, стр. 15.

[51] См.: Уйғур мақал вə тəмсиллири. Жиғип қураштурғучилар: Сəдвақасов Ғ., Кибиров Ш., Вахидов Һ. Алмута, 1960, стр. 82.

[52] См.: Поливанов Е. Д. Указ. работа, стр. 21; см. также Атамирзаева С. Указ. работа, стр. 2; Шарипов Х. Указ. работа, стр. 9 и др.

[53] См.: Боровков А. К. К характеристике..., стр. 29; Решетов В. В. О наманганском говоре..., стр. 218; его же. Узбекский язык, стр. 55; Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора..., стр. 4—7.

[54] Решетов В. В. О наманганском говоре..., стр. 218.

[55] См.: Захарова И. В. Указ. работа, стр. 223.

[56] О нем см.: Сабитов Р. Аразий. — «Коммунизм туги», 1968, 3 марта; 1969, 20 сентября.

уезда в семье гончара. Дед поэта Мухаммедкарим был из уйгуров, приехавших из города Кашгара (примерно в 1830—1835 гг.)...»

Житель селения Маданият Избаскентского района Андижанской области Алихан Таджиев (1906 года рождения, узбек по национальности) рассказал нам, что его предки являются выходцами из Кашгара. По преданию, лет 110—120 тому назад небольшая группа уйгуров-переселенцев устроилась в северной части нынешнего с. Маданият и образовала там Кашгар-Мяля. Потомки этих уйгуров в настоящее время составляют свыше 200 человек, но они как по материальной культуре, так и по языку уже слились с местными узбеками [57].

Процесс слияния уйгуров с узбеками завершился также в селе Бутакара (колхоз им. Ленина Андижанского р-на), жители которого — потомки переселенцев из Кашгара,— начиная примерно с 1938—1940 гг., официально пишутся узбеками [58].

Такого рода сведения не противоречат, а наоборот, перекликаются с историко-лингвистическими наблюдениями тюркологов. Так, например, по трудам Ч. Ч. Валиханова мы знаем, что «в Кокандском ханстве много кашгарских эмигрантов белогорской партии; они живут в деревнях около Андижана, Шахрихана и Карасу в числе 50 000 семейств под названием таглык» [59].

«Основываясь на фактах языка, можно допустить,— писал А. К. Боровков,— что значительным ядром населения Наманган были колонисты — переселенцы из Кашгара. Позднейшей эмиграцией кашгарлыков — уйгур было вызвано образование уйчинского „умлаутного“ говора, ныне „узбекизованного“, превратившегося в говор узбекского языка» [60]. Наблюдения, проведенные над андижанским городским говором узбекского языка, «подтверждают, что в истории формирования говора известную роль играли и уйгуры. Сейчас они проживают в махаллях Маориф, Эскилик, Тахтакупрук, им. Калинина и др., но бóльшая часть из них говорит на узбекском языке и пишется узбеками» [61]. К. К. Юдахин сообщает, что «в составе населения г. Ош имеется зна-

[57] Полевые записи автора, 1970 г.

[58] Подробнее см. Сәдвақасов Ғ. Пәрғанә вадиси уйғурлириниң тили һәққидә бәзи бир мәлуматлар, стр. 66—67.

[59] Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах, т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 369.

[60] Боровков А. К. Узбекские говоры Наманганской области, стр. 28.

[61] Маматов А. Указ. работа, стр. 6.

чительный процент выходцев из Кашгарии, уже давно как в отношении быта, так и языка слившихся с местным узбекским населением» [62]. Следовательно, и ошский говор формировался не без участия уйгурского языка. В этой связи можно упомянуть также сообщение В. А. Парфентьева о том, что в селении Вуадиль, считающимся узбекским, половина населения является потомками выходцев из Кашгарии [63]. И. В. Захарова, изучавшая материальную культуру уйгуров Ферганской долины, пишет: «Наманганский район, наряду с Ошским и Андижанским, является территорией преимущественного переселения выходцев из Кашгарии. По нашим данным, современные уйгурские селения редко насчитывают больше 100 лет, т. е. появились не раньше 1840—1850 гг. Можно полагать, что большинство селений, которые основаны кашгарцами раньше этого времени, теперь считаются уже узбекскими, т. е. потомки более ранних эмигрантов полностью слились с современным узбекским населением Ферганы» [64].

Обращает на себя внимание и то, что в Ферганской долине очень много селений (*қишлақ*), кварталов (*мәһәллә*) и местностей с уйгурскими наименованиями, определенная часть которых повторяет соответствующую номенклатуру в Кашгарии [65]. Так, в одном лишь Московском районе Андижанской области зафиксировано нами около двадцати таких названий (напр., *Артуш, Долан, Жанҗал, Парақ, Қәшқәрқишлақ, Қәшқәрмә:лә* и т. д.). Причем большинство из этих селений и кварталов хотя и носит уйгурские названия *(Қәшқәрқишлақ, Қәшқәрмә:лә* и т. д.), однако их жители в основном являются уже узбекизованными и пишутся также узбеками.

Все это позволяет прийти к заключению о том, что этнолингвистическая основа носителей умлаутных, или уйгуризованных, говоров узбекского языка далеко не однотипна. В образовании этих говоров ведущая роль принадлежит языку уйгуров, которые с течением времени были ассимилированы преобладающим в Фергане узбекским населением. Поэтому уйгурские элементы, сохранившиеся в составе ука-

[62] Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 29.

[63] Парфентьев В. А. Селение Вуадиль. — «Ежегодник Ферганской области». Т. III. 1903.

[64] Захарова И. В. Материальная культура уйгуров..., стр. 287.

[65] В свое время К. К. Юдахин обращал внимание на факт существования в Восточном Туркестане и Южном Казахстане селений с одним и тем же названием, например, *Манкент, Сайрам* и т. д. См.: Юдахин К. К. Уйгурско-узбекские языковые связи, стр. 29.

занных говоров, должны рассматриваться не как обычное заимствование, а как субстратное явление.

Узбекские элементы в языке уйгуров Ферганской долины

По всему видно, что несколько иначе, чем в Семиречье, сложилась языковая ситуация для ферганских уйгуров. Оказавшись среди массы узбекского населения, они в основном слились с местными узбеками. Уйгуры Ферганы и их язык сохранили свою самобытность лишь в селениях и городах, где они представлены относительно компактно. Таковы, например, уйгуры, проживающие в Избаскентском, Андижанском, Ленинском, Московском районах Андижанской области УзССР, в Кара-Суйском, Араванском, Ленинском, Сузакском, Токтогульском районах Ошской области КиргССР, а также в городах Андижане, Ленинске, Шахри-Хане, Оше, Узгене, Джалал-Абаде.

Среди дифференцирующих признаков ферганского говора основным и всеобъемлющим является заимствование из узбекского языка, которое наблюдается не только в лексике, наиболее склонной к изменению, но и в области фонетики и грамматики, относительно устойчивых и малопроницаемых категориях языка.

Определенная часть узбекских элементов говором уже окончательно освоена, и в настоящее время не чувствуется, что она чужеродна; некоторые же из заимствований бытуют параллельно с уйгурскими соответствиями в качестве дублетных форм и переживают как бы переходную стадию. Естественно, что с точки зрения определения состояния изучаемого говора те и другие имеют принципиально важное значение.

В соответствующих разделах фонетики [66], морфологии и лексики мы указывали на те или иные лингвистические факты, представляющие собой заимствование из узбекского языка. Поэтому, чтобы не повторять сказанное, ограничимся здесь перечислением наиболее существенных из них:

В области фонетики. 1. Слабое проявление: а) закона обратного влияния узких гласных на широкие; б) лабиализирующего влияния звуков *в, б, п, м* на *а, ә: савда* вм. лит. *сода* «торговля»; *минарә* вм. лит. *мунарә* «минарет»; *савун* вм. лит. *совун* «мыло»; в) перехода *й>ж: йил* вм. лит. *жил* «год»; г) перехода *в>г: сувақчи* вм. лит. *сугақчи* «штукатур».

[66] См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. I, стр. 10—70.

Вполне возможно, что эти своеобразные фонетические явления уйгурского языка в условиях бытования говора не получили дальнейшего развития и остались на том уровне, на каком они были до переселения уйгуров из Кашгарии в пределы Ферганы. И в этом случае причастность узбекского языка очевидна, поскольку именно узбекское влияние явилось причиной консервации указанных фонетических явлений.

2. Общая тенденция к палатализации и сужению гласных по линии *а>ә, ә>е: дәдә* вм. лит. *дада* «папа»; *тәзәлә-* вм. лит. *тазыла-* «чистить», *бел* вм. лит. *бәл* «поясница».

3. Появление *ә* во втором слоге твердых основ типа *балә* вм. лит. *бала* «ребенок»; *акә* вм. лит. *ака* «старший брат»; *қуләқ* вм. лит. *қулақ* «ухо»; ср.: *бағдә* вм. лит. *бағда* «в саду», *йаргә* вм. *йарға* «возлюбленной».

4. Появление огубленного варианта гласного *а (а°): а°дәм* «человек»; *ба°р* «есть, имеется»; *а°лмә* «яблоко» (лит. *адәм, ба(р), алма*).

5. Соответствие *ө~ү: үй* вм. лит. *өй* «дом»; *күй-* вм. лит. *көй-* «гореть».

6. Чередование *ң* с *й* в аффиксах лица и принадлежности: *келийлә* вм. лит. *келиңла* «пожалуйста, проходите»; *һиммитийлар* вм. лит. *һиммитиңлар* «ваше великодушие».

7. Полная прогрессивная ассимиляция звуков *зн>зз: биззи* вм. лит. *бизни* «нас»; *өзүмиззи* вм. лит. *өзүмизниң* «своих».

8. Не может считаться случайным наличие в изучаемом говоре отдельных слов и словоформ, в которых при наличии соответствующего условия закон редукции гласных *а, ә* не отражается: *соради* вм. лит. *сорыди* «он спросил»; *боләди* вм. лит. *болуду* «будет».

В области морфологии. 1. Наличие аффикса родительного падежа в форме *-ны/-ни, -ну/-нү* (наряду с *-ның/ /-ниң, -нуң/-нүң*).

2. Наличие аффикса исходного падежа в форме *-дан/-дән, -тан/-тән, -нан/-нән* (наряду с *-дин/-тин*).

3. Образование превосходной степени прилагательных и наречий посредством *җүдә, җүдийәм* (*<җүдә һәм*): *җүдә йахши* «очень хороший ~ хорошо»; *җүдийәм татлығ* «чрезвычайно сладкий ~ сладко».

4. Образование штучных числительных посредством аффикса *-тә*.

5. Образование наречий и местоимений посредством аффикса *-дай/-дәй* (наряду с *-дақ/-дәк*): *бүгүнкидәй* «как сегодня»; *мендәй* «подобно мне»; *андай* «этакий»; *шундәй* «такой».

6. Образование настоящего конкретного времени глагола посредством аффиксов *-йат ~ йап/-йәп* (наряду с *-ват*).

7. Весьма активное употребление соединительно-повторного союза *һәм ~ йәм ~ әм* (наряду с *-му*), вошедшего из иранских языков.

8. Наличие вопросительной частицы в форме *-ми* (наряду с *-му, -ма*): *барми, йохми?* «есть или нет?».

9. Частица, присоединяющаяся к основе глаголов 3-го лица настоящего, будущего и прошедшего повествовательного времени, имеет форму *-ды/-ди, -ты/-ти* (наряду с *-ду/-ту*): *барады, келәди, барыпты, келипти.*

В области лексики. Язык уйгуров Ферганской долины испытал на себе большое влияние со стороны узбекского языка и в области лексики. Произведенный нами подсчет показал, что узбекский лексический пласт в словаре изучаемого говора составляет примерно 5% [67]. Большое внешнефонетическое и семантическое сходство слов говора и узбекского языка, а также наличие известного количества общих для них слов, отсутствующих в литературном уйгурском языке, производят на первый взгляд такое впечатление, что в ферганском говоре узбекских лексических элементов гораздо больше. Однако безоговорочное отнесение того или иного слова к узбекским заимствованиям лишь на том основании, что оно наличествует в современном узбекском языке и отсутствует в семиреченском говоре и литературном уйгурском языке, было бы неверным. При более тщательном анализе лексики с привлечением фактов из истории языка и диалектов выясняется, что довольно значительное число слов говора, ныне отсутствующих в литературном языке, бытует в различных уйгурских народных говорах Восточного Туркестана или же бытовало в староуйгурском языке. Таковы, например, *астанә* (лит. *босуға*) «порог»; *әйниқсә* (лит. *хусусән, болупму*) «особенно»; *бәләнт* (лит. *егиз*) «высокий»; *ортәқ* (лит. *йолдаш*) «товарищ»; *катта* (лит. *йоған*) «большой»; *шалғам* (лит. *аш чамғур*) «репа» и др., которые характеризуют не только ферганский говор, но и ряд диалектных единиц восточнотуркестанского уйгурского языка и староуйгурский язык (подробнее см. в разделе «Лексика»). Поэтому при определении объема и характера лексических заимствований из узбекского языка учет названного выше обстоятельства имеет первостепенное значение.

[67] Под узбекским лексическим пластом мы подразумеваем не только собственно узбекские слова, но и фарсизмы и некоторые арабизмы, вошедшие в говор через узбекский язык.

Ниже приводим сокращенный список слов, вошедших в говор из узбекского языка.

Абба межд. «вот тебе и на! ай! ай!»; *ақҗө:рә* «сорго»; *атқулақ* «подорожник»; *ачқы* «ключ» (для отпирания замка); *ашқывақ* «тыква», *ашық-машық* «шарнир» (для дверей, окон); *әбдастә* — узкогорлый кувшин с длинным носиком; *әли* «еще, пока что»; *әмәки* «дядя»; *әттимән* «рано утром»; *әшүлә* «песня»; *бүгән* — один из видов кустарника; *гәҗҗәк* — завитые колечками волосы на висках у женщин; *гүвәләк* — колобки из глины; *гүзә* — маленький базар, центральная, оживленная часть поселка; *ғылдирәк* «колесо»; *дамла* — почтительное обращение к человеку в знак уважения к его знаниям; *җүдә* «очень»; *евир-* «посылать, отправлять»; *жил-~жили-* «двигаться, переходить, переезжать»; *җағ* «скула»; *җамка* «мята родниковая»; *җиззә* «вытопки, выжарки, шкварки»; *җоңушқа* «люцерна»; *җөнә-* «отправляться»; *җүгәр* «кукуруза»; *ишқин* «пучки»; *кәлит* «ключ» (для отпирания замка); *кәрәм* «капуста»; *кәшнуш* «петрушка»; *күлдүргүч* — ямочки на щеках; *қавуз* — детский матрац для колыбели; *қәйлә* «подливка, приправа»; *қейқыр-* «кричать, окрикивать»; *қойтикән* «овечий репейник»; *қумусқа* «муравей»; *ликап* «блюдце»; *мәстәк* «самка птицы»; *минда°в* «горчица» (растение); *нохат* — сорт гороха; *пайтешә* «тесло»; *палахман* «праща»; *парақ* «решето»; *пәрмә* «сверло, бурав»; *репидә* — рукавица, при помощи которой прилепляют лепешки к стенкам тандыра; *секин* «тихо, медленно»; *үстүн* «столб»; *чачиқ* «полотенце»; *чорс* «строптивый, норовистый, пугливый» (о лошади); *чотур* «рябой» (со следами от оспы); *шәмәк* — название травянистого растения; *шәшил-* «торопиться, спешить»; *шип* «потолок»; *шора* «лебеда» и т. д.

* * *

Таким образом, взаимодействие диалектов уйгурского и узбекского языков, происходившее в прошлом в более широких масштабах, в настоящее время продолжается в основном лишь в Ферганской долине. Однако тема взаимовлияния этих языков тем не менее является весьма обширной и актуальной. Для ее разработки необходимы совместные усилия специалистов по этим двум языкам. Тщательное изучение проблемы, безусловно, даст возможность воссоздать историю образования отдельных диалектных единиц как уйгурского, так и особенно узбекского языков и правильно оценить их.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Проведенные исследования по языку уйгуров Ферганской долины позволяют сделать следующие общие выводы.

Ферганский говор — объект нашего исследования — это язык ферганской группы уйгуров Советского Союза, проживающих ныне на территории Андижанской области Узбекской ССР и Ошской области Киргизской ССР. Его носителями в основном являются потомки выходцев из Кашгарии, эмигрировавших в XVIII—XIX вв. Частичная эмиграция уйгуров в пределы Ферганы наблюдалась и позже, в советский период. Главная причина переселения — создавшееся в Восточном Туркестане сложное социально-экономическое и политическое положение, связанное с цинским завоеванием в 1758—1759 гг. и тяжелым гнетом маньчжурско-китайских властей.

Будучи ответвлением уйгуров Кашгарии, ферганские уйгуры в языковом отношении сохранили много элементов, свойственных в основном кашгарскому говору центрального диалекта. Однако в силу объективных экстралингвистических причин ферганский говор языка советских уйгуров в настоящее время развивается в иных условиях и от кашгарского говора уже оторвался. По своему характеру он представляет собой самостоятельную диалектную единицу и противопоставляется всем остальным говорам общенародного уйгурского языка.

Ферганский говор является промежуточным (или смешанным, переходным) между уйгурским и узбекским языками, чему способствовал долгий непосредственный контакт их носителей. На территории Ферганской долины создалась языковая ситуация, при которой нет такой сферы в структуре языка, которая была бы непроницаема. Таким образом, изучаемый говор наряду с общими признаками, позволяющими рассматривать его в качестве самостоятельной единицы, характеризуется вместе с тем и известной пестротой и неоднородностью.

Своеобразная языковая ситуация, сложившаяся в Фергане, дает нам основание полагать, что главной и определяющей тенденцией в развитии ферганского говора является его изоляция от своей общенародной языковой основы, сближение с узбекским языком и постепенный переход к нему. При этом следует иметь в виду следующие объективные факторы, ускоряющие процесс нивелирования имеющихся языковых различий на данной территории:

а) малочисленность носителей говора, расселение мелкими группами на густонаселенной узбеками обширной территории. Сто лет назад одну лишь Ферганскую долину населяло примерно 250—300 тысяч уйгуров, а в настоящее время по даным переписи населения в 1970 г. их насчитывается в Узбекистане всего 24 тысячи;

б) «географические барьеры»; ферганский говор представляет собой лингвистический островок, образовавшийся в результате географического разделения и разобщения одного языкового коллектива;

в) общность материальной и духовной культуры уйгуров и узбеков во всех сферах (общность религии, письменно-литературной традиции и т. д.);

г) отсутствие в Фергане культурно-просветительских учреждений, печатных органов, радио- и телепередач на уйгурском языке. Следовательно, язык уйгуров Ферганской долины почти лишен общественной функции и служит коммуникативным средством преимущественно в семье и быту.

Диалектные материалы, собранные во время экспедиционных выездов 1961, 1962, 1967 и 1970 гг., и проведенные на их основе исследования позволяют определить место ферганского говора в классификационной системе диалектов уйгурского языка. Учитывая его характерные особенности и все то, что является общим с литературным языком, мы рассматриваем его в качестве одного из самостоятельных говоров общенародного уйгурского языка, входящих в состав северо-западного, или центрального, диалекта.

Ферганский говор вместе с семиреченским лег в основу литературного языка советских уйгуров. Но степень участия этих двух говоров в формировании и дальнейшем развитии литературного языка оказалась неодинаковой: в его создании и становлении язык уйгуров Семиречья занимает доминирующее положение, тогда как участие в этом процессе ферганского говора меньше. Здесь не могли не сказаться те условия и перемены, при которых функционировали семире-

ченский и ферганский говоры в послевоенный период. В частности, постепенная изоляция ферганского говора в связи с перемещением культурных очагов советских уйгуров из Узбекистана в Казахстан, бурное развитие в Казахстане уйгурской национальной культуры, просвещения, искусства выдвинули семиреченский говор на передний план и подняли его роль в формировании литературного языка.

Ферганский говор на данном этапе в основных своих фонетических и лексико-грамматических чертах совпадает с литературным уйгурским языком. Вместе с тем многое в нем продолжает оставаться на уровне диалектизмов, а в некоторых отношениях он обнаруживает иную тенденцию развития. Поэтому употребление отдельных слов, грамматических форм и фонетических явлений ограничивается пределами данной диалектной единицы. Понятно, что нет особой необходимости ввести в литературный оборот те из диалектизмов, которые имеют свои эквиваленты в литературном языке. Однако в ферганском говоре, особенно в его словаре, бытуют такие языковые элементы, которые при благоприятных условиях вполне могли бы быть использованы в литературном языке. Следовательно, ферганский говор, как и семиреченский, продолжает оставаться одним из источников обогащения литературного языка советских уйгуров.

Среди узбекских говоров ташкентско-ферганского типа несколько особняком стоят так называемые умлаутные, или «уйгуризованные», говоры. Факты говорят за то, что они образовались в результате слияния языка отдельных групп ферганских уйгуров с языком местных узбеков. Поэтому уйгурские элементы, устойчиво сохраняющиеся сейчас в структуре умлаутных говоров, должны рассматриваться не как результат обычного влияния уйгурского языка на узбекский или заимствования из него, а как субстратное явление.

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ*

Уйгур-Кишлак

Абдурахманов Турсунбай, 27 лет, повар.
Алиева Насибахан, 24 года, колхозница.
Зуфаров Джурахан, 34 года, директор школы.
Исаев Закирджан, 60 лет, сторож.
Касимов Алим-ахун, 43 года, продавец.
Курбанов Алим-ахун, 59 лет, председатель колхоза.
Маматюнусова Надира, 20 лет, продавщица.
Салиев Маматзуннун, 75 лет.
Сулайманкулов Хаджи-ахун, 59 лет, колхозник.
Тохтаев Хамракул, 63 года, колхозник.
Турдиев Мухаммет, 85 лет.
Халбаев Гуламидун, 32 года, учитель.
Халиков Кимсанбай, 30 лет, учитель.
Хамракулов Акрамджан, 23 года, учитель.
Худайбердиев Абдували, 76 лет.
Якубов Алим-ахун, 47 лет, учитель.

Бутакара

Дадабаев Вахабджан, 28 лет, секретарь Андижанского райкома партии.
Маматкасимов Газибай, 73 года, дехканин.
Таиров Малик, 42 года, заведующий отделом пропаганды Андижанского райкома партии.

Долан-Кишлак

Ахмедова Келсинай, 21 год.
Маматов Ибрагим, 66 лет, колхозник.
Розиев Аманбай, 65 лет, колхозник.
Садык-ахунов Акбарали, 60 лет, колхозник.
Сарымсаков Тургун-бова, 75 лет.
Халбаев Камал-ахун, 66 лет, колхозник.
Хатамов Махаматджан, 54 года, тракторист в колхозе.
Юлдашев Номан, 60 лет, колхозник.

* В данный список вошли главным образом фамилии лиц, от которых записаны нами связные тексты.

Шахри-Хан

Алиханов Муминджан, 73 года.
Токамов Гулахун, 41 год, инструктор райкома партии.
Токамова Хасиятхан, 58 лет, секретарь парткома районного отдела Узсельхозтехники.

Кашгар-Мяля

Ерматов Абдулхай, 53 года, продавец.

Акбуйра

Баратов Камбарали, 62 года.
Маматкурбанов Закирджан, 75 лет, кузнец.

Артуш-Кишлак

Наврузов Тойчибай, 69 лет, дехканин.
Розиев Тойчибай, 67 лет, дехканин.
Хасанов Рахманали, 73 года, садовод.
Тохтибаев Раджабали, 73 года, дехканин.
Маматалиев Абдукахар, 68 лет, дехканин.
Худабергенов Абдулладжан, 70 лет, дехканин.
Рахимов Юсупбек, 77 лет, дехканин.

г. Ленинск

Мадаминов Мадал-ахун, 79 лет, бывший учитель.

Актачи

Саидов Бахит-ахун, 60 лет, колхозник.
Юлдашев Султанбай, 58 лет, бухгалтер колхоза.

г. Ош

Ахмедов Имин-ахун, 82 года.
Тохсун-ахунов Талип-ахун, 76 лет, мельник.
Турдиходжиев Азиз-ахун, 80 лет.
Абдусаит-ахунов Ала-ахун, 66 лет.
Абиткариев Абдикадир, 63 года, повар.
Шахавитдинов Хаджибай, 82 года.

Кашгар-Кишлак

Абдурахманов Ботабай, 80 лет, дехканин.
Ахмедов Исакджан, 42 года, учитель.
Иминов Гуламджан, 40 лет, учитель.
Исхаков Каримджан (Карыка), 53 года, служащий.
Исхакова Иззатбуви, 37 лет, директор школы.
Мамат-ахун, 36 лет, повар (в 1955 г. приехал из Кашгара).
Исмаилов Рахимджан, 37 лет, агроном.
Тургунбай-ака, 61 год, колхозник.
Хашимов Арабидин, 35 лет, ветеринарный врач.

Уйгур-Ават

Касим-ахунов Темир-ахун, 60 лет, мясник.
Наматов Нурмат-ахун, 70 лет, дехканин.
Пазил-ахунов Юлдашбай, 76 лет, дехканин.

Чунякя

Ахмедов Абдулла, 73 года, дехканин.

г. Узген

Азнабакиев Насыр, 40 лет, заместитель председателя горсовета.
Баки-ахунов Ахмет-ахун (дахан), 83 года.
Кошкарбай-ака, 60 лет, киоскер.
Тулямбаев Мамут-ахун, 70 лет, сапожник.
Йолвас-ахун, 74 года.

г. Джалал-Абад

Гафуров Сыдык-ахун, 72 года.
Розям-ака, 52 года, директор столовой.
Бахниязов Абдулла, 40 лет, педагог.

Маданият

Турсун-Қари, 30 лет, повар.
Таджиев Алихан, 64 года (по национальности узбек).

Кочкар-Ата

Матниязов Ислам-ахун, 52 года.
Сейит-ахун, 35 лет, повар.
Хамза-ахун, 37 лет, повар.

Токтогул

Аматхан, 52 года, повар.
Имин-ахун (Имақ-ахун), 80 лет.
Маматхан, 54 года, повар.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдуллаев Э. —66
Абдуллин Х. — 88
Абдурахим Низари — 253
Абду'ль Гази — 253
Аганина Л. А.— 9, 10
Алиев А.—257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264
Алихан Таджиев —268
Арази —267
Ата'и —253
Атамирзаева С.—257, 259, 266
Ахунзянов Э. М.—40, 58

Бакинова Г.—66
Баранова Ю. Г.—8
Баратов Ш.—9
Баскаков Н. А.—11, 26, 27, 28, 44, 45, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 80, 85, 87, 91, 106, 145, 185, 196, 197, 220, 251, 252, 253, 254, 265
Бейшеков Н.—66
Белодед И. К.—7
Биишев А.—193
Боровков А. К.—39, 85, 256, 257, 258, 262, 265, 266, 268
Бусаков Дж. (Босақов Ж.[1])—88

Валиханов Ч. Ч.—12, 268
Васильевич Г. М.—28
Вахидов Х. (Ваһидов Һ.)—266
Винников Я. Р.—12
Владимирцов Б. Я.—28

Гада'и —253
Ганиев Ф. А.—94
Гордлевский В. А.—85
Гулямов А. Г.—89, 93, 94
Гулямов Я. Г.—160

Дворняков Н. А.—7
Дешериев Ю. Д.—7
Джамалдинов О.—176
Дмитриев Н. К.—80, 91, 92, 93, 100, 106, 145, 156, 178, 193, 241, 245

Жанузаков Т. (Жанузақов Т.) — 86
Жураев Б.—22, 259

Залили —253
Захарова И. В.—10, 12, 252, 267, 269
Земская Е. Н.—71
Зуфаров С.—258

Ибрагимов С. (Ибраҳимов С.)— 111, 116, 120, 160, 257, 259, 260, 261
Ильминский Н. И.—6
Исенгалиева В. А.—186
Искаков А. И.—85, 86
Исмаилов И.—55
Исхаков Ф. Г.—116, 117, 122, 146, 159, 166, 172, 188
Йакини —253
Йусуф Амири—253

Кабиров М. Н.—8
Кайдаров А. Т.—10, 17, 19, 26, 36, 39, 43, 52, 91, 92, 93, 143, 182, 241, 244, 253, 258
Касимхуджаева О. (Қосимхужаева О.)—81
Катанов Н. Ф.—6
Кенесбаев С. К.—26, 93
Кибиров Ш.—266
Клапрот Ю.—6
Кононов А. Н.—56, 85, 91, 93, 100, 194, 198, 231
Куропаткин А. Н.—12

Лекок А.—6
Лувсандэндев А.—29
Лутфи —253

Малов С. Е.—6, 32, 60, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 77, 89, 116
Маматов А.—257, 261, 262, 264, 268
Матвеев А. М.—255
Мелиев К.—223
Миллер Б. В.—85
Молла Билал —253
Молла Муса Сайрами —253
Моллаудов С.—77
Молла Шакир —253
Муминджан Алиханов —267
Мусабаев Г. Г.—21, 22, 85
Мусаев К. М.—135
Мусазаев И.—241
Мухаммади А. (Муһәммәдий А.)— 18
Мухаммад Имин Хиркити —253
Мухаммад Садык Кашгари —253
Мухаммад Салих —253
Мухлисов Ю.—77

Навбити —253
Наво'и —253
Наджип Э. Н.—25, 45, 48, 52, 53, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 109, 212, 233, 243
Насилов В. М.—60, 65, 195, 263, 265
Насиров Ш.—258
Никольская Г. Б.—255
Новгородский В. И.—52
Номинханов Ц. Д.—26

Пальмбах А. А.—166, 188
Пантусов Н. Н.—6
Парфентьев В. А.—269
Поливанов Е. Д.—257, 266
Протченко И. Ф.—7

Радлов В. В.—6
Ракетт Г.—6
Расторгуева В. С.—38
Рахимов Т. Р.—52, 53
Решетов В. В.—24, 38, 116, 252, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 266, 267
Рясенен М.—194

Сабитов Р. —267
Садвакасов Г. (Сәдвақасов Ғ.)— 3, 9, 10, 19, 33, 46, 56, 85, 108, 133, 135, 142, 259, 260, 263, 266, 268, 270
Сайид Ахмед Мирза —253
Саккаки —253
Санжеев Г. Д.—94
Севортян Э. В.—83, 84, 90, 94, 120, 135, 139, 140, 141, 150, 184, 185
Серебренников Б. А.—27, 49, 84
Степанова М. Д.—89
Сыдыков С.—31

Талипов Т.—19
Тенишев Э. Р.—16, 116
Тихонов Д. И.—44, 252
Туляков С.—112, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266
Турдиева К.—231

Убайда —253
Убрятова Е. И.—91
Узаков Х.—257, 261, 264

Хайдар Харизми —253
Хамиди —253
Хамраев М. (Һәмраев М.)—77
Ханазаров К. Х.—41
Хидаятов А. (Һидайәтов Ә.)—8
Хусайн Байкара —253

Фрейман А.—44
Фарманов И.—257, 258, 259, 260, 261, 262, 264, 265

Чехов А. П.—88

Шаабдурахманов Ш. Ш.—252, 257
Шарипов О.—258
Шарипов Х.—258, 259, 261, 262, 264, 265, 266
Шибани —253
Шоу Р.—6

Щербак А. М.—253

Юдахин К. К.—13, 22, 56, 62, 63, 66, 77, 251, 256, 257, 258, 259, 262, 268, 269
Юдин В. П.—77
Юлдашев А. А.—220
Юнусалиев Б. М.—26, 66

Ярринг Г.—6, 60, 61, 62, 63, 64, 67, 68, 77, 116

[1] Здесь и далее в скобках приводятся графические варианты, встречающиеся в книге.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Баскаков — Н. А. Баскаков и В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Малов, ЛЯ — С. Е. Малов. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.

Малов, УНС — С. Е. Малов. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.

Малов, УЯ — С. Е. Малов. Уйгурский язык. Хамийское наречие. М. — Л., 1954.

МК — Махмуд Қошғарий. Девану луғотит турк. Тошкент, I—1960, II—1961, III—1963, индекс — 1967.

Наджип — Э. Н. Наджип. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

Радлов — В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. VI. Наречие таранчей. СПб., 1886.

Пантусов — Н. Н. Пантусов. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. 2. Казань, 1898.

Уйг. РС — Уйгурско-русский словарь. Под редакцией Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. Алма-Ата, 1961.

УРС — Узбекско-русский словарь. М., 1959.

Юдахин — К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Ярринг — Gunnar Jarring. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lung, 1964.

Ярринг, I, II, III, IV — Gunnar Jarring. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. Lund, I—1946, II—1948, III—1951, IV—1951.

акс. — аксуйский говор уйгурского языка
ар. — арабский язык
вм. — вместо
досл. — дословно
др.-уйг. — древнеуйгурский язык
ир. — иранские языки

каз. — казахский язык
кашг. — кашгарский говор уйгурского языка
кирг. — киргизский язык
кит. — китайский язык
лит. — литературный язык
корл. — корлинский говор уйгурского языка
лоб. — лобнорский диалект уйгурского языка
пог. — поговорка
посл. — пословица
русск. — русский язык
семир. — семиреченский говор уйгурского языка
см. — смотри
ср. — сравни
ст.-уйг. — староуйгурский язык
турф. — турфанский говор уйгурского языка
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
ферг. — ферганский говор уйгурского языка
фольк. — фольклор
хам. — хамийское наречие уйгурского языка
хот. — хотанский диалект уйгурского языка
ярк. — яркентский говор уйгурского языка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Введение 6

Говоры языка советских уйгуров и их изучение 6

Условия образования ферганского говора и особенности его бытования 13

Место ферганского говора в классификационной системе уйгурских диалектов и его отношение к литературному языку . . 16

Лексика

Общие замечания 19

Состав лексики ферганского говора 24

Собственно уйгурский (или общетюркский) лексический пласт 26

Заимствованные слова 35

Слова персидского происхождения 43

Слова арабского происхождения 47

Слова китайского происхождения 52

Русско-советско-интернациональная лексика 54

Отличительные черты лексики ферганского говора 59

Собственно лексические различия 60

Семантические различия 66

Фонетические различия 69

Источники возникновения диалектной лексики 71

1. Собственная словообразовательная система 72

2. Диалектизмы, возникшие в результате заимствования . 74

3. Диалектизмы, отражающие местные особенности . . 75

4. Лексические элементы дореволюционного уйгурского языка 76

Морфология

Состав слова 80

Аффиксы 82

Способы словообразования 91

Части речи 97

Имя существительное 98

Категория числа 100

Категория лица 104

Категория принадлежности 107

Категория падежа 114

Основной падеж 115

Родительный падеж 115

Дательно-направительный падеж 119

Винительный падеж 122

Местный падеж 124

Исходный падеж 126

Схема склонения имен существительных 128

Соответствие падежей 131

Формы субъективной оценки 131

Словообразование имен существительных 133

Образование имен существительных при помощи аффиксов 133

Аффиксы, образующие название лиц 134

От именных основ 134

От глагольных основ 137

Аффиксы, образующие название предметов и отвлеченных понятий 137

От именных основ 137

От глагольных основ 140

Образование сложных существительных 142

Образование парных и парно-повторных существительных 143

Имя прилагательное 144

Степени сравнения имен прилагательных 147

Положительная степень 147

Сравнительная степень 147

Превосходная степень 148

Ослабленная степень 149

Словообразование имен прилагательных 150

Образование имен прилагательных при помощи аффиксов 151

1. Образование прилагательных от именных частей речи 151

2. Образование прилагательных от глаголов 152

Образование сложных прилагательных 155

Имя числительное 156

Количественные числительные 156

Порядковые числительные 160

Собирательные числительные 161

Дробные числительные 161

Разделительные числительные 162

Штучные числительные 162

Числительные приблизительного счета 163

Местоимение 163

Личные местоимения 163

Указательные местоимения 167

Вопросительные местоимения 171

Определительные местоимения 173

Неопределенные местоимения 174

Отрицательные местоимения 175

Возвратное местоимение 175

Наречие 175
Словообразование наречий 176
Семантические группы наречий 180
Степени сравнения наречий 181
Глагол 181
Словообразование глаголов 183
Образование глаголов морфологическим способом . . 184
Образование глаголов синтаксическим способом . . 189
Категория залога 191
Основной залог 191
Понудительный залог 191
Взаимный залог 194
Возвратный залог 195
Страдательный залог 196
О видах глагола 198
Словоизменение глагола 202
Категория лица 202
Категория наклонения 203
Изъявительное наклонение 203
Настоящее время 203
1. Настоящее конкретное время 203
2. Настоящее будущее время 206
Прошедшее время 207
1. Прошедшее категорическое время 207
2. Прошедшее перфектное (причастное) время . . 209
3. Прошедшее повествовательное время 210
4. Давнопрошедшее время 211
5. Предпрошедшее время 212
6. Многократное длительное прошедшее время . . 213
7. Прошедшее многократное время 214
Будущее время 215
Будущее предположительное время 215
Повелительное наклонение 217
Условное наклонение 219
Желательное наклонение 221
Причастие 224
Деепричастие 227
Послелоги 231
Служебные имена 236
Союзы 237
Соединительные союзы 237
Противительные союзы 239
Разделительные союзы 239
Союзы, выражающие причинные отношения 240
Союзы, выражающие отношения условия 240
Союзы, выражающие изъяснительные отношения . . 240
Частицы 241
Модальные слова 245
Междометия 246
Подражательные слова 247

Взаимодействие диалектов уйгурского и узбекского языков

Уйгурские элементы в узбекских говорах 256
Узбекские элементы в языке уйгуров Ферганской долины . . 270

Общие выводы 274

Приложение 277

Список информаторов 277
Указатель имен 280
Список сокращений 282